

М. МАЛКИН

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В
США
И ЦАРСКАЯ РОССИЯ**

ОРИЗ
СОЦКНИЗ
1969

Ленинградский Государственный Университет
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

М. М. МАЛКИН

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА в США и ЦАРСКАЯ РОССИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ и с ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАДЕМИКА
Е. В. ТАРЛЕ

О Г И З
Государственное социально-экономическое издательство
Москва — Ленинград
1939

Автор этой книги, используя архивные и печатные источники, дает на основе высказываний классиков марксизма-ленинизма подробную характеристику русско-американских отношений в период гражданской войны в США (1861 — 1865 гг.). Этот вопрос автор излагает на фоне международного положения того времени, хода гражданской войны в США и борьбы европейской демократии против попыток интервенции в США.

Книга рассчитана на преподавателей высшей школы, студентов исторических факультетов и всех интересующихся историческим прошлым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие академика Е. В. Тарле	7
Глава I. Накануне гражданской войны	9
1. Планы сепаратистов и царская дипломатия	9
2. Факторы русско-американских отношений	13
3. Отношения Англии и России к сепаратизму	18
4. Федеральное правительство и европейские державы	25
Глава II. В начале гражданской войны	33
1. Начало гражданской войны; двойственность политики царской России	33
2. «Чего хочет и ожидает президент США от русского императора»	39
3. Вопрос о морском праве и враждебные действия Англии	47
4. Провал плана Шлейдена и внешняя политика Сьюарда	51
5. Пальмерстон и Наполеон III поощряют мятежников	54
6. Цели мексиканской экспедиции	59
7. Официальная позиция русского правительства и подписание морской конвенции	61
Глава III. Угроза английской интервенции в США в конце 1861 г. и Россия	68
1. Дело «Трента»	68
2. Подготовка Англией интервенции в США и позиция европейских держав	71
3. «Русский эпилог» драмы «Трента»	74
4. Английский народ срывает план интервенции	80
5. Борьба К. Маркса против интервенции	83
6. Мирный исход дела «Трента» и его значение	86
7. Вопрос о блокаде и выступление европейского пролетариата за США	89
8. Интервенция Наполеона III в Мексике и позиция Англии	96
9. Оценка роли и позиции России	98
Глава IV. Россия уклоняется от франко-английских планов посредничества	102
1. Роль России в планах Пальмерстона и Наполеона III. Поездка Мерсье в Ричмонд	102
2. Конституционные методы ведения войны	111
3. Политика «нейтралитета» в действии	115
4. Россия и тайные переговоры о посредничестве и признании Конфедерации	122

Глава V Россия против объединенной интервенции	129
1. Прокламация от 22 сентября 1862 г. и рост солидарности в Европе	129
2. Тайная подготовка интервенции и трудности ее организации.	132
3. Открытая подготовка интервенции и борьба народа против нее	137
4. Положение Севера и Юга	142
5. Пальмерстон не может привлечь Россию и передает инициативу Наполеону III	148
6. Ответ русского правительства	154
7. Роль русского ответа в решении английского правительства	162
8. Возможность русского посредничества	168
Глава VI. Перелом в методах ведения гражданской войны и политика примирения	172
1. Влияние внутреннего положения США на русскую политику.	172
2. Преимущества Севера над Югом	176
3. Борьба за спасение США	181
4. Значение и последствия акта эмансипации	190
5. Вопрос о вмешательстве и «нейтралитете»	201
6. Примирительная политика царской дипломатии	210
Глава VII. Легенда и действительность.	224
1. Постановка вопроса о русско-американском союзе	224
2. История легенды	227
3. Польский вопрос в международной политике и позиция США	234
4. История снаряжения тихоокеанской эскадры (под нач. Попова)	240
5. История снаряжения атлантической эскадры (под нач. Лесовского)	250
6. Переломный момент гражданской войны и международного положения США	265
7. Распространение слухов о русско-американском союзе	275
Глава VIII. Русские эскадры в Америке	282
1. Отклики в США и в Европе	282
2. Банкеты и их политический смысл	286
3. От «оваций» к «площадной ругани»	289
4. Официальные круги России о пребывании русских эскадр в США	295
5. Пребывание русских эскадр в американских водах	300
Глава IX. Окончание гражданской войны и царская дипломатия	306
Заключение	317
Библиография	321
Именной указатель	325

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование М. М. Малкина касается некоторых до сих пор очень мало обследованных сторон дипломатической истории гражданской войны, бушевавшей в США в 1861—1865 гг. и неоднократно угрожавшей в эти критические годы разрушением политического единства великой республики. Автор, привлекая ряд как изданных, так и архивных рукописных материалов, поставил в центре своего внимания анализ позиции русской дипломатии в северо-американском вопросе, и следует признать, что к этой своей задаче автор отнесся с большой серьезностью и добросовестностью. Если эта книга будет переведена на английский язык, то американские историки будут благодарны за включение в научный оборот целого ряда неизвестных до сих пор фактов, имеющих немаловажное значение для характеристики общей политической обстановки великой междоусобицы.

Позиция России оказалась в общем определенно благоприятной для законного (вашингтонского) правительства. Диктовалось это отношение прежде всего той ситуацией, которая уже с 1862, а особенно с 1863 г. стала создаваться в Европе. Польский вопрос грозил принять такой оборот, что во всех дипломатических канцеляриях, не говоря уже о мировой прессе, стали определенно поговаривать о воскрешении «крымской комбинации», другими словами о нападении Англии и Франции на Россию. Этой опасности удалось избежать, знаменитые «апрельские ноты» 1863 г. не имели тех грозных последствий, которых можно было опасаться. Но еще долго казались вполне возможными новые осложнения. При этих условиях откровенно-враждебная правительству Авраама Линкольна политика Англии и Наполеона III, естественно, побуждала Александра II и Горчакова демонстративно выражать сочувствие именно северянам.

Автор, увлекшись своей темой, дает в своей книге больше того, что обещает ее название. Это делает живее, полнее, интереснее весь труд, но с другой стороны, конечно, заставляет автора оставлять некоторые из поднятых им вопросов без достаточного анализа. Это нужно сказать особенно о страницах, где речь идет о внутреннем положении Англии и Франции.

Но в том, что составляет главную тему работы автора, в истории дипломатической борьбы США со своими европейскими противниками и их отношений с Россией, автор очень обстоятелен и не скупится на важные и характерные детали.

Прекрасно поступил автор, привлекиши к исследованию не только материалы, исходящие от официальной России, но и такие источники, как русскую прессу того времени. Он, между прочим, внимательно обследовал высказывания Чернышевского, а также очень характерные статьи тогдашних руководящих русских газет как консервативного, так и либерального направления. В результате получилась широкая картина не только правительственных, но и общественных настроений в России, порождавшихся затяжной северо-американской войной.

Эта работа дает попутно общую картину всей междоусобицы, вызванной южными рабовладельцами с целью сохранения рабства в США и, помимо своего специально-научного значения, должна занять видное место в скудной общей литературе по истории США, имеющейся на русском языке.

Акад. Е. В. Тарле.

Глава I

НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Планы сепаратистов и царская дипломатия

Борьба между капиталистической и рабовладельческой системами в США, эта «первая великая война в современной истории»,¹ заняла важнейшее место в международной политике шестидесятых годов XIX в. Еще до гражданской войны в основном определилась позиция официальной дипломатии господствующих классов Европы, «бесстыдное одобрение, идиотское равнодушие и притворное сочувствие» которых в не малой степени способствовали контрреволюционному мятежу рабовладельцев.

Лидеры рабовладельцев считали международную обстановку весьма благоприятной для осуществления своей цели. В докладе особого комитета на конгрессе рабовладельцев в Монтгомери в мае 1858 г. утверждалось, что европейские государства решительно ничего не имеют против существования рабства, и «если бы это рабство существовало само по себе... и если бы предложили европейским державам выгодную сделку, тогда против него не только не восстала бы Европа, она, напротив того, поддерживала бы Юг. Государства состязались бы друг с другом для того, чтобы приобрести наше расположение».² Об отношении Англии к образованию рабовладельческого государства у южных политиков не возникало никаких сомнений: хлопок — это «король», и Англия вполне зависит в этом отношении от южных штатов. «В Ливерпуле и Манчестере рабство находит себе весьма способных и энергичных защитников»,³ — говорили сепаратисты.

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 195.

² Дрэпер, История Северо-американской междоусобной войны стр. 349—350.

³ Там же, стр. 384. Весьма показательна в этом смысле речь сенатора Гаммонда 4 марта 1858 г. «Без единого пушечного выстрела и не обнажая меча, мы можем поставить на колени весь мир, если они посмеют начать с нами войну... Что произойдет, если в течение трех лет не будет поставки хлопка. Я не буду подробно останавливаться на том, что каждый из вас может себе представить, но одно не подлежит сомнению: Англия сделает

К тому же история показывает, что Англия всегда руководствовалась идеями о незыблемости социального неравенства, и поэтому «ее аристократические, господствующие классы не могут смотреть на нас иначе, как с расположением; они должны видеть в нас людей, совершенно соответствующих им самим по своему положению». Сецессионисты, правда, предвидели, что все «нижнее, а отчасти и среднее население» Англии будет против них, составит оппозицию, так как одобряет «северный догмат о равенстве людей», но успокаивали себя тем, что «вся эта часть населения не имеет ни малейшего влияния на деятельность всей нации». ¹ Эта ошибка в «предвидении» принесла им впоследствии не мало огорчений, так как рабочий класс Англии неоднократно срывал интервенционистские планы друзей Юга.

В позиции Англии у сецессионистов не было сомнений еще и потому, что сецессия открывала ей возможность подрвать мощь США, своего опасного и всеусиливающегося конкурента. Буржуазия Англии постарается «поднести своему врагу ту горькую чашу, которую она сама должна была испытать... она не без заботы смотрит на материальное развитие Союза и в особенности на усиление его морских сил...» ²

Так, предатели своей родины, не без некоторого основания, полагали, что, в случае если федеральное правительство объявит блокаду берегов южных штатов, Англия не только снабдит Юг всем необходимым для войны, но и сама нанесет ущерб силам США. «Все ее влияние, точно также как влияние других держав, принесет нам пользу: ей мы будем обязаны тем, что будем признаны независимой нацией», ³ — говорили сецессионисты.

В отношении Франции вся надежда возлагалась только на императора, который «зависит от Англии и, как неограниченный монарх, наверно примкнет к Англии». ⁴

Россия для сецессионистов не имела такого значения, как Англия или даже Франция, но все же и она включалась сецессионистами в «другие державы», господствующие классы которых будут «состязаться», чтобы «только приобрести расположение» Юга. Стоило ли сецессионистам особо говорить о позиции России и убеждать своих колеблющихся сторонников в ее расположении к южанам? Какие могли быть сомнения в том, на чьей стороне окажется царская Россия? Разве она может быть на

все возможное и мобилизует весь цивилизованный мир, чтобы спасти Юг. Нет, вы не посмеете воевать с хлопком! Нет такой власти на земле, которая бы посмела воевать с ним. *Хлопок правит миром*» (См. Фолькнер, «История народного хозяйства САСШ», стр. 279, цит. у Scherer, «Cotton as a World Power», p. 239).

¹ Дрэпер, op. cit., стр. 385.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 386.

стороне демократического Севера? Русско-американские отношения, которые и многими современниками и большинством историков рассматривались как отношения «традиционной дружбы», действительно с конца 30-х годов, в особенности в 50-х годах, во время Крымской войны, приняли дружественный характер.

Но Маркс подчеркивал, что в этот период времени «как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов интересы рабовладельцев служили путеводной звездой». ¹ И именно рабовладельцы, стоявшие у власти, установили дружественные отношения с Россией и имели своих представителей в С.-Петербурге.

Задолго до начала гражданской войны в США, порожденной провокационным выступлением мятежников южных штатов, царское правительство России было информировано о планах сецессионистов и об угрозе единству США.

Еще в 1850 г., во время споров на конгрессе о принятии Калифорнии в Союз на правах штата и о допущении невольничества в новообразованных «территориях», многие южные сенаторы сообщали русскому посланнику в Вашингтоне Бодиско о зародившемся у них плане отделения южных рабовладельческих штатов от северных. Они выражали надежду, что, в случае отделения юга, русский император признает новую республику, и даже заранее высказывали предположение, что русский посол будет одно полугодие проживать на севере, а другое на юге. Калифорния также, говорили сецессионисты, рано или поздно станет отдельной республикой. ²

Однако русские дипломаты не верили в возможность разрыва, считая это пустой угрозой экстремистских элементов. Во время гражданской войны в Канзасе, в 1856 г., когда сецессионистское движение резко усилилось, русский посланник в Вашингтоне барон Стебль считал распадение США немислимым ввиду наличия тесных экономических уз, которыми связаны север и юг. «Индустриальные классы, фермеры севера и аграрные классы юга, — писал он в августе 1856 г., — образующие здоровые элементы населения Америки, зависят друг от друга и никогда не допустили бы распада союза». ³ Даже если бы север и юг оказались «настолько глупы», чтобы пожелать разделения, запад никогда не позволил бы этого. Именно в развитии запада

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 238.

² АВП, МИД, канц., 1850 г., дело № 138, Бодиско—Нессельроде 28/VIII (9/IX), № 49, лл. 263—264. По вопросу о рабстве и сецессии Бодиско продолжал информировать министерство иностранных дел и позднее. См. также Golder, «Guide to Materials for American History in Russian Archives», W. 1917, pp. 73—75.

³ АВП, МИД, канц., 1856 г., дело № 241, Стебль — Горчакову 15(27) VIII, № 71, лл. 438—441.

Стекль справедливо видел лучшую гарантию устойчивости федерации.

И на севере и на юге американцы слишком практичны, слишком заняты своими материальными интересами и слишком благоразумны, чтобы порвать федеральную связь — источник их силы и процветания. Стекль убеждал русское правительство, что именно федерации, а не демократии, они обязаны своим процветанием.¹

Представитель русского самодержавия, барон Стекль в своей переписке никогда не забывал дискредитировать демократию. Стеклю казалось вполне естественным мирное сосуществование рабовладельческого юга и капиталистического севера, под главенством первого.

Для обоснования русско-американского сближения стремились найти общие обеим странам черты не только в области международных отношений, но и в социально-политическом строе их. Этой общей чертой было рабство в южных штатах США и крепостничество в России, «Дружба, развивавшаяся между Соединенными Штатами и Россией во время Крымской войны, — пишет историк Робертсон, — была достаточным основанием для убеждения в том, что Россия с ее системой крепостничества имела общие интересы с рабовладельческим югом».²

Далеко не случайно, что именно рабовладельческие политики были связаны с русским посольством, информировали его о своих намерениях и выражали надежду на поддержку императора крепостнической России, что именно рабовладельческим правительством Бьюкенена (1857—1861) был назначен послом в С.-Петербург ярый сторонник сецессии — Пиккенс, который в связи с избранием Линкольна президентом (6 ноября 1860 г.) самовольно оставил свой пост и сразу после возвращения был избран губернатором Южной Каролины. Вступив в должность 17 декабря 1860 г., он немедленно провозгласил сецессию и стал главным зачинщиком и поджигателем гражданской войны. По словам Робертсона, Пиккенс «был весьма популярен в России».³

В то время, как Чернышевский, Добролюбов, Шелгунов и другие русские демократы с любовью взирали на рост демократии и могущество северных штатов Заатлантической республики, крепостники, господствовавшие в николаевской России, никогда не скрывавшие своей классовой ненависти ко всему прогрессивному и демократическому, открыто симпатизировали рабовладельческой олигархии юга.

Следовательно, если позицию России по отношению к США объяснять ее «традиционной дружбой» и классовыми симпа-

¹ АВП, МИД, канц., Стекль—Горчакову 27/X (8/XI), № 90, лл. 500—504.

² Robertson, A Kentuckian at the Court of the Tsars, p. 17.

³ Ibid. Конечно, в придворных кругах. — М. М.

тиями, то скорее всего на нее могли рассчитывать южане. В этом были убеждены и республиканцы, даже сам статс-секретарь США Сьюард. Говоря о деятельности Пиккенса в качестве посла, Сьюард писал вновь назначенному послу в Петербурге Клею, что Пиккенс «должен был неизбежно встретить и приобрести благосклонное расположение делу Юга». Сьюард был уверен, что Юг сразу пошлет своих агентов в Петербург.¹ Однако позицию России во время гражданской войны меньше всего можно объяснить теми симпатиями, которые она могла питать к рабовладельческому югу.²

2. Факторы русско-американских отношений

Главными факторами в русско-американских отношениях до гражданской войны, определившими в дальнейшем позиции России, были, во-первых, отношения обеих держав к Англии и, во-вторых, международная политическая обстановка в целом, осложнившаяся как раз в 1861—1863 годах польским вопросом.

Англия, завоевав гегемонию в мировой политике и торгово-промышленную монополию, ревниво оберегала свои интересы, громя своих соперников в Старом и Новом свете. Сначала, с помощью России и других держав, она разгромила в начале XIX в. Францию, а затем, с помощью Франции, нанесла в Крымской войне (1854—1855) жестокий удар России.

Однако и после Крымской войны Англия сталкивалась с Россией в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Англо-русские противоречия возрастали по мере успехов русской дипломатии. На Ближнем Востоке, как и в Средней и Восточной Азии, англо-русские противоречия являлись источником новых беспокойств, и частые столкновения между Англией и Россией нередко угрожали миру. Это был период подчинения Россией Хивы, подготовки захвата Бухары и Коканда в Средней Азии и приобретения благодаря договорам с Китаем от 1 июня 1858 г. и 2 ноября 1860 г. Амурского края и Приморской области. Но Англия также боролась для усиления своей мировой гегемонии за Китай и Среднюю Азию.

По итальянскому и ближневосточному вопросам после Парижского мира 1856 г. как раз началось русско-французское сближение, вызвавшее в 1857—1859 годах охлаждение в англо-французских отношениях. Однако сближение России

¹ Senate Documents, 1861, Seward to Clay 6/V 1861, № 3, part I, p. 294.

² Даже такой историк, как Робертсон, отмечает, что нельзя объяснять дружественные отношения России к США ее предыдущей позицией (Robertson, op. cit., pp. 15—16).

и Франции, хотя и сопровождалось заверениями в сердечности русско-французских отношений и даже заключением 3 марта 1859 г. франко-русского секретного договора (в связи с подготавливаемой Наполеоном III войной с Австрией),¹ не могло быть продолжительным. В Англии и еще более в России не верили Наполеону III. Когда русский посол в Париже Киселев в октябре 1859 г. представил записку о необходимости заключения формального союза с Францией, Александр II, очень неодобрительно отзываясь о Наполеоне III, сказал: «Доверие мое к политическим видам Людовика Наполеона сильно поколеблено. Его приемы не безупречны. Нужно внимание, чтобы не вдаться в обман». ² Одной из основных причин этого недоверия был польский вопрос.

Восстановленное в конце 1859 г. согласие между Сент-Джемсом и Тюильри, сопровождавшееся отливом «сердечности» последнего к Петербургу, снова сменилось в январе 1860 г. новой волной охлаждения англо-французских отношений. 21 января 1860 г. королева Виктория с негодованием писала министру иностранных дел Джону Росселю: «Мы кругом обмануты; возвращение к английскому союзу, всеобщий мир, уважение договоров, торговое братство — все это одна мечта, чтобы прикрыть перед Европой политику разбоя». ³

В начале марта 1860 г. начались русско-французские переговоры в Париже по ближневосточному вопросу, устное соглашение по которому едва не закончилось подписанием договора.

Поэтому задачей английской дипломатии было разорвать связь между Францией и Россией. «Польские дела дали ей верное средство достижения этой цели». ⁴

Летом 1860 г. в русской Польше началось национально-освободительное революционное движение. Приняв несколько смягченные формы борьбы весной 1862 г., оно переросло 14 января 1863 г. в открытое восстание, которое в марте охватило всю страну. В России знали, что Англия воспользуется этим восстанием для привлечения Франции и других европейских держав к вмешательству в польские дела. Еще на Штутгартском свидании двух императоров 25 сентября 1857 г. Наполеон III заявил Александру II: «Что касается до отношения России и Франции, то я вижу только один вопрос, который может стать щекотливым. Это вопрос польский, если он должен подняться снова и занять собой европейскую дипломатию». И, как бы извиняясь, добавил: «Я имею обязательства, от которых не могу

¹ См. «Красный Архив», 1938, т. 3(88), стр. 215—216. В Англии об этом договоре были хорошо осведомлены. См. там же переписку, стр. 230—234.

² Дневник графа Киселева, 9/X 1859 г. (по Татищеву, стр. 235).

³ The Letters of Queen Victoria, v. III, p. 491.

⁴ «Красный Архив», т. 38, стр. 149.

отречься, и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше». ¹

Александр II не мог не вспомнить этого предупреждения Наполеона III в самом начале польского движения. Свидание русского императора с австрийским императором и прусским принцем-регентом в октябре 1860 г. в Варшаве, заключение англо-французского торгового договора, а затем и конвенции о Мексике 31 октября 1861 г., — таковы были первые симптомы нового охлаждения, а вскоре и обострения франко-русских отношений.

Россия не могла рассчитывать и на поддержку Австрии, несмотря на внешнее сближение с ней во время Варшавского свидания в целях совместной борьбы против революционного движения. Более того, острые противоречия на Ближнем Востоке, недружелюбная позиция в отношении России во время Крымской войны, несмотря на то что царизм помог австрийскому императору в 1849 г. разгромить венгерскую революцию (об этой черной неблагодарности никак не мог забыть Александр II), а также и другие факты говорили, что Австрия окажется во враждебном лагере. Из других держав царская дипломатия могла рассчитывать только на Пруссию.

Нависшая с самого начала польского восстания угроза вмешательства европейских держав приобрела особенно реальные формы в 1863 г., хотя на самом деле ни одно из европейских правительств, обманывая и вводя в заблуждение общественное мнение своими дипломатическими выступлениями, подстрекавшими польских повстанцев, в действительности не намерено было оказывать поддержку польскому восстанию. Критическое положение внутри страны, нарастание революционного движения до и в особенности после манифеста 19 февраля 1861 г. (ст.ст.), национально-революционное движение в Польше и на Кавказе, крайне неблагоприятная международная обстановка (ввиду угрозы европейской войны из-за польского вопроса) — все это заставляло русскую дипломатию придерживаться в мировой политике принципа невмешательства во внутренние дела. Таким образом, царское правительство должно было теперь временно отречься от принципа, который оно само проповедывало и осуществляло со времен первой буржуазной французской революции, если дело касалось разгрома революционного движения или возможности захвата новой территории.

Россия еще не оправилась после Крымской войны и не была готова к европейской войне и потому не только не желала ее, но опасалась, что будет вовлечена в нее преждевременно. Правда, реваншистские идеи были популярны среди некоторых кругов военщины. «Изо дня в день, — писал Маркс 10 сентября 1860 г.

¹ Дневник графа Киселева, 13 и 17/IX 1857 г. (по Татищеву, стр. 226).

в нью-йоркской газете «Daily Tribune», — русская пресса изобилует иллюстрациями и доказательствами необходимости интервенции в Турцию», а «неспособность русского правительства справиться с вопросом об отмене крепостного права, денежное положение и новое обострение польского вопроса повидимому побуждают его стремиться к войне как к последнему средству усыпления нации». ¹

В Европе действительно бряцали оружием, готовясь к новым войнам. «Континентальная Европа, — сообщал там же Маркс, — представляет в настоящий момент весьма странное зрелище»; и Франция при тяжелых финансовых затруднениях, и Австрия, стоящая «на краю банкротства», и Россия, «где говорят о национальном банкротстве как о вероятном событии», вооружались и затрачивали огромные средства на армию. ² Стремясь к войне, Россия в то же время опасалась общеевропейской войны, главным образом войны с Англией.

США, которые уже во время Крымской войны показали свое дружественное отношение к России и враждебное — к Англии (они даже предупредили Россию о готовившемся нападении английского и французского флотов на дальневосточное русское побережье, что дало возможность своевременно принять меры и отбить нападение союзного флота), при данной ситуации приобретали с точки зрения России важное значение в международной политике. Даже не союз с США против Англии, а само существование и развитие Соединенных Штатов было фактором, угрожавшим могуществу Англии. Это великолепно понимали не только русские дипломаты, но и военно-морские круги. Еще в 1859 г. один из наиболее дальновидных и энергичных моряков, капитан 1 ранга А. Попов, выразил, пожалуй, господствующее настроение и получил одобрение генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, заявив, что «при владычестве англичан на морях — политического равновесия не существует» и что США представляют «грозный для Англии противовес». ³ В другом месте он писал, что «в целом свете нет государства, нет союза, которого бы боялась Англия больше штатов». ⁴

В случае войны с Англией можно было бы воспользоваться портами США. В России нашел отклик и проект американцев о постройке между Петербургом и Сан-Франциско через Сибирь и Аляску телеграфной линии.

Следовательно, Россия не могла не быть заинтересованной в сохранении целостности Соединенных Штатов Америки.

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 141.

² Там же, стр. 140—141.

³ МИА, 1859 г., дело № 4, 16(28) IX, л. 1.

⁴ Там же, 1859 г., дело № 302, 4(16) VIII, л. 7.

В то же время в США, как сообщал в декабре 1858 г. нью-йоркский корреспондент «Русского Вестника» Мантиль, «с большим удовольствием смотрят на развитие русской силы в Азии и на расширение пределов империи... Они [США. — М. М.] предчувствуют, что из всех могущественных европейских держав с одной Россией они могут жить в наилучших отношениях». ¹ Мантиль также неоднократно сообщал об экономической борьбе между США и Англией, «последствия которой будут значительнее последствий побед, одерживаемых на поле битвы». ²

В 1860 г. Мантиль писал, что американская печать интересовалась событиями, происходившими в России, и сообщала все, что русские газеты и журналы писали о США. ³ Американцы видели в России силу, направленную против державы, которая не переставала враждебно относиться к США с самого начала их образования и лишь изредка набрасывала лицемерную вуаль миролюбия на свое непримиримо враждебное лицо. Англия стремилась распространить свое господство и на Американском материке, но наталкивалась на противодействие США ввиду тяготения некоторых кругов севера к присоединению Канады и притязаний рабовладельцев юга к захвату центральной Америки. Это противодействие стремлениям Англии базировалось особенно на быстром экономическом росте США. В 1860 г., например, английский экспорт в США составил всего 16 млн. ф. стерл., а американский в Англию — 36 млн. ф. стерл. ⁴

США выступали соперником Англии и на море. Торговый флот США накануне гражданской войны достиг небывалых размеров. В 1861 г. весь тоннаж Великобритании вместе с колониями составлял 5 895 000 т., США — 5 539 000 т., а всех остальных стран мира вместе взятых — 5 800 700 т. Тоннаж судов США, занятых внешней торговлей, составлял 2 642 000 т., (тогда как в 1840 г. он составлял только 764 000), тоннаж соответствующих английских судов в 1861 г. составлял 3 179 600 т., а всех других вместе взятых — 2 178 000 т., — меньше чем в США. ⁵ Следовательно, уже в тот момент для владычицы морей — Англии возникла реальная угроза потерять свое первенство.

Действительно, США становились руководящей торгово-морской державой, располагавшей целой третью всего мирового тоннажа, причем 63% ее торгового флота обслуживали заграницу. Более того, обладая быстроходными клипперами, торговый флот США не только стал угрожать монополии английского

¹ «Русский Вестник», 1859, т. XIX, стр. 202.

² «Современная Летопись», 1859, т. XX, стр. 28.

³ Там же, т. XXVI, стр. 216.

⁴ History of domestic and foreign Commerce, v. II, p. 99.

⁵ Commerce Relations, 1868, p. 78.

флота на Дальнем Востоке, но даже отчасти начал вытеснять последний. С другой стороны, и буржуазия США, особенно в связи с экономическим кризисом и затем депрессией 1857—1861 годов, усматривала все бедствия в английской конкуренции, от которой нужно было защититься высоким тарифом. Сецессионисты выражали мнение широких кругов, когда утверждали, что Англия воспользуется кризисом в США, чтобы разрушить их. Мятежники открыто шли на союз с Англией, предавая родину.

Но сецессионисты не вдавались в реальный анализ позиций царской России и в существо международных противоречий. Они были лишь уверены в том, что в силу классовых симпатий Россия окажется на их стороне, так как до гражданской войны русские государственные деятели нигде публично не высказывали своего отрицательного отношения к сецессии и в то же время подчеркивали свою ненависть к демократии, оказывая поддержку реакции и господству олигархии. А этого именно и добивались рабовладельцы.

«Таким образом, — восклицали сецессионисты, — куда бы мы ни посмотрели — вокруг себя и за границей — все ободряет нас. Оставаться дальше в выжидательном положении значило бы спокойно встретить гражданскую смерть; наше единственное спасение и национальная слава могут заключаться в отпадении».¹ И сецессионисты действовали, используя государственный аппарат и правительство Бьюкенена для переброски оружия, снабжения и денег на юг.

3. Отношения Англии и России к сецессии

После избрания 6 ноября 1860 г. Линкольна президентом события в США развивались со сказочной быстротой. Весь юг представлял собою пороховой погреб, готовый каждую минуту взорваться и разорвать союз. Уже в декабре 1860 г., несмотря на сомнения Стекла, сецессия стала свершившимся фактом. Выходу Южной Каролины из союза предшествовали предварительные соглашения сецессионистов большинства рабовладельческих штатов. Они часто собирались на заседания и митинги. На одном из собраний, состоявшемся 25 октября 1860 г. в доме сенатора Гаммонда из Ю. Каролины, был разработан подробный план сецессии и на рабовладельцев Ю. Каролины возложена была миссия поднять знамя контрреволюционного мятежа. На следующий день после избрания Линкольна, 7 ноября, в Чарльстоне состоялся съезд рабовладельцев Ю. Каролины, Джорджии, Алабамы, Флориды и Миссиссипи, на котором были провозглашены истинные мотивы отделения и приняты постановления

¹ Дрэпер, *op. cit.*, стр. 386.

о сессии, провоцировавшие гражданскую войну. Международное значение и историческая миссия нового государственного образования заключались, по их мнению, в увековечении и распространении рабства, в установлении диктатуры на основе расовой теории, джингоизма и господства избранных. Весь мир, господствующие классы всех европейских государств, полагали мятежники, должны были быть благодарны им и оказывать поддержку. Южные политики мечтали об образовании мировой рабовладельческой империи, для чего стоило лишь захватить бессильную Мексику и центральную Америку, которые, как им казалось, могли быть легко покорены оружием или еще легче золотом, превратить Мексиканский и Караибский заливы во внутреннее море новой империи, подобно «Средиземному морю в римской империи», а затем овладеть Китаем и вообще богатствами Азии, чтобы установить таким образом свое господство и на Тихом океане.

Мятежникам казалось, что весь мир зависит от них, так как именно они держат в своих руках сырье, на котором основано главнейшее производство в Европе. Английский посол в Вашингтоне Лайонс писал в декабре 1860 г.: «Я опасаясь, что нельзя ожидать большой умеренности от населения хлопчатобумажных штатов... Они думают, повидимому, что необходимость приобрести достаточный запас хлопка принудит всю Европу и особенно Англию подчиниться условиям, которые они предложат. Они надеются принудить их [европейские державы. — М. М.] к этому, удержав у себя хлопок, но забывая при этом, что их [южных штатов. — М. М.] собственное благоденствие гораздо более зависит от продажи хлопка, чем благоденствие северных штатов и Европы от покупки его. Высокомерное мнение их о своем значении может причинить весьма серьезные неудобства, если им удастся утвердить свою независимость».¹ Это опасение видного английского дипломата многими разделялось. Этому высокомерию южан придавалось огромное значение. Джон Россель немедленно предал гласности письмо Лайонса.²

Таким образом, политика английского правительства усложнилась. С одной стороны, оно всячески поощряло мятежников, чтобы добиться распада США, а с другой стороны, учитывая притязания южан-хлопководов, оно стремилось ослабить Юг заранее, до признания и утверждения южной конфедерации, поставив его в зависимость от Англии. Без учета этого обстоятельства мы ничего не поймем в английской политике.

¹ Adams, Great Britain and the Americ. Civil War, Lord Lyons to J. Russell 18/XII 1860, v. I, p. 35.

² Ibid. См. также «С.-Петербургские Ведомости» от 6/V 1861 г. и другие газеты.

Для широких общественных кругов Англии и других европейских стран выборы Линкольна и в особенности последствия этого избрания оказались сюрпризом. В этом была повинна английская пресса, приложившая все старания для того, чтобы ввести в заблуждение читателя. До выборов на страницах газет всячески доказывалась невозможность сецессии южных штатов. Признавая конфликт по вопросу о рабстве, пресса убеждала читателей в незыблемости института рабства, а также в том, что будто бы конфликт непосредственно не угрожает союзу. За редким исключением, пресса крайне сдержанно отнеслась к выборам Линкольна. Это событие излагалось в духе письма Лайонса от 12 ноября 1860 г., который, сообщая Росселю о поднятой шумихе вокруг выборов Линкольна, предполагал, что «гроза пройдет без ущерба для союза». ¹ Однако как только состоялось отделение Ю. Каролины, большинство английских газет приветствовало факт сецессии, хотя и предвидело трудности для юга.

Россель в официальной инструкции от 26 декабря 1860 г. рекомендовал Лайонсу и всем консулам не оказывать «предпочтения» какой-либо партии и держаться нейтрально. В случае запроса федерального правительства, он предлагал дать совет «воздержаться от всех насильственных действий, могущих привести к гражданской войне». ² Но это лишь официальная сторона двойной игры, которую все время вела английская дипломатия в целях поощрения и разжигания сецессионистской авантюры, так как в это же время в частном письме к Лайонсу (в январе 1861 г.) Россель писал: «Я не вижу возможности компромисса, способного сблизить снова штаты». ³ Это не могло не означать признания необходимости гражданской войны.

В то время как мятежники вооружались, Сьюард, Адамс и другие республиканцы стремились проводить политику примирения, гарантируя южанам сохранение рабства в тех штатах, где оно до сих пор существовало. Такая политика скорее соответствовала интересам сецессионистов и Англии, чем США, и подвергалась поэтому справедливой критике радикального крыла республиканцев — Сомнера и др. Россель же в данной Лайонсу директиве писал, что он не видит способа примирения партий в США. «Сейчас лучше всего было бы признать право на отделение. Я надеюсь, что здравомыслящие люди примут эту точку зрения». ⁴ Через две недели он вновь подчеркивает, что «разрыв

¹ Parliamentary Papers, Lords, 1862, v. XXV, № 1, 12/XI 1860. Кстати, по мнению Лайонса, Линкольн не был радикалом.

² Ibid., № 6, 23/XII 1860. Тот же взгляд он высказывал и 5/I 1861 г. и 20/II 1861 г. (Ibid., № 7 and 17).

³ Adams, op. cit., J. Russell to Lyons 5/I 1861, v. I, pp. 52—53.

⁴ Ibid.

союза теперь неизбежен». Желанием Англии было, чтобы север «подчинился неизбежному и не бросился бы в бесполезную гражданскую войну, одинаково разрушительную как для Америки, так и для других стран». ¹

Гражданская война в США нанесла бы ущерб английской торговле и подорвала ее хлопчатобумажную промышленность, между тем ослабить север и юг, по мнению английских дипломатов, можно было иным способом. Если бы распад союза на части произошел мирным путем, он сопровождался бы конфликтами и столкновениями. Мятежникам-рабовладельцам нужны были территории, они боролись бы за подчинение себе всех штатов. Ослабляя себя в изнурительной борьбе и призывая на помощь авторитетного арбитра — Англию, Штаты тем самым оказались бы в зависимости от нее. Кроме того, мятежным штатам нужно было время, чтобы укрепиться.

Но Россель и Лайонс меньше всего ожидали мирного исхода сецессии. Зная внутреннюю мощь Севера, способного подчинить Юг силой оружия, они, естественно с точки зрения британских интересов, считали, своим долгом предупредить насильственные действия Севера или по крайней мере их оттянуть. Подобную политику — признание совершившейся сецессии — нельзя рассматривать иначе как политику поощрения южан к мятежу, способствовавшую развитию сецессии (присоединению колеблющихся штатов) и развязыванию гражданской войны.

В С.-Петербурге были хорошо осведомлены о позиции Англии, что не могло не сказаться в дальнейшем на отношениях России к борющимся в гражданской войне силам. Это видно как из дипломатической переписки, так и из сообщений русской прессы различных направлений.

Окутанные тайной действия английской дипломатии были верно угаданы наблюдательным «Нестором русской дипломатии», послом в Лондоне бароном Бруновым. Еще в письме от 13 (1) января 1861 г. он писал, что политическая жизнь двух государств не управляется одинаковыми законами: если бы северо-американская держава была разделена на две части, Англия, разумеется, ничего бы от этого не потеряла. «Вот это объясняет, — писал он, — всю ситуацию». ² Он сообщал, что английские государственные деятели всегда предсказывали возможность разрыва между югом и севером, неизбежного в силу противоположности их интересов. При каждом разногласии, возникавшем между правительствами Лондона и Вашингтона,

¹ Ibid., Russell to Lyons 22/I 1861. Маркс в статье от 7/XI 1861 г. разоблачил лицемерие этой «государственной мудрости» Росселя, показав неизбежность гражданской войны. См. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 244.

² Services rendered by Russia to the American People..., p. 5.

при каждом уязвлении английского самолюбия, Бруннов слышал, что надо выиграть время, не вызывать преждевременно конфликта, а терпеливо дожидаться дня, когда Северо-американская держава распадется на части. Первым чувством Англии, утверждает Бруннов, было полное удовлетворение при виде затруднений, испытываемых соперником. Она желала этого потому, что горделивой Англии пришлось не мало испытать от превосходства Америки. Английское правительство, констатирует далее Бруннов, в глубине души желает распада Америки на две республики, которые ревниво следили бы друг за другом и противопоставляли себя друг другу. Тогда Англия, установив мирные торговые отношения с обеими, не опасалась бы ни одной из них, ибо она господствовала бы над ними, натравливая их друг на друга. На этом расчете построены все тайные, если не открыто выраженные надежды.¹

Еще раньше и еще более резко, чем барон Бруннов, высказывал свое мнение о политике Англии Стекло. В январе 1860 г. он писал, что в случае распада американского союза Англия одна могла бы использовать это событие для усиления своего могущества, прежде наталкивавшегося на силу США. Раздробленная на две или более враждующие части, Америка оказалась бы во власти Англии, стала бы «игрушкой» в ее руках. «Лондонский кабинет, — писал он, — внимательно следит за внутренними разногласиями в Союзе и ждет результатов с трудно скрываемым нетерпением»...² Великобритания в обмен на хлопок признает Юг и, если понадобится, окажет ему военную поддержку. Из-за хлопка она возражала бы против освобождения рабов. Распад Союза был бы несчастьем для всех народов, кроме английского, поскольку борьба между Англией и США «была лучшей гарантией против честолюбивых замыслов и политического эгоизма англосаксонской расы».³ Стекло неоднократно повторял эту мысль в продолжение первых лет гражданской войны. Более того, в январе 1861 г. он сообщал, что это не только его личное мнение. Стекло сам видел конфиденциальное письмо Тувенеля к французскому послу в Вашингтоне Мерсье, в котором подчеркивалось, что только английский кабинет был бы в восторге от распада Союза. Именно потому, что американская федерация является необходимым элементом мирового равновесия, «все державы, за исключением одной, заинтересованы в ее сохранении».⁴

¹ Services rendered by Russia to the Amer. People..., p. 6—7.

² АВП, МИД, канц., 1860 г., дело № 195, Стекло — Горчакову 23/XII 1859 г. (4/I 1860 г.), № 32, лл. 14—16.

³ Там же.

⁴ Там же, 1861 г., дело № 162, Стекло — Горчакову 17(29) I 1861 г., № 5, лл. 43—44 (Тувенель — министр иностранных дел Франции).

В Петербурге должны были уже убедиться, что распадение США нарушит международное равновесие и будет на руку лишь английской буржуазии. Но в то же время царское правительство не могло, конечно, симпатизировать республиканскому северу и законному, тогда «единственному народному правительству в мире»,¹ возглавившему борьбу за целостность Союза и за демократию, против рабства и диктатуры олигархии, за процветание независимой республики, против превращения страны в колонию. Соответственно своим общегосударственным интересам Россия должна была открыто выступить за сохранение США как международного фактора и поддержать республиканцев против мятежников. Но могло ли царское правительство преодолеть для этого свои классовые симпатии? Могло ли оно защиту национальных интересов поставить выше классовых симпатий?

Ответ на эти вопросы дает первое конфиденциальное письмо барона Стекля, в котором он запрашивает инструкции о том, какую позицию занять в случае, если южная конфедерация потребует признания.²

В январе 1861 г. сецессия уже стала свершившимся фактом благодаря присоединению к Южной Каролине других рабовладельческих штатов (Джорджии, Флориды, Миссиссипи, Алабамы, Луизианы и Техаса). Под покровительством правительства Бьюкенена мятежники стали захватывать национальное имущество, вооружаться и готовить разрушительную для Союза гражданскую войну. На начало февраля был назначен конгресс сецессионистов, а эмиссары их разъезжали по штатам с целью агитировать за образование конфедерации.

При создавшихся новых условиях Стекль, не дожидаясь инструкций Горчакова, позволяет себе высказать свое мнение. Он считает, что наиболее совместимым с интересами и достоинством России была бы следующая политика: «Мы признаем южную конфедерацию тотчас, как только она, конституировавшись, урегулирует свое положение по отношению к северной республике, установив с нею постоянные дипломатические отношения».³

Это предложение Стекля могло быть основано только на неверии его в мощь Севера, в его способность силой оружия подчинить Юг и таким образом сохранить целостность Союза. Он был уверен в распаде США, но в отличие от Лайонса сожалел об этом и только надеялся, что федеральное правительство скоро признает сецессию и будет добиваться тесного сотрудничества

¹ См. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 220.

² АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стекль — Горчакову 9(21) I 1861 г., № 2, лл. 28—31.

³ Там же, лл. 29—30.

с Конфедерацией во внешней и торговой политике. Этой точки зрения Стэкль придерживался вплоть до сентября 1863 г.¹

Эти настроения Стекля и многих других деятелей питались политикой умеренных республиканцев (Сьюарда и др.), стремившихся к компромиссам, а также наличием сильной «демократической» партии в северных штатах — сторонников южан. Они питались и неверием в силы демократии, даже более того, желанием краха демократии.² Ошибочная с самого начала информация и установка не могли правильно ориентировать русское правительство и не могли не отразиться на политике его по отношению к США. Стэкль указывал далее, что «не следует все же проявлять излишней поспешности по отношению к сецессионистам, так как сохранение Союза в наших интересах; но, с другой стороны, полезно заводить друзей повсюду и не возбуждать ненужного раздражения по поводу положения дел, которое не связано для нас с каким-либо принципом и которое мы должны признать тотчас, как только оно станет свершившимся фактом. (*fait accompli*)». Предлагаемая им политика соединяла, как ему казалось, два преимущества: «*примирительное отношение к друзьям Союза и нежелание обидеть сецессионистов*». ³ Предложения Стекля, получившие в Петербурге одобрение, четко формулировали двойственную, противоречивую позицию царской России. Этой политики, с небольшими отклонениями в ту или другую сторону, царское правительство и придерживалось в продолжение всего периода гражданской войны и реконструкции юга.

В Петербурге в январе 1861 г., до получения письма Стекля, еще не представляли себе ясно последствий американского кризиса. «Здесь не могли поверить и понять, — писал в январе временно исполняющий обязанности посланника США в Петербурге Апплетон статс-секретарю Блекку (стороннику рабовладельцев), — что нации может угрожать разрушение от ее собственного народа, когда повсюду, как будто, наблюдается процветание. Успех мятежников был бы воспринят, как доказательство неустойчивости народных учреждений (*of popular institutions*)». ⁴ Демократы во главе с Чернышевским, выражавшие волю и чаяния русского народа, действительно опасались успеха мятежников, который привел бы к еще большему притеснению народа в Старом свете и был бы бедствием для человечества.

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, 29/I (10/II) 1863 г., № 5, л. 92.

² Там же, 1862 г., дело № 152, 12(24) II 1862 г., № 10, лл. 83—89.

³ Там же, 1861 г., дело № 162, 9(21) I 1861 г., № 2, лл. 36—38 (подчеркнуто мной. — М. М.).

⁴ Senate Documents (Executive Documents), 1861/62, Appleton to Black 12/I 1861, part I pp. 297—298.

Поэтому они непримиримо и последовательно выступали в защиту США,¹ тогда как царское правительство могло только приветствовать крах демократии США. Блекк прекрасно понимал настроения русских крепостников, а от него не могли не знать об этом и сецессионисты.

4. Федеральное правительство и европейские державы

В тот самый день (4 февраля 1861 г.), когда в Вашингтоне открылась мирная конференция, на которой умеренные республиканцы во главе с Сьюардом, северные «демократы» и представители пограничных штатов пытались прийти к компромиссу с мятежниками, последние собрались на конвент в Монтгомери для формирования конфедерации. Уже 8 февраля в Монтгомери была принята временная конституция, провозглашавшая рабство фундаментом нового аристократического государства, а на следующий день Джефферсон Девис был избран президентом и было сформировано правительство. В газеты проникали сообщения, что эmissары Юга находятся в сношениях с дипломатическими представителями Англии и Франции,² которые и в самом деле содействовали мятежу. Один из самых ярых приверженцев Юга, английский консул в Чарльстоне Банч (Bunch), имел теснейшую связь с сецессионистами и фактически представлял при них неаккредитованного посла. Сецессионисты считали это вполне естественным, будучи уверены в международном значении их «King Cotton». Южные дельцы (commissioners) полагают, как с горечью отмечал даже Банч в письме к Росселю, что даже Англия «вынуждена будет теперь стать на колени (to bend the knee) и признать Юг для того, чтобы получить хлопок».³

Тем не менее, когда американский посол в Лондоне Даллас добивался от имени законного правительства определенного ответа по вопросу о признании Юга, Россель отказался дать обещание не признавать Юга, заявив, что он пока вообще не может по этому вопросу ничего сказать.⁴

Более откровенным оказался Тувенель, который на вопрос посла США в Париже Фолькнера ответил: «Международный закон утверждает право фактического правительства быть признанным, когда какой-либо частный случай подает к тому повод.

¹ См. «Современник», 1861, № 1 (т. 85), № 2 (т. 86), № 3 (т. 87) и др. (Чернышевский, Собр. соч., тт. VIII, IX). См. также «Русское слово», 1861, №№ 2, 3, 4, 6 и др.

² «С.-Петербургские Ведомости» от 7/III 1861 г. Стеклъ сообщал в шифрованной депеше 27/XI (9/XII) 1860 г., № 58 о действиях английских агентов на юге (АВП, 1860 г., дело № 195, лл. 188—189).

³ Parliamentary Papers, 1862, v. XXV, № 37, 21/III 1861.

⁴ Senate Documents, 1861, part I, p. 34.

иностранной державе». ¹ Посланники же США заверяли правительства, у которых они были аккредитованы, что «принуждение никак не будет допущено» и что Север не употребит силы для восстановления союза, а будет искать компромисса. ² Хотя это были заверения людей, которые вскоре были заменены представителями нового федерального правительства, тем не менее они соответствовали политике сенатора Сьюарда, ставшего 5 марта официально статс-секретарем, и миролюбивым заявлениям самого президента. В своем послании от 4 марта 1861 г., при вступлении в Белый дом, Линкольн писал: «Я не имею намерения прямо или косвенно вмешиваться в институт рабства в штатах, где оно существует. Я уверен, что не имею законного права сделать это, и не имею никакой склонности так поступать». ³ Он подтверждал лишь то, что неоднократно говорил в своих речах после своего избрания президентом. Обо всех этих заявлениях в Лондоне, Париже и Вашингтоне, как и о примирительной и нерешительной политике правительства Линкольна, были осведомлены и в Петербурге как из газет, так и из донесений.

Стекль во второй половине марта дал членам вашингтонского кабинета и дипломатическому корпусу обед, по окончании которого, когда гости удалились, он вел беседу наедине с Сьюардом. Сьюард заверил Стекля, что Север не будет силой принуждать отложившиеся штаты вернуться в Союз и оставит их в покое, пока они сами не выразят желания вернуться.

Однако на обеде у лорда Лайонса через несколько дней Сьюард утверждал, что если гражданская война вспыхнет, то вся внешняя торговля с югом будет прекращена. Замечание Лайонса, что «Англия не может обойтись без хлопка и она постарается так или иначе обеспечить торговлю», Сьюард оставил без ответа.

Более того, Сьюард просил устроить в русском посольстве тайное свидание между ним и южным эмиссаром, находившимся в Вашингтоне, для переговоров о соглашении. Стекль, имевший связь с южным эмиссаром и сообщивший об этом Сьюарду, устроил это свидание, но Сьюард в самый последний момент отказался явиться. ⁴

Сообщая об этих фактах Горчакову, Стекль видел в них нетвердость взглядов Сьюарда, колебания в политике правительства. В этом была лишь доля правды.

¹ Senate Documents, 1861, part I, Faulcner to Seward 15/IV 1861, p. 204.

² Ibid. О взглядах Росселя и Тувенеля, также как и американских дипломатов, были хорошо осведомлены в России. См. «С.-Петербургские Ведомости» от 17/V 1861 г.

³ Messages and Papers of the Presidents (ed. Richardson), v. VI, p. 5.

⁴ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, 28/III (9/IV), № 20, лл. 99—102.

Продолжавшиеся в течение марта беседы Сьюарда с дипломатическими представителями европейских держав, в том числе и со Стеклем, не внесли ясности в вопрос об отношении их к сессии. Создавалось такое положение, что не отвергалась возможность даже интервенции со стороны Европы. В то же время политика медлительности, отказа от твердых решений, проводимая Сьюардом, была выгодна лишь для Юга. Так расценивали ее в дипломатическом корпусе, так смотрели на нее и эмиссары сепаратистов. Сам Сьюард понимал, что нельзя больше оттягивать решение. Об этом постоянно напоминали ему левые республиканцы (радикалы) на митингах и в прессе, об этом говорили в конгрессе и даже в самом правительстве, которое отклонило 29 марта предложение Сьюарда не посылать подкрепления в форт Сёмтер. Поэтому Сьюард 1 апреля представил Линкольну записку: «Некоторые соображения для рассмотрения президента», в которой он вынужден был признать, что, несмотря на пребывание уже около месяца у власти, правительством еще не определена ни внутренняя, ни внешняя политика. Он предложил поставить на публичное (*before the public*) обсуждение вопрос о союзе или разъединении (*disunion*), а не вопрос о рабстве. Он настаивал не посылать подкрепления в форт Сёмтер и добиваться соглашения с мятежниками, стремясь во что бы то ни стало сохранить союз. «Я категорически потребовал бы, — писал Сьюард, — немедленных объяснений от Франции и Испании. Я добивался бы объяснений от Великобритании и России и послал бы агентов в Канаду, Мексику и центральную Америку, чтобы усилить на всем континенте общеамериканский дух независимости против европейской интервенции». ¹ Если не будут получены удовлетворительные объяснения от этих держав, то необходимо собрать конгресс и объявить им войну, и в первую очередь Франции и Испании. Дебаты и разговоры должны быть немедленно закончены и приняты определенные решения. Несмотря на колебания, план Сьюарда и на этот раз был отвергнут в кабинете. 8 апреля первые корабли были отправлены из Нью-Йорка в форт Сёмтер, но опоздали. В тот же день (8 апреля) губернатору Южной Каролины Пиккенсу было послано предложение о переговорах, ответом на которое со стороны сепаратистов был захват форта Сёмтер.

Политические планы Сьюарда, изложенные в записке президенту, равно как и медлительность Линкольна были хорошо известны дипломатическому корпусу и не могли не отразиться на политике европейских держав. Всюду считали, до и в особенности после назначения кабинета, руководящим лицом Сьюарда, а не Линкольна. В действительности, планы Сьюарда, хотя и

¹ Adams, *op. cit.*, v. I, p. 118.

оказывали большое влияние на политику медлительности в борьбе с мятежом, не одобрялись кабинетом.

Линкольн в широких кругах был мало известен. Многим политикам казалось «невероятным, чтобы человек с его происхождением и биографией мог быть больше, чем простой декорацией»;¹ это мнение было широко распространено как в США, так и за границей, в особенности в Англии. Стекло отзывался о Линкольне как о человеке честном, имеющем вежливые манеры, добрый нрав и прекрасный характер, но о Линкольне-президенте — не мог сказать ничего хорошего. Он считал его вялым, нерешительным, неопытным, орудием беззастенчивых интриганов и карьеристов, которые посадили его на этот высокий пост именно из-за его недостатков, с тем чтобы иметь возможность его использовать. Хотя немного позднее Стекло смягчил несколько свой отзыв, говоря, что Линкольн по временам управлял политиками довольно искусно, но, в общем, мнения о нем как о президенте не изменил в продолжение всего периода гражданской войны. «Интриганы превратили Белый дом в политический клуб и жить не давали президенту своими советами. Замученный воплями радикалов и требованиями консерваторов, капитан удалился к себе в каюту и оставил государственный корабль на милость ветра и волн».²

Такого же мнения придерживался и Лайонс. «Мистер Линкольн не обнаруживал до сих пор талантов, способных компенсировать его полное незнание всего, кроме провинциальной (willage) иллинойсской политики. Он, кажется, полностью сознает и отдает себе отчет о размерах своего понимания, но не более того».³

Что же касается Сьюарда, то о нем Стекло в свое время отзывался как о способном государственном деятеле, который мог бы быть президентом.

В Европе, как и в дипломатическом корпусе в Вашингтоне, считались главным образом с заявлениями и действиями Сьюарда, причем не только потому, что он был министром иностранных дел. Если не Линкольн, то кто-то должен был определять направление американской политики, и, по всеобщему мнению, им мог быть лишь Сьюард. За границей он был более известен, чем кто бы

¹ Adams, op. cit., v. I, p. 79.

² АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, 28/II (12/III) 1861 г., № 15, лл. 76—79. Там же, 1863 г., дело № 160, лл. 3—5, Стекло — Горчакову 10(22) XII 1862 г., № 91 (в связи с кризисом кабинета). Депеша Стекла Горчакову 13(1) I, 1864 г., № 1, дело № 150, лл. 24—28. Депеша за 1861 г., дело № 162, 6(18) I, № 60, л. 59. См. также «American Historical Review», v. XXVI, p. 457. Более верную оценку Стекло дал Линкольну после убийства последнего, в депеше от 3(15) IV 1865 г., № 27 (АВП, дело № 183, л. 153 и др.).

³ Adams, op. cit., Lyons to Russell 9/IV 1861, v. II, pp. 258—259.

то ни было, за исключением, возможно, Сомнера, весьма популярного в Европе как аболиционист и имевшего личные связи с европейскими демократами, в особенности с английскими левыми либералами Брайтом и Кобденом. Сомнер был председателем комиссии по иностранным делам Сената и имел влияние на внешнюю политику, но он не был членом кабинета, а поэтому решающая роль в политике приписывалась Сьюарду и к голосу его прислушивались все.

Сьюард еще 26 января 1861 г. сообщил бременскому посланнику в Вашингтоне Шлейдену, что *внешняя война* была бы лучшим средством восстановления внутреннего мира, т. е. именно то, что он 1 апреля подробно изложил президенту. Он повторил это еще раз Шлейдену 10 февраля.¹ Интимное сообщение Сьюарда моментально стало известно английскому послу Лайонсу, который уже 4 февраля сообщил об этом Росселю, также как и о заявлении Сьюарда на обеде у него 25 марта. Это заявление Сьюарда было известно и Стеклю и Горчакову. Какую же позицию заняли Англия и Россия?

Сьюард в своей записке президенту от 1 апреля ставил их в один ряд и, вероятно, не без основания, хотя у России позиция была иной, чем у Англии, и Сьюард не мог этого не понимать.

Россель в официальной депеше Лайонсу от 6 апреля вновь рекомендует политику «примирения» (reconciliation).² Но тайно английское правительство поддерживало южан. Последние не ограничились переговорами через дипломатических представителей Англии в США. 16 марта в качестве агентов Конфедерации выехали в Лондон Янси, Рост и Менн, представители самого крайнего крыла сепаратистов и ярые защитники рабства.

8 апреля 1861 г. Даллас, бывший тогда послом США в Лондоне, сообщил Росселю инструкцию Сьюарда от 9 марта, в которой высказывалась уверенность, что, продолжая линию «традиционной дружбы» с США, великобританское правительство будет против признания мятежной конфедерации. Россель вновь отказался дать определенный ответ и повторил, что его правительство «не может на себя брать какое-либо обязательство и ручаться за будущее». ³ 12 апреля, в день начала гражданской войны, Россель писал Лайонсу, что британское правительство «не попытается признать отделение как полное и окончательное». ⁴ Такова была двусмысленная позиция Лондона.

В ответ на инструкцию Сьюарда от 9 марта Апплетон в апреле сообщил из Петербурга, ⁵ что, хотя еще не прибыл и в ближайшее

¹ Annual report of the Amer. Historical Association, 1915, p. 210.

² Parliamentary Papers, 1862, v. XXV, № 24.

³ Senate Documents, 37 congr., 2 sess., 1861/62, part I, p. 81.

⁴ Parliamentary Papers, 1862, v. XXV, № 26.

⁵ Утверждение Томаса (Thomas, Russo-American Relations..., p. 126), что будто бы Клей тогда же 20/IV 1861 г. сообщил Сьюарду о том, что Гор-

время не ожидался агент мятежников, он, однако, имел длительную беседу с князем Горчаковым. Апплетон вручил князю Горчакову копию послания Линкольна от 4 марта и прочитал при этом выдержки из инструкции, с целью ознакомить русское правительство с точкой зрения единственно законного правительства США на мятеж, который Сьюардом в целях особенного воздействия на царское правительство упорно именовался «революцией». Апплетон старался выяснить позиции России по вопросу о признании Конфедерации. Он передал Горчакову заверения Линкольна и Сьюарда, что спокойствие в Союзе скоро будет восстановлено. Апплетон затем выразил надежду, что законное правительство США при этом кризисе получит новое проявление дружественного расположения, которым всегда отмечались русско-американские отношения. Горчаков же ответил, что вопрос о признании южной конфедерации еще не поставлен перед императором и он не думает пока перед ним его ставить.¹

Итак, от самого основного вопроса Горчаков отговорился общей фразой, не дав определенного ответа. Это объясняется тем, что царское правительство еще не могло принять определенного решения: признать или не признать Конфедерацию. В самом деле, еще в начале февраля была получена от Стекля депеша, в которой этот вопрос был поставлен, более того, намечалось разрешение его в духе, далеко не враждебном Югу, и высказывалось даже предположение о возможности признания Конфедерации. Понятно, что Горчаков не мог сказать об этом Апплетону, не став во враждебные позиции к законному федеральному правительству.

Особенно это видно из того, как Горчаков поставил вопрос о прекращении торговли с Югом, т. е. о блокаде южных портов. «Могу заверить вас, — говорил князь, — что его величество не забывает о дружеских отношениях, так долго существовавших между нашими странами», и что он «искренне желает Союзу мира и процветания». США единственный в мире коммерческий противовес Великобритании и потому Россия не сделает

чаков заверял Клея в дружбе России, основано по меньшей мере на недоразумении, хотя Томас и ссылается на источник. Клей приехал в Россию только в июне 1861 г. и писать это письмо он не мог. Из писем же Апплетона более чем рискованно делать подобный вывод. Более того, Томас утверждает, что Горчаков даже, якобы, заявил Клею (которого тогда еще не было в Петербурге), что Соединенные Штаты «могут совершенно свободно, если они этого желают, приводить призы (захваченные суда) в русские порты». Но об этом Клей писал задним числом, в 1867 г., при покупке Аляски, когда умеренные республиканцы старались доказать бесспорность дружбы императора, против чего выступали радикалы-республиканцы (House Documents, 40 congr., 2 sess., № 177, pp. 3—4). Это утверждение не заслуживает доверия, и Томас принял его не критически, так как он легко мог убедиться в том, что Клея в это время не было в Петербурге.

¹ Senate Documents, 1861, part I, № 16, p. 299.

ничего, что могло бы уменьшить его все возрастающую силу и влияние. Однако нужно откровенно сказать, что «торговля между штатами конфедерации и Россией не будет прервана». Высказываясь также против блокады южных портов и даже строгого соблюдения формальностей при прибытии туда кораблей, он заявил, что «такова политика, принятая Англией и Францией, и той же политике следует также наше собственное правительство».¹

Апплетон как будто большего и не ожидал. По его мнению, эта политика трех держав включала в себя «не признание национальности» юга, а «лишь только уступку последнему оказанием помощи в торговле». Он заявил князю Горчакову, что правительство США только желает «предотвратить признание» Юга и «восстановить единство и мир» в США. В этом отношении правительство США, казалось, имело бы право надеяться на дружескую помощь и сотрудничество других государств.

Разумеется, Апплетон остался вполне доволен ответом Горчакова, что «ни одно государство не встретит восстановления Союза с большим удовлетворением, чем Россия».² Он был обнадёжен заверениями Горчакова в том, что политика России не имеет в виду поднимать вопрос о признании Юга. Очевидно, Россия не ожидает, полагал Апплетон, что ее призовут решать этот вопрос, пока такое решение не будет принято Англией и Францией. Апплетона не смущало то обстоятельство, что Россия, как он это сам признавал, следуя в торговой политике примеру Великобритании и Франции, будет оказывать помощь Югу и тем самым затруднит восстановление Союза и будет способствовать развязыванию гражданской войны. Апплетон обошел полным молчанием вопрос о блокаде.

Не только Апплетон, но и сам Сьюард в письме к новому послу в Петербурге 21 мая считал заявления Горчакова по «форме дружественными» и «в основном вполне удовлетворительными».³

Между тем Стекло 14 апреля, когда уже разразилась гражданская война, сообщал о своих переговорах с Лайонсом и французским послом Мерсье. Последний добивался от Лайонса и Стекла заверений, что их правительства признают Юг, как только сочтут это своевременным. Лайонс и Стекло отказались дать такое заверение, не желая заранее брать на себя ответственность и давать обязательства, причем Лайонс аргументировал свой отказ тем, что самый факт предоставления ему права решения

¹ Senate Documents, 37 congr., 2 sess., 1861/62, part I, № 16, p. 299.

Горчаков даже прочел Апплетону выдержки из нескольких депеш Стекла, который указывал, что представители трех держав в Вашингтоне установили полное согласие между собой по этому вопросу.

² Senate Documents, 1861/62, part I, p. 300.

³ Ibid., Seward to Clay 21/V, № 4, p. 301.

этого вопроса создал бы затруднения в его сношениях с федеральным правительством. Но он не отрицал возможности признания Юга. Стекло же считал, что «Россия может вполне позволить себе подождать, пока Англия и Франция будут действовать... Россия тогда сможет также признать Юг, не вызывая неудовольствия Севера». ¹

¹ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стекло — Горчакову 2(14) IV 1861 г., № 23, лл. 110—113.

Г л а в а II

В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(Апрель — ноябрь 1861 г.)

1. Начало гражданской войны; двойственность политики царской России

В Вашингтоне еще продолжались совещания и свидания для достижения компромисса, когда сецессионисты, не сдерживаемые никакой — ни внешней, ни внутренней — силой, решили начать свою захватническую войну. Утром 12 апреля произошла бомбардировка форта Сёмтер, а в тот же день вечером военный министр Конфедерации Уокер (Walker) в публичной речи в Монтгомери заявил: «Знамя конфедерации, которое теперь развевается здесь, будет еще до 1 мая развеваться над куполом старого Капитолия в Вашингтоне, а в скором времени, быть может, и над Фонейл-холлом в Бостоне. Никто не может сказать, — утверждал он, — где кончится *начавшаяся сегодня война*». ¹

Маркс так оценивал это событие: «Прежде всего надо вспомнить, что инициатива войны исходила не от Севера, а от Юга. Север обороняется. В течение месяцев он спокойно смотрел, как сецессионисты присваивали себе форты, военные арсеналы, верфи, таможни, кассы, корабли, запасы оружия Союза, оскорбляли его знамя, брали в плен его войска. Наконец, сецессионисты решили шумным военным выступлением вывести союзное правительство из его пассивной позиции и *только поэтому* предприняли бомбардировку форта Семтер у Чарльстона». ² «Бомбардировка форта Семтер, — писал Маркс далее, — отрезала единственный возможный конституционный выход, а именно созыв всеобщего конвента американского народа, как это было предложено Линкольном в его обращении при вступлении в должность президента (Inaugural Adresse). Для Линкольна оставался выбор: либо

¹ Rhodes, op. cit., v. III, p. 361. См. также Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 235.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 235 (статья от 25/X 1861 г.).

бежать из Вашингтона, очистить Мэриленд и Делавар, отдать Кентукки, Миссури и Виргинию, либо на войну ответить войной». ¹

15 апреля, когда на севере узнали о спровоцированной войне, народ с удовлетворением встретил объявленный Линкольном призыв в армию 75 000 волонтеров. То, что бомбардировка форта Семтер дала сигнал к началу военных действий, было ясно всем, но то, что «...Север обнажил меч только для защиты Союза...», ² не все в Европе хотели понять. Пытались замолчать и то обстоятельство, что мятежники не осмелились бы поднять знамя мятежа, если бы не встретили поощрения иностранных держав.

Еще 9 апреля 1861 г. Лайонс писал Росселю, что южане ничего не предприняли бы без надежды на поддержку Англии. Правда, в меньшей степени, но это относится и к другим европейским державам.

Как только 27 апреля в Лондоне были получены сообщения о начале войны, почти вся руководящая английская пресса сразу высказалась за южан и за право их на сепарацию, обливая при этом Север потоком лжи. Единственным исключением из крупной прессы был «Morning Star» — орган Брайта. Однако даже последний в частном письме к Сомнеру 6 сентября 1861 г. считал войну северян «завоевательной». ³ Орган крайних консерваторов «Quarterly Review» развивал «теорию» о падении демократических институтов и указывал, что действительной причиной сепарации являлся протекционизм, а гражданская война есть тарифная война.

Лайонс, сообщая Росселю, что война, наконец, началась, высказывал серьезные опасения за Юг. Он указывал, что Север намного сильнее Юга, хотя тот и более «пылкий» (eager). Но больше всего он опасался того, что «позорное пятно рабства вызовет у цивилизованного мира отвращение к Югу». Однако «коммерческие сношения с хлопковыми штатами, — продолжал он, — представляют жизненную необходимость для промышленных наций», и это достаточное основание для того, чтобы, несмотря ни на что, признать Юг. ⁴

В ином свете, чем Лайонс, рассматривал гражданскую войну Стебль. Еще в январе 1860 г. барон Стебль сообщал Горчакову, что США находятся «в середине кризиса, результаты которого никто не может предвидеть. Он может спокойно рассеяться (se dissipar), но может иметь и серьезные последствия». «К несчастью, — скорбит он, — здесь в данный момент совершенно»

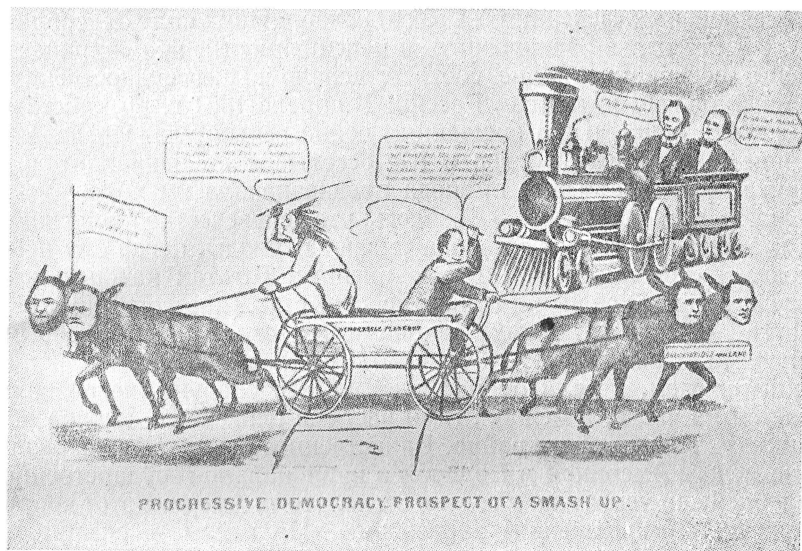
¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 235.

² Там же, стр. 236.

³ Rhodes, op. cit., v. III, p. 509.

⁴ Adams, op. cit., Lyons to Russell 15/IV 1861, № 146, v. I, p. 73.

отсутствует государственный человек (l'homme d'État)». ¹ По его мнению, политические деятели США едва выше посредственности. Исключения составляли лишь Дуглас и Сьюард. Но энергичный и талантливый, по мнению Стекля, демократ и умеренный защитник рабства — сенатор Дуглас на предстоявших президентских выборах имел мало шансов. Администрация, с которой он в ссоре, должна была сделать, по предположению Стекля, все возможное, чтобы провалить его кандидатуру.

Республиканская карикатура на избирательную кампанию 1860 г. Впряженные в колеса шун кандидаты в президенты от «демократической» партии Дуглас (слева) и Брекеридж (справа) выступят друг против друга, в то время как кандидат республиканской партии — Линкольн мчится на экспрессе «Белый Дом».

«Подлинно государственным человеком», по мнению Стекля, был Сьюард, умеренный республиканец, но он был одним «из принципиальных аболиционистов, и, если станет президентом, Юг в массе своей покинет Союз». Этого, как видно, Стекль не хотел. До предстоящих ноябрьских выборов президента, от которых зависит исход кризиса, США «будут продолжать жить в дезорганизации, которая господствует повсюду в данный момент, как в администрации, так и в федеральном конгрессе». ²

¹ АВП, МИД, канц., 1860 г., дело № 195, 23/XII 1859 г. (4/I 1860 г.), № 4, лл. 45—46.

² Там же, л. 46.

После избрания Линкольна Стебль в декабре 1860 г. выразил опасение, что оживившиеся в столице разговоры об отделении, избрание Линкольна и партийные раздоры могут заставить людей потерять головы и побудить их к разрыву союза.¹ Но все же, даже после того как Ю. Каролина 20 декабря провозгласила отделение, Стебль доказывал, что гражданской войны не будет, потому что консервативные элементы американского народа, их здравый смысл, их материальные интересы и другие факторы спасут положение. Вместе с тем, однако, он сожалел о бесконечных «дерганиях» Союза, ослаблявших силу федерации.

Стебля нельзя заподозрить в неискренности, ибо сохранение мощи Федерации вполне соответствовало общегосударственным национальным интересам России. В апреле 1861 г. он констатирует, что вопреки его ожиданиям война вспыхнула. Последнюю он не оправдывал: «Север и Юг бессмысленно ненавидят друг друга, в то время как природа предназначала им жить вместе в любви и процветании». «Казалось, что человечество кровожадно и что в жизни каждого народа бывают периоды, когда ему необходимо кровопускание». В Соединенных Штатах каждый штат представляет собой «отдельное сообщество (*une communauté à part*)... со своими особыми законами, а часто со своими особыми нравами и обычаями». ² Эти штаты были скреплены политическим союзом, и если он нарушен, то все сооружение разваливается на части, а между этими частями неизбежно должна возникнуть гражданская война. Единственное существенное различие между Америкой и Европой в национально-государственной проблеме он усматривал только в том, что «в Америке этот вопрос осложнен негритянским элементом». «Но негры, — спешил он заявить, — не причина войны». Хотя рабство и противоречит «учению религии и человеческой совести», но политическая и экономическая безопасность государства должна быть выше всяких подобных соображений. При этом, думал он, если бы рабство действительно было причиной конфликта, то вопрос можно было бы удовлетворительно разрешить без войны. Конфликт вызван не из-за рабства и не из стремления сохранить Союз, ибо люди, несущие ответственность за этот конфликт, безразличны и к тому и к другому. Эти люди — «демагоги»; они и являются причиной волнений. Они разжигают групповую зависть и партийную ненависть и готовы пожертвовать благосостоянием нации и государства для того только, чтобы осуществить свои эгоистические честолюбивые интересы. Они не желают мира; они не могут жить в мирной атмосфере. Кто же, наконец,

¹ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело №195, 11(23)XII 1860 г., № 60, лл. 5—9.

² Там же, дело № 162, Стебль—Горчакову 15(27) IV, № 27, лл. 128—134.

они? Оказывается, это пуританские проповедники — во-первых, и южные политиканы — во-вторых. Рабство для них лишь удачно подвернувшийся предлог. Главную причину войны Стекль видел в системе правления, породившей подобных демагогов.¹

Эти взгляды Стекля не случайны и не мимолетны. Он развивал их в продолжение всей гражданской войны. «Дело вовсе не в отмене рабства, — писал он в феврале 1862 г. — Исследуя причины, вызвавшие революцию, нельзя не удивляться их ничтожеству».²

По мнению Стекля, весь вопрос спора заключался только в том, чтобы установить, допустимо или недопустимо рабство на почти необитаемой территории Новой Мексики. Ничего не было бы легче, как прийти к соглашению, но любители крайних мер, составляющие большинство конгресса, обязаны были своим положением демагогии, и только посредством демагогии они могли удержать его за собою. Компромисс низверг бы их, поэтому они сделали все, чтобы не допустить его, и война разразилась. В этом он усматривал факт банкротства республиканских учреждений. В республиканской, демократической системе Стекль видел причину войны. Республиканская форма правления, о которой столько говорят европейцы, расшатывается. Она довольно хорошо служила до тех пор, пока у власти стояли «честные и консервативные люди» и пока плотины, воздвигнутые создателями конституции против «безответственной» демократии, были прочны. Но эти преграды колеблются перед «вздымающимися потоками радикализма и всеобщего избирательного права внутри страны, перед недавним наплывом из Европы социалистов и анархистов и прибытием таких людей, как Бакунин и Гарибальди».³

«Если Соединенные Штаты, — пророчествовал Стекль, — не будут бдительны, волны радикализма скоро подымутся так высоко, что затопят плотину [государственности. — М. М.], сметут ее стабилизирующие учреждения и сделают ее добычей анархии». Да и чего, с негодованием вопрошал барон, можно ожидать от страны, где люди «низкого происхождения» поднимаются до высоких постов, где «честные люди» отказываются голосовать, а «бесчестные» отдают свои голоса по указке «бесстыдных политиков».⁴

¹ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стекль — Горчакову 15(27) IV 1861 г., № 27, лл. 128—134.

² Там же, дело № 152, Стекль — Горчакову 12(24) II 1862 г., № 10, лл. 83—89. См. также «Красный Архив», т. 38, стр. 153.

³ Там же, 1862 г., дело № 152, Стекль — Горчакову 12(24) II 1862 г., № 10, лл. 83—89. Кстати, Бакунин и Гарибальди в это время в США не приезжали.

⁴ Там же, 1863 г., дело № 160, Стекль — Горчакову 22/XI (4/XII)

«Вот какова демократия на практике, — писал Стекло, — демократия, которой бредят европейские теоретики». ¹ Стекло казалось, что если бы последние могли видеть воочию демократию, то они прекратили бы свою агитацию и благословляли бы бога за то правительство, какое им дано. «Революционеры и демагоги старого континента всегда находили в американской демократии моральную поддержку и часто материальную помощь. С крушением демократической системы в Соединенных Штатах они теряют ныне одну из главных своих опор. В этом отношении американская революция будет, надо надеяться, спасительным уроком для европейских анархистов и фантазеров». Александр II на это заметил: «Я хотел бы этого, но сомневаюсь, чтобы это было так (*Je l'aurais voulu, mais j'en doute*)». ²

Возможно, Стекло и преувеличивал все это сознательно, чтобы угодить его величеству, но он так переусердствовал, что вызвал сомнение даже у императора.

Однако, несмотря на беспорное желание дворцовых кругов увидеть крушение американской демократии — символа борьбы демократических сил Европы той эпохи, они в то же время видели в США и фактор международного равновесия. «Однако, с другой стороны, — писал Стекло, — дезорганизация Соединенных Штатов как державы, с нашей точки зрения, прискорбное событие. Американская федерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование ее являлось элементом мирового равновесия». ³ Но здесь же, как бы в оправдание своего стремления к сохранению США как международного фактора, он не забывает подчеркнуть: если «что погибло, так это ультра-радикальная система». ⁴ В другом месте Стекло, излагая вопрос об англо-американском антагонизме, писал: «Если ультра-демократический режим оказался несостоятельным, то нам об этом жалеть не приходится, но мы не можем оставаться безразличными к опасностям, которые угрожают самой нации. Ее существование для нас важнее, чем для любого иного государства. Нам необходимо поддерживать наши интересы и расширить наше влияние на Тихом океане. В этой области мы уже встретили и, по всей вероятности, будем продолжать встречать препятствия со стороны Англии, и помощь американцев нам всегда будет полезна. И позвольте мне, князь, добавить, что я здесь не говорю о чувстве симпатии, которое могут к нам питать. Это чувство редко руководит политикой народов англо-

1863 г., № 74, лл. 340—354.

¹ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, Стекло — Горчакову 12(24)II 1862 г., № 10, лл. 83—89.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

саксонской расы, как бы эти народы ни назывались: англичанами или американцами. Я обосновываю свое мнение на материальных интересах, а материальные интересы Соединенных Штатов будут побуждать становиться на нашу сторону, как это уже имело место во время последних осложнений в Китае и Японии». ¹

Именно поэтому можно было не так уж непримиримо относиться к республиканскому строю США. Если этот строй и вызывал классовую ненависть царских дипломатов и ставил царскую Россию в ряд государств, враждебно настроенных к США и дружественно к мятежникам, то учет международной роли США должен был вызвать с самого начала гражданской войны дружественные отношения России к республиканцам и враждебные — к мятежникам. Возможно, что, именно благодаря этому противоречию, царское правительство не смогло сразу определить свое отношение к гражданской войне. Если под влиянием обстоятельств политика России приняла характер благоприятный по отношению к федеральному правительству, то эта политика все же не была последовательной и сопровождалась колебаниями. И даже после дела «Трента», в начале 1862 г., Горчаков солидаризировался с мнением Стекла, одобрял его позицию и благодарил за проницательность и осведомленность. В начале же гражданской войны русская дипломатия заняла выжидательную позицию, не давая определенного ответа законному правительству США. ³

2. «Чего хочет и ожидает президент США от русского императора»

Взгляды правительства Линкольна на русско-американские отношения в связи с приходом республиканцев к власти и началом гражданской войны достаточно подробно и ярко изложены в первом инструктивном письме Сьюарда к новому послу в Петербурге Клею. ⁴

По мнению Сьюарда, нации, как и личности, нуждаются в трех важнейших вещах: 1) в свободе, 2) в процветании, 3) в друзьях. США рано приобрели два первых фактора, выказав храбрость и предприимчивость. Но хотя они всегда проявляли исключительную умеренность, они, тем не менее, «замешкались (have been slow) в обзаведении друзьями». ⁵ Сьюард считал, что только Россия представляет в этом отношении исключение. «Эта дер-

¹ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, Стекло — Горчакову 12(24) II 1862 г., № 11, лл. 93—94.

² Там же, дело № 152, Горчаков — Стекло 24/II (10/III) 1862 г., лл. 524—528. См. также «Красный Архив», т. 38, стр. 154.

³ Senate Documents, 1861, part I, Appleton to Seward 20/IV 1861, № 16, p. 299 and 23/V, p. 300.

⁴ Клей прибыл в Петербург только в начале июня 1861 г. (Senate Documents, 1861, part I, Clay to Seward 7/VI 1861, № 3, p. 302).

⁵ Ibid., Seward to Clay 6/V 1861, № 3, p. 293.

жава, — писал он, — рано стала нашим другом и неизменно оставалась им. Такие отношения между двумя нациями, столь отдаленными друг от друга и столь несхожими, вызывали немало удивления, но объясняются они легко. Россия, подобно США, представляет собой развивающуюся империю. Она держит путь на восток, а США на запад. Поэтому между этими двумя нациями никогда не может возникнуть соперничество или конфликт». Более того, они имеют то общее, утверждал Сьюард, что «обе они несут цивилизацию в новые занимаемые ими области, обе по временам встречают сопротивление государств, завидующих их процветанию или встревоженных их возвышением». Сьюард делал отсюда вывод, что Россия и США могут остаться добрыми друзьями вплоть до того дня, когда обе они, «пройдя половину земного шара в противоположных направлениях, встретятся и обменяются приветствиями в той области, где впервые зародилась цивилизация и где, спустя столько веков, она беспомощно спит в летаргическом сне». ¹

Сьюард намечал общую политику на Дальнем Востоке, которая в связи с активным участием экспедиции США в военной интервенции европейских держав в Китае для подавления восстания тайпинов и большими дипломатическими успехами России приобретала огромное значение. Сьюард именно в России предполагал найти союзника для США в целях борьбы с другими европейскими державами, и в первую очередь с Англией, за создание американской империи на Тихом океане. Мечта о последней и пропаганда ее были широко распространены в США вообще и в республиканской партии в частности еще перед гражданской войной. ² Не случайно, что в этот период принимаются активные меры для реализации идеи о телеграфной связи между Россией и США через Сибирь, Тихий океан и Аляску. Этот вопрос занимал весьма важное место в русско-американских отношениях периода гражданской войны.

Если царские дипломаты искали оправдание сближения с республиканцами США в ожидаемом крушении «радикальной системы», то Сьюард находил оправдание сближения в уничтожении крепостничества и повороте самодержавия в направлении буржуазного развития, в свою очередь преувеличивая истинный смысл этого поворота.

«Заверьте его императорское величество в том, — продолжал Сьюард, — что президент и американский народ с восхищением и симпатией следили за великими и гуманными усилиями, какие он за последнее время приложил для материального и морального

¹ Senate Documents, 1861, part I, Seward to Clay 6/V 1861, № 3, p. 293.

² Dulles, America in the Pacific, p. 80—81; Dennett, Americans in Eastern Asia, p. 119; Beard, The Rise of Amer. Civilisation, v. II, pp. 490—491.

прогресса империи, распространения телеграфа и железных дорог и уничтожения связанного с рабством «бесправия». ¹

Сюард вменял также в обязанность Клею выяснить возможность ускорения « черепаших темпов » (sluggish course) в развитии существовавших между Россией и США торговых отношений и обращал серьезное внимание на их расширение. Россия могла бы получать из США хлопок и табак в значительно большем количестве, чем до сих пор. США взамен этого увеличили бы вывоз из России конопли, льна, сала и других продуктов. Действительно, торговые сношения между обеими державами были тогда весьма незначительны. Зато в России много было американских изобретателей, инженеров и механиков. Покровительством, которое они там находили, часто злоупотребляли приезжие авантюристы в мошеннических целях. Сюард предлагал Клею продумать и разработать план устранения этого зла, полагая, что этого можно достигнуть, « осуществив свободный обмен газетами и научными журналами ». Сюард заботился также о том, чтобы американцы не встречали препятствия при прибытии и во время пребывания в России. « Русский, высадившийся в Нью-Йорке, — писал Сюард, — может пересечь весь западный континент. Почему бы России не ответить нам тем же гостеприимством? Ведь американец за границей не более пропагандист, чем русский, и поскольку Россия продолжает вести общую политику, принятую в настоящем царствовании, ей нечего опасаться американских влияний ». ²

Сюард затем обращает внимание Клея на вопросы, непосредственно связанные с гражданской войной. Он посылает Клею ноту от 24 апреля 1861 г. о согласии США присоединиться к парижскому морскому соглашению 1856 г. даже без поправок правительства США. ³

Более всего Сюард был озабочен отношением европейских держав, в частности России, к мятежникам и предупреждал Клея о деятельности агентов южной конфедерации. « Вы, конечно, встретите таких агентов в России. Они обладают в Европе некоторыми преимуществами », — предостерегал Сюард Клея. « Партия мятежников около 40 лет, до 4 марта 1861 г., господствовала в США. Естественно поэтому, что у них есть знакомые и друзья в высших учреждениях и кругах, продолжительные связи с иностранными дворами, престиж политической власти ». ⁴

Но разумеется, предполагал Сюард, русский император, прежде чем выслушивать агентов мятежников, обратится к официальному представителю и спросит: в чем причина восстания

¹ Senate Documents, 1861, part I, p. 294.

² Ibid.

³ Ibid., pp. 34—35.

⁴ Ibid., p. 294.

и какова его цель, в каком состоянии находится восстание теперь и каковы его перспективы и, наконец, чего хочет и ожидает президент от русского императора в отношении к восстанию? Ответы самого Сьюарда на эти вопросы, понятно, резко отличались от освещения их Стеклем. Они настолько интересны и важны, что позволительно изложить их полнее.

«Президент, — писал он, — не забывает и вам не позволит забыть того, что он — должностное лицо как лояльных, так и восставших штатов и что во всех своих действиях по отношению к злоумышленникам, пособникам и подстрекателям этого огромного заговора он всегда будет помнить, что люди, от имени которых они действуют и силой которых злоупотребляют, все же являются гражданами республики...»

Что же касается причин восстания, то Клей должен был сообщить русскому правительству, что когда 70 лет тому назад принятой конституцией был скреплен Союз Штатов Америки, африканское рабство существовало почти во всех штатах. Предполагалось, что под действием моральных, социальных и политических влияний рабство вскоре исчезнет. Заграничная торговля рабами была запрещена, как средство для достижения этой цели, а в свободные государственные земли между Аллеганскими горами и рекой Миссиссипи был закрыт доступ рабства законами, которые считались тогда непреложными. Однако хлопок стал предметом большого спроса, а почва и климат штатов Союза, расположенных вблизи или около Мексиканского залива, были благоприятны для его развития, рабский же труд там существовал повсюду, вытеснив труд свободных белых людей. Развитие рабского труда негров в хлопководческих штатах стало поэтому важнейшим экономическим интересом, также как и разведение рабов в штатах табачного и зернового хозяйства, прилегающих к хлопководческим. ¹ Рабство стало сразу политической основой государства и осью политики плантаторов и рабовладельцев южных штатов. Благодаря политическим, общественным и торговым связям, сторонники рабства приобрели сильное и даже исключительное влияние не только по всему Союзу, но и в других странах. Но в то же время рабовладельцы с завистью стали смотреть на расцвет севера и с опаской на рост в нем демократических элементов, на развитие там свободного (наемного) белого труда, который все увеличивался и расширялся благодаря росту населения и иммиграции из Европы.

По конституции штаты, независимо от количества населения, имеют равное представительство в сенате, а конгрессу предоставлено право принимать новые области на правах штатов в Союз.

¹ Сьюард имел в виду штаты Виргинию, Мериленд, Делавар и другие пограничные штаты, разводившие рабов для продажи в хлопководческие районы.

Естественно, интересы рабовладельцев направлены к распространению рабства и к увеличению рабовладельческих штатов. Свободные же штаты вынуждены стремиться, разумеется в рамках конституции, ограничить распространение рабства в территориях, где оно не существует или было уничтожено, и таким образом увеличить количество свободных штатов. Новые владения, приобретенные у Франции, Испании и Мексики, стали театром борьбы и центром противоречий и споров в конгрессе и на народных выборах. Сторонники рабства в рабовладельческих штатах консолидировались, спланировали и приобретали большую силу, вымогая уступки угрозами, что, если им будут диктовать законы, они отделились. Распад Союза всегда и совершенно правильно рассматривался свободными штатами как пагубное обстоятельство для процветания, безопасности и счастья всего американского народа. На этом основании государственные деятели делали сторонникам рабства постоянно уступки, а конгресс и судебные учреждения все время шли на компромиссы с ними, несмотря на растущее в народе «чувство права, долга и патриотизма». Такой порядок, наконец, привел к тому, что тем или иным путем, все законные барьеры на пути распространения рабства были ниспровергнуты. Столь ненормальное ведение государственных дел сплотило противников рабства на всеобщих ноябрьских выборах в 1860 году, в результате чего президентом США был избран Линкольн, хотя ни в одной из палат конгресса противники рабства не имели большинства.

Рабовладельческая партия, которая таким образом в первый раз явно, хотя и не окончательно, была разбита на народных выборах, немедленно, за 4 месяца до вступления президента в должность, обратилась к оружию (вопреки народной воле, высказанной в голосовании), организовала мятеж и начала гражданскую войну. «Такова причина революции», — писал Сьюард о мятеже сецессионистов.¹ Цель этого мятежа — создать государство, основанное на принципе, что африканское рабство необходимо, справедливо, мудро, благотельно и что оно может и должно быть распространено на центральную часть американского континента и на острова без ограничений, без препятствий, любой ценой — даже принесением в жертву благосостояния и счастья человечества.

Правительство США оказывает этому восстанию сопротивление по многим основаниям. Каковы же эти основания? «Революция» (т. е. мятеж) прежде всего абсолютно не вызывалась необходимостью, ибо «все существующие интересы рабовладельцев охраняются ныне, как и прежде, нашей федеральной конституцией и конституциями штатов», которые не могут быть отменены

¹ Senate Documents, 1861, part I, pp. 294—295.

без согласия заинтересованных сторон. Но вместе с тем политика укрепления и распространения рабства в территориях, где оно не существует, вредна и чрезвычайно опасна как для США, так и для всего человечества.

Расчленение Союза, по какой бы причине оно ни осуществилось, означало бы разрушение безопасности, счастья и благосостояния всего американского народа и сделало бы невозможным установление какой бы то ни было народной формы правления в США, где никакая другая форма правления не была известна и вряд ли могла быть терпимой в эту эпоху.

Таково было официальное, весьма близкое к истине, дипломатическое объяснение причин и сущности мятежа, а также мотивов борьбы с ним.

Как мог осуществиться мятеж в США, где, по утверждению Сьюарда, народ всегда оказывал прямое и мощное воздействие на правительство? Каковы положение и перспективы мятежа? Сьюард объяснял осуществление мятежа так: «вначале народ не верил в то, что революция, столь ненужная, неестественная, роковая, затеяна всерьез». Народ, конечно, видел, как неуклонно развивается восстание, но «он был обманут призывами примирителей (mediators), которые предлагали и избежать распада союза и предотвратить бедствие гражданской войны». ¹ Это — запоздалое самокритическое признание, ибо роль одного из главных примирителей, обманывавших народ, играл сам Сьюард.

Что же касается правительства, то оно, что также справедливо отмечает Сьюард, было временно деморализовано наличием влиятельных групп заговорщиков как в нем, так и в конгрессе, в армии, флоте и во всех государственных учреждениях. Сьюарду следовало бы добавить, что и новое правительство из республиканцев ничего не сделало для очистки аппарата от предательских элементов. Несомненно, это сыграло важную роль в развертывании мятежа. Только тогда, «когда, наконец, — признается Сьюард, — обнаружилось с полной ясностью, что на меньшее, чем ниспровержение федеральной республики, мятежники не пойдут и что они злоупотребляют терпимостью и умеренностью правительства с определенной целью подготовить кровопролитную войну, в народе пробудилась потребность сохранения Союза. Правительство, поддержанное народным энтузиазмом и энергией, выставило все необходимые силы; революция сразу же была остановлена в своем развитии, и теперь уже не остается сомнений в том, что она будет быстро и основательно подавлена...» Сьюард, также как и Стеклъ, не верил в продолжительность войны и ожидал скорого окончания мятежа. ² Если, говорил Сьюард,

¹ Senate Documents, 1861, part I, p. 296.

² Еще в июне 1861 г. Стеклъ высказывал предположение, что война кончится к зиме. В августе 1861 г. он предсказывал, что война затянется

восстание своим происхождением обязано «озлоблению», то продолжение его зависит только от «разгоревшихся страстей». Поводов же для возбуждения больше нет, да и оно не гармонирует с духом, чувствами и привычками американского народа. Когда станет видно, — а это, как предполагал Сьюард, должно было случиться скоро, — что свержение правительства — дело безнадежное, обманутые граждане, примкнувшие к лагерю мятежников, вернутся к обычной для них рассудительности. Союз же, преодолев новую грозную опасность, станет даже сильнее, чем прежде.

«Каковы были бы последствия революции, если бы она одержала победу?» — спрашивал Сьюард и отвечал: «Ответ очевиден. Прежде всего разделение нашей великой и до сих пор мирной и счастливой страны на две враждебные борющиеся республики. Позже — распад каждой из этих республик на неопределенное число мелких враждебных и борющихся штатов. Местная вражда, непрерывно возбуждаемая, рано или поздно дополнится ужасами войны рабов (*servile war*), которая опустошит страну. В конце концов наступит военный деспотизм, который силой установит мир там, где свободное правительство проявило полную и непоправимую несостоятельность (*failure*)». Следовательно, «прогресс свободы и цивилизации, ныне столь счастливо начатый, будет приостановлен, и надежды человечества, порожденные в этом столетии, потерпят крах и будут отложены на неопределенное время». ¹

Но именно подобный исход — падение демократии — не прочь был бы наблюдать самодержец всероссийский. Именно такие чаяния и надежды, как мы видели выше, высказывались царской дипломатией, хотя и вызывали тогда же сомнение в возможности этого. Подобные аргументы Сьюарда могли бы привести к результатам, противоположным тем, которых он стремился добиться. Но было и другое обстоятельство, являвшееся фактором международной политики. «Международное равновесие, — писал Сьюард (и этот аргумент был более убедителен для царской дипломатии), — поддерживавшееся нашей республикой, с одной стороны, и европейской системой, с другой, будет нарушено, и тогда войны между нациями за господство на нашем полушарии и на океанах, составляющие значительную часть мировой истории с XVIII в., начнутся снова». Мятежом и распадом США могла воспользоваться в первую очередь Англия, дальнейшее усиление

до конца года, а может быть, и до весны. В противоположность Сьюарду Стэкль предполагал, что Север к этому времени истощит свои силы и сдастся. АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, 5(17)VI, № 43, лл. 200—201. См. также «*American Historical Review*» (в дальнейшем АНР), v. XXVI, p. 458.

¹ Senate Documents, part I, p. 296.

которой представляло бы серьезную угрозу. Поэтому в интересах России было скорейшее прекращение гражданской войны, которая ослабляла США — этот важный фактор в мировой политике. Последствием же неудачи восстания будет, писал Сьюард, «продолжение счастливого развития нашей страны, столь благоприятно развертывавшегося до сих пор, умиротворение наций и улучшение положения человечества». ¹ Но главным последствием подавления мятежа было бы то, что США стали бы основательным противовесом английской экспансии. Это великолепно понимали русские дипломаты и военные деятели.

Временно исполнявший обязанности посла в Петербурге Апплетон сообщал Блекку еще в январе 1861 г., что в Европе сецессию рассматривают как неопровержимое доказательство несостоятельности демократических институтов. Распад США губелен поэтому не только для Нового Света, но и для народов всего старого мира. Апплетон также выражал общее настроение и русских верхов, опасавшихся, что результатом гражданской войны может быть «анархия», т. е. подлинно народная революция, «опасная для собственности». Но те из европейских правительств, которые рассматривают США как «единственную в мире преграду на морских путях Великобритании, — говорит он, — вовсе не будут удовлетворены, если этот противовес исчезнет и эта великая держава вновь укрепитя в своем старом положении владычицы морей». ² Конечно, Апплетон в первую очередь имел в виду Россию.

Но чего хотел и ожидал президент США от русского императора? «От этого государя ждут, — писал Сьюард, — что он будет делать то самое, что наше правительство делает по отношению к России и всем другим государствам. Оно воздерживается от всякого вмешательства в их политические дела и ожидает такой же справедливой и благодарной сдержанности в ответ. Оно слишком уважает себя, чтобы просить большего, — и слишком уважает свои права, чтобы соглашаться на меньшее». ³

Сьюард, как видим, несмотря даже на сообщение Апплетона, не питал больших надежд на русское самодержавие, добиваясь только того, чтобы оно не оказалось на стороне мятежников и продолжало признавать единственным законным правительством правительство федеральное.

Русское правительство, тем не менее, не спешило определить свои позиции; оно выжидало, пока другие европейские державы примут определенные решения, а также пока более четко выяснится положение в США, несмотря на полученные сообщения Стекля и Сьюарда.

¹ Senate Documents, part I, p. 296.

² Ibid., 1861, Appleton to Black 12/I 1861, part I, p. 298.

³ Ibid., p. 297.

Даже 24 июня, когда переговоры европейских дипломатов в Вашингтоне приобрели совершенно конкретные и опасные для США формы, которые могли привести к серьезным конфликтам, Стекло считал, что Россия должна еще подождать до тех пор, пока результаты переговоров и военных действий не станут более ясными. Император был вполне с этим согласен. «C'est aussi mon avis», — пометил он на депеше.¹

Однако события разворачивались так быстро, что нельзя было долго стоять в стороне от них.

3. Вопрос о морском праве и враждебные действия Англии

В связи с гражданской войной в США возник вопрос о применении международного морского права.

Джефферсон Девис уже 17 апреля 1861 г. издал прокламацию о выдаче документов на каперство с целью нанесения вреда торговле США и истребления их торгового флота. Линкольн в ответ на это через 2 дня провозгласил блокаду южных портов и объявил все суда, действующие на основе документов Девиса, пиратскими. Но будучи уверенным, что пиратская деятельность этих судов найдет поддержку европейских держав, в особенности Англии, республиканское правительство считало необходимым добиться признания каперства южан пиратством со стороны всех морских держав. Дело осложнялось еще тем, что правительство США в свое время (1856—1857) отказалось присоединиться к парижской конвенции от 16 апреля 1856 г., по которой, как известно, крейсерство объявлялось уничтоженным.²

24 апреля 1861 г. Сьюард послал инструкции послам в Лондоне, Париже и Петербурге о согласии правительства США принять парижскую декларацию с поправкой Мерси или даже без нее.³ Это должно было, по соображениям Сьюарда, привести к признанию — на основе международного морского права — южных каперов пиратами, поскольку парижская декларация признана главнейшими державами, хотя Англией и не ратифицирована. Европейская дипломатия рассматривала этот вопрос только в связи с вопросом о блокаде и нейтралитете вообще. Инициатива действий, как и следовало ожидать, принадлежала английской дипломатии.

¹ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стекло — Горчакову 12(24)VI 1861 г., № 44, лл. 203—204.

² Правительство Бьюкенена в 1857 г. выразило согласие принять парижскую декларацию при том условии, что будет гарантирована одинаковая неприкосновенность нейтрального и неприятельского имущества (за исключением военной контрабанды). Эта поправка (известная в истории как поправка Мерси) была отвергнута.

³ Senate Documents, 1861, part I, pp. 34—36.

Уже 29 апреля Мальмсбёри (Malmesbury) в палате лордов сделал запрос по поводу блокады. 1 мая американский посол в Лондоне Даллас в беседе с Росселем добился только заверения, что прибывшие 29 апреля эмиссары мятежников (Янси и Рост; Мени прибыл только 15 мая) будут приняты неофициально и что рассмотрение вопроса о блокаде южных портов, против которой английское правительство возражало, как и рассмотрение других вопросов, связанных с гражданской войной, будут отложены до приезда вновь назначенного посла США в Лондоне Адамса. Обсуждение предложения Грегори в палате общин о непризнании блокады было также отложено.¹

Янси и Рост были приняты Росселем 3 мая. Последний внимательно их выслушал, но ничего определенного, как и Далласу, по вопросу о признании Юга не ответил. Южные эмиссары, однако, не потеряли надежды на английскую помощь. Эта надежда была в достаточной мере обоснована лихорадочной, буквально молниеносной поспешностью английской дипломатии, действовавшей в пользу мятежников.² Тайные и явные дипломатические выступления этого рода сопровождались неслыханно злобными нападками на федеральные штаты со стороны задающих тон лондонских газет, которые, как писал К. Маркс, «дурачат своих читателей не только с целью дать им неправильное политическое руководство, но и для того, чтобы хорошенько обобрать их на бирже в интересах своих хозяев».³

3 мая генерал-атторней рекомендовал Росселю признать Юг воюющей стороной. На следующий день Россель этот меморандум отправил Лайонсу, предлагая рассматривать гражданскую войну в США как «регулярную войну» двух наций. 6 мая Лайонсу уже была послана формальная инструкция с решением правительства признать Юг воюющей стороной, хотя США еще не сообщили о начале войны. В этот же день копия этой инструкции была срочно направлена послу в Париже Каулею с директивой предложить французскому правительству присоединиться к позиции Англии. На следующий день Каулей уже сообщил, что французский министр иностранных дел Тувенель полностью согласен с английской политикой в этом вопросе.⁴

Еще 1 мая Россель просил лорда адмиралтейства послать флот в американские воды, а на следующий день он, в ответ на запрос Эварта в палате общин, официально сообщил, что в

¹ Senate (Exec.) Documents, 1861/62, Dallas to Seward 2/V 1861, part I, p. 83.

² Parliamentary Papers, 1862, Russell to Lyons 9/V 1861, v. XXV, № 33; см. также Adams, op. cit., v. I, p. 85—86.

³ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 233 и 222. Особенно отличилась «меднолобая» газета, «Times» в номере от 9/V 1861 г.

⁴ Parliamentary Papers, 1862, Lords, v. XXV, № 1.

американские воды уже послан флот для «защиты британских интересов». ¹

В своем ответе на запрос ярого защитника мятежников Грегори о блокаде Россель 6 мая заверил, что последняя не будет признана, пока она не станет эффективной, что английское правительство признает Юг воюющей стороной, и, следовательно, каперство южан оно не будет считать пиратством. ²

9 мая Россель вторично принял Янси и Роста, а 13 мая, в день прибытия в Ливерпуль представителя единственно законного правительства США — Адамса, была срочно принята прокламация о нейтралитете, если не юридически, то фактически признававшая мятежное правительство. Прибывший в Лондон 14 мая Адамс мог уже прочесть эту прокламацию в «London Gazette» (официальном органе). Так было «выполнено» обещание не рассматривать вопроса о признании Юга до прибытия Адамса! Последний был поставлен перед свершившимся фактом. После неоднократных попыток Адамс добился 16 мая свидания с Росселем, ³ который поторопился уже накануне отправить Лайонсу инструкцию о «нейтралитете».

Только 18 мая Адамс в первый раз имел с Росселем продолжительную беседу, которая его окончательно убедила, что английское правительство, мягко выражаясь, симпатизирует южанам. ⁴ То же самое провозглашалось и с парламентской трибуны. 16 мая в палате общин развернулись прения в связи с запросом сторонника северных штатов Форстера. Правительственный ответ показал, что британская политика вполне выкристаллизовалась. Кратко она сводилась к следующему: 1) признание Юга воюющей стороной, хотя официальное признание Конфедерации «независимым» государством было отложено до удобного случая; 2) признание права южан на каперство, которое Англией не рассматривается как пиратство, причем даже Север не имеет права рассматривать его таковым; 3) признание блокады Юга лишь в случае ее эффективности. ⁵ Несколько позднее, когда снова был поднят вопрос о блокаде Юга, Россель выразил недоумение, как могут быть эффективно блокированы 8000 миль. Он заявил, что выдачу каперских свидетельств Девисом он считает не разбоем, а наступательным актом, употребляемым одной из воюющих сторон против другой, ибо Конфедерация имеет все права воюющей державы. ⁶

¹ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 162, Commons, 2/V 1861, p. 1378—1379.

² Ibid., 6/V, v. 162, p. 1565—1567.

³ Senate (Exec.) Documents, 1861/62, Adams to Seward 17/V, part I, p. 85.

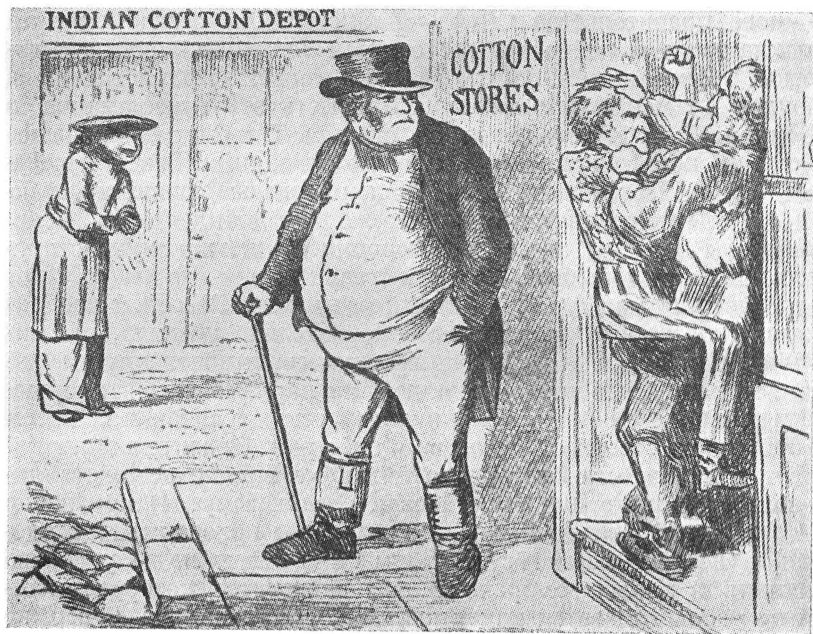
⁴ Ibid., Adams to Seward 21/V, part I, pp. 90—96.

⁵ Hansard's Parliam. Debates, 9, 16/V 1861, 3 ser., v. 162, pp. 1763, 1830—1834, 2077, 2080.

⁶ Ibid., v. 165, p. 1238.

Все эти заявления Росселя нельзя было интерпретировать иначе, как в том смысле, что Англия никогда не признает блокады, фактически признает Конфедерацию и всеми мерами будет способствовать истреблению флота США и уничтожению возросшей американской торговли (в чем была особенно заинтересована английская буржуазия).

Поспешные действия английского правительства, направленные на открытую поддержку Юга, объясняются очень просто..

Английский фабрикант у дверей склада с хлопком, на пороге которого дерутся южанин с северянином (Карикатура из журнала «Punch»).

Уже 27—29 апреля в Лондоне были получены подробные сообщения об американских событиях (в частности о провозглашении каперства Югом и блокады Севером), не вызывавших никаких сомнений в том, что гражданская война — неоспоримый факт. Под влиянием этого началось обсуждение вопросов, связанных с гражданской войной в США. Однако только сообщения о провале последней примирительной политики Сьюарда и в особенности о присоединении пограничных штатов (в частности Виргинии) к Конфедерации ускорили решения английского правительства. Это сказалось в дальнейшем и на позиции русского правительства.

4. Провал плана Шлейдена и внешней политики Сьюарда

Сьюард в первое время после падения форта Сёмтер надеялся, что мятеж захватит только хлопководческие штаты и дальше не распространится. Кроме того, он никак не хотел отказаться от мысли о возможности примирения Севера с Югом и о прекращении военных действий.

На этот раз роль «примирителей» пытались сыграть немецкие дипломаты, воспользовавшиеся настроениями Сьюарда. Бременский посол в Вашингтоне доктор Рудольф Шлейден, противник освобождения рабов, друг виднейших сецессионистов, часто посвящаемый Сьюардом в его тайную политику, которая затем «мистическим» путем становилась известной всему дипломатическому корпусу и раньше всего английскому послу,¹ — вот этот-то «друг» Севера и предложил свое посредничество. Его план, получивший санкцию и одобрение прусского посла барона Геролта, предусматривал отмену Линкольном блокады и отмену в свою очередь Девисом прокламации о выдаче каперских свидетельств, а также заключение перемирия до начала июля, когда соберется конгресс в Вашингтоне. Перемирие могло быть полезно только мятежникам, ибо подорвало бы мобилизацию и энтузиазм масс севера, готовых к отпору. Опасение результатов этого энтузиазма, вероятнее всего, и вызвало план Шлейдена. По крайней мере, переговоры о перемирии питали бы иллюзии федерального правительства о возможности соглашения, отсрочили и ослабили бы энергичную подготовку Севера, пока Юг исподволь превращался бы в военную цитадель. Отмена блокады была бы использована мятежниками для ввоза необходимого снаряжения и продовольствия.

Шлейден 24 апреля явился к Сьюарду, который представил его Линкольну. Даже Чейз, наиболее влиятельный и авторитетный член правительства, и Сомнер, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, не были посвящены в эти переговоры. Линкольн, разумеется, отказался от посредничества Шлейдена. Однако Шлейден, очевидно, с ведома Сьюарда, вечером того же дня выехал в Ричмонд, куда должен был прибыть его старый друг вице-президент южной конфедерации Стефенс. В день приезда Шлейдена в Ричмонд, 25 апреля, там уже была опубликована прокламация об отделении Виргинии и одобрена временная конституция южной конфедерации. На юге все было подготовлено к войне; по крайней мере, так полагали сами сецессионисты. Шлейден немедленно получил 3-часовое интервью у Стефенса, который заявил, что Юг ни при каких условиях

¹ См. выше. стр.29. Annual Report of the American Historical Association for the year 1915, pp. 210, 215. Шлейден, очевидно, не только выполнял функции бременского дипломата, но и английского шпиона.

не вернется в Союз. Разумеется, когда Шлейден вернулся 27 апреля в Вашингтон с подобным ответом и когда там уже было получено сообщение о присоединении Виргинии к Конфедерации, Сьюард охладил к нему и не осмелился вновь представить его Линкольну. Наконец 29 апреля Сьюард дал категорический отрицательный ответ на предложение Шлейдена.¹ Политика Сьюарда снова провалилась.

Если 10 апреля Сьюард еще писал послу в Лондоне Адамсу о дружественных отношениях с Англией (в духе решений правительства от 1/IV),² то 27 апреля он уже пишет ему в Лондон, что отказ Росселя 8 апреля дать определенный ответ по вопросу о признании Юга вызывает тревогу и беспокойство.³ По мере получения сообщений из Европы и развития внутренних событий политика Сьюарда принимала все более решительный и непримиримый характер. Лайонс 9 мая в письме Росселю отметил это изменение и характеризовал нынешнее отношение Сьюарда к иностранным державам как слишком «заносчивое и безрассудное (*arrogant and reckless*)». ⁴ 20 мая Лайонс уже с тревогой сообщал о военных проектах Сьюарда. «Президент, — писал он конфиденциально Росселю, — конечно, совершенно несведущ в иностранных делах... Сьюард, истощив силы в результате провала политики мира, старается восстановить свое влияние, став во главе военной партии; в кабинете нет никого, настолько влиятельного, кто бы мог противиться ему». ⁵ Это было сильным преувеличением и далеко от истинного положения вещей. Но Лайонс в связи с этим считал необходимым укрепить Канаду и заключить соглашение с Францией. В официальном же письме к Росселю 21 мая Лайонс интерпретировал заявление Сьюарда как пустые угрозы. Он советовал начать превентивную войну с США, а еще лучше — показать, что Англия готова к ней. 22 мая Лайонс предложил губернатору Канады Гэду (*Edm. Head*) произвести военную подготовку. В Лондоне опасениям Лайонса придавали большее значение, чем они заслуживали. Пальмерстон писал Росселю: «Эти сообщения очень неприятны; не так уже невероятно, что мистер Сьюард, благодаря глупой и необдуманной дерзости и самодовольству (*foolish and uncalculating arrogance and selfsufficiency*) или из политического расчета, может привести [США. — М. М.] к ссоре с нами». ⁶ Он также считал необходимым укрепить Канаду.

¹ Annual Report of the Am. Hist. Ass. for the year 1915, pp. 211—213. Senate Documents, 1861/62, part I, p. 74.

² Ibid., p. 82.

³ Adams, op. cit., Lyons to Russell 2/V 1861, v. I, p. 128.

⁴ Ibid., Lyons to Russell 20/V.

⁵ Ibid., Palmerston to Russell 23/V 1861.

В действительности США не угрожали войной Англии. Скорее наоборот. Правда, общественное мнение и пресса северных штатов были сильно возмущены прокламацией королевы Виктории о нейтралитете. Они справедливо считали прокламацию как бы признанием Англией сецессии. Сьюард находил возможным превращение гражданской войны в войну против Англии, но когда он представил составленную в этом духе депешу на рассмотрение Линкольну и Сомнеру, то она была сильно изменена.

В этой сильно измененной депеше от 21 мая (№ 10) законное правительство США добивалось, чтобы сецессионистов признали мятежниками, и протестовало против признания их эмиссаров.¹ Правительство США никому не угрожало. Воспринять как угрозу законное требование мог только тот, кто собирался признать Конфедерацию и помогать мятежникам.

Но даже эта совершенно умеренная депеша все же вызвала жалобу Адамса на то, что «правительство кажется почти готово объявить войну всем европейским державам... Я затрудняюсь понять м-ра Сьюарда», — восклицает он. Таким образом, идея о «foreign war rapasea» оказалась мертворожденной, ибо встретила резкое сопротивление в правительстве. Сьюард, хотя и жаловался в письме от 23 мая своему близкому другу и политическому советнику Уиду (Weed) на отклонение его предложения, однако в дальнейшем не давал никаких поводов английским дипломатам и газетам ссылаться на него для обоснования своих воинственных выпадов. В дипломатическом корпусе в Вашингтоне было известно о разногласиях в правительстве и о поражении Сьюарда, несмотря на строгую секретность обсуждения этой депеши; даже большинство членов правительства ничего не знало о ней.² Шлейден 24 мая сообщал в Бремен о полном пересмотре воинственной политики Сьюарда, а через три дня писал, что сам Сьюард заявил ему: «Нет больше опасений, что дело дойдет до разрыва с Англией».

Лайонс в официальной депеше 23 мая сообщал, что, по слухам, Сьюард представил правительству воинственную депешу, против которой возражали члены правительства, и, хотя Сьюард настаивал, депеша не была принята. В своих письмах от 23 мая и 6 июня Лайонс снова писал об осложнениях в англо-американских отношениях, в связи со слухами о войне с Англией, которые распускались частью прессы северных «демократов» (вроде «N. Y. Herald»). Другим источником его сведений были беседы с некоторыми «политическими деятелями».³

¹ Senate Documents, 1861/62, part I, № 10, p. 88.

² Lutz, op. cit., S. 32.

³ Adams, op. cit., v. I, p. 129.

5. Пальмерстон и Наполеон III поощряют мятежников

Под прикрытием криков о военной опасности в конце мая и начале июня из Портсмута в Мексиканский залив были отправлены 3 фрегата и один корвет для усиления английской эскадры, а в Канаду посланы 3 пехотных полка с усиленной артиллерией и боевыми снарядами для «ограждения колонии от нападения».

Смешно было думать о том, что этими силами можно было защищать Канаду. Но на большее Англия не пошла, потому что вряд ли Пальмерстон и другие английские политики верили в реальность угрозы войны со стороны США, да и сами вряд ли в тот момент собирались воевать. Они лишь искали повод для того, чтобы пригрозить США войной и заставить Север пойти на уступки, а главное — поощрить мятежников. Маркс тогда же разоблачил этот маневр в нью-йоркской газете республиканцев «Daily Tribune». «Это им [Пальмерстоном. — М. М.], — писал Маркс, — после серьезной борьбы с его коллегами, было отправлено 3 000 человек в Канаду, — до смешного ничтожная армия, если она предназначена для защиты границы в 1 500 миль, но очень хитрый маневр, чтобы поощрить восстание и раздражить Союз». ¹

И в России посылку войск в Канаду понимали не как стремление защищать эту колонию, а как акт провокационный, враждебный Федерации. «Кто ставит свои нейтральные войска в тылу одной из воюющих сторон, — писали «С.-Петербургские Ведомости», — тот, конечно, не помогает ей, а скорее действует в пользу противников». ²

С середины июня исчезает внешнее проявление враждебности со стороны Англии, хотя последняя, в сущности, еще более усиливалась.

На 15 июня был назначен совместный демарш английского и французского послов — Лайонса и Мерсье — по вопросу о нейтралитете. Еще 10 июня неофициально была опубликована французская прокламация о нейтралитете, составленная, по существу, в духе прокламации королевы Виктории от 13 мая. 14 июня Сьюард еще выделял Францию как дружественную страну. Но совместное выступление Лайонса и Мерсье окончательно убедило Сьюарда, что и Наполеона III следует отнести к тем, чей «нейтралитет» является маской для оказания помощи и покровительства южанам. Сьюард отказался принять прокламацию королевы Виктории и отклонил официально представленную Мерсье инструкцию Тувенеля. Однако обоим послам он выразил «добрые чувства». ³ Лайонс в своих письмах должен был констатировать, что нет

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 217.

² «С.-Петербургские Ведомости» от 20/VI 1861 г., № 781.

³ House Documents, 1861/62, Seward to Adams 19/VI 1861, p. 106.

никакой опасности войны, и даже дал подробное изложение изменений Линкольном депеши № 10 от 21 мая. Сьюард неоднократно приглашал Лайонса на конфиденциальные беседы для того, чтобы, наконец, выяснить взаимоотношения с Англией. С другой стороны, Сьюард информировал Адамса, что беседы с Лайонсом были удовлетворительны и проходили в дружественных выражениях.¹ В действительности переговоры были бесплодны. Ни один из интересующих США вопросов не был разрешен, в частности вопрос о подписании морской конвенции против пиратства. В то же время многие вопросы были уже решены английским правительством в пользу мятежников: дружественный нейтралитет с признанием за Югом прав воюющей стороны, постоянное нарушение блокады и пр. Южные пираты проводили свою разрушительную деятельность на море, а войска мятежников подбирались к Вашингтону, пока 21 июля при Булл-Рёне не натолкнулись на первое сопротивление. Европейские державы с таким же нетерпением, как и в США, ожидали результатов первых серьезных столкновений, оттягивая свои решения до выяснения их исхода. Разумеется, желания и надежды борющихся сил в США, как и отдельных европейских держав, были различны.

Еще 20 апреля Апплетон информировал Сьюарда о заявлении Горчакова, что Великобритания и Франция действуют вместе по вопросу о блокаде, что Россия придерживается той же политики и что торговля с Конфедерацией Россией не будет прервана.² Это заявление как бы доказывало солидарность всех трех стран. Тем не менее Сьюард и, особенно, Клей даже в июне продолжали рассматривать политику французского и русского императоров как дружественную Союзу и противопоставляли ее английской политике.³ Последующие события и дипломатическая переписка доказали справедливость сообщения Горчакова о совместных англо-французских действиях в отношении США. Россия же должна была занять и действительно заняла иную позицию, ибо с вопросом о блокаде был связан вопрос о Парижской морской конвенции 1856 г., в которой Россия была заинтересована. Но и здесь царское правительство проявило непоследовательность и двойственность.

Лайонс, сообщая 13 июня Росселю о переговорах с Мерсье после свидания последнего с Сьюардом, считал, что подписание конвенции о морском праве обязало бы Англию и Францию оказать поддержку США в борьбе с южными каперами. Результатом этих переговоров было совместное выступление Лайонса и Мерсье

¹ Ibid., Seward to Adams 28/VI, 21/VII, part I, pp. 110, 118.

² Senate Documents, 1861/62, part I, № 16, p. 299.

³ Ibid., № 3, p. 302.

15 июня, а также согласованные их действия в дальнейшем. Как утверждал Стекло 24 июня, положение, к которому привели эти переговоры, было столь опасно, что могло привести к серьезным конфликтам. С одобрения Александра II Стекло занял выжидательную позицию и не примкнул к совместному выступлению, хотя и участвовал в переговорах.¹

Лайонс заявил Сьюарду, что Великобритания должна иметь «некоторые сношения» с Югом для «защиты британских интересов». Сьюард ответил, что США будут протестовать против такой политики. Несмотря на это, английский консул в Чарльстоне (Ю. Каролина) Банч, действуя вместе с агентом Франции Белиньи (Belligny), вел секретные переговоры с Девисом, в частности по вопросу о подписании морской конвенции. Фактически Банч и Белиньи играли роль неаккредитованных послов при южной конфедерации. Более того, по утверждениям прессы, английский и французский консулы на юге оказывали весьма ценные услуги южанам, а французский консул в Новом Орлеане был фактическим агентом Конфедерации.

Еще до сражения при Булл-Рёне, после неоднократных и неудачных переговоров с Росселем, Адамс 11 июля сделал новое предложение подписать конвенцию против пиратства с поправкой Мерси или без нее. Но это предложение вновь было оставлено без ответа.² В середине июля Пальмерстон заявил, что Англия подпишет соглашение только вместе с Францией. В Париже Даллас получал примерно те же ответы. Только после поражения Севера в битве при Булл-Рёне 21 июля,³ только после того как южанам уже удалось с помощью Англии организовать пиратство и английские суда развернули достаточно широко доставку военной контрабанды Югу,⁴ а английский адмирал Мильн уведомил правительство, что блокада не поддерживается достаточными морскими силами, — только тогда, наконец, Англия отказалась от своей политики «оттягивания». На новое заявление Адамса 29 июля о готовности его правительства подписать конвенцию Россель через два дня собрался ответить, что он также готов ее подписать, но с «оговорками».⁵ Эти оговорки

¹ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стекло — Горчакову 12 (24) VI, № 44, лл. 203—204.

² Senate Documents, 1861/62, Adams to Seward 1/VII 1861, part I, p. 112.

³ Но даже «Times» вынужден был признать, что еще одно такое поражение — и Север будет спасен, а Юг потерпит поражение.

⁴ Еще в июне месяце был задержан ряд английских судов с военной контрабандой («America» в Чарльстоне, «Yorfarshire» в Мексиканском заливе, «Chronik» и другие). «С.-Петербургские Ведомости» от 24/VI, 29/VII 1861 г.

⁵ Senate Documents, 1861/62, Adams to Seward 2/VIII 1861, part I, p. 124.

сводились к признанию Конфедерации *de facto* и основывались на том, что Англией Юг уже признан воюющей стороной, что уже объявлен нейтралитет и поэтому Юг может вооружать каперов, которые должны рассматриваться как военные корабли воюющей стороны. Более того, мятежники, по его мнению, должны были участвовать в переговорах и подписании соглашения на равных основаниях с законным правительством.

Ничего более издевательского по отношению к законному правительству США нельзя было придумать. Оно должно было признать иностранный нейтралитет, фактически признать мятежников воюющей стороной и не признавать их каперов пиратами, причем этой конвенцией запрещено было бы нападать на корабли под «нейтральным» флагом, а последние фактически покровительствовали бы мятежникам.

Банч в Чарльстоне уже вел переговоры по этому вопросу, которые, разумеется, были успешны. 13 августа конгресс Конфедерации одобрил парижскую конвенцию за исключением статьи о каперстве. Роберт Банч не скрывал, что это является первым шагом к признанию Конфедерации.

Но Адамс в Лондоне и Даллас в Париже отказались подписать конвенцию на предъявленных условиях.¹ США не могли признать иностранный нейтралитет, не могли согласиться вести переговоры с мятежниками как с равной воюющей стороной.

Россель официально в письме к Адамсу еще раз подтвердил, что Англия признавала и признает право воюющей стороны за Югом, признает ответственность правительства за деятельность Банча и переговоры его с Девисом относительно парижской декларации. Россель отклонил протесты США и отказался отозвать Банча.² Он, однако, заверил, что Великобритания пока официально не признает и не собирается признавать «независимость» Конфедерации.³

В Петербурге неплохо были осведомлены о политике и деятельности Англии и Франции и могли судить о ней не по одним официальным сообщениям, так как русская пресса постоянно информировала общество о всех событиях, связанных с гражданской войной в США.

Парижский корреспондент «С.-Петербургских Ведомостей» тогда же, в сентябре, когда было сделано заявление Росселя, сообщал, что «между Францией и Англией происходят в настоящее время переговоры о признании южных штатов Америки».⁴ И это сообщение было близко к истине.

¹ Ibid., 1861/62, 23/VIII, 22/VIII 1861, pp. 134, 243.

² Банч формально был отозван в декабре 1861 г., но оставался в Чарльстоне до февраля 1863 г.

³ Parliamentary Papers, 1862, Russell to Adams 9/IX 1861, v. XXV.

⁴ «С.-Петербургские Ведомости» от 22/IX 1861 г.

Лайонс в начале октября писал Росселю о своей беседе с Мерсье после получения последним 30 сентября письма от Ту-венеля по вопросу о хлопке в связи с блокадой. Предложения Мерсье сводились к следующему: 1) полное согласие в действиях между Англией и Францией, 2) признание независимости южной конфедерации, 3) отказ далее признавать блокаду и в 4) Англия и Франция «не должны упустить» благоприятный момент, когда Север придет в упадок. Мерсье, однако, признавал, что такой момент еще не наступил.

Переговоры между Лайонсом, более трезво смотревшим на вопрос, и Мерсье не прекращались в продолжение октября и ноября, причем главной темой переговоров со стороны Мерсье был вопрос о хлопке. Лайонс не без основания предполагал, что Север ответит войной на признание Конфедерации или на вмешательство. Он справедливо считал, что война причинила бы больше страданий, чем недостаток хлопка. Напротив, Мерсье неоднократно утверждал, что возможно мирным путем разрешить вопрос об отделении и признании Юга, ибо Север не решится на войну с западными державами. Пальмерстон и Россель были вполне согласны с Мерсье, но считали необходимым выждать удачный момент.¹ Еще 8 августа Россель послал Лайонсу инструкцию, в которой предписывал ему заявить протест против блокады. 16 и 18 августа он утверждал, что 8000 миль нельзя блокировать, Англия же признает только эффективную блокаду. Последнюю он, на основании донесений адмирала Мильна, не считал действительной, что по существу было равносильно отказу признать ее.

Между США и Англией не прекращались конфликты в связи с арестом Мурра и других шпионов — английских подданных, в связи с деятельностью Банча, задержкой английских судов с военной контрабандой и т. д. «Многие английские купцы, живущие здесь, — писал 20 октября вашингтонский корреспондент «С.-Петербургских Ведомостей», — пользуются своим английским подданством, чтобы доказать свою привязанность «королю-хлопку», и распространяют измену». Более того, «нередко даже приезжают эмиссары из Англии, и недавно г. Фергюссон вместе с другими членами английского парламента повезли письма в Ричмонд и возвратились с ответными на имя агентов Юга в Англии и на севере Америки». ² Английское правительство, несмотря на неопровержимость фактов, брало под свою защиту и фактически поощряло враждебную Северу деятельность англий-

¹ Нельзя полностью согласиться с утверждением Адамса, что они только в принципе согласны были с Мерсье (Adams, v. I, p. 199). Пальмерстон и Россель еще ранее Мерсье придерживались этих принципов и ожидали только благоприятный момент для реализации их.

² «С.-Петербургские Ведомости» от 4/XI и 19/X 1861 г.

ских неофициальных и официальных лиц, также как и нарушение блокады и снабжение военными припасами мятежников. Оно не только не приняло мер пресечения этих злоупотреблений против державы, с которой оно поддерживало дипломатические отношения, но реагировало на справедливые протесты правительства Линкольна контрпротестами против тех законных действий, к которым правительство США вынуждено было прибегать для защиты общественной безопасности и пресечения антигосударственной деятельности.¹

Таким образом, Пальмерстон и Россель не только соглашались с мнением Мерсье, но это была именно их собственная принципиальная политика, которая фактически уже осуществлялась и которая нашла горячих приверженцев в лице Наполеона III и Мерсье. Правда, последние превзошли их своим, пока словесным, пылом. «Это он, — писал Маркс о Пальмерстоне в нью-йоркской газете «*Daily Tribune*» в декабре 1861 г., — много недель тому назад убедил Бонапарта предложить совместное вооруженное вмешательство в «братоубийственную борьбу», внес этот проект в кабинет министров и потерпел неудачу только из-за сопротивления своих коллег. Это он и Бонапарт прибегли после этого к мексиканской интервенции как крайнему средству».²

6. Цели мексиканской экспедиции

Между Англией, Францией и Испанией была заключена в Лондоне 31 октября конвенция о совместной интервенции в Мексике. Формальным предлогом для интервенции использовали просрочку уплаты Мексикой процентов по иностранным долгам. Правительство Мексики обещало выплатить их, но не имело возможности сделать это немедленно.

До этого Мексика, управляемая клерикальной, реакционной партией во главе с диктатором Мирамоном, давно уже не платила процентов и действительно являлась несостоятельным должником. Однако западные державы не только не снаряжали военных экспедиций против Мирамона, но поддерживали его

¹ На протест Лайонса против ареста английских подданных Сьюард справедливо ответил, что «при нынешнем кризисе все классы общества должны подчиняться мерам, необходимым для общественной безопасности» («С.-Петербургские Ведомости» от 19/X 1861 г.).

В частности, например, протест Сьюарда против переговоров с Конфедерацией относительно подписания договора о принятии парижской декларации был оставлен без ответа, но за то отвергнутый конгрессом проект билля Сьюарда и секретаря по морским делам Уэльса о снаряжении каперов был использован английским правительством для вмешательства в американские дела (см. Robertson, op. cit., p. 74).

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 217 (статья: «Рост симпатий в Англии»).

против народного революционного движения. В 1860 г. в Мексике победила республиканская партия Хуареса. Мирамон бежал. Вновь образованное демократическое правительство приняло меры, направленные к уничтожению реакционных банд, к установлению порядка и к государственному укреплению страны. Оно выразило твердое намерение удовлетворить претензии кредиторов, но средств для уплаты правительство еще не имело.

Истинный смысл и причины интервенции в Мексике, конечно, не могли быть объяснены неуплатой процентов, так как снаряжение экспедиций должно было обойтись в десятки раз дороже, и стоимость их покрывала с избытком не только проценты, но и всю сумму долгов, не говоря уже о тысячах жертв. Это великолепно понимали современники,¹ объяснявшие интервенцию совершенно иными причинами. Совершенно правильно объяснил истинные причины и цели интервенции К. Маркс, связывавший это событие с гражданской войной в США. «Последняя операция, — писал он об интервенции в Мексике, — преследовала две цели: вызвать справедливое раздражение со стороны американцев и одновременно создать предлог для посылки эскадры, готовой, по словам «Morning Post», «исполнить любую обязанность, которую враждебное поведение вашингтонского правительства может заставить нас выполнить в водах северной Атлантики».² Маркс к тому же замечает, что «Север» — русская газета — в номере от 3 декабря намекает на то, что мексиканская экспедиция с самого начала была затеяна не по тем причинам, которые выставлялись, а для войны против Соединенных штатов.³ «С.-Петербургские Ведомости» также писали, что Англия участвует в мексиканской экспедиции, чтобы иметь возможность приблизить свой флот к американской границе, ссылаясь при этом на газету «Morning Post», которая прямо писала, что «число орудий британского флота в Вест-Индии близко подходит к 1000; но этой почтенной цифры достигнут они лишь тогда, когда мексиканская экспедиция привлечет туда новые корабли Соединенного королевства». Они указывали, что Англия в этом вопросе сделала уступку Франции.⁴ На самом же деле Англия, стремясь отвлечь Францию от европейских дел, главным образом итальянских, и поспорить ее с США, старалась выставить Наполеона III,

¹ Из французских республиканских памфлетистов проницательность в политическом понимании экспедиции обнаружил Эдгар Кинэ. В своей замечательной брошюре «Expédition du Mexique» (вышедшей в Швейцарии в 1862 г.) он утверждал, что наполеоновские войска плывут в Мексику, чтобы добывать американскую демократию и разрушить союз штатов, чтобы укрепить свое господство в Америке.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 217.

³ См. там же, стр. 218; «Север» от 3/XII 1861 г.

⁴ «С.-Петербургские Ведомости» от 29/XI 1861 г.

чтобы самой, скрываясь за его спиной, действовать против США. Кроме того, в расчеты английской дипломатии не могло не входить и стремление разорвать франко-русское сближение и основательно привязать Наполеона III к своей дипломатической колеснице. Англия, конечно, понимала, что, организовывая мексиканскую экспедицию, она идет на рискованный шаг, и пыталась договором от 31 октября ограничить «аппетиты» Наполеона III. Договор, хотя и предусматривал посылку морских и сухопутных сил, достаточных для занятия военных позиций на берегу, но при этом обязывал Наполеона III не домогаться ни земельных приобретений, ни особых выгод, не влиять на внутренние дела Мексики и не посягать на независимость страны и свободу выборов правительства.

Однако Наполеон III вскоре перехитрил старых дипломатов. Мексика стала объектом захватнической политики Наполеона III, превратившего эту страну в свою колонию вследствие двусмысленной политики Англии и, главное, ослабления США гражданской войной.

7. Официальная позиция русского правительства и подписание морской конвенции

Какую же позицию заняла Россия в то время, когда политика Англии определилась как явно враждебная северным штатам и Пальмерстону удалось повести за собой бонапартовскую Францию и другие европейские державы?

В Вашингтоне в первые 2—3 месяца гражданской войны ничего не знали о позиции царского правительства. Правда, Стекло, принимавший участие в увещании Слайделя, Бенъямина, Рамона и других лидеров Юга, с которыми он до гражданской войны находился в близких отношениях, в отличие от других дипломатов пытаясь добиться примирения, с самого начала гражданской войны порывает все сношения с лидерами Конфедерации. Он неоднократно отклонял предложения принять участие в «примирительных предприятиях» дипломатов. В июне Стекло сообщил Горчакову, что во время своих переговоров с Лайонсом и Мерсье он убедился в опасности англо-французской политики, ведущей к серьезным осложнениям. Но предполагая, что война окончится к зиме, Стекло считал, что Россия должна подождать, пока положение не станет более ясным. Горчаков вполне одобрял эту политику.¹

Сюард писал в мае послу в Петербурге Апплетону, что он остался, в основном, доволен тоном Горчакова в беседе 8 апреля.²

¹ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стекло — Горчакову, № 44, лл. 203—204.

² Senate Documents, 1861/62, Seward to Clay 21/V, № 4, part I, p. 301. Правда, одновременно он писал в том же духе и в Париж Дейтону,

Он просил его сообщить Горчакову, что федеральное правительство имеет достаточно сухопутных и морских сил, чтобы подавить мятеж и блокадой закрыть порты, занятые мятежниками, а также заверить русское правительство в том, что подавление мятежа не будет продолжаться долго. Мир и согласие вернутся, и Союз будет сильнее, чем прежде.¹

Однако Апплетон в ответ на депеши Сьюарда от 20 и 27 апреля ничего не мог сообщить по вопросу о блокаде.² Только 3 июня он мог послать полученные им неофициально два приказа Грейга и Пашкова, данные на основании указаний Горчакова, по поводу флага кораблей конфедеративных штатов. В этих приказах предписывалось русскому флагу «не салютовать флагу и не признавать бумаги в порядке» судов конфедеративных штатов.³ Это, конечно, не означало прекращения торговли с мятежниками, а только непризнание их флага. Но в сравнении с английскими и французскими действиями этот акт, несмотря на всю его ограниченность, мог быть расценен во всяком случае как дружественный по отношению к Северу. Действительно, Сьюард благодарил русское правительство за эти приказы и рассматривал их именно как акт дружбы.⁴

Кроме того, Стебль, как указано уже выше, считая действия английских и французских дипломатов весьма опасными, не принял участия в их враждебных федеральному правительству представлениях. Вместе с тем он, предпочитая выжидательную тактику, не занял определенно дружественной позиции по отношению к Северу.⁵

При таком положении дел в начале июня приехал в Петербург пылкий и энергичный посол вашингтонского правительства Клей, высказывавший серьезные опасения относительно позиции английского правительства, пылавший ненавистью к нему, но полный горячих надежд на дружбу Александра II и даже Наполеона III, с которым он пытался иметь беседу в Фонтенебло на пути в Петербург. В Петербурге он не застал ни Александра II, который находился в Москве, ни Горчакова. Но стремительный и деловой американец — Клей, жаждавший скорее разузнать и определить отношение России к гражданской войне, был представлен товарищу министра иностранных дел генералу Толстому. Последний, как сообщал Клей Сьюарду, в «сердечной беседе»

выразив благодарность Наполеону III за пожелания вечности союза и за сердечность беседы Тувенеля.

¹ Senate Documents, 1861/62, Seward to Clay 21/V, № 4, part I, p. 301.

² Ibid., Appleton to Seward 23/V 1861, p. 300.

³ Ibid., Appleton to Seward 3/VI 1861, № 8, p. 301.

⁴ Ibid., 1861, Seward to Clay 9/VII, № 9, part I, p. 306.

⁵ АВГ, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стебль — Горчакову 12(24) VI 1861 г., № 44, лл. 203—204.

заверил его в «продолжающемся чувстве дружбы со стороны России и о своей надежде на то, что конфедерация не рискнет на учреждение здесь посольства». И пылкий Клей на основе этой беседы сразу «рискнул» сделать такой вывод: «одним словом, я имею сказать, что французский и русский императоры по-дружески относятся к нашему Союзу».¹

Через две недели Клей сообщил о возвращении в Петербург Александра II, который, «как говорят, — писал он, — руководил подавлением восстания крепостных».² Клей получил обещание представить его императору 14(2) июля. С Горчаковым же он беседовал 28(16) июня. Горчаков, как утверждал Клей, принял его сердечно, пожал руку и даже попросил сесть. Клей заверил Горчакова, что отношения между США и Россией не изменились, хотя и изменилась администрация США. Он рассказал ему, как в связи с вопросом о рабстве отделились штаты, и выразил надежду, что мятеж будет скоро подавлен.³

В назначенный день Клей был представлен Александру II, которому он высказал свое благоговение перед его «великими реформами» и наговорил много комплиментов, понравившихся последнему.

Александр II не оставался в долгу и отвечал, примерно, в том же духе, опечалившись, кажется, лишь тем, что Клей не был генералом. Оба говорили о необходимости дружбы двух наций в такое время, когда в обеих странах идет эмансипация.⁴

Присутствовавший при беседе Горчаков заинтересовался вопросом о том, все ли рабовладельческие штаты отделились, а главное позицией Англии. Клей ответил, что не знает замыслов.

¹ Senate Documents, 1861, Clay to Seward 7/VI, № 3, part I, p. 302.

² Ibid, Clay to Seward 21/VI, № 4 (extract), part I, p. 303.

³ Ibid., p. 304. В опубликованной депеше Клея место, относящееся к заявлению Горчакова, было изъято. Таким образом оно было скрыто от современников и до сих пор законсервировано в архивах.

⁴ Если крестьянская реформа 1861 г. в России, проведенная крепостниками за счет народных масс, являлась лишь шагом капиталистического развития сельского хозяйства по «прусскому пути» с целью спасения и сохранения самодержавного строя, то гражданская война в США была освободительной войной народа против рабства и изменников, за полное торжество буржуазного развития, за полную победу «американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве» (см. анализ двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве — Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 348, 349; т. XXII, стр. 184; т. XIV, стр. 215). Правда, в обеих странах проводилась эмансипация от атаквистических институтов, препятствовавших развитию буржуазной цивилизации, но различными путями и методами, при иных политических системах и общественных укладах, при иной роли народных масс. Поэтому вряд ли возможна и исторически оправдываема подобная аналогия. Скорее могло быть противопоставление. Но многие и современники и историки широко пользовались этой аналогией в дипломатических и политических целях или с тем, чтобы объяснить и оправдать русско-американскую дружбу.

последней, но что ее вмешательство привело бы к еще большему объединению штатов. «Но политика Англии возбуждает в нас чувства по отношению к ней далеко не приятные». Что же касается войны, то Север «с сожалением сражается против Юга: слишком тесное родство связывает нас и много общего в нашей истории». ¹

Клей не был бы дипломатом, если бы из бесед с Горчаковым и Александром II не понял истинного отношения царского правительства к гражданской войне. Он вскоре нашел подтверждение своих наблюдений в официальном документе министерства иностранных дел.

Горчаков, наконец, в начале июля послал Стеклою официальную депешу для федерального правительства, в которой определялась позиция России. Горчаков писал, что император с самого начала конфликта с глубоким интересом следит за развитием событий в США, которые касаются не только вопроса о собственности, но и существования Союза. «Император, — утверждалось в депеше, — глубоко сожалеет о том, что надежды на мирное разрешение конфликта не оправдываются и что американские граждане, уже вооружившиеся друг против друга, готовятся дать волю в своей стране самому грозному из бичей общества — гражданской войне». ² Более чем 80-летнее существование США как независимого государства показало прогресс штатов и согласие их членов. «Не было примера в анналах истории такому развитию собственности», — признает Горчаков. Прогресс штатов обязан объединению, а изолированностью друг от друга они будут парализованы.

Вспыхнувшая борьба «не может ни продолжаться долгое время, ни привести к полному разгрому одной из сторон». Рано или поздно необходимо прийти к соглашению, которое сделает возможным «сосуществование противоречащих интересов, ныне находящихся в конфликте».

Горчаков, однако, верил в практический здравый смысл американцев, которые умеют правильно оценивать свои истин-

¹ Senate Documents, 1861, part I, p. 305.

Клею даже казалось, что императору очень сильно понравилось это заявление, воспринятое Александром II как вызов старому «Джону Буллю».

Характерно то, что в том же письме, в котором сообщалось об этом разговоре, Клей выразил Сьюарду радость, что дело борьбы с Югом закончилось не компромиссом по вопросу о рабстве. «Свобода и союз, — писал он, — теперь вечны и нераздельны» («Liberty and Union now and forever one and inseparable»).

² Ibid., Gorchacof to Stoeckl 28/VI (10/VII) 1861, p. 308 (полный английский перевод с оригинала). Депеша на французском языке опубликована в сборнике м-ва иностранных дел, изданном в память 25-летнего управления министерством иностранных дел канц. Горчаковым, СПб, 1881 г. Копия в АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, л. 395—399.

ные интересы. Поэтому он полагал, что федеральное правительство и деятели обеих партий «используют все возможности и соединят все свои силы для того, чтобы успокоить брожение страстей. Здесь нет интересов, которые противоречили бы настолько, что их невозможно было бы примирить, если добиваться этой цели с рвением и упорством в духе справедливости и умеренности». ¹

Горчаков предлагал Стеблю, если только в пределах дружеских отношений его речи и советы могут помочь достижению этой цели, действовать в духе высказанных намерений, используя для этого все свое личное влияние, которое он сумел приобрести за время долгого пребывания в Вашингтоне. Рекомендуя Стеблю осмотрительность, Горчаков, вместе с тем, просил передать правительству США заверение в дружеских отношениях России к американскому союзу. «Этот Союз в наших глазах, — писал Горчаков, — не только является существенным элементом всеобщего политического равновесия. Он помимо того представляет нацию, к которой наш августейший монарх и вся Россия проявляют в высшей степени дружеский интерес, ибо обе эти страны, расположенные по обеим сторонам света, повидимому, призваны к естественной солидарности интересов и симпатий, неоднократно ими друг другу выраженных».

Горчаков утверждал, что он не хочет касаться как-либо вопросов, связанных с конфликтом в США, не будучи призванным высказаться. Целью же высказанных соображений было удостоверить «живое участие императора перед лицом опасности, угрожающей американскому союзу, и искреннее пожелание... сохранить это великое творение, с таким трудом созданное и имеющее столь богатое будущее». ²

Он хотел, чтобы Стебль высказался в духе депеши не только перед членами правительства Линкольна, но и перед влиятельными лицами, с которыми он может встретиться, и проси- заверить, что США могут рассчитывать на сердечную симпатию императора.

Сюард ответил, что он искренно надеется на возможность сохранения существующего между правительствами понимания, что в США «рады видеть мирный прогресс средств, которые император принял для улучшения условий русского народа», но он с интересом ждет результатов переговоров по вопросу о присоединении США к парижской декларации семи держав от 16 апреля 1856 г. ³

Ведь еще 8 июля Сюард, послав Клею копию депеши к Дейтону о согласии присоединиться к парижской декларации, вновь

¹ Senate Documents, 1861; part I, p. 309.

² Ibid., p. 309.

³ Ibid., Seward to Clay 12/VIII 1861, p. 307.

напомнил об ускорении переговоров по этому делу.¹ Деша Горчакова изобиловала фразами о сочувствии и заверениями в дружбе, а по сути дела царское правительство продолжало занимать выжидательную и примирительную политику.

В этом отношении характерна пометка Александра II на депеше Стекля, присланной в это время Горчакову. Стекль рекомендовал в ней подождать с решением более точного формулирования позиции русского правительства к США, пока не выяснится внешне-политическая обстановка и результаты переговоров с Англией и Францией. Император пометил: «C'est aussi mon avis» (таково также и мое мнение).²

Только в начале августа Горчаков благосклонно принял предложение о морской конвенции, но отклонил рассмотрение без Англии и Франции поправки Мерси.³ Наконец, 24 (12) августа в Петербурге соглашение было подписано без поправки Мерси. Соглашение не касалось также вопроса и о южных каперах.⁴

У Клея были более обширные планы. В письме к Сьюарду он высказывался за желательность заключения союза с Россией и Мексикой, ибо, утверждал он, нельзя верить Англии. «Мы, вероятно, в союзе с Россией, — писал он, — в недалеком будущем высадим армию, чтобы произвести расчет с нею [Англией] в Китае и Индии. Мы никогда не должны допускать ее перейти через перешеек. Наступило время для нас возглавить (assume the leade) все либеральные правительства запада».⁵

Клей справедливо считал, что США *нельзя оставаться изолированными от всего мира. Имеющиеся общие интересы делают необходимым активное участие США в европейских делах*, а также европейских держав в американских делах. Клей особенно опасался одностороннего вмешательства или признания Юга Анг-

¹ Senate Documents, 1861, part I, p. 303.

² АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, 12(24) VI, № 44, лл. 203—204. Характерно письмо Стекля к Вестману (начальнику канцелярии МИД) от 16(28) VI 1861 г. «При нынешних обстоятельствах, — писал он, — уничтожение пиратства явилось бы серьезной ошибкой со стороны Соединенных Штатов. Не знаю, поставили ли вас Англия и Франция в известность о предложениях, сделанных ими в Вашингтоне, но во всяком случае мы не будем вмешиваться во всю эту суматоху и избегнем осложнений, которые могут стать серьезными. Если мы считаем необходимым сделать здесь какой-либо демарш, то сделаем его одни. Останемся пассивными зрителями этих внутренних споров двух ветвей англо-саксонской расы, человечество от этого только выиграет. Таково, как вам известно, всегда было мое мнение». Там же, л. 359.

³ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Горчаков — Стеклю 28/VI и 24/XI, лл. 395—399.

⁴ Senate Documents, 1861, part I, p. 306, Clay to Seward 24/VIII 1861; АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, лл. 309—310.

⁵ Callahan, op. cit., p. 3 (из архивного документа). В опубликованной конгрессом депеше это место опущено.

лий.¹ Он предполагал парализовать действия Англии участием всех европейских держав и США в международной политике и превращением американского вопроса в один из вопросов общей мировой политики, рассчитывая, таким образом, на поддержку России в борьбе с Англией.

Сьюард, однако, весьма сдержанно отнесся к предложению Клея. «Хорошо известно, — писал он, — что наши отношения с Великобританией и Францией, в связи с нашими внутренними трудностями, сопровождаются осложнениями и опасностями, которые в целом превосходят любые осложнения и опасности, с которыми мы можем встретиться в нашем общении с Россией и другими державами северной Европы. Мы надеемся и ждем, что всегда будем состоять в отношениях доброжелательства и истинной дружбы с державами, и очень охотно будем с ними вести переговоры на базе декларации парижского конгресса».² Сьюард отметил, что замечания Клея относительно Мексики интересны, но обошел молчанием замечание о союзе с Россией. Он вновь подчеркнул, что США желают только, чтобы торговля всех наций была застрахована от ущерба, какой может угрожать ей в связи с гражданской войной, и потому добиваются подписания соглашения о морском праве. В то время, однако, уже определилось, что, за исключением России, европейские державы не желают подписывать соглашение, стремясь использовать последнее для признания Конфедерации. Но и соглашение с Россией, подвергнутое испытанию во время угрозы вооруженной интервенции Англии в США, не получило официального признания и не было ратифицировано США.

Тем не менее, в сентябре 1861 г. в условиях напряженной международной обстановки подписание Россией соглашения рассматривалось США как дружественный акт. Сьюард только в это время (спустя два месяца) дал официальный ответ на депешу Горчакова от 19 июля. В письме к Стекло 7 сентября он по поручению президента указывал на «глубокое понимание либеральных, дружеских и великодушных чувств его величества по вопросу о внутренних затруднениях, которые на известный промежуток времени, кажется, угрожают американскому союзу». Он просил выразить удовлетворение, с которым «президент рассматривает эту новую гарантию дружбы между нашими государствами, берущей начало с первых же времен существования США как государства».³

¹ Robertson, op. cit., p. 81.

² Senate Documents, 1861, Seward to Clay 13/IX, № 13, part I, p. 307.

³ Ibid., p. 309.

Глава III

УГРОЗА АНГЛИЙСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В США В КОНЦЕ
1861 Г. И РОССИЯ

1. Дело «Трента»]

«Со времени объявления войны России я никогда не видел такого возбуждения во всех слоях английского общества, как при известии о деле «Трента», привезенном в Соутгемптон «Ла-Платой» 27-го сего месяца». ¹ Так писал Маркс в своей корреспонденции от 30 ноября в нью-йоркской газете «Daily Tribune» о впечатлении, произведенном в Англии известием о незначительном инциденте, который сторонники сепаратистов пытались использовать в качестве повода для организации вооруженной интервенции в США в пользу мятежников и для давления на федеральное правительство в целях признания независимости южной конфедерации. Чернышевский совершенно верно рассматривал дело «Трента» как «вздорное» и одно из тех дел, «которые сами по себе не имеют важности, а выставляются только предложениями, прикрывающими серьезный расчет, да и ведутся по формальным тонкостям, изворачивающимся в какую угодно сторону». ²

Тем не менее, это событие имело важное значение в международной политике в связи с гражданской войной и оказало влияние на русско-американские отношения.

Джемс Месон и Джон Слайдель, назначенные — первый в Лондон и второй в Париж — в качестве эmissаров южной конфедерации, достигли Гаванны на маленьком пароходе, прорвавшемся через блокаду. 7 ноября они на английском почтовом пароходе «Trent» отправились в Соутгемптон в Англию. На следующий день командир федеративного военного судна «San Jacinto», капитан Уилькс, узнав о пребывании эmissаров на

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 209 («N. Y. D. Tribune» 19/XII 1861, № 6462).

² Чернышевский, Собр. соч., т. VIII, стр. 528 («Современник», 1861, ноябрь).

английском пароходе, остановил пароход в Багамском канале (между Гаванной и островом св. Фомы), арестовал так называемых «дипломатических представителей» Конфедерации и их секретарей и отправил в форт Warren близ Бостона. При этом документы этих эмиссаров и сам пароход в качестве приза не были взяты и благополучно прибыли в Англию.

В США об этом событии узнали 16 ноября. Оно было встречено с нескрываемой радостью. В честь Уилькса устраивались банкеты. Города иллюминировались. Была устроена подписка на поднесение герою дня почетной шпаги. Событие это рассматривалось как выигранное крупное сражение. Не было никаких сомнений в том, что поступок Уилькса законен и справедлив.

Объединенное заседание конгресса в первый же день сессии, 2 декабря, вынесло капитану Уильксу благодарность за его поступок и решило выдать ему золотую медаль.

Из всех видных государственных деятелей наиболее политически прозорливым и в данном случае оказался председатель сенатской комиссии по иностранным делам, лидер радикальных республиканцев, Чарльз Сомнер. Он с самого начала предлагал освободить эмиссаров, если Англия этого потребует, чтобы не дать повода сторонникам южан спровоцировать внешнюю войну (foreign war) или хотя бы обострить и без того уже весьма натянутые отношения с Англией. Сомнер, как и многие члены правительства, как и весь народ северных штатов, разделял радость по поводу захвата эмиссаров, но предвидел возможность неблагоприятных осложнений. Из американской прессы наиболее «непримиримую» позицию занимали органы консервативных республиканцев, в особенности так называемой «демократической» партии. Особенно выделялся орган биржи Нью-Йорка «New York Herald», не останавливавшийся ни перед какими доводами и средствами, чтобы спровоцировать войну с Англией. Однако сторонники южан на севере не находили никакой поддержки в народе, не желавшем внешней войны и стремившемся к тому, чтобы подавить мятеж в стране, а не призывать на помощь мятежникам европейские военные силы.

Иначе отнеслись к делу «Трента» в Англии, когда 27 ноября было получено известие об аресте Месона и Слайделя.

Биржа — барометр политических кулис — немедленно отзывалась на это событие, показывая приближение бури; по крайней мере, дельцы биржи желали вызвать ее. «Все коммерческие бумаги упали... — сообщал Маркс. — Консоли понизились на $\frac{3}{4}\%$, а у Ллойда на пароходы из Нью-Йорка была установлена военная страховка в 5 гиней», а через два дня, несколько успокоившись накануне, «...биржи были охвачены настоящей паникой...»¹

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 209, 210.

За исключением органа Джона Брайта «Morning Star», вся лондонская пресса неистовствовала. «Мы видим теперь, — писал корреспондент «Русского слова», — англичанина бешеного, с взъерошенными бакенбардами, пышущего гневом. Толстый Джон Булль грозит своим могучим кулаком и бранит малого кузена Джонстона». ¹

Газеты, рассматривая действия Уилькса как оскорбление национального флага, «...поставили альтернативу — или вашингтонский кабинет дает удовлетворение, или война». Они разжигали страсти, а торийские газеты даже «...вошли в дикий раж по поводу того, что, наконец, поймали «республиканцев» в западню и нашли *casus belli* [повод к войне]». ² Они прямо поощряли мятеж, открыто высказываясь за южан и обещая признать их конфедерацию. «Мы, — писал «Times», — уже признали конфедератские штаты воюющей державой и, когда наступит момент, признаем и их правительство». Однако газета вынуждена была признать, что «тем самым мы взяли на себя все обязанности и неудобства нейтральной державы по отношению к двум воюющим сторонам». ³ Английское правительство неоднократно нарушало нейтралитет в пользу южан. Незадолго, 12 ноября, благодаря уступке вашингтонского правительства, был урегулирован инцидент с конфедератским пиратским судном «Нешвилль», которое захватило в виде «военной добычи» 3 млн. долларов и, ускользнув от федерального флота, вошло с разрешения английских властей в порт Соутгемптон, где и совершило высадку, хотя власти были вполне осведомлены о настоящем положении дела. Канада превратилась в американский «Кобленц» сторонников рабовладельцев из северных штатов, организовывавших тайные банды в федеральных штатах. На английских верфях строились пиратские суда для южан.

Тем не менее, даже «Times» и большинство других английских газет, а также коронные юристы вынуждены были признать за Уильксом право обыска военной контрабанды. Но тут же ими устанавливается формальное, а не по существу, нарушение процедуры: Уилькс, мол, должен был арестовать не только эmissаров, но захватить их депеши и весь пароход с грузом и пассажирами. И вот эту ошибку Уилькса, позволившего «Тренту» проследовать в Соутгемптон, (что, как признавал английский юрист в «Times» 30 ноября, явно отвечало интересам английских владельцев и английских пассажиров), старались использовать как повод для организации интервенции в США. ⁴

¹ «Русское слово», 1861, № 12, Политическое обозрение, стр. 1.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 210.

³ Там же, стр. 211.

⁴ Там же, стр. 213.

2. Подготовка Англией интервенции в США и позиция европейских держав

С каждым днем все более и более возрастала угроза интервенции.

Ведь нужно было не менее 30 дней для обмена депешами между Лондоном и Вашингтоном. И «желтая» пальмерстоновская пресса использовала каждое промедление для разжигания войны. Газета «Times» писала, что на судах в портсмутской гавани 1861 орудие, — число, указывающее на год, когда они должны быть употреблены. Другой пальмерстоновский орган, «Economist», утверждал, что если уже воевать в США, «...то настоящее время является, конечно, таким, когда война причинит нам минимум вреда, и это единственный момент во всей нашей истории, когда она могла бы помочь нам получить неожиданную и частичную компенсацию». ¹ Газета «Morning Post» извещала об отправлении в Канаду орудий, ружей, снарядов, ядер и значительного количества артиллеристов на пароходе «Мельбурн». В первые же дни был отдан приказ гвардейским гренадерам и Шотландским гвардейцам быть готовыми к отправлению в Канаду. ² Корреспондент «Русского слова» сообщал, что на английских приморских верфях работа производилась днем и ночью, в будни и в воскресенье, «как будто война должна начаться через 2 недели». ³

30 ноября Россель послал Лайонсу депешу с требованием удовлетворения претензий английского правительства и возвращения пленников, правда, в относительно корректном тоне. В тот же день английское правительство отдало приказ послать флот и войска в Канаду. Но еще до инцидента с «Трентом», 5 октября и 28 ноября, в Канаду прибыли два транспорта войск, а теперь посылались уже дополнительные подкрепления. Более того, печать утверждала, что Россель и Тувенель договорились о совместных действиях, что было преувеличением.

Тем не менее, все это показывает степень угрозы войны в глазах современников и отражает политику Франции. Лайонс и Мерсье совсем незадолго до инцидента с «Трентом» заявили, что Англия и Франция будут совершенно согласны между собой в вопросах, касающихся американских дел. Как только было получено известие о деле «Трента», французское правительство, без всякого запроса Англии и не дожидаясь решений коронных юристов, объявило этот инцидент «нарушением прав флага», хотя уже стало известно, что капитан Уилькс действовал самовольно, а не по инструкции правительства. О'Брайен даже пред-

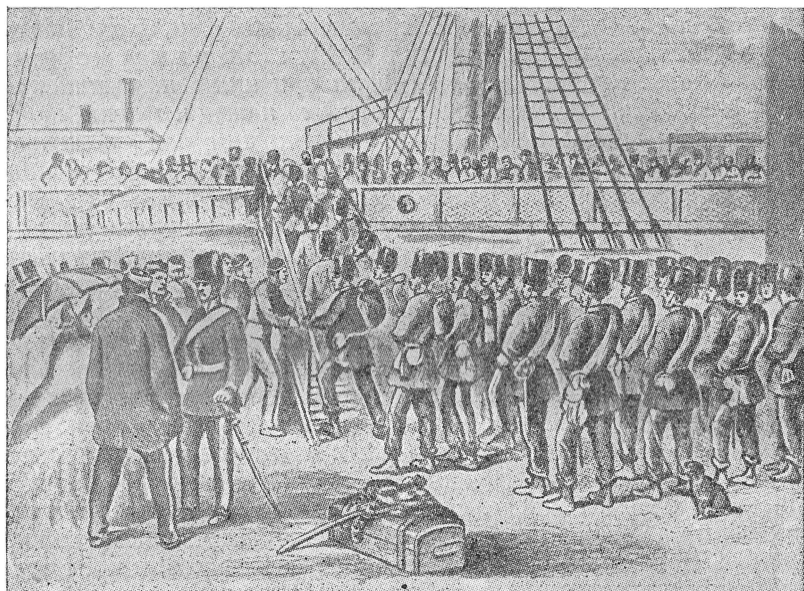
¹ Цит. Марксом, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 214. «Economist» имел в виду помощь мятежникам и ослабление США, занятых гражданской войной.

² «С.-Петербургские Ведомости» от 29/XI, 2/XII, 1861 г.

³ «Русское Слово», 1861, № 12, стр. 11.

положил, что «Франция ждет войны, чтобы наброситься на Англию». ¹

Действительно, французское правительство не только ждало, а и подстрекало Англию к войне с США, но по совершенно иным мотивам. Ведь в начале ноября тот же капитан Уилькс подверг осмотру и французские, и датские, и португальские суда, но в бонапартовской Франции крик негодования поднялся не из-за «чести» своего собственного флага, а из-за оскорбления

Отправление английских войск в Канаду в связи с делом «Трента» (Из «Illustrated London News» 14/XII 1861).

английского. «Ни одна английская газета не горячилась столько из-за чести английского флага, как французские полуофициальные газеты», — писал Чернышевский. Усердие Наполеона III в подстрекательстве Англии к войне он объяснял тем, что война для Франции была «лучом надежды избавиться от английского контроля в Европе». ² Оказывая «услугу» Англии, запутав ее в «какое-нибудь дело», Наполеон получил бы свободу действий в Италии и в Германии. Это было так же верно, как и выводы «С.-Петербургских Ведомостей», сделанные ими уже 28 ноября на основе французских источников: «В случае вероятной войны

¹ «Время», 1861, № 6, стр. 47; «С.-Петербургские Ведомости» от 24/XI, 12/XII, 15/XII 1861 г.

² Чернышевский, Собр. соч., т. VIII, стр. 528.

между Англией и Соединенными Штатами, первым последствием которой было бы признание правительством южной конфедерации, Франция не может желать, чтобы такое важное событие, коим окончательно утвердилось раздробление американской республики, «совершилось без ее вмешательства». ¹ Далее «С.-Петербургские Ведомости» приводят утверждение французской газеты «Patrie», что так как война будет продолжительной и приведет к истреблению американского флота, то «Франции следовало бы также присоединить свой флот к английскому, и тем сделать борьбу невозможной для США, и побудить вашингтонское правительство к изъявлению покорности, без всякой попытки бесполезного сопротивления». Такой прискорбный результат, по мнению газеты, как полное истребление американского флота Англией без участия Франции, был бы равносильным безраздельному господству Англии во всей Америке и еще большему усилению ее роли в мировой политике; поэтому Франция должна была бы предупредить и тем сократить, если не пресечь, с самого начала неприязненные действия, которые можно и должно было бы предвидеть со стороны Англии. Эта мотивировка — совершенно реальная; однако она не объясняет, почему Франции нужно было разжигать войну, а не бороться за мир и тем самым предупредить господство Англии. Но тогда Наполеону III нечего было бы делить и захватывать как в Америке, так и в Европе. Бесспорно, война Англии с США развязала бы ему руки в Италии и Германии и облегчила бы задачу захвата Мексики. Главнокомандующий французскими силами, посланными в Мексику, контр-адмирал Жюрье́н де ла Гравье́р уже 23 ноября 1861 г. отдал приказ о вооруженной интервенции в Мексике под видом борьбы с «анархией», нарушая договор от 31 октября о невмешательстве во внутренние дела. Французской же эскадре под командованием контр-адмирала Рено было приказано собраться к 30 декабря в водах Нью-Йорка. ²

Исчерпывающее и глубокое объяснение мотивов политики Наполеона III дал Маркс, который уже 30 ноября, когда еще не было известно о позиции Франции, предупреждал США, что «...война была бы находкой для Луи Бонапарта при его теперешнем трудном положении и, следовательно, была бы поддержана со всей силой официальной Францией...» ³ Через неделю Маркс вновь, доказывая американскому народу неблагоприятные условия войны для США, писал: «Наконец, последнее, но не менее важное: декабрьская Франция, обанкротившаяся, парализованная у себя дома, отягощенная трудностями за границей, хватается за англо-американскую войну как за настоящую

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 28/XI 1861 г.

² Там же, от 15/XII 1861 г.

³ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 213.

находку и, чтобы купить поддержку Англии в Европе, будет готова всячески поддерживать «коварный Альбион» по ту сторону Атлантического океана. Почитайте только французские газеты. Предел возмущения, до которого они дошли в своей нежной заботливости о «честь Англии», их бешеные речи о необходимости для Англии отомстить за нанесенное британскому флагу оскорбление, их гнусная клевета на все американское, — все это было бы поистине страшно, если бы не было в то же время так смешно и отвратительно». ¹ Таково авторитетнейшее свидетельство гениального современника.

Что же касается позиции Пруссии, Австрии и других немецких государств, то лучше всего сослаться на слова немецкого же дипломата Шлейдена, который, после беседы с Сьюардом, в своем отчете должен был признать, что «Пруссия и Австрия позволили Англии взять себя на буксир» («Preussen und Osterreich sich von England hätten ins Schlepptau nehmen lassen»). ²

Вся официальная Западная Европа, включая даже те государства, которые лицемерно заверяли США в своей «дружбе», в самый критический момент оказалась против них.

3. «Русский эпилог» драмы «Трента»

Какую же позицию заняла дружественная, как по крайней мере было принято писать в официальных дипломатических декларациях, Россия? Следовало ожидать, что она, по крайней мере дипломатическим путем, выступит в защиту США из соображений борьбы с Англией и сохранения США, которые, по утверждению ее собственных дипломатов, имели важное значение как противовес Англии и как фактор международного равновесия. Но царское правительство предпочло молчать, хотя было хорошо осведомлено об угрожающем положении США. И это в то время, когда *вся демократическая и либеральная пресса России почти единодушно высказывалась за США*, разоблачая английские и французские интриги. ³ В официозном органе министерства иностранных дел «Journal de S. Pétersbourg», с разрешения Горчакова, ограничились перепечаткой одной статьи, но не из органа республиканцев, а из органа северных «демократов» — этих друзей сецессионистов на севере — из «New York Times»,

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 215.

² Lutz, Die Beziehungen zwischen Deutschland und den Vereinigten Staaten. Berichte Schleiden, 1862, № 6, S. 35.

³ Я старался осветить позиции Англии и Франции на основе данных русской периодики, полностью подтверждаемых источниками и монографиями (Adams, The Trent Affair; Rhodes, op. cit., v. III; Adams, op. cit., v. I; Jordan and Pratt, Europe and the Am. Civil War и др.), с тем, чтобы показать, что в России были достаточно осведомлены в международной политике, хотя, разумеется, не в деталях.

который искру инцидента раздувал в пожар и работал на мятежников.¹

Полнейшим вымыслом некоторых американских историков, не критически отнесшихся к воспоминаниям Турлоу Уида (Weed), является, якобы, имевший место факт прибытия русских эскадр с «запечатанными инструкциями» в Нью-Йорк и Сан-Франциско во время дела «Трента».²

Ни дружественных, ни, наоборот, враждебных отношений Россия посылкой своего флота во время дела «Трента» не проявила по той простой причине, что никакие корабли в 1861 г. к американским берегам не посылались.³

Клей именно в этот период (декабрь 1861 г. — январь 1862 г.) более всего опасался прибытия агента мятежников в Петербург. Он сообщал Сьюарду о циркулирующих слухах, что агент этот уже, якобы, на пути в Россию. И только в феврале 1862 г., после мирного разрешения дела «Трента», на настойчивый вопрос Клея, как будет принят уже прибывший, по слухам, агент южан, Горчаков ответил, что «этот агент не посмеет явиться».

Обычно оптимистически настроенный Клей в своем письме от 7 января полон тревоги и беспокойства, сообщая о настроениях в Европе, в том числе и в царской России. Еще не зная, «будет ли война или сохранится мир с Англией» вследствие инцидента с «Трентом», он считал этот момент критическим.⁴ Клей утверждал, что европейские монархии всегда ревниво и недоверчиво взирали на заатлантическую республику, ибо «она всегда была протестом против всякой другой формы правления, кроме самоуправления». «Мы приносим им ущерб, — писал он далее, — потому что прилив к нам людей, денег и знаний представляет для них огромную и все увеличивающуюся потерю. Они спра-

¹ «Journal de S. Pétersbourg» от 29/XI 1861 г.

² Thurlow Weed, Autobiography, v. II, pp. 346—347.

Уид, один из самых близких друзей и политических советников Сьюарда, находился в конце 1861 г. в Лондоне и в своих воспоминаниях, написанных много позднее, перепутал даты прихода русских эскадр (вместо 1863 г. — 1861 г.). Историк Гаррис в своей ценной работе «The Trent Affair» (pp. 208—210) цитирует Уида, не потрудившись проверить подлинность этого факта.

³ Нельзя согласиться с утверждением Ефимова (Историк Марксист, 1936, № 3, стр. 154), что «в 1861 г. в Сан-Франциско действительно приходило русское судно адмирала Попова». Капитан I ранга А. Попов, произведенный в 1861 г. в контр-адмиралы, находился в это время еще в Петербурге. Только в самом конце 1861 г. Попов, назначенный командующим Тихоокеанской эскадры, отправился в Китайские воды, куда прибыл только в апреле 1862 г. Факт, на который ссылается Ефимов, имел место, но только летом 1862 г. (ЛЮЦИА, дело № 91 за 1862 г.). В просмотренных мною архивных источниках морского министерства, в статьях флотской и общей прессы нет никаких указаний о посылке судна или судов к американским берегам в 1861 г.

⁴ House (Executive) Documents, 37 congr., II sess., Clay to Seward 7/1 1862, № 15, 1862/63, part I, p. 443.

ведливо опасаются нас из-за нашей экспансии, совершающейся путем приобретения территории»; опасение их усиливается еще и от того, что США при присоединении народов, с их согласия или даже силой, располагают таким преимуществом, как предоставление им свободы, каким монархии и страны с аристократическим образом правления не могут воспользоваться. Таким путем США уже значительно расширили свои владения и «угрожают поглотить острова Атлантического и Тихого океанов, Канаду, перешеек (Панамский), Мексику и Южную Америку». ¹ Что же касается торговли, то способности американцев равны английским и превосходят французские. Все это делает США мощными, и европейские державы опасаются, что в недалеком будущем это может привести к столкновению. «...Это обстоятельство, — писал Клей, — создает угрозу их правящим классам и может быть их существованию как наций...» ²

Следовательно, взгляды и убеждения европейской аристократии, по мнению Клея, заключаются в том, что великая европейская система равновесия держав должна быть распространена и на Америку, что может быть и следует воевать с Соединенными Штатами, чтобы их ослабить. Однако, когда единство штатов распалось, «их собственные интересы, — писал Клей, — если не инстинкт самосохранения, требуют, чтобы этот распад сохранился и впредь. Этим был бы нанесен смертельный удар престижу республиканизма». Кроме того, «обе республики, вынужденные ввести обременительные налоги, широкую сеть укреплений и регулярные армии, оказались бы слишком хорошо уравновешенными (balanced) и слишком ослабленными, чтобы силой примера или силой оружия беспокоить других». ³

Если Клей и имел в виду в первую очередь английских аристократов, то он неоднократно все же подчеркивал, что пишет о взглядах и убеждениях *всей* европейской аристократии, не делая никаких исключений и для русской. Клей писал свое письмо под впечатлением прежде всего настроений аристократии Петербурга, но, естественно, он должен был особенно выделить официальную Англию, оказывавшую поддержку мятежникам и угрожавшую войной США.

Ведь до войны и европейская аристократия критиковала в прессе, в речах и т. д. институт рабства в некоторых штатах. Казалось бы «мы вправе были ожидать, — писал далее Клей, — моральную, если не материальную поддержку и помощь. Но нет: они отклоняют факты истории...» ⁴ Аристократы не хотят

¹ House (Executive) Documents, 37 Congr., III sess., Clay to Seward 7/1 1862, № 15, 1862/63, part I, p. 443.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 444.

видеть причину гражданской войны в том, что южане, стремившиеся сделать рабство краеугольным камнем республики, но не имевшие возможности осуществить это в рамках «конституции, справедливости и свободы», подняли мятеж. Аристократы пытаются объяснить гражданскую войну столкновением торговых интересов — тарифом. Клей имел возможность и в русской прессе найти объяснение причины гражданской войны в крахе существовавшей в США демократической системы.¹ Европейские аристократы, т. е. господствующие классы, были против уничтожения рабства, пугая всех «войной рабов» (servile war) в случае их освобождения. Клей не питал никакой надежды на помощь и сочувствие федеральному правительству со стороны какой-либо европейской страны. Но он не видел, что кроме аристократии в Западной Европе и России есть рабочий класс, трудящиеся массы, имеются буржуазные демократы, которые уже решительно стали на защиту Федерации и вели борьбу против своих господствующих классов, против интервенции.

Клей, в отличие от своего прежнего взгляда, когда он в письме от 3 августа советовал союз с Россией для борьбы против Англии, теперь предлагает организовать из всех народов Америки Лигу обороны против европейских интервенций и вторжений. Говоря при этом о европейских державах вообще, он особенно подчеркивает необходимость борьбы с Англией. В случае войны с последней, по его мнению, должна быть любой ценой занята Канада, которая составит союз с США на равных правах; люди и деньги должны быть брошены в Ирландию, Индию и во все британские владения во всем мире, чтобы поднять восстание. «Наше дело справедливо, — писал Клей, — и рано или поздно мы отомстим коварной аристократии».² Не надеясь на поддержку какой-либо европейской державы, Клей предлагал укрепить берега и усилить военную мощь страны, а также перейти к решительным методам ведения войны как единственному способу восстановить Союз. При этом, правда, он делал ряд оговорок и выступал против «радикальных друзей» (т. е. радикального крыла республиканской партии).³

¹ См. «Библиотека для чтения», 1861, т. 167, октябрь, стр. 1—40. Клей имел полное основание под впечатлением, которое производила на него реакционная часть русского общественного мнения, писать о взглядах и убеждениях всей европейской аристократии, в том числе и русской, пользовавшейся доводами реакционной прессы Западной Европы. Об общей ненависти английской и русской аристократии к демократии писал даже журнал «Время» (1861 г., № 6). Карл Маркс в Манифесте I Интернационала и других статьях противопоставлял позицию рабочего класса в вопросе о гражданской войне в США позиции господствующих классов всей Европы.

² House (Executive) Documents, 1862, Clay to Seward 7/I 1862, № 15, part I, p. 444.

³ Ibid., p. 445.

Если Клей из Петербурга писал только под влиянием своих впечатлений, то в Вашингтоне имелись более определенные данные, чтобы судить о позиции царской России. Еще в июле месяце Сьюард заявил Стекло: «Вы сами понимаете, что мы воспользуемся каперами в случае войны с Англией или Францией». ¹ В начале ноября Стекло вновь осведомился у Сьюарда, снарядит ли правительство США каперов в случае войны с Англией или Францией, и получил вновь утвердительный ответ. На этот раз, однако, Стекло заметил, что каперам США ни в каком случае не будет разрешено крейсировать в северной части Тихого океана. Россия — единственная страна, которая имеет порты в этой зоне, — будет согласно договора от 24 августа обращаться с каперами США как с пиратами. Сьюард мог только ответить, что он не предполагал этого и напишет Клею. Последний еще 19 ноября, до известия о деле «Трента», предполагал, что если удастся добиться подписания всеми державами морского соглашения на основе парижской декларации и признания поправки Мерси, то Россия в дальнейшем подпишет окончательный договор с этой поправкой. Сьюард, учитывая провал переговоров с Англией и Францией по этому вопросу и заявление Стекла, сделанное в один из самых затруднительных моментов для США, принужден был приостановить дальнейшее обсуждение соглашения в сенате. Он немедленно, 9 ноября, сообщил об этом Клею с объяснением обстоятельств, по которым соглашение должно быть снято с обсуждения.

В самый разгар англо-американского конфликта, 10 декабря 1861 г., Горчаков заявил Клею, что император в данный момент не настаивает на подписании соглашения, но готов сделать это, когда пожелает правительство США. В беседе с Клеем и в письме к Стекло Горчаков заверял, что это является выражением дружественных чувств к США. ² При создавшейся для США неблагоприятной международной обстановке это, пожалуй, было действительно так.

Уже после того, как рассеялись грозные тучи над США, Сьюард 18 января весьма дипломатично ответил Стекло, что «президент высоко ценит хорошие чувства». Соглашение, однако, не было ратифицировано сенатом. После дела с «Трентом» в США великолепно поняли, что морское соглашение может только сковать свободу действия их каперов в случае войны с Англией и Францией. Это хорошо понимали и русские дипломаты, которые не решались настаивать на ратификации

¹ Lutz, op. cit., Berichte Schleiden zu Bremen Senat 22/VII 1861, № 84, S. 33.

² АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Горчаков — Стекло 24/XI 1861 г., лл. 441—442.

соглашения, выжидая окончания исхода англо-американского конфликта.

Царское правительство если и не принимало никакого участия в разрешении конфликта, то оно не выступало враждебно против США, удерживая тем самым до некоторой степени английское правительство от интервенции.

Маркс был совершенно прав, когда сразу же после мирного урегулирования конфликта, 17 января 1862 г., писал о «русском эпилоге» драмы «Трента». «Россия, которая во время всей этой суматохи молча стояла позади, скрестив руки, вдруг высказывает на авансцену, похлопывает г. Сюрда по плечу и заявляет, что, наконец, наступил момент для окончательного урегулирования морского права»¹. Ведь, как известно, не только в США, но и в Англии парижская конвенция от 16 апреля 1856 г., которой Россия добивалась со времен Екатерины II и благодаря которой она могла бы стать «...неуязвимой для морских держав, как только эти последние откажутся от своих военных прав по отношению к нейтральным странам...»,² еще не была ратифицирована. Парижская декларация о морском праве, как подчеркивал Маркс, на деле под филантропическими фразами скрывала большую бесчеловечность. «Декларация, — писал он в декабре 1861 г., — принципиально превращает войну из войны народов в войну правительств. Она присваивает имуществу неприкосновенность, в которой отказывает личности. Она освобождает торговлю от ужасов войны и тем самым делает торговые и промышленные классы равнодушными к ужасам войны»³. Сильной стороной США, удерживавшей их противников от войны, было именно каперство, поскольку у США не было ни большого *военного* флота, ни сильной сухопутной армии. Тем не менее, США еще в 1857 г. выразили согласие присоединиться с оговоркой Мерси к парижской декларации. В начале гражданской войны правительство Линкольна само проявило инициативу в вопросе об отмене каперства, в особенности после того, как была опубликована Девисом прокламация о каперстве, которая без сомнения парализовала бы торговлю США и нанесла бы ей весьма существенный ущерб. Но кабинеты Сент-Джемса и Тюильри понимали, «...что запрет каперства необычайно понизит шансы сепаратистов, а тем самым и распада Соединенных Штатов».⁴ Спешно признав Конфедерацию воюющей стороной, они пытались воспользоваться случаем, чтобы фактически добиться признания Юга, требуя от правительства Линкольна заверения, что запрещение каперства не будет применено к кораблям

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 307.

² Там же.

³ Там же, стр. 291—292.

⁴ Там же, стр. 293.

мятежников, а также согласия на переговоры с Югом. Естественно, федеральное правительство США отклонило это требование, а учтя положение, созданное в связи с делом «Трента», не выдвигало больше вопроса о парижской декларации и уклонилось от ратификации соглашения с Россией.

Разумеется, в хоре великих держав приглушенный крик русского двуглавого орла не мог звучать в унисон с ненавистным ему ревом британского льва и душераздирающим криком галльского петуха, которые, кстати, также не могли похвастать согласием. В отличие от Сент-Джемского и Тюильрийского кабинетов, русское правительство не готовило войны против США и не искало поводов к ней. Если «молча стоя позади, скрестив руки», оно не предприняло ничего для предотвращения грозы, нависшей над США, и даже не выказало словесного сочувствия, пока не рассеялась для них опасность интервенции, то вместе с тем английские провокаторы войны поняли, что Россия не составит им компании в войне, которая к тому же была ненавистна английскому народу.

Первая и самая серьезная попытка Пальмерстона предпринять крестовый поход против США не удалась. При создавшемся положении внутри страны Пальмерстон мог рассчитывать только на благоприятную международную обстановку, в особенности на поддержку России, но последняя не могла и не хотела принимать участие в этом походе.

[4. Английский народ срывает план интервенции]

Одной из основных причин, сорвавших крестовый поход против США, было выступление английского народа, английского рабочего класса. «Пальмерстон хочет войны, — сообщал К. Маркс в своей корреспонденции 25 декабря 1861 г., — английский народ ее не хочет. Ближайшие события покажут, кто одержит верх в этом поединке — Пальмерстон или народ. Во всяком случае он [Пальмерстон] ведет игру более опасную, чем Луи Бонапарт в начале 1859 г.»¹

Уже 4, 5 и 7 декабря состоялись многолюдные митинги в Рочделе и Манчестере против интервенции в США, против рабовладельцев, за демократический Север. За ними последовали рабочие митинги в Брайтоне, Лондоне, Ньюкестле и по всей стране. «Антивоенное движение в *английском народе* растет и усиливается с каждым днем», — писал Маркс. Меморандумы, составленные на открытых митингах, «...как из рога изобилия, сыплются на главу кабинета, и независимая *провинциальная* печать почти

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 297.

единодушна в своей оппозиции против воинственного азарта лондонской прессы»,¹ которая на девять десятых находилась в области иностранных дел под контролем Пальмерстона.²

Было совершенно очевидно, что Пальмерстон искал формальный повод для организации интервенции и он попытался ухватиться за подвернувшийся инцидент с захватом «Трента» американским военным судном «San Jacinto». Еще 19 декабря в Лондоне была получена мирная депеша Сьюарда, которая была немедленно вручена Адамсом Джону Росселю. Росселем депеша была понята как извинение за действие капитана Уилькса, и Адамс после объяснений с ним считал мирный исход конфликта обеспеченным. Однако депеша «благородным лордом» была скрыта, а пресса раздувала воинственные страсти, пытаясь как-нибудь спровоцировать интервенцию и злобно оклеветать американский народ. Руководящую роль в этом играл бесспорно Пальмерстон. Несмотря на поддержку Росселя, который уже склонялся к идее признания Юга, Пальмерстон в правительстве все же наталкивался на сопротивление Гладстона, Корнелия Льюиса и Мильнера-Гибсона; его план не одобрялся даже и дипломатами, далеко не дружественными Северу. Гладстон писал 7 декабря 1861 г., что конфликт является очень печальным и удручающим событием; он искренно верит, что война может быть предотвращена; при этом он высказывал серьезные опасения за судьбу английских колоний.

Английский посол в Париже Каулей опасался реализации прежней «военной панацеи» Сьюарда. «Как бы мне хотелось отделаться от мысли, — писал он, — что Север и Юг не подадут друг другу руки для войны с нами».³ Лайонс выражал надежду на мирное разрешение конфликта, ссылаясь на заявление Чарльза Сомнера и членов правительства Линкольна. Кроме того он сообщал, что находившийся в это время в Вашингтоне канадский министр Голт (Golt) испугал его своей информацией о беззащитности Канады. Даже сам Россель — «это подлое орудие в его [Пальмерстона. — М. М.] руках» —⁴ писал еще 16 декабря Пальмерстону, что он все больше и больше склоняется к мнению, что если ответ будет благоразумным и не явится прямым вызовом, то нужно пойти на уступки. «Я не думаю, — продолжал он, — что страна одобрила бы немедленное объявление войны». Он ссылаясь также на неутешительные вести о Канаде. Но он полагал, однако, что нужно требовать возвращения пленных. На следующий день после беседы с Адамсом, 19 декабря, Россель в письме Пальмерстону выразил удовлетворение беседой, но

¹ Там же, стр. 300.

² См. там же, стр. 282.

³ Adams, op. cit., Cowlay to Russell 2/XII 1861, p. 215.

⁴ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 216.

считал необходимым в случае отклонения требований созвать парламент на 6 февраля. При другой ситуации он предлагал решать вопрос «согласно обстоятельствам». При этом Россель напоминал Пальмерстону, что, в случае войны, будет подорвана торговля, а колонии, в особенности Канада, не укреплены. И «Times» должен был признать, что американцы — сильный и предприимчивый народ, с большими морскими силами и производственными возможностями, что война связана с риском и опасностями и что нельзя думать, будто она ограничится американскими берегами.¹

Еще более крикливый орган военной партии «Economist» в своей передовой статье в конце декабря предостерегал от недооценки опасности войны и опубликовал письмо ливерпульского купца, направленное против войны. Из общей суммы стоимости ввезенного в Англию в 1861 г. хлеба в 15 380 301 ф. стерл. на долю США приходилось почти 6 млн. ф. стерл. Англия пострадала бы серьезно от невозможности покупать хлеб в США. Кроме того, США имели преимущество более быстрой информации: пока из Англии сообщили бы в Индию и другие колонии о начале войны, из Вашингтона немедленно, в начале военных действий, передали бы сообщение в Сан-Франциско. Суда США в Тихом океане использовали бы это преимущество, начав военные действия намного раньше английских. Американские же каперы доказали свое превосходство уже в войне 1812—1814 гг., когда флот США был значительно слабее, а теперь они не пощадят торгового флота и нанесут весьма чувствительный ущерб английской торговле. США стали бы господами в Канаде. Блокаду же американских берегов нельзя сделать эффективной, в особенности зимой. Ливерпульский купец писал, что «никто в Англии не решится настаивать на войне ради одного хлопка. Для нас было бы менее убыточно три года кормить все хлопчатобумажные округа на государственный счет, чем один год воевать ради них с Соединенными Штатами».²

Английская буржуазия не могла также забыть, что ее торговля с США составляла почти половину торговли Англии со всем миром, что английского капитала вложено в железные дороги, промышленные и торговые предприятия США свыше 2 млрд. ф. стерл. Они также не могли не опасаться около 200 000 вооруженных в США ирландцев, враждебных Англии.

Резко выступали против интервенции радикалы Кобден и Брайт, находившиеся в постоянной переписке с радикальным республиканцем США Ч. Сомнером, а также Форстер, Кеннингем, Уайт, историк Нового времени Смит и др. Все они указывали

¹ «Times», 1861, 25/XII (Adams, op. cit., v. I, p. 228).

² Цит. Марксом, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 299.

на опасность войны с США. Ричард Кобден, ссылаясь на пример французской буржуазной революции конца XVIII в., не без основания считал, что интервенция Англии и Франции не прекратит гражданской войны, а продлит ее и сделает более жестокой, ибо будут освобождены и вооружены негры и т. д.

Наряду с этим, решительное выступление рабочего класса заставило Пальмерстона отказаться от своего плана: Митинг рабочих в Брайтоне 18 декабря, несмотря на призыв Кобдена возвысить голос в пользу третейского разрешения конфликта, принял резолюцию за безусловный мир без всяких третейских соглашений.

Самый авторитетный и гениальный современник — Маркс писал в своей корреспонденции в «N. Y. Daily Tribune»: «Соединенные Штаты должны навсегда запомнить, что по крайней мере *рабочий класс* Англии за все время от начала до конца конфликта ни разу не оставлял их. Его вмешательством объясняется тот факт, что, несмотря на злостную агитацию, ежедневно наполнявшую продажную и безответственную печать, в Соединенном королевстве не удалось провести ни одного открытого митинга в пользу войны за все то время, когда мир висел на волоске». ¹ Единственная попытка созвать митинг в Манчестере в пользу войны провалилась. «В каком бы месте Англии, Шотландии или Ирландии ни происходили открытые митинги, они неизменно протестовали против бешеных призывов газет к войне, против зловещих замыслов правительства и высказывались за мирное разрешение вопроса». ²

5. Борьба К. Маркса против интервенции

Карл Маркс с присущей ему партийной страстностью вел борьбу против угрожавшей США интервенции. Поместив в нью-йоркской «Daily Tribune» и в бернской «Die Presse» за 2 месяца 15 статей по этому вопросу, он разоблачал рабовладельческие симпатии правительства Пальмерстона и клеймил позором замыслы, направленные против свободы и демократии. Он воздавал должное правильной позиции рабочего класса, который возвысил «свой голос против интервенции и за Соединенные Штаты», что явилось новым блестящим доказательством «...неисчерпаемой внутренней силы английской народной массы, силы, которая составляет тайну величия Англии...» ³ Маркс все время противопоставлял эти позиции народной массы лицемерному, буй-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 219.

² Там же.

³ Там же, стр. 309.

ному, трусливому и глупому поведению официального и богатого Джона Булля.¹

Уже через три дня после получения известий об инциденте с «Трентом» и как только выяснилось, что этот инцидент стремятся использовать в качестве *casus belli* интриганы из числа друзей сецессионистов, Карл Маркс спешит публично разоблачить гнусные козни фешенебельной продажной прессы Лондона.² Маркс, полный беспокойства за судьбы демократии, международного мира и исхода гражданской войны, в своей статье от 30 ноября убеждал американское правительство, что «...в интересах своей репутации и своих выгод оно не должно проявлять чрезмерную щепетильность в вопросе об условиях удовлетворения...» и советовал согласиться с тем, что капитан Уилькс «...формально или по существу нарушил морское право...» «Американское правительство, — писал далее Маркс, — должно помнить, что оно играет на-руку сецессионистам, впутывая Соединенные Штаты в войну с Англией, что такая война была бы находкой для Луи Бонапарта при его теперешнем трудном положении и, следовательно, была бы поддержана со всей силой официальной Франции, и что, наконец, силы, находящиеся под командой англичан в северо-американских и вест-индских стоянках, вместе с силами мексиканской экспедиции дадут английскому правительству подавляющее преобладание на море». ³ Гениальная прозорливость Маркса очень скоро нашла свое подтверждение в действительности, а совет был услышан и получил одобрение далеко за пределами США.⁴

Маркс обращал особое внимание американского народа на политическую сторону дела «Трента», сообщая об удивлении всей европейской прессы по поводу странного поведения американского правительства, вызывающего такую серьезную международную опасность ради того, чтобы арестовать Месона, Слайделя и К^э, в то время как Янси и Менн с важностью расхаживают в Лондоне». «Times» конечно прав, — писал Маркс, — говоря: «Даже сам г. Сьюард должен знать, что голоса южных комиссаров, раздающиеся из заточения, звучат в тысячу раз красноречивее в Лондоне и Париже, чем если бы они раздавались в Сент-Джемском дворце или в Тюильри». Маркс, призывая народ Соединенных Штатов к уступке в вопросе о «Тренте», высказывал уверенность, что США привлекут на свою сторону

¹ См. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 220.

² См. там же, стр. 222.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Статья Маркса была опубликована в «N. Y. Daily Tribune» без подписи. «Русское слово» (№ 12 за 1861 г.) ссылалось на эту статью и считало, что «это весьма благородные слова и желательно, чтобы США осуществили этот благоразумный совет» (стр. 16).

«...общественное мнение Англии посредством открытого признания и тщательного исправления международного промаха, отстаивание которого могло бы привести к осуществлению самых дерзких надежд мятежников». ¹

Эта статья была опубликована в самой популярной и влиятельной республиканской газете «N. Y. Daily Tribune» в период наиболее обостренных отношений и имела так же, как последующие статьи Маркса по этому вопросу, огромное влияние на читателей. Все они оказали колоссальнейшую услугу делу мира и торжеству над мятежниками.

Маркс воспользовался самой популярной и влиятельной газетой республиканцев США, чтобы на страницах ее убеждать американцев и правительство США в необходимости мирного соглашения, не давая повода для интервенции. «Друзья Соединенных Штатов по эту сторону Атлантического океана, — писал он 7 декабря, — с нетерпением ждут, что федеральное правительство предпримет шаги к примирению». ² Он обосновывал это весьма убедительными аргументами. Главной и ближайшей задачей США было подавить мятеж и восстановить Союз. Именно рабовладельцы и их сообщники на севере всегда желали спровоцировать войну между США и Англией. Последняя в случае войны прежде всего признала бы южную конфедерацию и уничтожила бы блокаду. К тому же, момент для войны был более благоприятен для Англии, которая и пыталась ухватиться за любой предлог к войне. Но как раз эта причина и должна удерживать Соединенные Штаты от войны, тем более, что внутри страны свирепствует гражданская война. Политика «декабрьской Франции» тоже направлена против США. Вскрывая планы Пальмерстона и ссылаясь на исторические примеры, Маркс заключает: «Таким образом, вопрос сводится к следующему: предпочитаете ли вы обратить «неприятный эпизод» в вашу пользу или, ослепленные настроением момента, превратите его в выигрыш для ваших противников у себя дома и за границей?» ³

Маркс совершенно справедливо указывал на характерную бестактность «...сознательной слабости, которая надевает на себя маску силы» в поведении Сьюарда, проповедывавшего антибританскую политику, ⁴ и считал, что если инцидент с «Трентом» ускорит удаление его из правительства, «...то у Соединенных

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 213.

² Там же, стр. 214.

³ Там же, стр. 216.

⁴ Родс, Адамс и др. американские историки подчеркивают, что именно Сьюард в отличие от Линкольна, Сомнера и др. занимал резко антибританские позиции. Rhodes, op. cit., v. III, 522—24; Adams, op. cit., v. I, p. 231. Об этом писали и дипломатические деятели.

Штатов не будет никакого основания заносить этот эпизод в летописи своей гражданской войны как «untoward event» [неприятный эпизод]». ¹

6. Мирный исход дела «Трента» и его значение

Несмотря на воинственные крики северных «демократов» и даже части умеренных республиканцев, работавших в пользу мятежников, вашингтонское правительство, после некоторых колебаний, под влиянием радикальных политических деятелей республиканской партии Ч. Сомнера, Чейза и др., последовательно и настойчиво требовавших мирного урегулирования конфликта в целях более решительной борьбы с мятежниками, решило не дать повода друзьям сепаратистов в Англии и США для интервенции. Даже умеренный республиканец Сьюард, воинственность и антибританская политика которого, еще больше раздувавшаяся английской прессой, всем была известна, уже 30 ноября послал Адамсу мирную депешу с подтверждением, что Уилькс действовал без ведома правительства.

В беседе с бременским послом Шлейденом 14 декабря Сьюард заверял его, что инцидент с Англией будет разрешен мирно, но Шлейден, зная настроения некоторых членов кабинета, не верил в мирный исход. ² 19 декабря лорд Лайонс ознакомил Сьюарда с основными положениями депеши Росселя от 30 ноября. Но на основании частной инструкции последнего, Лайонс прочел и оставил Сьюарду копию депеши только через несколько дней, 23 декабря, когда он уже формально предъявил требование немедленно освободить агентов Конфедерации. Уже во время обсуждения этого вопроса в вашингтонском кабинете, Мерсье представил депешу из Парижа от 3 декабря, в которой Наполеон III поддерживал «справедливое» требование правительства Пальмерстона. На заседании кабинета 25 и 26 декабря Сомнер, прочитав письма Брайта и Кобдена и преодолев колебания Линкольна, предлагавшего третейское соглашение, и других членов кабинета, добился решения об освобождении Месона, Слайделя и их секретарей. В первый день нового (1862) года последние были доставлены на английский пароход. 8 января в Лондоне было получено сообщение Лайонса в духе одобренной вашингтонским кабинетом 20 декабря депеши Сьюарда, а через два дня Россель послал ответ, что правительство удовлетворено и считает инцидент законченным.

Этот инцидент имел чрезвычайно важное значение как для международного положения США, так и для роста классового сознания и интернациональной солидарности пролетариата.

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 274.

² Annual report of the Amer. Hist. Association, 1915, p. 214.

Была также раскрыта реакционная внешняя политика правительства Пальмерстона, не брезгавшего ложью и фальсификацией, чтобы обмануть народ. Ярким показателем этого было разоблачение скандальной истории по поводу сокрытия депеши Сьюарда от 30 ноября и — подлившее масло в огонь — опубликование самим Росселем в официальной «London Gazette» от 12 января переписки его с лордом Лайонсом, доказавшей, что Пальмерстон «пытался действовать наперекор официальной и обязательной политик *ответственных* советников короны». ¹ Это послужило, по выражению Маркса, *casus belli* между английским народом и английским правительством. ² И после мирного исхода англо-американского конфликта не прекращались митинги рабочих в пользу Федерации, за уничтожение невольничества, за признание блокады и с протестом против поддержки мятежников. Антиинтервенционистские настроения росли с каждым днем, охватывая все большие круги английского народа. ³ Последний, как и другие народы Европы, понимал, что между исходом борьбы в США и судьбами демократии в Европе существует глубокая связь. Кобден в своем письме Сомнеру от 19 декабря, в связи с подготовкой Англией интервенции, сообщал, что, конечно, все привилегированные классы и аристократы ненавидят республиканские институты, и считал это вполне естественным. ⁴ Корреспондент «Русского слова» писал в декабре 1861 г.: «господствующие классы Англии опасаются демократии; надеясь ослабить Северную Америку, они в то же время надеются ослабить эту возрастающую силу, которая грозит их собственным привилегиям». ⁵ Он имел в виду не только экономические, но и политические привилегии и угрозы этим привилегиям не столько вовне, сколько внутри страны. Поражение и возможный распад Соединенных Штатов надолго отсрочили бы избирательную реформу в Англии. Виги и тори сблизились бы, чтобы противодействовать демократическим течениям в обществе. «Усиление неприязни к США, обнаружившейся с самого начала гражданской войны в Америке, — писал тот же корреспондент, — совпадает с ослаблением радикальной партии в Англии», а инцидент с «Трентом» подал правительственным людям повод выступить против демократии. ⁶

В ряде статей «Saturday Review» 23 февраля, 30 марта и 27 апреля 1861 г., «Economist» 16 марта, «Times» 4 ноября использовали события в США в целях критики всеобщего избиратель-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 306.

² См. там же, стр. 303.

³ См. там же, стр. 308—317.

⁴ Rhodes, *op. cit.*, v. III, p. 530.

⁵ «Русское слово», 1861, № 12, стр. 13.

⁶ Там же.

ного права, демократических учреждений и для нападков на английских радикалов. Брайт 6 сентября писал Сомнеру, что правящие и господствующие классы Англии радуются предстоящему падению демократии в США. Граф Шресбёри (Shresbury) провозглашал: «Я вижу в Америке испытание демократии и провал ее. Я убежден в неизбежности распада Союза и в том, что Америка станет аристократической». ¹

Пальмерстона поддерживала не только «вигская шайка», но и тори, которые через интервенцию надеялись прийти к власти, а «между Пальмерстоном и Дизраэли уже состоялось соглашение о предварительных шагах к такой перемене декораций». ²

«Этим и объясняется, — пишет Маркс, — бешеный военный клич «Morning Herald» и «Standard», этих голодных волков, воющих в надежде получить долгожданные крохи общественной милостыни». ³ Однако история сыграла злую шутку с Пальмерстоном и его друзьями. Раздутый ими конфликт с США оказал услугу федерации и всей демократии. Желая поразить последних, они сами потерпели жестокое поражение.

«В Англии имелась влиятельная партия сторонников войны, — писал Маркс 11 января 1862 г., — которая то ли из коммерческих, то ли из политических соображений усердно добивалась ссоры с Соединенными Штатами. Трентское дело явилось пробным камнем для этой партии, обнаружив ее ничтожество. Военные страсти разбушевались по второстепенному поводу, накопившимся парам был дан выход, громогласное бешенство английской олигархии возбудило подозрения английской демократии, широкие британские круги, заинтересованные в сношениях с Соединенными Штатами, дали отпор, истинный характер гражданской войны выяснился для рабочего класса, и все это, в конце концов, привело к тому, что опасный период, когда Пальмерстон властвовал единолично, без контроля со стороны парламента, быстро приближается к своему концу. *Этот период был единственным, когда можно было попытаться вовлечь Англию в войну за рабовладельцев.* Теперь об этом уже не может быть и речи». ⁴

Английские политики не могли не учесть трудностей войны с США и сопротивления, оказываемого народом интервенционистским планам. Агент мятежников Готц (Hotze) в отчаянии писал 11 марта 1862 г., что дело «Трента» причинило южной кон-

¹ Adams, op. cit., v. II, стр. 276—282.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 216—217.

Этому нисколько не противоречит тот факт, что некоторые лидеры консервативной партии, в частности Дизраэли, выступали до этого момента против вмешательства в американские дела. Rhodes, op. cit., v. III, p. 530.

³ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 217.

⁴ Там же, стр. 224 (подчеркнуто мной. — М. М.).

федерации огромный вред, а Россель стал теперь «заклятым врагом нашего народа». ¹ Он в своем пессимизме, конечно, преувеличивал «враждебность» Росселя. Но последний действительно не осмеливался в данный момент реализовать свой план признания Юга и срыва блокады.

Предположение русской прессы о том, что Англия боялась войны с Соединенными Штатами и только хотела воспользоваться делом «Трента» для того, чтобы вынудить Соединенные Штаты признать Конфедерацию и снять блокаду, было до некоторой степени верным. ² Но на этот раз, как и при переговорах о парижской декларации, добиться этого Англии не удалось. В самом деле, Пальмерстон и Россель прекрасно знали о мирной политике правительства Линкольна и могли убедиться, что войны не будет, по крайней мере из-за инцидента с «Трентом». Но они, тем не менее, сознательно скрывая мирные намерения вашингтонского правительства, раздували в продолжение еще почти трех недель возможность войны, возбуждали воинственный азарт и деятельно готовились к войне.

Они были намерены, в случае если даже не удастся организовать интервенцию, угрозами войны, используя дело «Трента» и другие инциденты, добиться признания Юга или в крайнем случае снятия блокады. Они, кроме того, воспользовались случаем сконцентрировать в Америке значительные военные силы, которые можно было бы в удобный момент пустить в ход. Все это должно было подбодрить мятежников, поощрить их к дальнейшей упорной борьбе и мобилизации новых сил, а также обострить партийную борьбу на севере, оживив деятельность друзей сецессионистов.

7. Вопрос о блокаде и выступление европейского пролетариата за США

В декабре из одного только южного порта вышло 13 английских кораблей, воспользовавшихся отсутствием федеральной эскадры. Более того, когда английская шхуна «Джемс Кемпбелл» была захвачена за нарушение блокады южных портов, то Сьюард немедленно в письме к Лайонсу назвал поступок офицера «неприличным». Захват американским пароходом 3 англичан за нарушение блокады Сьюард в другой ноте признал также незаконным. Тем не менее друзья сецессионистов в Европе продолжали выискивать всякие поводы для вмешательства.

С целью большей эффективности блокады федеральная эскадра затопила в декабре в одном из самых широких и трудных для

¹ Adams, op. cit., v. I, p. 243.

² «С.-Петербургские Ведомости» от 9/I 1862 г., «Время», 1862, т. VII (полит. обзор.) и др.

контроля фарватеров Чарльстонской гавани 16 старых груженых камнем купеческих судов. Пальмерстоновская пресса с помощью бонапартовской подняла крик о вандализме, варварстве, вероломстве и пр., обходя в то же время молчанием сжигание хлопка мятежниками. Пальмерстон, в согласии с французским кабинетом, как верно понял Чернышевский, «захотел искать тут нового предлога для ссоры с Северными Штатами». ¹ Россель немедленно предложил Лайонсу заявить официальный протест.

Ожегшись на инциденте с «Трентом», европейские друзья сецессионистов образовали общество борьбы за признание Конфедерации. Это общество добивалось прежде всего свободы торговли с мятежниками и взяло на себя инициативу постоянно напоминать Пальмерстону и Росселю об их интервенционистских планах. Вопрос о блокаде, в связи с экономическим кризисом и нехваткой хлопка, казалось, был самым лучшим предлогом, чтобы организовать интервенцию и нарушить «нейтралитет» в пользу Юга, обманув народные массы тем, что это является для них «вопросом желудка».

Рабочие действительно пребывали в это время в Англии и во Франции в бедственном положении. В Ланкаширском округе из 2 300 000 населения пособие получало 48 000 человек, а в начале ноября 1861 г. — уже 61 207 чел., через месяц — 71 593, достигнув к марту 1862 г. цифры в 113 000 чел., а затем число нуждавшихся в помощи росло еще более быстрыми темпами. И это кроме частной благотворительной помощи. В начале ноября 1861 г. из 842 текстильных фабрик Манчестера только 205 работали без перерывов, 408 работали только от 3 до 5 дней в неделю, а остальные совершенно прекратили работу. Из 172 257 рабочих всех предприятий в ноябре только одна треть сохранила свою зарплату, остальные оказались безработными или частично без работы (т. е. не с полной нагрузкой). То же самое происходило и в других округах. Средняя месячная зарплата за 1860 г. доходила до 5 750 000 руб., а в ноябре 1861 г. не достигала и 3 млн. К началу января 1862 г. работа на хлопчатобумажных фабриках сократилась по крайней мере на половину. Цена на хлеб резко увеличилась. К ужасам голода присоединилась исключительно холодная зима 1861/62 г.

Хлопчатобумажная промышленность занимала весьма видное место в народном хозяйстве Англии. Только в Англии, без Шотландии и Ирландии, было 2650 фабрик, из которых 2195 в Ланкашире; на них было занято 500 000 рабочих, перерабатывавших 1 млрд. фунтов хлопка ежегодно. Из ввезенных в Англию

¹ Чернышевский, Собр. соч., т. IX, стр. 195 («Современник», 1862, январь).

в 1860 г. 5 524 000 кип хлопка на долю Соединенных Штатов приходилось 4 675 000 кип.

О невероятно большой, возраставшей с каждым днем нужде рабочих в северных промышленных округах и несколько меньшей нужде рабочих, занятых в других отраслях промышленности, — писал Маркс 28 января 1862 г.¹ Фабрики закрывались и рабочее время сокращалось под предлогом блокады рабовладельческих штатов, а торговля сократилась, якобы, в связи с тарифом Морриля, принятым 2 марта 1861 г. конгрессом США. В действительности кризис хлопчатобумажной промышленности и отражение его на других отраслях был вызван английским перепроизводством, а не блокадой и высокими тарифами в США. Гражданская война лишь впоследствии обострила кризис, а вначале, наоборот, временно смягчила его развитие. Годичное собрание в конце января 1862 г. Манчестерской торговой палаты (авторитетного, по выражению К. Маркса, в этом вопросе учреждения магнатов промышленности) вынуждено было признать, что «...вследствие массового и все растущего *перепроизводства* нынешний застой должен был бы наступить, даже если бы не было американской гражданской войны, тарифа Морриля и блокады». ²

Современники великолепно понимали, что если бы не было гражданской войны в США, то экономический кризис все равно разразился бы. ³ В течение 1858—1860 годов, в связи с обильным урожаем хлопка — особенно в 1859 г. — и значительным удешевлением его, производство значительно выросло на старых предприятиях, а кроме того, возникло много новых фабрик — благодаря всему этому и произошло переполнение рынков. В конце 1860 г. уже ощущалось явное перепроизводство. Главные азиатские и австралийские рынки были обеспечены на целый год запасами английских хлопчатобумажных изделий. Цены на хлопчатобумажные изделия резко падали. Многим фабрикантам грозило банкротство, новые заказы не поступали и даже от старых отказывались. Но весть о начале гражданской войны в США и о блокаде южных штатов, грозившей громадным сокращением ввоза хлопка, спасла на время хлопчатобумажную промышленность Англии. Цены на текстильные изделия и хлопок перестали падать и отчасти даже поднялись в связи с возросшим спросом. Заказы вновь стали поступать, и кризис был смягчен. За 1861 г. из США в Англию было ввезено 2 791 890 кип

¹ См. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 308.

² Там же, стр. 315.

³ См. Adams, op. cit., v. II, pp. 8—12. Об этом подробно писала русская пресса. Замечательный обзор на основе данных «Revue des deux Mondes» составил Чернышевский для «Современника» в № 1 за 1862 г. Верный анализ был сделан и в корреспонденции «Время» в т. VII за 1862 г.

хлопка, не на много меньше, чем в 1860 г. (3 151 563 кип). Но ведь урожай хлопка в 1860 г. был ниже предыдущего года на 1 млн. кип, а в 1861 г., по данным даже министра финансов южной конфедерации, сбор едва достигал 2,5 млн. кип.

В середине 1861 г. запас хлопка в Англии был не менее запаса 1860 г.; 6 декабря 1861 г. на складах в Ливерпуле было 606 810 кип, а в соответствующий период 1860 г. было 579 200 кип. Но запаса, исчислявшегося к началу 1862 г. в 660 000 кип, могло хватить только на четыре месяца. Разумеется, дальнейшее продолжение гражданской войны привело бы «...к безмерным бедствиям для рабочего класса и к разорению более мелких фабрикантов»; ¹ это ни у кого не вызывало сомнений.

Рабочим не стало легче от того, что был ослаблен кризис, так как фабриканты, ссылаясь на факт гражданской войны, блокады и неблагоприятный тариф, сразу же сократили производство почти на одну треть. В Англии насчитывалось 892 000 бедных, получавших пособие, в Шотландии — 121 000 и в Ирландии — 91 000. Уже к 1 июля 1861 г. число получавших пособие увеличилось почти на 40 000. ² Еще больше бедствовали те, кто не получал никакого пособия или работал не полную неделю. Ведь в одном Ланкаширском округе число получавших пособие в марте 1862 г. увеличилось против обычного более чем в 2½ раза, а к концу года в 6 раз (с 48 000 до 284 418). Кроме того, 238 000 чел. получали частную благотворительную помощь. Из 500—600 тыс. рабочих этого округа — 412 000 получали общественную и частную помощь. ³ Но если недостаток хлопка начал ощущаться в конце 1862 г., то в 1861 и в начале 1862 г. бедствия рабочих вызывались другими причинами: «неумолимо свирепствующий в богатой Англии пауперизм происходит вовсе не от недостатка хлопка, не от междоусобной войны в Америке», ⁴ — писало «Время». Фабриканты это очень хорошо понимали, но сваливали причину сокращения производства на гражданскую войну и пытались обмануть рабочих указанием на то, что будто бы янки лишили их работы. «Поэтому, — писал Маркс, констатируя все возрастающую нужду рабочих, — английское вмешательство в американские дела является в данный момент для английского рабочего класса вопросом желудка (Mess- and Gabelfrage). К тому же natural superiors (естественные начальники) рабочих не гнушаются никакими средствами для возбуждения в них ярости против Соединенных Штатов». ⁵ Особенно отличалась в этой американофобской кампании пальмерстоновская пресса.

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 316.

² «Время», 1862, т. VII, стр. 61.

³ Adams, op. cit., v. II, pp. 12—13.

⁴ «Время», 1862, т. VII, стр. 63.

⁵ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 308—309.

Даже «рабочий» орган «Reynold's Newspaper» был подкуплен и перекликался с желтой прессой своими тирадами о необходимости интервенции. Но «рабочий класс вполне понимает, что правительство только и ждет воплей об интервенции снизу, ждет этого «давления извне», чтобы положить конец американской блокаде и нужде английского населения. При таких обстоятельствах нельзя не удивляться выдержке рабочего класса, который хранит упорное молчание, а если нарушает его, то лишь для того, чтобы возвысить свой голос *против интервенции и за Соединенные Штаты*. Это — новое блестящее доказательство неисчерпаемой внутренней силы английской народной массы, силы, которая составляет тайну величия Англии...»¹ И в качестве чрезвычайно характерного примера Маркс приводил большой рабочий митинг, состоявшийся 27 января в Мэрилебоне (районе Лондона), который был лишь одним из многих подобных митингов. Рабочий класс показал правительству, что он не равнодушный зритель его внешней политики, что он решительно против всякого вмешательства в американские дела. В резолюциях, принятых на митингах и врученных послу США Адамсу как выражение чувств и взглядов рабочего класса Англии, подчеркивалось, что рабочие против «...тираннической партии, которая поднимает мятеж против американской республики и является заклятым врагом социальных и политических прав рабочего класса во всех странах». ² Они заклеили «позорную бесчестность и защиту рабовладельцев «Times» и родственных ему аристократических газет». Они протестовали против бессовестной фальсификации общественного мнения Англии и стремления втянуть их под любым предлогом в войну с миллионами братьев. Возмущаясь клеветой на демократические учреждения в газетах, которые не брезговали использованием временных затруднений Федерации, — рабочие выражали свои симпатии США в их борьбе за сохранение Союза. В своей резолюции мэрилебонский митинг единодушно заявил, что считает необходимым «самым настойчивым образом высказаться за строжайшее невмешательство во внутренние дела Соединенных Штатов..., заклеить военную политику органа биржевых мошенников и высказать свое самое горячее сочувствие стремлениям аболиционистов добиться окончательного разрешения вопроса о рабстве». ³

¹ Там же, стр. 309 (подчеркнуто мной. — М. М.).

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 310. См. House (Executive) Documents, 1862/63, Adams to Seward 31/I 1862, p. 19.

³ Там же, стр. 311.

В письме к Лассалю 28/IV 1862 г. Маркс писал: «Английская буржуазия (и аристократия) *никогда* не вела себя более позорно, чем теперь, в великой борьбе, которая происходит по ту сторону Атлантического океана. И, наоборот, английский рабочий класс, сильнее всего страдающий от граждан-

Таково, примерно, было поведение рабочего класса и во всей Европе. Делегация немецких рабочих, во главе с В. Либкнехтом, в адресе солидарности, представленном в 1865 г. в берлинское посольство США от имени рабочих организаций, имела полное право заявить: «Нам, представителям рабочего класса, незачем уверять вас в искренности наших симпатий, потому что мы можем с гордостью указать на тот факт, что в то время как аристократия Старого мира открыто стала на сторону южных рабовладельцев, а средний класс придерживался различных мнений, *трудящиеся всех стран Европы единодушно и твердо стали на сторону Союза*», ¹ именно *всех* стран Европы, так как и трудящиеся восточной Европы — России полностью были на его стороне.

Антиинтервенционистские настроения народа и сопротивление рабочего класса, несмотря на испытываемую ими нужду, сыграли решающую роль во время всего периода гражданской войны, не допустив европейской интервенции в США. Дело «Трента» было пробным камнем, на котором Пальмерстон и К^о притупили свое жало. Ведь даже дружественная сецессионистам ливерпульская газета «Daily Post» вынуждена была признать поворот общественного мнения в Ливерпуле. Хотя конфедераты ничего и не совершили, что, по мнению газеты, могло лишить их прежних симпатий, все же общественное мнение обратилось теперь против их притязаний. Недавно их называли «молодцами» (fine fellows), а «теперь их называют жалкой бандой (a very sorry set)...» «Да, действительно перелом наступил», — констатирует газета. «Антирабовладельческая секта... теперь распоясалась и мечет громы и молнии против торговли людьми и мятежных рабовладельцев!». «Даже в г. Ливерпуле — цитадели друзей сецессионистов — большие стенные плакаты ядовито нападали на гг. Месона и Слайделя, «авторов проклятого закона о беглых рабах». «Конфедераты, — признает газета, — потеряли на инциденте с «Трентом». Они думали выиграть на нем, а вышло так, что он стал их погибелью. Сочувствие нашей страны потеряно ими, и они должны как можно скорее сделать выводы из этого странного факта. С ними обошлись очень скверно, но это так, и тут ничего не поделаешь...» ² Пальмерстоновский орган «Есопо-

ской войны, никогда не вел себя более героически и более благородно. Еще больше поражаешься этому, если, подобно мне, знаешь, все те средства, которые пускались в ход здесь и в Манчестере, чтобы побудить рабочих к демонстрации. Единственный крупный орган, которым они еще располагают — «[Weekly] Newspaper» негодяя Рейнольдса, — подкупили южане, так же как и наиболее влиятельных из их лекторов. Но все напрасно!» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 399—400).

¹ Diplomatic Correspond., 1865, part IV, p. 500 (подчеркнуто мной. — М. М.).

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 313.

mist» в конце января 1862 г. вынужден был заявить, что, хотя блокада не эффективна и «существует только на бумаге», Англия должна, однако, соблюдать ее. И основным аргументом газеты было то, что «в таком деле ...правительство должно иметь за собой всю страну. Но широкие массы английского народа еще не подготовлены для вмешательства, которое хотя бы даже внешне выглядело так, будто мы способствуем созданию рабовладельческой республики». Газета считала, что независимость Юга — единственный путь к освобождению невольников, но «большинство англичан думает иначе. И пока оно упорствует в этом предвзвешенном рассудке, всякая интервенция нашего правительства, которая сделала бы нас активными противниками Севера и мнимыми союзниками Юга, не имела бы опоры в сердечном содействии английского народа». ¹ И «Times» теперь решительно высказывался против интервенции и за нейтралитет Англии. Буржуазия ясно понимала, что «...попытка подобной интервенции привела бы к падению министерства». ²

В Англии отдавали себе отчет также и в трудностях войны с США. Уже выше указывалось, что ливерпульский купец считал менее убыточным три года кормить все хлопчатобумажные округа на государственный счет, чем один год ради них воевать с США, и должен был констатировать, что никто не решится настаивать на войне ради одного хлопка. Тем более, что в этот момент еще не ощущался хлопковый голод, и, по выражению одного корреспондента, фабриканты были бы в затруднении, если бы с отменой блокады смогли свободно получать хлопок. Об этом же говорил и лорд Дерби при открытии парламентской сессии в начале февраля 1862 г. Прекращение ввоза хлеба из США, в случае войны, было бы более губительным для Англии.

В свете изложенных фактов становится понятным, почему магнаты промышленности на своем годичном собрании торговой палаты в Манчестере решительно высказались против всякой интервенции в Соединенных Штатах, за строжайшее соблюдение принципа невмешательства и предлагали развить культуру хлопка в Индии. Широкие круги буржуазии не решались требовать войны и насильственного открытия портов южных штатов. Вопрос о блокаде оставался открытым. Россель писал Лайонсу, что он теперь, во всяком случае, «всей душой нейтрален» и жаловался, что много «хлопот доставили эти два человека» (Месон и Слайдель). ³ Прибывший в Лондон Месон жаловался 7 и 22 февраля Гунтеру, что он неофициально и холодно был принят Росселем.

Несколько иное положение заняла Франция. Слайдель из

¹ Там же, стр. 313—314.

² Там же, стр. 314.

³ Adams, op. cit., Russell to Lyons 8/II 1862, v. I, p. 243.

Парижа сообщал, что он был тепло принят министром иностранных дел Тувенелем. 5 февраля Слайдель писал Месону, что если признание конфедерации и может задержаться надолго, то по вопросу о скором снятии блокады он настроен очень оптимистически.¹ И Каулей, английский посол в Париже, сообщал Росселю, что Тувенель надеется на такое обострение в ближайшие 2—3 месяца кризиса в США, что обе партии пожелают принять посредничество. В Англии, как и повсюду, понимали истинный мотив поддержки мятежников правительством Тюильри, что несомненно также не могло не отразиться на позиции Сент-Джемского кабинета в отношении к США. Этим мотивом был мексиканский вопрос.

8. Интервенция Наполеона III в Мексике и позиция Англии

Как известно, инициатива интервенции и разработка плана мексиканской экспедиции принадлежала Пальмерстону.² Но уже 17 января 1862 г. Каулей конфиденциально сообщил о плане «колониальной империи» Наполеона III, о намерении его захватить Мексику и посадить Максимилиана, эрцгерцога австрийского, на мексиканский престол. В тот же день Россель из беседы с французским послом в Лондоне, графом Флао, убедился, что Наполеон III «считает необходимым послать в Мексику дополнительные силы» для продвижения вглубь ее. Наполеон III ухватился за это, чтобы покрыть империю новыми и, как он был убежден, дешево купленными лаврами. Еще 23 ноября 1861 г. договор от 31 октября был нарушен контр-адмиралом Жюрье́ном де ла Гравьером, главнокомандующим французскими силами, посланными в Мексиканский залив. Им был отдан приказ, имевший своей целью введение войска вглубь страны и захват Мексики под предлогом борьбы с «анархией». Нельзя было в самом деле, как это делала вначале Англия, объяснить посылку экспедиции в Мексику неуплатой процентов по долгам. Если Англия требовала от Мексики 62 млн. пиастров, Испания — 8 млн., то Франции Мексика должна была всего 150 тысяч пиастров, т. е. около 750 тысяч франков, в то время как на экспедицию нужно было затратить в самом начале не менее 20—30 млн. Ясно было уже с начала совместного похода на Мексику, что Наполеон III пойдет дальше, чем это хотелось бы Сент-Джемскому кабинету, который стремился, во-первых, использовать Францию для борьбы с США и, во-вторых, отвлечь внимание Наполеона от европейских и азиатских дел. Не случайно газета «Times» была серьезно обеспокоена французской политикой в Мексике, однако считала, что

¹ ANR, v. XXVI, № 2, p. 256.

² См. выше, стр. 59—61.

французское войско найдет себе лучшее и более полезное дело в Мексике, чем в Риме. Английское правительство, вероятно в ожидании весьма серьезной критики в парламенте, который должен был открыться 6 февраля, поспешило 24 января принять решение по мексиканскому вопросу. В феврале в Соледаде Англия и Испания заключили соглашение с Мексикой, в то время как Франция завязала сношения с реакционной партией генерала Альмонте. В марте Англия и Испания отозвали войска из Мексики, а Франция 10 апреля объявила, что не будет вступать ни в какие переговоры с Хуаресом, и двинула свои войска дальше вглубь страны. Лайонс заверил Сьюарда в конце февраля 1862 г., что Англия не стремится вмешиваться во внутренние дела Мексики. Однако политику английского правительства в мексиканском вопросе лучше всего выразил в парламенте 15 июля лорд Монтегю: «Я обвиняю правительство в том, что оно сделало нас союзниками палача французской свободы, а теперь дает возможность этому бессовестному авантюристу утверждать деспотизм в чужой стране». ¹ Соглашение с Мексикой не было ратифицировано, из-за раболепства перед Луи Бонапартом — по верному выражению Монтегю. Если из опасения захватнических планов Наполеона III Сент-Джемский кабинет был до некоторой степени связан в осуществлении интервенции в США, ибо в случае англо-американской войны Франция прежде всего захватила бы Мексику, то он, в своих стремлениях организовать интервенцию, фактически сделал возможным захват Наполеоном III Мексики, не оказав ему серьезного сопротивления. Более того, он оказывал услугу Наполеону своим молчаливым согласием. Взамен этого Пальмерстон получил не только поддержку Наполеона III в вопросах признания Юга, блокады и т. д., но приобрел в нем инициатора вмешательства в американские дела, за спиной которого можно было прятать свои интервенционистские планы. Ведь Наполеон III приобретал «жизненный интерес» в Америке захватом Мексики, и ему, разумеется, для экспансии и обеспечения аннексии лучше было иметь в качестве соседа не США — большое, сильное государство, а несколько слабеньких, которые можно было бы натравливать друг на друга. Для правительства же Пальмерстона важно было выдвинуть на первый план Наполеона III потому, что, во-первых, между Францией и США были более нормальные отношения, во-вторых, Наполеон III не был так сильно скован сопротивлением народных масс внутри страны и, наконец, в-третьих, Наполеону III, возможно, скорее удалось бы втянуть и царскую Россию в крестовый поход против США. На привлечение России без помощи Франции Англия рассчитывать не могла.

¹ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 168, p. 363.

9. Оценка роли и позиции России

Отвечая в палате общин на запросы друзей сецессионистов, которые не прекращали своей агитации в пользу Юга, Пальмерстон 18 марта заявил: «Действия Великобритании были обусловлены *отчасти* опасением, что недостаточное уважение к правам нейтралитета может легко вызвать нерасположение Соединенных Штатов к Союзникам (Allies) и вызвать опасность принуждения (of forcing) этой страны заключить военный союз с Россией».¹

Следовательно, по утверждению главы правительства, *Россия была одним из факторов, сдерживавших английскую интервенцию в США и заставлявших Англию, хотя бы на словах, придерживаться провозглашенного нейтралитета.* Это утверждение Пальмерстона, если и было преувеличением, вероятно, с целью запугать антирусские элементы и, еще вероятнее, обойти молчанием важнейший фактор — сопротивление народа, то тем не менее, оно заслуживает серьезного внимания. Россия, если не сорвала планов английской интервенции в США, то, во всяком случае, сдерживала их реализацию, сковывала действия Англии и Франции. Однако позиция России не давала повода для переоценки русско-американских отношений, якобы угрожавших Англии военным союзом.

Беспокойство Пальмерстона прежде всего, вероятно, было вызвано нотой Горчакова от 21 (9) января 1862 г., посланной Стекло для передачи вашингтонскому правительству, после мирного исхода инцидента с «Трентом», и пробившей, наконец, стену молчания русского правительства. Горчаков поздравил США с урегулированием спора и выразил желание императора Александра II, чтобы скорее был восстановлен Союз. Это желание обусловлено, утверждал Горчаков, не только существующими между обеими странами сердечными отношениями, но, главным образом и прежде всего, тем, что поддержание государственных интересов США, их могущества, чрезвычайно важно для сохранения общего политического равновесия. В то же время Горчаков писал: «Император уверен в том, что государственные люди, которые сумели оценить со столь высокой точки зрения внешне-политические интересы своей страны, сумеют, равным образом, поставить свою внутреннюю политику выше партийных раздоров».²

Нота, опубликованная в конце января и начале февраля в «Journal de S. Pétersbourg» и в американской прессе, пока-

¹ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 165, pp. 1158—1170, 1204, 1233—1236, 1689—1699 (подчеркнуто мной. — М. М.).

² АВГ, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, Горчаков — Стекло 9(21) I 1862 г., pp. 500—502.

зала, что Россия заняла отличные от других великих держав позиции, что она не заинтересована в разрушении США. Сьюард был весьма удовлетворен нотой и 2 февраля 1862 г. писал Клею, что она уже опубликована, и «не без большого эффекта» (*not without great effect*). Сьюард к тому же считал, что США выиграли время и усилились, и теперь уже не может быть сомнения в том, что Союз будет восстановлен, а возможность вмешательства европейских держав не вызывает больше опасений.¹

Иного мнения были Клей и Горчаков. Последний пригласил к себе Клея и в беседе с ним 12 января 1862 г. выразил опасение, что в случае какой-либо превратности (*any reverse*) Англия сразу объединится с Югом, признав его независимость. Повторяя желание императора восстановить Союз, Горчаков подчеркнул здесь, как и в письме к Стекло, что Россия не враждебна Югу и что нельзя восстановить Союз покорением Юга. Стоит покорить Юг, считал Горчаков, и на руках у вашингтонского правительства окажется раздраженное и недовольное население, которое всегда будет являться источником ослабления США; поэтому следовало бы благородно предложить Югу мир». ² Со всем в духе программы «демократической» партии в северных штатах, требовавших восстановления Союза путем заключения мира с южной конфедерацией любой ценой, в частности объявлением совместной с Югом войны Англии. Умеренный республиканец Клей, который иногда склонялся к радикальному крылу партии, заверил Горчакова, что «как и всегда мы готовы справедливо и благородно вести себя по отношению к Югу, если только он захочет внять доводам разума». Однако, «если он откажется внять нашему обращению, мы будем скорее воевать до конца, чем позволить ему нарушать наши отечественные границы».³

Клей признавался Сьюарду, что он очень опасается европейского вмешательства. Первые его впечатления о враждебных США настроениях господствующих кругов Европы не ослабли, а усилились. Он пришел к заключению, что от иностранных врагов ничто не спасет, кроме быстрого и решительного успеха в борьбе с Югом.

Потомакская армия под командованием северного «демократа» Мак-Клеллана бездействовала в ожидании пока и на севере и на юге не победят мирные настроения, оказывая этим по существу поддержку южанам. Только на западном театре военных действий северные армии имели успех. Под давлением народных масс и радикальных республиканцев Линкольн заставил потомакскую армию начать подготовку к походу на Ричмонд. Клей

¹ Цит. по Callahan, *op. cit.*, p. 3.

² House (Executive) Documents, 1862/63, part I, № 17, p. 445.

³ Ibid.

еще об этом не знал. Он считал, что «если бы рабство можно было вырвать с корнем из нашей системы, никакие жертвы жизнями и деньгами не казались бы мне слишком большими для достижения такой цели». «Но поскольку теперь, кажется, решено стоять за права рабовладельцев, хотя бы при этом и страдали права других», Клей предлагал, внемля совету Горчакова, «немедленно обратиться к Югу со срочным призывом спасти себя, снова приняв конституцию и признав Союз, причем гарантия рабства должна быть, как и прежде, недвусмысленно выражена». Клей понимал, как трудно правительству предпринять этот шаг, и советовал сделать это предложение тайно, конфиденциально, чтобы опубликование его «не деморализовало войск и страны».¹ Он предложил неофициально послать способного дипломата с оливковой ветвью к правительству Девиса, но с тем, чтобы по достижении какой-либо значительной победы, можно было бы отозвать его. Клей, не доверяя Англии, предлагал немедленно готовиться к войне с ней, так как если в случае какой-либо превратности нельзя будет подчинить Юг к 1 апреля текущего года, то война станет неизбежной. Если даже и не будет войны, то следовало бы «немедленно, непрерывно и в высшей степени действенно» укреплять берега.

Клей должен был констатировать, что тон всех европейских правительств значительно изменился со времени захвата Месона и Слайделя. Он считал прочтенную ему Горчаковым ноту Стеклоу от 9 января очень благоприятной для правительства США. Он сумел добиться от Горчакова даже немедленного опубликования ноты, чтобы оказать влияние на европейское общественное мнение. Но несмотря на дружественные заверения Горчакова, он не возлагал особенных надежд на Россию. Клей на основании инцидента с «Трентом» пришел к заключению, что *можно полагаться только на народные массы Европы и свои собственные силы*. «Если теперь Англия, — заканчивал он отчет о своей беседе с Горчаковым 24 января, — затеет с нами ссору, то мы будем иметь всю либеральную Европу на нашей стороне. Но Англия никогда не заботится о том, что о ней думает народ, когда считает успех доступным. Мы должны полагаться на силу своих собственных рук».²

Между прочим, то же мнение выражал и посол США в Лондоне Адамс, возлагавший большие надежды на английский народ. «Несмотря на то, — писал он еще в конце декабря 1861 г., во время конфликта из-за «Трента», — что коммерческие и промышленные классы склонны видеть в таможенных пошлинах источник всех зол, а аристократические классы могут

¹ House (Executive) Documents, 1862/63, part I, p. 446.

² Ibid.

попытаться свалить вину за них на демократию, неотвратимая логика событий противоречит всякому утверждению, основанному на этих взглядах, и доказывает, что американская борьба представляет, в конечном счете, вечно повторяющуюся в человеческой истории борьбу между добром и злом, между трудом и капиталом, между свободой и абсолютизмом. И когда такая неприкрытая ничем проблема предстанет перед народом Великобритании, нетрудно предсказать по какую сторону он станет». ¹ И Адамс, посылая в Вашингтон адреса рабочих и сообщая о прениях и решениях народных митингов, постоянно должен был противопоставлять народ, радикалов — консерваторам и либералам, хотя сам Адамс принадлежал к умеренным республиканцам. Того же мнения, можно сказать без преувеличения, придерживались почти все деятели республиканской партии США.

Сьюард в своем ответе на депешу Клея считал многое правильным и справедливым в его взглядах на внешнюю и внутреннюю политику. Но в то же время он не разделял опасений и сомнений, которые постоянно выражали ему представители США за границей.²

Дипломатические представители за границей были менее оптимистично настроены в отношении и внутреннего и внешнего положения. И это объяснялось не только тем, что они не все и не всегда своевременно знали о всех военных событиях и отношениях других стран, хотя иногда вели между собой переписку непосредственно, а не через Вашингтон. Одним из главных источников, питавших их пессимизм, была позиция правительств, при которых они были аккредитованы и о политике которых они были лучше осведомлены, чем в Вашингтоне.³ И Адамс в Лондоне и Дейтон в Париже наблюдали непрерывавшуюся, но лишь иногда несколько затихавшую деятельность, направленную против США. И действительно, относительное спокойствие, нарушавшееся уже неоднократно зимой и весной 1862 г., сменилось новыми выступлениями в защиту Юга и против Севера осенью 1862 г.

¹ House Documents, 1862/63, Adams to Seward 27/XII 1861, № 95, p. 14.

² Ibid., Seward to Clay 4/II 1862, № 30, p. 446.

³ Следует отметить, что пессимизм Клея был в достаточной мере обусловлен. Его взгляды сильно изменились со времени прибытия в Петербург, когда он еще 3/VII оптимистически мечтал о военном союзе с Россией для борьбы против Англии. То, что он ничего не писал об этом союзе в дальнейшем, в опасные для США дни, далеко не случайно. Вряд ли он мог питать надежду на какую-либо реальную помощь со стороны царской России, наблюдая за ее двойственной позицией. «Россия, — писал он 6/II, — в стремлениях Англии видела лишь желание опрокинуть торгового соперника, но и только». Клей как раз в этот момент просил об отставке. Едва дождавшись своего преемника Камерона и представив его 25/VI императору, он покинул Петербург.

Г л а в а IV

РОССИЯ УКЛОНЯЕТСЯ ОТ ФРАНКО-АНГЛИЙСКИХ ПЛАНОВ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

1. Роль России в планах Пальмерстона и Наполеона III. Поездка Мерсье в Ричмонд

В конце апреля и в начале мая 1862 г. европейская и американская пресса живо обсуждала поездку французского посла в Вашингтоне Мерсье в столицу южной конфедерации — Ричмонд. О том, какую цель преследовала эта поездка, можно было только догадываться. И пресса, естественно, не скупилась на всякого рода измышления. Появилось множество различных догадок, объяснений и сообщений, иногда довольно близких к истине, но чаще ни с чем несообразных. Так сообщалось, что Мерсье до отъезда имел продолжительную беседу с Сьюардом о целях своей поездки, причем это делалось с ведома Линкольна. После беседы Сьюард будто бы разрешил Мерсье пользоваться телеграфом, соединяющим форт Монро с Белым домом. Мерсье из Ричмонда возвратился в Париж, чтобы отдать своему правительству отчет о положении вещей, — значит, поездка предпринята была с ведома и французского правительства. Поездка имеет политический характер — таков был вывод большинства американских и европейских газет; в подтверждение ссылались на авторитетное заявление помощника английского министра иностранных дел Лайярда. В Нью-Йорке даже сообщалось, что Линкольн, якобы, приезжал на французский фрегат «Gassendi», находившийся в Вашингтоне, и был принят французским послом. По мнению других газет, Мерсье ездил по приглашению Девиса. По сообщению «New York Herald» Девис обещал Франции торговые выгоды и даже монополию, а также содействие в мексиканской экспедиции. Ричмондская рабовладельческая газета «Dispatch» подтверждала, что государственный секретарь Беньямин ведет переговоры с Францией и что в связи с их важностью конгресс решил не расходиться, пока переговоры не окончатся.

Европейские газеты пытались внушить своим читателям, что Мерсье склонял южан к миру и давал им заверение, что будто бы благодаря иностранной помощи они получат амнистию и т. д. Французская газета «Opinion Nationale» пыталась даже убедить читателей, что целью поездки Мерсье было договориться об отправке купленного табака и об охране больших запасов его в Ричмонде и Новом Орлеане. Вашингтонское правительство, несмотря на блокаду, согласилось на это, а ричмондское правительство воспротивилось отпустить табак, так как Франция и Англия отвергли коммерческие условия, предложенные Конфедерацией.¹ По официальному сообщению, Мерсье во время своей поездки хотел ознакомиться с подлинным положением южных штатов. В беседе с Сьюардом он выразил будто бы сожаление, что не может посетить Ричмонд и судить на месте о видах и надеждах инсургентов. Сьюард будто бы ответил на это, что федеральное правительство не воспротивится его поездке и даже желает, чтобы иностранные представители лично имели случай убедиться в отчаянном положении инсургентов. Президент будто бы эту мысль одобрил, и поездка состоялась. Возможно, что даже сам Сьюард думал воспользоваться этой поездкой, чтобы еще раз поднять вопрос о соглашении с Югом, хотя он это и отрицал в беседе со Стеклем.² Во всяком случае, тайные мотивы визита Мерсье в Ричмонд были не те, которые официально указывались, но истинный политический смысл этого визита скрыть было нельзя.

Нью-йоркские газеты справедливо утверждали, что Наполеон хочет использовать свое влияние в качестве посредника в целях прекращения войны и признания «независимости» Юга. Но в то же время они прекрасно понимали, кто стоял за спиной французского императора.

Наполеон III, действительно, носился с идеей посредничества, рассчитывая привлечь с этой целью и Россию, участие которой, по мнению Пальмерстона, только и могло склонить северян к примирению. Пальмерстон не мог не понимать, что если инициативу в вопросе о посредничестве возьмет на себя Англия, то Россия ее не поддержит. Иное дело Франция. Ведь еще 5 июня 1862 г. Наполеон III заверял нового русского посла Будберга, при вручении им верительных грамот, в искренней дружбе к Александру II, что он пытался доказать, между прочим, отзывом генерального консула из Варшавы. И Горчаков даже в августе 1862 г., в своих инструкциях дипломатическим представителям России за границей, писал о существующем

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 2/V, 31/V 1862 г.

² АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, Стебль — Горчакову 23/IV (5/V) 1862 г., № 34, лл. 211—212.

согласии и даже о союзе с Францией, хотя на самом деле эти отношения были весьма далеки от этого.

Польский вопрос, по мере нарастания национально-освободительного движения в Польше, приобретал все большее значение в международной политике. В России, как и в США, создавалась обстановка, при которой возникала опасность иностранного вмешательства. Царское правительство поэтому должно было определить свое принципиальное отношение к совместному вмешательству во внутренние дела любой другой страны. Разумеется, ввиду угрозы вмешательства в свои дела, оно должно было отнестись отрицательно к коллективному вмешательству в американские дела, но при этом оно не переставало давать советы вашингтонскому правительству о необходимости примирения с Югом.

Между тем, английские друзья сецессионистов добивались изоляции вашингтонского правительства, чтобы заставить его признать Конфедерацию. Они добивались этого очень настойчиво, потому что им не удалось ни запугать США войной, ни организовать вооруженную интервенцию в США, вследствие сопротивления рабочего класса и боязни значительных кругов буржуазии перед возможностью неожиданных результатов этого вмешательства.

Лидер консерваторов лорд Дерби еще при открытии парламентской сессии, в начале февраля, должен был констатировать, что «...дефицитность хлопка явилась для фабрикантов... [чудесной развязкой], ибо чудовищное переполнение рынков должно было вызвать ужаснейший кризис, если бы американская гражданская война не прервала внезапно доставки сырья». ¹ В то время как значительная часть рабочих умирала с голоду на улицах, буржуазия неимоверно обогащалась путем спекуляции на хлопке. Это должен был признать даже Пальмерстон во время обсуждения в палате общин билля о повышении налога для бедных. ² Но период спекуляций не мог быть продолжительным. Запасы истощались, а нового хлопка поступало мало. 1862 г. был самым критическим годом в привозе сырья. В этом году было ввезено хлопка всего на сумму 14 527 101 ф. стерл., в том числе из США на 408 158 ф. стерл. Уже в 1863 г. эти суммы соответственно возросли до 31 622 361 и 438 401, а в 1864 — 56 334 266 и 1 594 489. Обычно Англия импортировала из США 78—84% потребляемого хлопка. С 1862 г. сокращение импорта из США отчасти компенсировалось ввозом из Индии (около 50% всего импорта), Египта, Бразилии, Китая, Мексики и т. д. Несрав-

¹ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 165, p. 26—30. См. также Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 379.

² Ibid.

ненно труднее было положение с хлопком во Франции, у которой не было такого источника сырья, как Индия. Но и в Англии, где по утверждению «Times» от 19 сентября 1862 г. не менее одной пятой всего населения прямо или косвенно зависело от хлопчатобумажного производства, с лета 1862 г. начал ощущаться голод на хлопок, который достиг осенью больших размеров. Начавшееся еще до гражданской войны сокращение производства, с января 1862 г. резко усилилось и сопровождалось массовым увольнением рабочих, а осенью 1862 г. оно достигло кульминационного пункта.¹

Следовательно, хлопковый голод с лета 1862 г. начал ощущаться достаточно сильно и стал важным фактором в международной политике. Тем не менее, вопрос о хлопке ни осенью 1862 г. ни даже весной 1863 г. не играл *решающей* роли в прорабовладельческой политике.

В связи с голодом, вопрос о хлопке служил весьма удобной ширмой, за которой прятались друзья сецессионистов: они стремились использовать этот вопрос как предлог для организации интервенции, признания конфедерации и снятия блокады. Текстильные магнаты-фабриканты и, в особенности, торговцы хлопком обогащались в связи с гражданской войной в США и поэтому сначала выступали против интервенции. Судовладельцы и судостроители, наоборот, сразу же стали поддерживать сторонников интервенции. Они не могли не видеть, что в связи с гражданской войной уничтожается торговый флот США — их весьма серьезного конкурента, как уже было показано выше.

Следовательно, нужно было добиваться признания и даже открытой поддержки пиратских действий, уничтожавших торговый флот США и расчищавших путь английским судовладельцам, тем более что юг, не имея ни верфей, ни флота, мог стать крупным, хотя далеко не солидным, клиентом и не только в трудные времена 1862 и 1863 годов, но и после. Снятие блокады южных штатов привело бы к оживлению торговли, и, разумеется, плодами этого мог бы воспользоваться только английский торговый флот, вытеснив окончательно американский. Гражданская война и разрушение США таким образом стали бы источником не разорения, а обогащения и невиданных спекуляций. Нет ничего удивительного поэтому, что мятежники находили себе друзей, главным образом, среди судовладельцев и судостроителей, проявлявших наиболее активную деятельность во время всей гражданской войны. Они пользовались также поддержкой аристократии, питавшей классовую ненависть к демократии. Среди английских друзей мятежников, выступивших еще летом 1861 г. (после поражения федеральной армии при Булл-

¹ См. выше, стр. 90—92.

Рёне) за военную интервенцию и признание Конфедерации, отличились особой активностью консерватор Грегори — депутат от Гальвен, незначительной гавани на западе Ирландии, и Бентинк, крайний тори — депутат от чисто сельскохозяйственного округа Норфолька. Маркс очень метко заметил, что защита мнимых интересов английской промышленности подобными ториями «была весьма забавным зрелищем». ¹ «Среди друзей сецессионистов, — писал далее Маркс, — обращал на себя внимание еще г. Линдсей, крупный судостроитель в северном Шильдсе. Линдсей предложил свои верфи Союзу, для чего он ездил в Вашингтон, где ему пришлось пережить огорчения из-за того, что его деловые предложения были отклонены. С этой поры он обратил свои симпатии на страну Сецессии». ² Другьями Юга являлись крайние тори — лорд Кленрикард, лорд Кемпбелл, Кернс, Горнсфал, Горсмен и либерал Робак, некогда заигрывавший с радикалами. Наоборот, представитель Манчестера Кобден и представитель Бредфорда, одного из промышленных центров, Форстер, также как и другие представители промышленных округов, выступали за Север, против мятежников. На этот курьезный факт неоднократно указывалось с парламентской трибуны демократическими членами парламента, в особенности Форстером. ³

Грегори, Линдсей и другие 7 марта выступили в палате общин с запросом, направленным против блокады. 10-го их сторонники выступили в палате лордов. Они с одной стороны пытались доказать губительное действие блокады на хлопчатобумажную промышленность, а с другой — признавали ее неэффективность. Аргументы противоречивые. Раз блокада не эффективна, то как она могла оказывать пагубное действие? Но им нужна была эта софистика, чтобы обосновать необходимость снятия блокады или непризнания ее, в случае если первое не удастся. Форстер в своей речи разоблачил эту софистику, доказав полную эффективность блокады, и потребовал строгого соблюдения ее. ⁴ Большинство парламента и пресса не поддержали в этот момент выступления друзей сецессионистов. Газета «Times», на которую ссылался Грегори, в своей передовой выставила его на публичное осмеяние. Выступивший с ответом от имени правительства в палате общин верховный прокурор Пальмер, высказался за признание блокады. ⁵ Маркс был совершенно прав, когда 8 марта

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 328.

² Там же, стр. 329.

³ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 165, pp. 1187—1197. Замечательную речь о гражданской войне в США произнес Форстер 7/ III в палате общин.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., pp. 1209—1225.

писал: «Вместе с полным фиаско парламентских друзей сецессионистов в вопросе о блокаде устраняются всякие виды на возможность разрыва между Англией и Соединенными Штатами». ¹

Выступавший в палате лордов с ответом от имени правительства лорд Россель высказался, как и Пальмер, за признание блокады. Он успокаивал друзей сецессионистов тем, что «через 3 месяца можно будет увидеть конец борьбы за отделение в форме какого-нибудь союза между обеими группами». ²

Барон Бруннов, русский посол в Лондоне, пришел к выводу, что в связи с победами северной армии на западе, Англия думала о близком умиротворении в США на основе отделения южных рабовладельческих штатов. «Только в этом смысле, — писал он, — а не в каком бы то ни было другом следует понимать выступление Росселя о «3-х месяцах». ³ Бруннов, вероятно, основывал свой вывод на господствовавших в то время среди значительных кругов политических деятелей, в том числе и русских дипломатов, мнениях, что окончательное восстановление Союза невозможно. Силы Севера и Юга истощатся. Вашингтонское правительство, удовлетворившись присоединением западных штатов и территорий, где ее армия непрерывно побеждала, согласится поэтому на признание конфедерации из восточных, чисто рабовладельческих штатов, где ее потомакская армия, благодаря умышленно нерешительной, а по существу изменнической политике северного «демократа», главнокомандующего Мак-Клеллана, никакого успеха не имела. Предположения о возможности подобного умиротворения были совершенно неосновательны, ибо ни Север, ни Юг не согласились бы на это, что и показал ход гражданской войны.

Следует отметить, однако, что барон Бруннов верно понял речь Росселя. Нельзя было ее понимать иначе как ставку Англии на распад союза. Лишь временно, ввиду создавшейся внутренней и внешней обстановки и хода войны в США, откладывалось решение вопроса о прорыве блокады и признании Юга. Эта речь не могла не вызвать надежд у мятежников и у их друзей в Европе, поощряя их к дальнейшей, более усиленной деятельности, к сопротивлению и к переходу в наступление против федеральной армии. Вместе с тем эта речь подчеркивала слабость позиций английского правительства, стремившегося к отделению Юга от Союза, но вынужденного считаться с антиинтервенционистскими настроениями внутри страны.

Это заставило крупнейшего из английских судостроителей и лидера интервенционистов Линдсея искать помощи у Напо-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 330.

² Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 165, pp. 1237—1243.

³ АВП, МИД, канц., дело № 71, Бруннов — Горчакову 3 (15) III 1862 г., № 33, лл. 132—133.

леона III. На состоявшихся 11 и 13 апреля встречах, Наполеон III заявил Линдсею, что считает восстановление Союза невозможным, что он готов признать Юг, если это сделает и Англия. Он, якобы, не хочет вмешиваться во внутренние дела США, но политики невмешательства должны придерживаться и США (имелось в виду завоевание Мексики). Экспорт хлопка с юга должен быть свободен. Обо всем этом Линдсей подробно информировал английского посла Каулея.¹ Линдсей вел также переговоры со Слайделем, которому сообщил, что Наполеон III просил передать его точку зрения Дерби и Дизраэли.

18 апреля Линдсей вновь приехал в Париж и передал Наполеону III, что по мнению Дизраэли большинство парламента, возможно, поддержит предложение о признании Юга, если оно будет сделано Францией.

Россель же уклонялся от неофициальных переговоров с Наполеоном III через третьих лиц, охотно ведя переговоры официально и тайно обычным дипломатическим путем. Слайдель сообщал, что Тувенель отрицал переписку и переговоры с Англией. Но принявшие его после этой беседы министры — Персиньи, весьма близко стоявший к Наполеону III, и Фульд, а также председатель государственного совета Барош уверяли в обратном и утверждали, что симпатии императора на стороне южан, что он немедленно прорвет блокаду и признает Конфедерацию, как только Англия сделает первый, хотя бы маленький шаг в этом направлении. Но Наполеон III считает, — заявили они Слайделю, — что по крайней мере в ближайшее время инициативу должна взять на себя Англия. Французские друзья дали ему понять, что «Франция не хочет уподобиться кошке из басни и таскать каштаны на пользу Британии».² Слайделю также прозрачно намекнули, что Югу нужно предварительно одержать ряд побед. В марте Слайдель вновь сообщал о благосклонном отношении Наполеона III и о готовности его немедленно и решительно действовать в пользу Конфедерации, но что он ничего не может сделать без Англии. «Можете сказать лорду Кемпбелл, Грегори и другим, — писал Слайдель Месону в апреле, — что я располагаю положительной и подлинной информацией о том, что Франция ждет только согласия Англии, чтобы признать нас и принять другие убедительные меры».³ Как прав был К. Маркс, которому не были известны ни тайная и частная переписка, ни содержание тайных переговоров, когда писал: «Так же хорошо знают, что Луи Бонапарт предпочитает осуществлять свои за-

¹ Adams, op. cit., Cowlay to Russell 13/IV 1862, v. I, pp. 290—292.

² AHR, Slidell to Mason 12/IV 1862, v. XXVI, № 2, p. 257.

³ Ibid., Slidell to Mason 14/III, 28/III, 12/IV 1862, p. 258.

мыслы, в особенности же свои заокеанские авантюры, под английской эгидой». ¹

Английское правительство, ко времени визитов Линдсея в Париж, вело уже тайно официальные переговоры с Наполеоном III и в Париже и в Вашингтоне, стараясь в то же время уступками США замести следы. В Вашингтоне 8 апреля был заключен договор между США и Англией, которым наносился смертельный удар торговле неграми. Содержание договора стало известно в Англии из американских газет только в середине мая, но что какое-то соглашение было заключено в высших политических кругах знали еще в середине апреля. Линдсей передал Слайделю в Париже 18 апреля сообщение Дизраэли о том, что Россель заключил с Сьюардом соглашение, которое препятствует ему признать Юг и прорвать блокаду. «Но Дизраэли намекнул, — писал со слов Линдсея Слайдель, — что Россель тяготеет к этому соглашению. Если бы только Наполеон III взял на себя инициативу, то британское общественное мнение поддержало его. Россель с притворным сожалением (*pretended reluctance*) уступил бы, чтобы избежать смены министерства». ²

Наполеон III был несколько разочарован, выслушав сообщение Линдсея о приеме, какой был оказан его предложению в Лондоне. Он напомнил случай нетактичного поведения Росселя, сообщившего французские предложения о вмешательстве в американские дела Лайонсу, который в свою очередь передал их Сьюарду. Но Наполеон III склонен был принять совет Дизраэли. Для достижения этой цели он считал достаточным «дружеское обращение» к вашингтонскому и ричмондскому правительствам, особенно если его подкрепить морской демонстрацией у американских берегов. С более активными действиями, по его мнению, следовало подождать, пока не решится на море исход борьбы за Новый Орлеан. Даже не предполагая возможности падения Нового Орлеана, он считал все же необходимым предупредить успехи федеральной армии.

Наполеон III сказал ему, что все это должно остаться в тайне. Слайдель же сообщал, что уже «предприняты меры для подготовки петиции от торговых палат главнейших городов Франции, которые просили бы о вмешательстве императора для восстановления торговых отношений с южными штатами». ³

Россель с поразительной быстротой, отвечая на сообщение Каулея от 15 апреля о состоявшейся в тот же день длительной беседе его с Тувенелем, заверил, что все мероприятия в отно-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 343.

² AHR, v. XXVI, № 2, p. 259.

³ Ibid., Slidell to Benjamin 18/IV 1862, № 6, p. 259.

шении гражданской войны будут проводиться в согласии с Францией и то только после полного взаимного обсуждения. Он оправдывал свой отказ принять Линдсея (прежде чем тот вторично прибыл в Париж) тем, что император может конфиденциально и официально вести переговоры через послов в Париже и Лондоне. Россель просил Каулея передать, что он вполне солидарен с Тувенелем по вопросам о хлопке и блокаде, но если «зло очевидно», то «средство излечить его не так очевидно». Он одобрял заявление Каулея Тувенелю, что за отказом признать эффективность блокады должно было бы последовать применение силы.

В то же время в Вашингтоне также велись переговоры об иностранном посредничестве, причем с участием и барона Стекля. Еще 13 марта Тувенель писал Мерсье о затруднениях с хлопком, ставя перед ним по существу вопрос о посредничестве, хотя это слово и не было произнесено.

10 апреля Мерсье и Лайонс начали переговоры о плане посредничества. Лайонс полностью одобрил идею о поездке в Ричмонд. Мерсье считал, что Лайонс не может поехать вместе с ним, потому что у американцев крайняя чувствительность (*susceptibility*) к британскому вмешательству. Поэтому он предлагал пригласить Стекля, который, по его мнению, одобрял идею поездки. Лайонс в дружественном тоне ответил, что он рад избавлению его от необходимости отказываться ехать, но сожалел о решении Мерсье действовать в нарушение «единой политики». Только в дальнейших двух-трех беседах, после свидания Мерсье с Сьюардом, удалось договориться и обсудить план, в который Лайонс внес некоторые поправки, оговорив, что привилегии, предоставленные одной стране, будут даны и другой. Мерсье было предоставлено право заявить, что он приехал в Ричмонд с согласия Лайонса. Вопрос о приглашении Стекля не вызвал никаких споров, ибо и Лайонс и Мерсье считали необходимым привлечение его как в качестве посредника, так и для поездки в Ричмонд. Во время переговоров с Лайонсом Мерсье имел беседы с Сьюардом и Стеклем. В беседе с Сьюардом 13 апреля Мерсье изложил цель поездки в Ричмонд далеко не так, как это объясняла французская официальная версия.¹ Он заявил, что Франция стремится к миру, ибо это необходимо в торговых интересах, что Франция всегда с сожалением рассматривала разделение США на Юг и Север, и так как федеральное правительство непреклонно в своем желании восстановить союз, то Франция поэтому «хочет любым возможным путем помочь прекратить войну». Сьюард же ответил в духе официальной версии, что он хочет, чтобы дипломаты на месте убедились в положении Юга. Этим

¹ Docum. Diplomatiques, 1862, Mercier à Thouvenel 13/IV, pp. 120—122.

объясняется та легкость, с которой Сьюард согласился на поездку Мерсье в Ричмонд, что удивило Лайонса. Мерсье сообщил последнему, что Сьюард хотел использовать его неофициально в качестве агента для переговоров с лидерами южной конфедерации. Стебль спросил об этом Сьюарда и получил ответ, что «время для посредничества еще не пришло, что Франция, во всяком случае, в этой роли неприемлема и что если когда-либо дело дойдет до посредничества, то это было бы предложено России». ¹ Стебль ответил тогда отказом на предложение Мерсье присоединиться к нему для визита в Ричмонд.

Мерсье совершил поездку один. 24 апреля он вернулся из Ричмонда, где вел переговоры с Беньямином, недавно назначенным статс-секретарем Конфедерации. Наполеон III был весьма недоволен результатами миссии Мерсье. ² Предупредить успехи армии северян не удалось.

2. Конституционные методы ведения войны

Взятие Нового Орлеана федералистами было для мятежников, по утверждению рабовладельческой газеты «Petersburg Express», самым важным и роковым событием за всю войну. И «Richmond Dispatch» утверждала, что взятие Нового Орлеана федералистами — тяжелый удар для конфедерации, восточные штаты которой оказались отрезанными от западных богатых продовольствием, что поставило под угрозу снабжение армии Юга. О серьезном поражении Юга говорили и другие рабовладельческие газеты, хотя их друзья в Европе всячески пытались умалить значение этого события. Оно приобретало еще большее значение потому, что совпало с успешными операциями всей федеральной армии, под командованием Гранта, на западе и переходом, наконец, федеральной потомакской армии в наступление на Ричмонд. Весьма важным мероприятием вашингтонского правительства и конгресса в целях обеспечения победы было принятие 28 мая закона о «Гомстедах». Наряду с этим уже с мая месяца, не без основания, курсировали слухи об освобождении негров и о привлечении их в армию. Многие генералы, несмотря на противодействие правительства, не переставали, и после отмены прокламации и отстранения генерала Фремонта, давать приют в своих частях беглым неграм, число которых с каждым днем возрастало.

В феврале 1862 г. был внесен в конгресс билль о конфискации собственности мятежников, в том числе и собственности на рабов. Обсуждение этого билля, как и принятого 16 апреля

¹ АВП, МИД, канц., дело № 152, Стебль — Горчакову 23/IV (5/V) 1862 г., № 32, лл. 198—202.

² Thouvenel, *Le secret de l'Empereur*, v. II, p. 299.

билля об освобождении негров в округе Колумбия, вскрыло начинавшееся обострение конфликта между радикальными республиканцами-аболиционистами, или, как их Маркс называл, «принципиально последовательными партиями Севера»,¹ и умеренными республиканцами по вопросу о рабстве. Эти проекты справедливо рассматривались как мероприятия не только внутреннего порядка. Подавление мятежа самым действенным оружием, а именно: уничтожением рабства и привлечением негров в армию имело и внешне-политическое значение. Благодаря освобождению негров и окончательному уничтожению позорного института рабства значительно укрепилось бы международное положение США и возросло бы международное значение гражданской войны. Джон Брайт еще 6 сентября 1861 г. писал лидеру радикальных республиканцев, председателю сенатской комиссии по иностранным делам, Чарльзу Сомнеру, что англичане окажут горячую поддержку Северу, если последний покажет, что целью войны является уничтожение рабства. Об освобождении рабов говорили на всех митингах и демонстрациях.

Уничтожение института рабства было самым популярным народным лозунгом не только на севере США, но и в Европе. Ведь не случайно друзья сецессионистов и правительственная пресса западно-европейских держав, в своей борьбе против федерации США и за признание сецессии, пытались доказать, что не вопрос о рабстве, а тариф и прочие «эгоистические» интересы северян являются причиной гражданской войны, что именно отделение южных штатов каким-то образом приведет к освобождению негров и спасет США от позорного института. Более того, Россель свое желание отделения южных штатов пытался аргументировать тем, что при восстановлении Союза рабство будет, якобы, преобладать над всем новым миром. Он «спасал» новый мир от рабства тем, что стремился признать и поддержать Конфедерацию, увековечивавшую рабство в своей конституции. Россель выражал свой взгляд публично и официально в депешах к Лайонсу 7 марта 1861 г. и 1 мая 1862 г. К. Маркс с 1861 г., а Джон Стюарт Милль, Форстер, Дж. Брайт, Смит и другие с начала 1862 г. основательно разоблачали эти лицемерные аргументы и показали, что причина войны — рабство, что в ходе войны при восстановлении Союза неизбежно уничтожение этого института и что именно отделение Юга, а не восстановление Союза приведет к распространению рабства.

В октябре 1861 г. Сомнер в своей речи в Ворчестере (Массачусетс) требовал освобождения негров, что дало бы моральную поддержку делу Севера в Европе. В декабре 1861 г. он начал вести по этому вопросу частные переговоры с Линкольном.

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 372.

Стивенс в палате представителей, Сомнер в сенате, аболиционисты Вендель Филиппс, Гаррисон, Дж. Смит и другие на митингах, многие аболиционисты и «антислеверы» в армии, даже среди командного состава (Гунтер и др.), — все они пользовались любым случаем, чтобы, наконец, разрешить этот вопрос, придав войне радикальный, антирабовладельческий характер.

Посол в Мадриде Карл Шурц еще в сентябре 1861 г. предлагал Линкольну освободить негров, что вызвало бы горячие симпатии к делу Севера и поддержку общественного мнения Европы. В январе 1862 г., в свой приезд в Вашингтон, он снова убеждал Линкольна освободить негров. Посол в Лондоне Адамс в январе 1862 г. развивал план постепенного освобождения рабов.¹ Клей тогда же предлагал поставить перед мятежниками альтернативу: уничтожение рабства или возвращение в союз на основе конституционных гарантий и всеобщей амнистии.² О том же писали и другие представители за границей. Проведение этого мероприятия они аргументировали необходимостью, во-первых, завоевать симпатии европейского общественного мнения и усилить антирабовладельческую политикой позиции Севера, во-вторых, устранить лицемерные доводы друзей сецессионистов, спекулировавших на том, что Север ведет войну не из-за рабства, в-третьих, более решительно воздействовать на мятежников и, в-четвертых, сделать уступку радикалам в целях единства и сохранения существующего правительства. Именно представители за границей больше всего ощущали, что необходимо придать войне высокие, «моральные» цели.

Линкольн и, в особенности, Сьюард не разделяли этих взглядов. Они неоднократно повторяли, что не собираются уничтожать рабство там, где оно существует. Линкольн, стараясь не озлоблять «лояльных» по отношению к Союзу рабовладельцев из пограничных штатов, искал примирения на почве конституции, ни в какой мере не затрагивая института рабства, даже в порядке военного мероприятия. Сьюард опасался, что уничтожение института рабства или угроза это сделать вызовет международные осложнения. Только желанием не обострять отношения с «демократической» партией севера можно объяснить то, что Мак-Клеллан и другие командиры — «демократы» оставались на своих постах несмотря на то, что их политика и военно-стратегические ошибки, граничившие с изменой, вели страну к кризису, а армию к поражению, в чем в июле уже не было никаких сомнений.

Когда командующий южным фронтом генерал Гунтер 9 мая издал приказ об освобождении рабов в подведомственных ему штатах (Ю. Каролина, Джорджия и Флорида), Линкольн прокла-

¹ House (Exec.) Documents, 1862/63, Adams to Seward 17/1 1862, № 103, part, I, p. 16.

² Ibid., Clay to Seward 7/1 1862, № 15, part I, p. 444.

мацией от 19 мая отменил его, как противоречащий конституции.¹ Но на практике негры в отвоеванных территориях освобождались. Негры массами бежали на север в федеральную армию, становились свободными и принимали активное участие в военных действиях против мятежников. После принятия 16 апреля билля об освобождении негров в округе Колумбия с компенсацией рабовладельцев, радикальные республиканцы и, в особенности, крайние аболиционисты развернули свою агитацию за полное уничтожение рабства. Самый ход войны способствовал популярности радикалов среди широчайших народных масс.

Поход федеральной армии под командой Мак-Клееллана на Ричмонд 28 июня был отбит. Началось отступление потомакской армии и неудачи на западном фронте.

Линкольн 12 июля, наконец, подписал билль о конфискации и 17-го сообщил об этом конгрессу.² 12 же июля он послал конгрессу предложение об оказании помощи рабовладельцам, добровольно освобождающим рабов, а 14-го в конгресс был внесен билль о компенсации.³ Но рабовладельцы пограничных штатов отклонили этот билль, хотя и не подняли мятежа против билля о конфискации, чего так опасался Линкольн. Конгресс, кроме того, объявил рабство недопустимым во всех «территориях» США. Новый штат — Западная Виргиния — был принят на основе закона, по которому устанавливалось постепенное освобождение негров.

Если билль о конфискации объявлял свободными всех рабов, принадлежавших мятежникам и захваченных или прибывших добровольно в федеральную армию, то под давлением радикалов был принят еще более важный закон, разрешавший организацию военных отрядов из свободных негров и использование их для борьбы против мятежников.

Наконец, когда Линкольн убедился в невозможности склонить рабовладельцев пограничных штатов к принятию билля, во-первых, и в сильном росте влияния аболиционистов, что он сам публично признал, во-вторых, он предложил 22 июля проект прокламации об освобождении рабов, мотивируя это военной необходимостью. Но понадобилось еще два месяца, чтобы сломить сопротивление Сьюарда и других умеренных республиканцев. Очень медленно и мучительно росли симптомы перехода от конституционных методов ведения войны к революционным. При сохранении старого метода ведения войны последняя грозила принять затяжной и далеко не благоприятный для федерального правительства характер.

¹ Messages and Papers of the Presidents, v. VI, pp. 93—96.

² Ibid., pp. 85—87.

³ Ibid., p. 84.

Все это несомненно не могло не сказываться на международном положении США.

3. Политика «нейтралитета» в действии

Мерсье в беседе с Лайонсом, после возвращения из Ричмонда, утверждал, что без вмешательства европейских держав война затянется на несколько лет и рано или поздно нужно будет признать Юг. Необходимо это сделать немедленно, считал он, чтобы положить конец войне. Лайонс с ним в принципе соглашался, но считал данный момент неудачным для признания Юга и предлагал выждать, пока Юг не завоеует более благоприятного положения, а Север не истощит своих сил. В частном письме к Росселю Лайонс в мае вновь сообщает, что Мерсье настаивает на необходимости остановить войну, ибо Юг не сдастся, пока не будут истощены все его силы, а Север скоро провозгласит эмансипацию негров, что на неопределенный срок приостановит культивирование хлопка. «Я слушаю, но говорю мало, — писал Лайонс, — когда он [Мерсье. — М. М.] говорит об интервенции». ¹ Вместе с тем, он сообщал о затруднениях федерального правительства в вопросах финансовых, наборе волонтеров и пр. в связи с затягиванием войны. Лайонс предполагал, что при таких обстоятельствах, вероятно, усилятся партия мира и тогда представится возможным для Англии и Франции оказать ей поддержку. Россель в то же время писал Лайонсу о чрезвычайно тяжелом положении Юга в связи с падением Нового Орлеана, Коринфа и других городов, с потерей господства над Миссиссиппи и отсутствием продовольствия. Но аболиционистам, предполагал он, не удастся освободить рабов вопреки воле их владельцев. Россель признавался, что он против восстановления Союза и не видит «иного справедливого решения, кроме отделения Юга». Но «об этом северяне и слышать не пожелают, — и было бы вообще неразумно давать им такие неприемлемые для них советы в момент их удачи». ²

Понятно, что не в интересах Джона Булля было усиление американского Союза. Английские политики стремились к ослаблению и Юга и Севера и с нетерпением ждали того момента, когда они оба истощат свои силы, и Юг обратится за помощью к Джону Буллю, признав свою зависимость от него, а Север, не имея сил далее бороться, признает независимость Юга. Таким образом США перестанут существовать как держава, угрожающая могуществу Англии. Следовательно, отклоняя временно предложение о посредничестве, английские политики не переставали поощрять мятеж, убеждая южан собраться с силами,

¹ Adams, op. cit., Lyons to Russell 16/V 1862, v. I, p. 299.

² Ibid.

чтобы одержать победу, только после которой возможно будет признание Англией конфедерации. Заявлениями о том, что еще не наступило время для интервенции, и одновременно снабжением южан оружием, продовольствием, а в особенности, броненосными судами для пиратских действий они только подливали масло в огонь мятежа. Уже в марте из Ливерпуля вышло судно «Oreto», а в июле корабль под № 2901, которые впоследствии стали известными пиратскими судами.

Адамс в мае с тревогой сообщал Сьюарду, что курсируют слухи о планах посредничества, якобы с целью предупредить войну рабов.¹

Немедленно после взятия Нового Орлеана Сьюард послал Адамсу в Лондон и Дейтону в Париж инструкции для переговоров об изменении политики по вопросу о признании за Югом прав вояющей стороны.

Сьюард предполагал, что победы Севера окажут влияние на Англию и Францию хотя бы тем, что взятие Нового Орлеана даст возможность ослабить хлопковый кризис. Однако Сьюард очень скоро должен был убедиться, что он ошибся. Рабовладельцы сжигали хлопок и вывезли его из Нового Орлеана удалось очень мало.

Адамс с горечью сообщил Сьюарду, что получил от Росселя обычное заявление о неизменности британской политики «нейтралитета». Отказываясь дать определенный ответ, Россель не связывал себя никакими обещаниями и заверениями по поводу политики в будущем.²

Тувенель, ничего не ответив Дейтону, сообщил Мерсье об отклонении предложения Сьюарда и поручил ему сделать представление о необходимости для Франции получить хлопок и табак.³ Друзья сецессионистов и агенты Конфедерации после некоторого затишья усилили свою деятельность. Но французское правительство, как и английское, не выступая до июля 1862 г. открыто с планами посредничества, тайком готовило интервенцию и поддерживало мятежников.

Еще в апреле Слайдель писал Месону: «не исключено, что император может выступить один».⁴ Официозные бонапартовские газеты: «Constitution», «Patrie», «Pays» в редакционных статьях высказывались за интервенцию и утверждали, что весь кабинет склоняется в пользу активной политики в американских делах. Сразу после получения сообщения о падении Нового Орлеана Персиньи заверил Слайделя, что конфедерация будет скоро признана. «Это между нами, — писал Слайдель, — так

¹ House Documents, 1862/63, Adams to Seward 8/V 1862, part I, p. 83.

² Ibid., Adams to Seward 22/V 1862, pp. 97—99.

³ Documents Diplomatiques, 1862, p. 127.

⁴ AHR, Slidell to Mason 28/IV, v. XXVI, № 2, p. 259.

как он говорил со мной очень откровенно и полагается на мою скромность». ¹

Даже обычно осторожный Тувенель имел 14 мая беседу с Слайделем, которую тот остался вполне удовлетворен. Он заявил, что крупная победа конфедерации в Виргинии или при Коринфе дала бы возможность признать Юг. Билло (Billautt) в беседе 16 мая заверил Слайделя, что император и все министры настроены в пользу конфедерации и относятся так же тепло к южанам, как и раньше; правда, Тувенель исключался из этого числа, но «и он, — сказал Билло, — не враждебен Югу». Билло сообщил также, что император далеко не удовлетворен поездкой Мерсье в Ричмонд. ² Так, тайно поддерживалась у агентов Конфедерации надежда на помощь и признание.

Совсем иное декларировалось в официальных интервью и документах. Каулей сообщал Росселю, что Наполеон «совершенно согласен с тем, что в данный момент ничего нельзя сделать и нужно выжидать событий». ³ Тувенель в официальной инструкции Мерсье 15 мая подтверждал неизменность нейтралитета, необходимость строго соблюдать этот принцип и «более чем когда-либо выжидать событий». ⁴ Неоднократные попытки друзей сепсессионистов склонить английский парламент к активизации политики в пользу мятежников терпели крах. В связи с дебатами 9 мая в парламенте по вопросу о хлопке политика нейтралитета не подвергалась нападкам. ⁵

Приостановка действий на фронтах, грозивший неудачей поход на Ричмонд, срыв успехов федеральной кентуккской армии, в результате стратегических ошибок командования последней и предательской политической линии Мак-Клеллана, — пробудили «вновь интервенционистских спекулянтов в Сен-Джемсе и Тюильри из их оцепенения», а Рейтер и К^о стали «...наживаться на слухах об «интервенции» и «посредничестве». ⁶ Подвернулся и «гуманный» предлог для нападков. Генерал Бетлер издал в Новом Орлеане прокламацию, в которой делал предостережение ново-орлеанским лэди, безнаказанно бесчинствовавшим в городе и оскорблявшим союзное знамя и солдат федеральной армии. Конечно, это не могло не привести в негодование друзей южан: Грегори в палате общин и граф Карнарвон в палате лордов немедленно, 13 июня, внесли запросы о том, что намерено предпринять правительство в интересах «попранной гуманности». Но это был только пролог к запросу, действительно

¹ Ibid., Slidell to Mason 3/V.

² Ibid., p. 259—260.

³ Adams, op. cit., Cowlay to Russell 13/V 1862, p. 296.

⁴ Documents Diplomatiques, 1862, p. 124.

⁵ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 166, pp. 1490—1522.

⁶ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 359.

их волновавшему и интересовавшему, — относительно франко-английских переговоров о посредничестве. В своих ответах Пальмерстон в палате общин и Россель в палате лордов резко нападали на Бетлера, но заявили, что французский император не обращался с предложением о посредничестве, что им ничего неизвестно относительно подобного предложения и правительство не только не благожелательно, как надеялись друзья южан, приняло бы его, но и вообще не стало бы рассматривать его. При этом Пальмерстон заявил, что правительство в настоящий момент «не думает о посредничестве». Россель же более откровенно заявил, что «настоящий момент» просто «неблагоприятен для посредничества». ¹ Этот ответ был вызван не только ходом военных действий в США, но и положением в самой Англии. К тому же получено было далеко неутешительное известие, что канадский парламент отверг предложенный проект новых укреплений в Канаде, вследствие чего губернатор Монк распустил парламент. Разумеется, момент оказывался далеко неблагоприятным для интервенции. Палата общин вновь отвергла 20 июня предложение Линдсея о посредничестве. ² Агенты Конфедерации иногда попадали в пессимизм, и у них даже появлялась мысль о бесполезности дальнейшего пребывания в Европе.

Месон жаловался 21 мая Слайделю, что английское правительство по отношению к Югу держится пассивно и не обращает внимания на их домогания, а Франция — насторожена, и позиция ее непонятна. «Один император знает, что должно из этого произойти, но и он держит это в секрете». ³ Слайдель 27 мая в письме к Месону высказал надежду, что если не будет сдан Ричмонд и генерал Борегар одержит победу над Галлеком или армия Конфедерации одержит победу при Коринфе, то Конфедерацию скоро признают, а в случае обеих побед сделают это немедленно. Через четыре дня, 1 июня, он писал: «Я сильно утомлен и расстроен моим положением здесь. И поскольку дело касается лично меня, то если признание будет отложено на неопределенное время, я охотнее предпочел бы немедленно покончить со своей миссией. Но, конечно, я должен оставаться на своем посту, как это было бы мне ни неприятно, пока меня не отзовет президент». ⁴ Месон разделял взгляды Слайделя на желательность решительных действий или, в противном случае, немедленного отъезда из Европы. Они предпочли первое и усилили свою деятельность, используя все средства.

Слайдель составил меморандум Наполеону III, в котором излагал выгоды признания Юга для завоевания Мексики. Он

¹ Hansard's Parliam. Debates, 1862, 3 ser., v. 167, pp. 534—536, 543.

² Ibid., p. 810.

³ Adams, op. cit., v. I, p. 300.

⁴ AHR, v. XXVI, № 2, p. 260—261.

заявил, что «в то время как иностранная оккупация этой страны вызвала бы ожесточеннейшее сопротивление на Севере, мы, далекие от того, чтобы разделять эти чувства, были бы рады видеть быстрое установление там прочного, пользующегося уважением, ответственного правительства». ¹ После обмена мнениями с Месоном Слайдель этот меморандум вручил 23 июня Тувенелю. Эмиссары мятежников не питали особых оптимистических иллюзий в июне и даже в июле, несмотря на заверения Билло и Персиньи и даже самого Наполеона III (16 июля) о том, что интервенция неизбежна. Слайдель сообщал после беседы с последним, что «в общем у меня от разговора с ним сложилось впечатление, что если Англия будет долго упорствовать в своем бездействии, то он будет склонен действовать без нее, хотя, конечно, сам он предпочел бы не брать на себя такого риска. Он сказал, что у него есть основания быть не очень довольным Англией. Она не оценила так, как должна была бы оценить, его поддержку в деле «Трента». ² И Наполеон III начал действовать.

Поход на Ричмонд генерала Мак-Клеллана был отбит 27—29 июня новым командующим виргинской армией Конфедерации генералом Ли. Тувенель 10 июля прибыл в Лондон, где пробыл до 21 июля. Линдсей 18 июля внес новый запрос в палату общин о посредничестве, но запрос был снова отвергнут. ³ В Лондоне все еще считали момент неблагоприятным для посредничества. В середине июля Наполеон III послал Тувенелю в Лондон грозную телеграмму с требованием признания Конфедерации: «Demandez au gouvernement anglais s'il ne croit pas le moment venu de reconnaître le Sud». ⁴

В английском парламенте 15 июля была подвергнута резкой критике мексиканская политика правительства и союз с Францией. И хотя дебаты были сорваны «подсчетом голосов», однако они показали, какое сопротивление встречает союз с Францией для вмешательства в американские дела даже среди таких умеренных членов парламента, как Кинглек, лорд Монтегю и др. Но как только утром 18 июля в Лондоне стало известно о полном поражении армии генерала Мак-Клеллана (которое к тому же было неимоверно преувеличено друзьями сепаратистов в Лондоне, рассматривавших его как поражение всей федеральной армии), Линдсей немедленно внес в палату общин новое предло-

¹ Ibid., p. 262.

² Ibid., Slidell to Mason 20/VII 1862, p. 263.

³ Hansard's Parliam. Debates, 1862, 3 ser., v. 168, p. 578.

⁴ Thouvenel, Le secret de l'Empereur, v. II, p. 352.

Сам Тувенель, если верить его утверждению, не разделял взглядов Наполеона III и считал, что признание Юга может привести к войне с США, которая более серьезна, чем захват Мексики. Ibid., p. 353.

жение о вмешательстве и признании Юга. В тот же день состоялись прения. Линдсей в большой речи, при поддержке Грегори и других, пытался аргументировать свое предложение, главным образом, падением торговли и нуждой, не стесняясь фальсифицировать всем известные факты. Так, например, по его подсчету экспорт США в Англию был равен в 1860 г. — 350 млн. долларов, из коих на долю юга приходилось 250 млн. В действительности, как это было тогда же указано, весь экспорт США исчислялся в 373 млн., а на долю юга — лишь 198 млн. долларов.¹ И на сей раз предложение встретило весьма серьезное сопротивление — большинство парламента было настроено не в пользу интервенции. Форстер в своей речи разбил все аргументы и доводы Линдсея и других сторонников Юга, обосновав фактами необходимость держаться политики строгого нейтралитета. По его мнению, политика, предложенная друзьями сецессионистов, вела к войне. Он не отрицал наличия хлопкового голода и его последствий — нужды и нищеты рабочего населения, но в случае войны с США Англии грозило бы более страшное испытание — хлебный голод.²

Форстер в значительной мере был прав. Городское население Англии за пятидесятые годы неизмеримо возросло. В Европе как раз в эти годы урожаи оказались не совсем благоприятными, и цены на хлеб повышались. Россия после Крымской войны не могла занять прежнее свое место по вывозу хлеба, который вытеснялся американским, а в связи с «крестьянской реформой» экспорт хлеба вообще упал. Кроме того, было неизвестно, какую позицию займет Россия в случае войны Англии с США, так что американский хлеб играл весьма важную роль. В 1862 г. из США было экспортировано 60 млн. бушелей пшеницы, — в три раза больше, чем средний годичный экспорт в предыдущее десятилетие.³ Как один из аргументов против интервенции, хлебный вопрос фигурировал в продолжение всей гражданской войны, хотя значение его иногда и преувеличивалось.

Форстер считал, что война с США была бы несправедливым актом, ибо отсутствует *casus belli*, и она разрушила бы все основания международного права. Война привела бы не к улучшению, а к подрыву материального благополучия Англии. Что же касается ссылки на интервенцию против французской революции, как на прецедент, подтверждающий законность интервенции против США, то разве неизвестно, утверждал Форстер, что именно интервенция сделала борьбу во Франции более острой и «оказала плохую услугу Франции». Интервенция вызвала бы то же самое и в США. Это уже не была бы только гра-

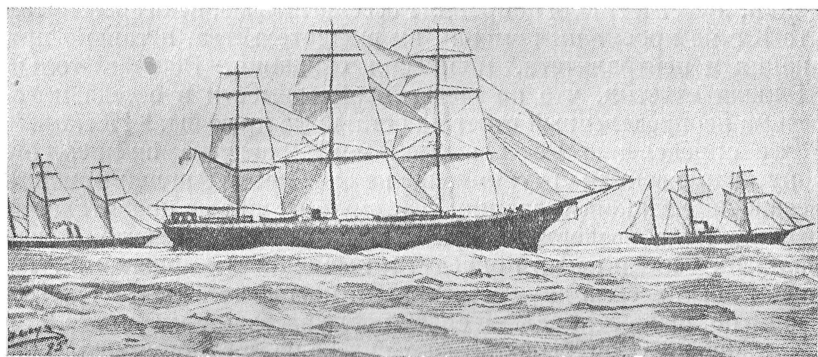
¹ Hansard's Parliam. Debates, 1862, 3 ser., v. 168, p. 517, 558.

² Ibid., p. 536.

³ Robertson, op. cit., p. 77.

жданская война, но революция, последствием которой было бы изменение всей социальной системы. Ссылаясь на Стефенса, вице-президента Конфедерации, Форстер (при криках протеста) показал, что Юг затеял войну против США с целью установления новой республики, краеугольным камнем которой являлось бы рабство. Вопрос о тарифе не фигурировал ни в декларациях об отделении южной Каролины, ни в декларациях Линкольна. Сохранение института рабства — вот действительная причина гражданской войны.¹

Следовательно, признание Юга — это признание увековечения рабства. Английский народ это понял, и его уже нельзя было обмануть.

*Три пиратских судна, построенных в Англии для мятежников:
Алабама, Флорида и Шенандоа.*

Большинство ораторов по различным мотивам высказывались против интервенции. Пальмерстон в ответной речи от имени правительства защищал точку зрения нейтралитета и невмешательства и, считая вмешательство еще несвоевременным, просил предложение Линдсея отклонить.² Предложение вновь было снято.

Однако вопрос о нейтралитете правительством понимался своеобразно. Когда Кобден в палате общин обратил внимание на постройку в Англии каперских судов для мятежников, Пальмерстон решительно возразил против именования сецессионистов мятежниками. Он заявил, что Юг, как и Север пользуются правами воюющей стороны, и английское правительство исполняет свои обязанности «нейтрального» государства. «Американское правительство само признало, что нейтральные госу-

¹ Hansard's Parliam. Debates, 1862, v. 168, pp. 534—538.

² Ibid., pp. 569—573.

дарства имеют право доставлять воюющим странам оружие и суда». ¹

Итак, правительство открыто покровительствовало постройке пиратских судов, снабжению мятежной армии и пр.

Известное пиратское судно мятежников «Алабама» было построено в Англии и 29 июля с ведома правительства ушло в море. В Ливерпуле строились и другие суда для Юга.

4. Россия и тайные переговоры о посредничестве и признании конфедерации

После провала попыток друзей сецессионистов в палате общин, направленных к организации интервенции в пользу мятежников, Месон 24 июля направил Росселю письмо, в котором писал, что Юг не просит ни помощи, ни вмешательства, а только признания и нейтралитета, и просил свидания. Россель только 31 июля ответил, что не видит необходимости в беседе и дал весьма неопределенный ответ на остальные просьбы. ² Несколько более определенно Россель высказался 2 августа; он писал Месону, что военная ситуация еще не дает права Англии признать независимость конфедерации; поэтому английское правительство решило пока воздержаться, в ожидании того момента, когда, наконец, успехи южан приведут к возможности признания. Тон письма был весьма дружественным и поощрительным. ³ Письмо, вероятно, было отправлено сразу после заседания кабинета 2 августа, на котором было решено ничего не предпринимать, пока обе воюющие стороны этого не захотят и пока Франция и Россия не одобряют вмешательства.

Подобную же точку зрения отстаивал Россель в палате лордов, где вопрос об интервенции был поднят в связи с запросом лорда Кемпбелла относительно корреспонденции между Росселем и Месоном о признании конфедерации. ⁴ Россель в ответной речи, высказываясь против немедленного вмешательства, обещал в начале октября, а может быть и раньше вернуться к этому вопросу. Он считал, что Англия без содействия Франции и России ничего не может предпринять. В позиции Франции Россель не сомневался и был уверен в ее согласии на участие в интервенции. Что же касается России, то, не имея с ней контакта по этому вопросу, Россель склонен был думать, что «она была бы готова рассматривать любую меру, которую можно было бы считать необходимой», и что «Россия и Франция

¹ Hansard's Parliam. Debates, 1862, 3 ser., v. 168, p. 571—572.

² Parliam. Papers, 1863, Lords, v. XXIX, Corresp. with M-r Mason respect. Blocade and Recognition, № 7, 8, 9.

³ Ibid., № 11.

⁴ Hansard's Parliam. Debates, 1862, 3 ser., v. 168, pp. 1177—1185.

взвешают в самом беспристрастном духе любое предложение, которое может быть сделано этим правительствам». ¹

Если в отношении Франции Россель не ошибался, тем более, что она внешне выступала более активно, чем Англия, то относительно России вопрос был значительно сложнее, и он должен был в своих оптимистических взглядах вскоре разочароваться.

Маркс был совершенно прав, когда еще 14 июня писал: «План таков: во время каникул английского парламента Франция выступает в роли посредницы, а осенью, когда будет обеспечено положение в Мексике, она начинает интервенцию». ²

Английский поверенный в делах в Вашингтоне, сторонник южан Стюарт сообщал Росселю, что, по мнению Мерсье, в октябре должна быть организована европейская интервенция.

Стюарт из переговоров со Стеклом пришел к выводу, что последний считает самой лучшей мерой признание Конфедерации. Это, по мнению Стекла, как передавал Стюарт, меньше грозило бы войной с Севером, чем попытка вмешательства. Но, как сообщал Стеклъ Горчакову 21(9) июля после беседы с Сьюардом, всякая мера в данный момент только ухудшила бы дело. Поэтому он полагал, что «лучше всего подождать и посмотреть, что принесет весна». ³ Того же взгляда он придерживался и в конце сентября. Предложение о посредничестве, по его мнению, ничего не даст, если оно не будет подкреплено угрозой применения военной силы для открытия южных портов. Примерно такой же точки зрения, если верить в его искренность, придерживался и Лайонс, который перед отъездом в отпуск заявил Стекло, что нельзя говорить о посредничестве, пока европейские державы не готовы к войне с США. Мерсье, наоборот, настаивал на том, что выступление Франции, поддержанное другими державами, особенно Россией, заставило бы федеральное правительство пойти на уступки. Поэтому он предлагал действовать немедленно. ⁴ Стеклъ, принимая участие в переговорах, занимал позицию выжидания и проводил политику невмешательства, что вполне соответствовало политике русского правительства.

Совсем иную позицию занимало французское правительство. Слайдель, еще до выступления Росселя, 29 июля получил «в высшей степени ободряющее» письмо от Персиньи. ⁵ Слайдель считал оттяжку решения Англией «невыносимой». Ему казалось невозможным, чтобы Россель смог действовать в согласии с французским правительством. Но в случае если Россель принял бы

¹ Ibid., p. 1185.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 359.

³ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, Стеклъ — Горчакову 9(21) VIII 1862 г., № 61, лл. 340—341.

⁴ Там же, Стеклъ — Горчакову 16(28) IX, 1862 г., № 17, лл. 384—386.

⁵ ANR, Slidell to Mason 30/VII, v. XXVI, № 2, p. 264.

решение, не консультируясь и не заключив соглашения с Францией, то «я был бы, — писал Слайдель, — чрезвычайно удивлен и разочарован, если бы император не взял дела в свои руки». ¹

В начале августа Наполеон III вновь послал в Лондон неофициального агента Манна. На этот раз он выдвинул более серьезный аргумент, а именно: усиление домогательств «демократической» партии в северных штатах.

Связывая эти действия Наполеона III с уклончивым ответом Росселя, Слайдель сообщил Месону, что «не следует сожалеть о поспешности ответа Росселя. Франция будет нам более надежным союзником, чем Англия». ² Однако не имеющие непосредственного отношения к американскому вопросу итальянские события в сентябре 1862 г. отвлекли внимание Наполеона III от американских дел, задержав на время реализацию плана посредничества. Вследствие этого не удалось воспользоваться парламентскими каникулами в Англии для осуществления этого плана. Слайдель в своем письме от 6 августа высказывал сомнения о возможности выступления Наполеона III по американскому вопросу «из-за действий Гарибальди». Он опасался, как бы события в Италии не привлекли внимания Европы и не противодействовали чаяниям Конфедерации. Через две недели он уже сообщал, что «положение дел в Италии вызывает большое беспокойство и при всем желании императора... он ничего не может предпринять в отношении конфедерации, пока не разделается с Гарибальди». ³

Между прочим, во время состоявшихся в Англии в сентябре 1862 г. народных митингов и демонстраций в честь Гарибальди последний 28 сентября обратился из места своего заключения к английскому народу с адресом, в котором среди других вопросов, указывая на США, призывал народ быть союзником их, помогать им в борьбе против рабства и, вообще, везде брать на себя инициативу прогресса. Так, одно демократическое движение протягивало руку другому. Оказывать помощь Северу в борьбе против Юга значило бороться за демократию в Европе. Это ясно понимали рабочий класс и передовые элементы буржуазной демократии. Во время всемирной лондонской выставки рабочие Европы, да и все демократические элементы, демонстрировали свою солидарность в борьбе за свободу во всем мире и призывали в первую очередь поддержать уже развернувшуюся борьбу в США, Италии и Польше.

Может быть, именно поэтому Россель высказывал надежду, что Россия поддержит любое предложение, направленное против США и тем самым против демократии в Европе. Никаких

¹ AHR, v. XXVI, № 2, Slidell to Mason 3/VIII.

² Ibid., Slidell to Mason 6/VIII.

³ Ibid., p. 265.

иных мотивов у Росселя не могло быть. Но в Петербурге летом и осенью 1862 г. высказывались за восстановление союза, хотя и продолжали Северу советовать примирение с Югом.

15 июня в Петербург прибыл преемник Клея на посту посла, бывший военный министр Камерон. Клей представил его 17-го Горчакову, который принял обоих сердечно и, будучи сам в курсе американских дел, выразил пожелание скорее урегулировать все трудности. 25-го Клей и Камерон были представлены Александру II. Царь, оказавшийся также неплохо осведомленным о положении дел в США, как сообщал Камерон, заверил, что по отношению к Северу его «симпатии были всегда сердечны». Он «очень озабочен тем, чтобы США как нация не понесли никакого урона в своей силе или влиянии»,¹ и указал, что интересы США и интересы России во многом совпадают. Он высказал желание всеми средствами, находящимися в его распоряжении, ускорить прокладку телеграфа, который позволил бы правительствам этих двух великих держав непосредственно общаться друг с другом. Александр II, рассказав о своих реформах, касающихся освобождения крепостных, проявил большой интерес к решению вопроса о рабстве в США.

Камерон в свою очередь заявил Александру II: «Мы уверены в том, что и миру и материальным интересам народов лучше всего будут способствовать сохранение мощи и процветание России в Старом свете и сохранение системы, принятой в США, в Новом свете». «Замечательно, что Россия и США две единственные великие державы на свете, дружбе которых никогда не может повредить столкновение интересов». ² Перед Россией — восток, перед США — запад. Камерон восторженно писал об этом приеме: «Эта возможность практически увериться в симпатиях к США, которые Россия проявляет теперь, как проявляла и прежде, и которые не только не потерпели ущерба, но даже укрепились известиями о наших затруднениях, — доставила мне глубочайшее удовлетворение». ³

Сюард был очень доволен приемом и выразил желание президента, чтобы и правительство и народ России были убеждены в сердечной дружбе США. ⁴ Через несколько дней, в связи с получением депеши Клея от 27 июня, Сюард снова в письме к Камерону констатировал удовлетворительность русско-американских взаимоотношений. ⁵

Но не прошло и месяца, как оптимизм Камерона сменился

¹ House (Exec.) Documents, 1862/63, Cameron to Seward 26/VI, № 2, part I, p. 447.

² Ibid., p. 448.

³ Ibid., p. 447.

⁴ Ibid., Seward to Cameron 23/VII, № 5, p. 449.

⁵ Ibid., Seward to Cameron 28/VII, № 7, part I, pp. 450—451.

сомнением. Он опасался европейской интервенции, хотя в своем письме и признавал, что «нет столицы в Европе, где бы встречали лояльного американца с такой всеобщей симпатией, как в Петербурге», и где бы с таким удовлетворением принимались благоприятные известия о подавлении мятежа. «Тем не менее, — писал далее Камерон, — правильно будет высказать убеждение, понемногу создавшееся во мне при сравнении главных европейских газет, что к мысли об иностранном вмешательстве в дела США привыкают постепенно все больше. Европа теряет терпение из-за тех убытков, которые приносит ей наша борьба. Друзья мятежников, в число которых входят не только их специальные агенты, но и значительная группа тех, кто с неприязнью и страхом взирает на гигантский рост нашей страны, втайне заняты подысканием предлогов, которые оправдали бы такое вмешательство в глазах народа». ¹ По мнению Камерона, этому плану можно воспрепятствовать только военными успехами и принятием активной и энергичной политики. Каждый день промедления, который врагами расценивается как свидетельство слабости Союза, увеличивает опасность. Но полученное сообщение Сьюарда от 2 июля о предоставлении президентом конгрессу проекта прокламации об эмансипации негров, было принято с удовлетворением не только Камероном, но и «американцами в Петербурге и интеллигентными русскими людьми». ²

Информация Камерона о враждебности официальной Европы к США и к американским порядкам подтверждалась депешами и донесениями всех вашингтонских представителей за границей, что вызывало опасения у Сьюарда. «Поскольку, — между прочим писал он Камерону, — описанная вами враждебность возникает только из неприязни к нашим республиканским порядкам, то я должен сказать, что эти порядки мы избрали для самих себя, а не для каких-либо других стран и народов. Мы не навязываем их другим. Если они не вполне соответствуют условиям нашего общества, они погибнут без иностранного вмешательства, если же соответствуют — они не падут ни перед какой комбинацией, какая может быть организована против них». ³

Сьюард просил еще раз подтвердить, что правительство США предпримет все меры для того, чтобы предупредить войну с европейскими державами. При этом он считал, что ни одна европейская держава не пересечет океан, чтобы воевать с США, не учтя предварительно стоимости войны и ее возможных результатов. Назначение нового главнокомандующего федеральной армии должно было изменить ход гражданской войны в пользу Союза.

¹ House (Exec.) Documents, 1862/63, Cameron to Seward 23/VII, № 4, pp. 449—450.

² Ibid., Cameron to Seward 5/VIII, № 5, part I, p. 451.

³ Ibid., Seward to Cameron 13/VIII, № 8, part I, p. 453.

В отношении жалоб на то, что война затянулась, Сьюард справедливо советовал Камерону ответить, что в этом прежде всего *повинны европейские державы, затягивающие войну своей симпатией к мятежникам, обнадёживая их возможностью признания и оказания им помощи*. Война окончится, как только правящие классы Европы примирятся с необходимостью существования США и впредь «как единого, суверенного и миролюбивого народа». ¹ Сьюард не делал особых исключений и для правящих классов России.

Следовательно, неуверенность в том, какую позицию займет Россия, заставляла, в связи с сообщениями европейской прессы о переговорах между европейскими державами по вопросу о вмешательстве, следить за каждым замечанием и заявлением официального и полуофициального характера.

В официальном органе «*Journal de St.-Petersbourg*» 6 августа была опубликована редакционная статья — ответ на статью «*Indépendance Belge*» от 1 августа. Последняя сообщала, что между Францией и Россией ведутся активные переговоры, преследующие цель совместно с английским правительством признать южные штаты и вмешательством положить конец гражданской войне в США. При этом, признавая существование дружественных отношений между США и Россией, автор статьи утверждал, что последняя намерена использовать эту дружбу для вмешательства. В своем ответе «*Journal de St.-Petersbourg*» утверждал, что дружественные и примирительные взгляды императорского кабинета не изменились и что события начала войны лишь укрепили эти взгляды. Камерон, сообщая об этой статье, отказался сделать какие бы то ни было выводы. ² Только 19 августа он добился свидания с Горчаковым, который сообщил ему, что статья в «*Journal de St.-Petersbourg*» была подготовлена в министерстве иностранных дел по его указанию и ее следует рассматривать как авторитетное заявление. Горчаков заверил, что принятая Россией политика не будет изменена и что США нет оснований этого опасаться. Он затем заявил, что до императора дошли сведения о предполагаемом совещании европейских держав по американскому вопросу. По его мнению, США не будут иметь претензий к России, если она будет представлена на этом совещании, «поскольку тогда они наверное будут иметь в совете друга». ³ Камерон писал, что тон замечаний Горчакова указывал на неудовлетворенность его ходом войны, который даже у друзей США вызывает сомнение в способности Севера подавить мятеж. Он считал, что слухи об участии России в организуемой другими державами интервенции необоснованны, а угроза вме-

¹ Ibid., p. 454.

² Ibid., Cameron to Seward 7/VIII, № 6, part I, p. 452.

³ Ibid., Cameron to Seward 19/VIII, № 8, part I, p. 455.

шательства других держав в настоящее время может быть приостановлена. Но если война будет продолжаться так же, как она велась с июня месяца, то это может вызвать вмешательство и даже вооруженную интервенцию.

Камерон предлагал принять более действенные меры к успешному ведению войны и обеспечению успехов. Это не только его собственное мнение, но убеждение всех друзей Союза в Европе.

Камерон, пробыв всего два месяца в Петербурге, просил отставки, мотивируя свою просьбу плохим петербургским климатом, но при этом добавил, что если бы даже климат был лучше, то в такой критический момент он все же считал бы своею обязанностью быть на родине. И он оставил Петербург в сентябре, задолго до того, как прибыл его преемник, бывший уже ранее послом в Петербурге, Клей, несмотря на то, что как раз в этот момент угроза интервенции была особенно серьезной.

По мере усиления угрозы интервенции и Камерон и Сьюард все более проникались убеждением, что Россия не примет в ней участия. В сентябре уже не было в этом сомнений, хотя не было и уверенности в том, что Россия выступит в защиту США. Сьюард на основании только статьи в «*Journal de St.-Petersbourg*» выразил надежду, что «сердечные чувства правительства и народа в России станут еще более глубокими и более длительными». ¹ Сьюард, как и все, считал, что агенты мятежников попытаются использовать создавшуюся ситуацию, чтобы склонить европейские державы к вмешательству. Он, однако, полагал, что никому из представителей США за границей не удастся так легко выполнить задачу предупреждения вмешательства, как послу в Петербурге. ²

Буквально в то же время и Камерон писал, что «к счастью, при этом дворе я избавлен от необходимости защищать наше дело». Его обязанности исчерпывались разъяснением действий и политики правительства, которые не всегда были понятны иностранным государственным деятелям. «Я встречаюсь здесь с постоянным желанием, — писал Камерон, — истолковывать все в нашу пользу». ³ В подтверждение этого он сообщает об опубликовании в официальном органе, несомненно по указанию Горчакова, части ноты Сьюарда к Адамсу от 26 мая с редакционной статьей, весьма благоприятной США и направленной против Англии.

Такова была позиция русского правительства, как она представлялась американским дипломатам, когда над США нависла новая грозная туча интервенции.

¹ House (Exec.) Documents, 1862/63, Seward to Cameron 6/IX 1862, № 11, part I, p. 456.

² Ibid., Seward to Cameron 6/IX, № 10, part I, p. 457.

³ Ibid., Cameron to Seward 9/IX, № 9, part I, p. 458.

Г л а в а V

РОССИЯ ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. Прокламация от 22 сентября 1862 г. и рост солидарности в Европе

В середине сентября положение США было особенно критическим. Военные действия были перенесены на территорию лойяльных федерации штатов. Основная армия мятежников под командой генерала Ли успешно продвигалась в Мериленде и Пенсильвании, угрожая окружить и отрезать Вашингтон от северных штатов. Поход федеральной армии на Ричмонд был и на этот раз неудачен. «Эта неудача, — писал Сьюард, — несомненно ободрила эmissаров мятежников в Европе, и общественное мнение слишком быстро уступило требованиям интервенции в форме, которая должна увеличить национальные затруднения». ¹ Сьюард, прежде всего, имел в виду английскую буржуазную прессу.

Газеты «Morning Herald» и «Weekly Dispatch» в начале сентября требовали не только признания Юга, но и вооруженной интервенции, и высказывались за сохранение рабства. При этом они утверждали, что если войны с США не будет в данный момент, то Англии все же придется вести войну с янки, но при менее благоприятных обстоятельствах. Даже на севере США орган северных «демократов» «New York Times» готов был приветствовать вмешательство Англии, Франции и России, правда, при условии возвращения Юга в Союз. Орган рабовладельцев, ричмондская газета «Dispatch» доказывала, что вмешательство без признания Юга невозможно, признание же только независимости Конфедерации без вмешательства совершенно невыгодно. Пресса во второй половине сентября даже сообщала о попытках мятежников запугать европейские державы отзывом Месона и Слайделя. Более того, она сообщала, что Месон будто бы уже направил Росселю ультимативную депешу об оставлении им Лондона в случае дальнейшей оттяжки решения.

¹ Ibid., Seward to Cameron 16/IX, № 13, part I, p. 459.

Но Сент-Джемский кабинет сам понимал, что нельзя медлить. При создавшихся обстоятельствах, федеральное правительство несомненно могло реализовать свой проект эмансипации негров и использовать их против мятежников, что бесспорно привело бы к гибели последних. Следовательно, нужно было предупредить столь печальный для них исход и сорвать реализацию проекта федерального правительства, о котором в Европе были хорошо осведомлены.

Сюард 14 июля послал заграничным представителям копию проекта прокламации об освобождении негров.¹ Как и в депеше от 28 мая, Сюард, опасаясь европейской интервенции, сообщил 2 августа Адамсу, что в случае вмешательства европейских держав для оказания помощи Югу, федеральное правительство вынуждено будет прибегнуть к «Servile War» — войне рабов против своих господ.² Адамс уже 20 июня ознакомил Росселя с содержанием депеши Сюарда от 28 мая, угрожавшей «войной рабов». ³ Об этом же сообщил Стюарт. ⁴ В ответах на эти сообщения Россель писал Стюарту, что война рабов, которой угрожает Сюард в своей депеше, «предвещает нам еще больший ущерб для собственности и упадок в промышленности, уже поразивший страну, столь недавно процветающую и находившуюся в спокойствии». ⁵ Россель, в ответ на депешу Стюарта, 7 августа писал, что перспектива войны рабов только заставит другие державы стремиться к скорейшему окончанию «этого разрушительного столкновения», и весьма неодобрительно комментировал билль о конфискации. ⁶ Стюарт 16 августа осведомил Сюарда о содержании этой депеши Росселя. ⁷ Адамс, в свою очередь, еще 11 июля в письме к Сюарду утверждал, что английское правительство скоро наметит новый политический курс.

Возможно, что Сюард потому и выступил на заседании вашингтонского кабинета 22 июля против прокламации об освобождении негров. Он аргументировал свое возражение тем, что иностранные державы вмешаются, чтобы предупредить освобождение рабов в момент, когда федеральные армии терпят поражения, а генерал Ли предпринял поход на Вашингтон. В лучшем случае, он опасался разрыва дипломатических отношений с иностранными державами в условиях весьма неблагоприятной

¹ House Documents, 1862/63, part I, p. 185.

² Ibid., pp. 165—168.

³ Ibid., p. 172.

⁴ Parliam. Papers, 1863, Lords, v. XXIX, Correspond. relating to Civil War, № 8, Stuart to Russell 21/VII.

⁵ Ibid., Correspond. relating to Civil War, № 2, Russell to Stuart 28/VII 1862.

⁶ Ibid., № 10, Russell to Stuart 7/VIII.

⁷ Ibid., № 20.

военной ситуации. Несмотря на одобрение прокламации большинством членов кабинета, принятие ее, вследствие возражений Сьюарда и Блера, который опасался за результаты ноябрьских выборов, было отложено до того момента, когда федеральная армия одержит победу.

Только 22 сентября, после победы при Антитаме, одержанной 17 сентября, и отступления армии мятежников к Ричмонду, Линкольн опубликовал прокламацию, на основании которой негры считались свободными, если к 1 января 1863 г. мятежники не сложат оружия. При этом прокламация не распространялась на лояльные пограничные рабовладельческие штаты, а сама эмансипация аргументировалась военной необходимостью.¹ Прокламация эта преследовала, как утверждали неоднократно Линкольн и Сьюард, главным образом восстановление союза.²

На принятие этого решения, вероятно, оказали влияние Адамс и другие представители за границей, которые не разделяли опасений Сьюарда и придерживались совсем иного мнения. Адамс в своих письмах писал, что Север должен быть готов к возможности иностранного вмешательства, и поэтому-то он считает необходимым придать гражданской войне антирабовладельческий характер, поскольку освобождение рабов является высоким «моральным» аргументом, и тем самым, усилив позиции Севера в Европе, может предупредить интервенцию.³ В том же духе писали Карл Шурц, Клей, а затем и Камерон, Мотлей и другие. Они придавали большее значение влиянию общественного мнения на правительственную политику, чем хлопку. Они, в особенности Адамс, наблюдали рост симпатий к Северу и ненависти к мятежникам по мере перехода вашингтонского правительства к более решительным методам ведения войны. По мере того, как выяснялось, что гражданская война — это война против рабства, война за свободу, росла солидарность европейского народа с американским. Эта солидарность проявлялась не только на митингах, специально посвященных американскому вопросу, но и на всех народных, в особенности рабочих собраниях. Так, например, на происходившем 5 сентября годовичном торжественном собрании союза шеффилдских ножовщиков американскому вопросу было уделено центральное внимание. Под бурные и непрерывные аплодисменты Рамедон заявил, что рабочие решили настаивать на строгом нейтралитете и невмешательстве, ибо убеждены в пользе и справедливости такого образа действия. Другой рабочий лидер — Гаффилд

¹ Messages and Papers of the Presidents (ed. Richardson), v. VI, pp. 96—98.

² House Documents, 1862/63, part. I, p. 195.

³ Ibid., Adams to Seward 17/VII, 12/IX и 22/IX 1862, pp. 140, 191 и 199.

убедительно показал, что произойдет с рабством и с принципами новой американской правительственной системы, если отделение совершится. «Последуем, — заявил он, — примеру ланкаширских героев. Сильные мира часто могут учиться у низших классов общества. И ланкаширское население учит страну выказывать терпение». ¹ И это далеко не единичный случай. Несмотря на неслыханную нужду, рабочие стойко боролись против угрозы новой попытки интервенции. ²

2. Тайная подготовка интервенции и трудности ее организации

Английское правительство не хотело отказаться от своих планов вмешательства в гражданскую войну и тайно готовило его. Несмотря на старания правительства скрыть эту подготовку, народ и пресса понимали, что вмешательство готовится; тем более, что мелких фактов вмешательства было уже много. Разве протест французского консула в Новом Орлеане в августе против приказа генерала Бетлера относительно выдачи неграм оружия не был настоящим вмешательством во внутренние дела США? Но речь теперь шла не о подобном вмешательстве, а о более серьезных планах интервенции. Не только вдохновителями, но и инициаторами организации новой интервенции на этот раз были Россель и Пальмерстон, а не Наполеон, занятый итальянскими делами.

Стюарт в августе сообщил Росселю, что принятие прокламации об освобождении рабов, согласно информации Сомнера, отложено лишь временно по настоянию Сьюарда. Сам Стюарт не придавал прокламации большого значения, рассматривая ее как маневр, способный припугнуть южан и оказать влияние на другие государства. Но в Лондоне с середины сентября, когда положение США было особенно критическим и в принятии прокламации уже нельзя было сомневаться, официально разрабатывался план вмешательства в американские дела и принимались меры, направленные к признанию Юга.

В ответе на письмо Пальмерстона от 14 сентября Россель соглашался, что наступил благоприятный момент предложить правительству США посредничество с условием признания независимости Конфедерации. Россель был согласен с Пальмерстоном и в том, что военная ситуация не благоприятствует северянам, что даже Вашингтону и Балтиморе угрожает опасность попасть в руки южан. Следовательно, этот момент был весьма удобен для того, чтобы Англия и Франция могли предложить воюющим сторонам заключить перемирие с признанием отделе-

¹ Цит. по «С.-Петербургским Ведомостям» от 5/IX 1862 г.

² См. Jordan and Pratt, *Europe and the Amer. Civil War*.

ния Юга, а в случае отклонения вашингтонским правительством этого предложения самостоятельно признать южную конфедерацию. Россель предложил в конце сентября созвать кабинет для рассмотрения этого предложения.

Каулей сообщил 18 сентября Росселю, что имел длительную и серьезную беседу с Тувенелем. Последний считал необходимым выждать результатов ноябрьских выборов на севере.

Мерсье и Тувенель полагали, что успехи южан усилят северную партию мира. По мнению Тувенеля, если «демократическая» партия севера достигнет господства, то Линкольн и Сьюард, возможно, станут сговорчивее с иностранными державами, к «советам» которых они не хотели прислушиваться. Он особенно подчеркивал это и предупреждал о серьезных последствиях, которых должны ожидать Англия и Франция в случае признания Юга. Каулей в беседе с Тувенелем высказал предположение, что можно предложить перемирие без вмешательства. Если к этому предложению присоединятся и другие державы, то одна вероятность признания южной конфедерации всей Европой должна иметь достаточный вес, если даже и допустить, что последует отказ США признать ее. Тувенель был менее оптимистически настроен. Он предвидел, какие могут быть трудности, даже при благоприятных условиях, при организации выступления других держав, в особенности России, совместно с Англией и Францией. Тувенель заявил, что французское правительство не так давно уже выясняло отношение России к вопросу о присоединении ее к Англии и Франции для предложения посредничества и натолкнулось на почти презрительный отказ. Кроме того, во Франции общественное мнение (имелось в виду, конечно, мнение некоторых буржуазных кругов) не столь решительно требует признания Юга, как в Англии. Таковы были взгляды Тувенеля, которые, однако, не разделял Наполеон III.

Слайдель в сентябре сообщил Месону, что нет оснований надеяться на какое-либо благоприятное для Конфедерации дипломатическое выступление, ибо, как он писал несколько позднее, Тувенель — скептик, и ничего нельзя сделать до возвращения императора.¹ В связи с успешными операциями генерала Ли в Мериленде надежды конфедеративных агентов возросли. Наполеон III готов был вмешаться в том случае, если Англия даст сигнал.

Переписка Пальмерстона, Росселя и Гладстона в сентябре является достаточным основанием, чтобы убедиться в подготовке интервенции и разработке плана посредничества на основе отделения и признания Юга. Предполагалось в первой половине октября послать меморандум Франции и России о посредни-

¹ AHR, Slidell to Mason 12/IX, 2/X 1862, v. XXVI, № 2, p. 266.

честве. Россель к участию России вначале относился отрицательно. Как и королева Виктория, которая настаивала на совместных действиях с Австрией, Пруссией и Россией, Пальмерстон также предлагал привлечь в первую очередь наряду с Францией и Россию, хотя им и не исключалась возможность отклонения последней английского предложения. Другим державам он предлагал сообщить это после выяснения позиций Франции и России. Пальмерстон считал необходимым использовать создавшуюся военную ситуацию в США, особенно подготовку мятежниками сильных боев на северо-западе от Вашингтона. Если Юг хотя бы вначале одержит победу, то Север сразу будет готов принять предложение европейских держав. «Железо надо ковать, пока оно горячо», и поэтому следовало теперь же подготовить почву к посредничеству, чтобы до решающего исхода боев предложить США перемирие и посредничество. Если Север отразит наступление южан и окажется в лучшем положении, то можно будет на время отложить предложение.¹ Пальмерстон 24 сентября в письме к Гладстону изложил предварительные условия, которые должны быть предъявлены США. Они сводились к трем пунктам: 1) перемирие, 2) уничтожение блокады, 3) переговоры на основе признания конфедерации южных штатов. Россель, как показывает его письмо к Гладстону, теперь уже полностью разделял взгляды Пальмерстона относительно России. Россель 1 октября информировал Бруннова, не вручая официального меморандума, о планах английского правительства. По сообщению Бруннова, Россель имел в виду приглашение Франции и России присоединиться к Англии, чтобы «оказать добрую услугу» США. Он рассчитывал на успех вмешательства благодаря стремлению, якобы, США к миру и, особенно, усилению «демократической» партии на севере. Кроме того, он выражал надежду на присоединение к предложению России, чему придавал исключительное значение. В случае возможного, тем не менее, отказа США Великобритания признает Юг, не ссорясь вместе с тем с США. Бруннов полагал, что выступление Англии «эвентуальное». Им не исключалась возможность, что известные обстоятельства могли бы это выступление отсрочить и приостановить. Бруннов совершенно справедливо подчеркивал, как производившее на него особенное впечатление, то обстоятельство, что английский кабинет считал необходимым «что-нибудь предпринять, прежде чем соберется парламент».² Да и в самом английском кабинете, чего не отметил Бруннов, были серьезные разногласия, и планы Пальмерстона — Росселя не только не нашли активной поддержки, но наталкивались на сопро-

¹ Walpole, Russell, Palmerston to Russell 23/IX 1862, v. II, p. 362.

² АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 73, Бруннов — Горчакову 19/IX (1/X) 1862 г., № 199, лл. 22—24.

тивление, за исключением Гладстона, ставшего активным приверженцем этих планов. Вместе с тем Пальмерстон и Россель, как сообщал Бруннов, собирались довести до сведения вашингтонского правительства, что им известно о разногласиях в кабинете Линкольна.¹ Особенно подчеркивая это обстоятельство, они старались спекулировать даже на нем, чтобы осуществить свои цели, хотя в собственном их кабинете, в Сент-Джемсе, было меньше единства, чем в Белом доме.

И мало того, даже сами они — Пальмерстон и Россель — были полны сомнений в выполнимости плана. Одним из важных факторов, питавших это сомнение, была Россия. На следующий день после беседы с Брунновым, 2 октября, Россель писал Пальмерстону, что американский вопрос должен быть тщательно рассмотрен. «Мое единственное сомнение в том, — писал он, — должны ли мы с Францией беспокоиться, если Россия воздержится от выступления. Последствием отказа ее от участия в совместном с нами выступлении было бы отклонение наших предложений. Но к 16-му картина будет яснее. Я желал созвать к этому времени кабинет, но созыва не будет до субботы. Если вы хотите приостановить это, напишите Гаммонду». ² Но за позиции России опасаться приходилось гораздо больше, чем это даже казалось Росселю. Пересылая письма Бруннова Стекло с большим опозданием, Горчаков сообщил, что Россия не имеет намерения изменять свою «исключительно дружественную политику к Соединенным Штатам». ³ Следовательно, Россия не проявляла склонности поддерживать английские планы, и Россель не ошибался, когда сразу же после беседы с Брунновым, целью которой было позондировать почву, выразил сомнение в поддержке России, еще не зная о том, как отнесутся в Петербурге к его плану.

В начале октября в Лондоне, несколько позднее в Петербурге стало известно о победе федеральной армии над мятежниками. Далеко не случайно то, что Горчаков только 15(3) октября, т. е. после того как уже выяснился исход сражений в пользу северян, сообщил о неизменности русской политики.

Сражение при Антитаме 17 сентября улучшило военное положение Севера, а вся компания генерала Ли в Мериленде закончилась тем, что 19-го началось быстрое отступление армии южан через долину Шенандоа и реку Потомак в Виргинию. Генералу Ли удалось закрепиться только на старых южных позициях у Ричмонда. Тем не менее, Пальмерстон считал это поражение величайшей победой Юга и удачным моментом для

¹ Там же.

² Adams, op. cit., v. II, p. 45.

³ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, Горчаков—Стекло 3(15)X 1862 г., лл. 533—534.

обращения европейских держав к США с предложением посредничества. В письме к Росселю от 2 октября он писал, что предложение о посредничестве без сомнения будет принято Конфедерацией. «Почему ей не принять?» — вопрошал Пальмерстон. Если отказ и последует, то только со стороны северной федерации. «Положение вещей было бы поэтому, — писал он, — благоприятным для предложения о посредничестве и дало бы большие преимущества Югу». ¹ Под влиянием ли министров Корнелия Льюиса и Гренвиля, резко критиковавших вмешательство в американские дела, под влиянием ли полученных сообщений о военной ситуации и успехах северян, но Пальмерстон вместе с тем высказывал, также как и Россель, сомнение в благоприятном исходе задуманного плана: он опасался за судьбу Канады и видел невозможность вести войну с США до весны. «Что касается возможного возмущения северян нашим признанием независимости Юга, — писал он Росселю тогда же, — то совершенно верно, что это возмущение было бы нам менее страшно весною, когда сообщение с Канадой открыто и когда наши морские силы могли бы легче действовать у американского побережья, чем зимой, когда побережье небезопасно». ² Пальмерстон, конечно, не мог не понимать, что вмешательство в американские дела и признание Конфедерации не может не вызвать войны с Соединенными Штатами, а против войны был бы и английский народ и сложившаяся обстановка. Но он полагал, что если Конфедерация была бы признана Англией, Францией и другими державами одновременно, то янки, возможно, не осмелились бы затеять «ссору» (a quarrel), как он мягко выразился, с Англией и не рискнули бы действовать против европейских держав, в Конфедерации же этот конфликт вселил бы уверенность в неизменности политики признания независимости Юга. ³ Пальмерстон понимал величайшие трудности в осуществлении этого плана, который мог бы стать яснее только после более решительных боев. Затруднения, порождавшие сомнения и колебания самих инициаторов, и возражения ряда членов кабинета, особенно Корнелия Льюиса и Гренвиля, вызывались не только неясностью положения дел на театре военных действий в США, но и борьбой английского народа против вмешательства и поддержки рабовладельцев. Они осложнялись, кроме того, международной обстановкой.

На Россию, как мы видели, Россель и Пальмерстон не без основания возлагали мало надежд и с самого начала высказывали сомнения в ее согласии, но и Франция, в поддержке кото-

¹ Цит. у Walpole, Russell, v. II, p. 362; см. также Adams, op. cit., v. II, pp. 43—44.

² Ibid.

³ Ibid. См. также Adams, op. cit., v. II, p. 44.

рой была полная уверенность, не могла выступить в данный момент. Дело в том, что во французском кабинете шла острая борьба в связи с конфликтом, возникшим по итальянскому вопросу, и по отношению к американским делам между Наполеоном III и Тувенелем существовали серьезные разногласия. Пресса была полна сообщений о развитии правительственного кризиса и слухами о реорганизации правительства, а также о назначении нового министра иностранных дел. Действительно, 15 фактически и 24 октября формально Тувенель получил отставку и был заменен Друэн де Люисом. В связи с этим 14 октября агент мятежников в Париже Слайдель был *le qui-vive* (настороже) и полон ожиданий. Но 17-го он вынужден был признать, что «пока что нашим вопросом перестали заниматься... Глаза всех прикованы к Италии. Конфедерация может подождать». ¹ Такова была ситуация до конца октября 1862 г.: Наполеон III был занят почти исключительно итальянским вопросом, многие министры были за границей, а министерство иностранных дел в течение октября оставалось без руководства. ²

Еще 30 сентября Каулей сообщил Росселю, что Тувенель оттягивает ответ и заявляет, что император скоро сам рассмотрит серьезно американский вопрос. Последний осложнялся к тому же мексиканскими планами Наполеона III, которые не могли не вызывать еще в большей мере, чем итальянский вопрос, опасения Англии. Каулей в протестующем тоне писал Росселю, что нет никаких сомнений в стремлениях Наполеона III колонизовать Мексику. ³ Тем не менее, Россель 4 октября в письме к Пальмерстону настаивал на вмешательстве в американские дела на основе отделения Юга. Через несколько дней Россель получил сообщение Стюарта о том, что он и Мерсье за вмешательство в форме предложения перемирия.

Разумеется, если, с одной стороны, привлечение Наполеона III к вмешательству в американские дела стоило бы Мексики — нечто вроде компенсации за участие, то, с другой стороны, это отвлекло бы его внимание от европейских и, в первую очередь, итальянских дел. Сомневающийся и колеблющийся Россель рассчитывал, вероятно, на последнее.

3. Открытая подготовка интервенции и борьба народов против нее

Прорабовладельческие и интервенционистские настроения и их причины публично выразил, правда в осторожной форме, не старый виг, а эволюционировавший к либерализму консерватор,

¹ AHR, Slidell to Mason, v. XXVI, № 2, p. 266.

² Thouvenel, *Le secret de l'Empereur*. v. II, p. 439.

³ Adams, *op. cit.*, v. II, Cowlay to Russell 30/IX, 3/X 1862, p. 46.

лидер либералов новой формации, выросших в условиях полной мировой гегемонии Англии и ревниво относившихся ко всякой тенденции какой-либо державы посягнуть на монополию мастерской мира, — канцлер казначейства (министр финансов) Гладстон. На обеде в Ньюкестле 7 октября он произнес речь, в которой старался доказать необходимость вмешательства тем, что «общий интерес наций требует, чтобы никакое государство не принимало размеров материка». ¹ Английская буржуазия сильно опасалась усиления США, и сразу же после поражения мятежников в Мериленде, после издания Линкольном прокламации об освобождении негров она устами Гладстона провозглашала: «Мы можем иметь наше собственное мнение о рабстве, действовать в пользу Юга или против него, но можем, кажется, не сомневаться в том, что Джефферсон Девис и другие южные вожди сформировали армию, снаряжают флот и, что еще важнее, создали нацию». ² Это признание одного из виднейших членов правительства и лидеров партии было встречено в южной конфедерации восторженными и продолжительными аплодисментами, как сообщали газеты, большинство которых не мало в свою очередь потрудились, чтобы создать ореол мудрости словам Гладстона. Гладстон не скрывал оказываемой под прикрытием политики «нейтралитета» помощи мятежникам в снаряжении флота и обеспечении оружием. «Мы соблюдали полный нейтралитет, — заявил он, — но позволили отпуск оружия и боевых снарядов обеим сторонам... Я думаю, что наш образ действий был справедлив и прямодушен». Он даже уверял, что этот образ действий и эта политика заслужат «христианскую награду». Гладстон был опечален только тем, что Юг блокирован и Англия не может оказать поддержку в полной мере, как бы этого хотелось сецессионистам. Тем не менее, он уверял своих слушателей, что «мы с достоверностью можем ожидать успеха южных штатов, насколько дело касается отделения их от Севера». И далее под аплодисменты он заявил: «Я с своей стороны могу думать только, что это событие столь же верно, как и всякое другое ему подобное». Гладстон вместе с тем высказывался против немедленного вмешательства. «Но именно потому, что мы его ожидаем [т. е. отделения Юга. — М. М.] и Север подвергнется этому унижению, я серьезно надеюсь, что Англия ничего не сделает для увеличения горестей... Быть может, настанет день, когда Европа будет обязана высказать свои жалобы или предложить свое дружественное [конечно, для южан. — М. М.] содействие для разрешения распри». ³ Пальмерстон и Россель считали, что

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 4/X 1862 г.

² Там же.

³ Там же.

такой день уже настал, а Гладстон, отвлекая внимание английского народа от правительственной политики немедленного вмешательства, выражал по существу ту же правительственную точку зрения на вопрос об отделении, и его взгляды совпадали с взглядами Пальмерстона и Росселя. Большинство газет рассматривало речь Гладстона именно в таком духе, одобряло ее и выступало против прокламации Линкольна об освобождении негров.¹

«Times» ссылаясь на «авторитет Платона и Аристотеля», чтобы обосновать «естественную законность рабства». 9 и 10 октября он доказывал необходимость вмешательства. Почти все английские газеты критиковали прокламацию Линкольна об эмансипации негров, принадлежавших рабовладельцам, которые не изъявляют покорности к 1 января 1863 г. Они порицали Линкольна за нарушение законов страны, за возбуждение будто бы на юге войны рабов. Они иронизировали над тем, каким образом правительство Соединенных Штатов сделает отмену рабства действительной в штатах, фактически не подчиненных его власти. Они с злорадным ехидством вопрошали, почему Линкольн не объявил освобождение рабов на всем земном шаре. Английская пресса, лицемерно доказывавшая совсем недавно, что рабство не является причиной гражданской войны, выражая настроения господствующих классов, проявила сильное беспокойство за судьбу мятежников в связи с изданием прокламации, тем самым фактически признав, что именно рабство — причина гражданской войны и цель борьбы мятежников.

Речь Гладстона встретила широкий отклик не только в прессе. Член палаты общин, известный сторонник южан Линдсей произнес в собрании Чертрейского земледельческого общества речь, в которой, ссылаясь на речь Гладстона, доказывал необходимость признания Англией южной конфедерации и вмешательства европейских держав в дела США. Более того, на следующий день после речи Гладстона бывший министр колоний Дж. Пакингтон, присутствовавший на обеде в Ворчестерском графстве 8 октября, не только одобрил речь Гладстона, но и высказал мнение, что настало время, когда Англии совместно с Францией, а возможно и с Россией, следовало бы предложить Америке посредничество на основе отделения Юга от Севера, а в случае если посредничество не будет принято, то признать Юг. «Слова, произнесенные Гладстоном, — заявил он, — если примем в соображение, что они сказаны министром, имеют важное значение и я надеюсь без преувеличения вывести из них то следствие, что нынешнее мнение правительства королевы не очень расходится с тем, какое выразил этот министр».² Однако вывод Пакингтона

¹ Adams, op. cit., p. 48; «С.-Петербургские Ведомости» от 5/X 1862 г.;

² «С.-Петербургские Ведомости» от 3/X 1862 г.

в этом отношении не вполне соответствовал действительности. Если, возможно, все члены кабинета и разделяли публично высказанные Гладстоном взгляды на гражданскую войну, на отделение Юга, то не все из них согласны были с планом Пальмерстона — Росселя, поддержанным Гладстоном, о вмешательстве в американские дела. Корнелий Льюис, далеко не дружелюбно настроенный к северным штатам, выступил 14 октября в Hereford с публичной речью, которая вскрыла серьезные разногласия, существовавшие в кабинете. Он заявил, что правительство никакого решения не принимало. Не настало еще время признать Юг и вмешаться в американские дела, следствием чего была бы большая война, которая губительно отразилась бы на интересах всей страны и, в частности, на интересах английской буржуазии. Защищая интересы английской буржуазии в целом, а не только ее отдельных групп, он рекомендовал не предпринимать сейчас никаких шагов.

Даже в консервативных кругах план Росселя не находил той поддержки, на какую рассчитывало правительство. Дерби заявил, как сообщал Кларендон Росселю 19 октября, что хотя он упорно настаивал на признании Юга и на посредничестве, но должен был неизменно придерживаться политики «нейтралитета», проводимой правительством, ибо предложение посредничества вызвало бы «наглое отклонение» со стороны США.¹ Дерби имел основание опасаться, что изменение политики Англии может только ухудшить положение Юга.

Неутешительные вести получил Россель и от своего агента в Вашингтоне Андерсона, объездившего западные штаты с целью изучения настроений. Андерсон в своих отчетах сообщал, что западные штаты даже больше, чем восточные штаты, склонялись в пользу продолжения войны и новый, недавний призыв в армию встречен с энтузиазмом. Он полагал, что если бы даже война была приостановлена, то вряд ли можно было бы обеспечить Англию хлопком на продолжительный срок.² Вместе с тем Андерсон считал, что «война за освобождение (emancipation war) исключительно военное мероприятие», не ставящее своей целью улучшить положение рабов, уже освобожденных.³

В тот же день, когда был получен отчет Андерсона, Россель 13 октября, в полном согласии с британской прессой, вероятнее всего действовавшей по его указке, отправил в Вашингтон меморандум, в котором заявил, ссылаясь на существование рабства в лойяльных округах, что прокламация об освобождении рабов с 1 января 1863 г. является мерой не «humanitar» или «idealistic», а мерой военной (military) и самой ужасной (terrible).

¹ Adams, op. cit., Clarendon to Russell 19/X 1862, v. 1, p. 53.

² Parliam. Papers, 1863, Commons, v. 72, №№ 33, 37.

³ Ibid., № 33.

Он старался доказать, что целью и результатом прокламации должна быть servile war (война рабов).

И Россель предлагал перемирие, так как «Юг показал свою силу в успешной борьбе за отделение». ¹ В том же духе писал о прокламации и Стюарт. ² Совершенно бесспорно, что прокламация Линкольна сыграла большую роль в выступлении Пальмерстона — Росселя с планом посредничества, которым они несомненно пытались предупредить вступление в силу этой прокламации с 1 января 1863 г. Но добиваясь этого, они наталкивались на серьезные трудности.

Прежде всего, британское правительство, предусматривая возможность войны, должно было учитывать настроения не только различных консервативных и либеральных буржуазных кругов, но и мнение народа, которое всегда было направлено против мятежников и в пользу США и которое еще более утвердилось в связи с прокламацией Линкольна от 22 сентября. Несмотря на многие недостатки и непоследовательность этой прокламации, рабочий класс, трудящиеся Англии понимали ее величайшее значение для победы не только над рабством, но и над собственной олигархией.

С конца сентября в Лондоне и в других городах развернулась кампания митингов, приветствовавших освобождение негров, уничтожение рабства и протестовавших против европейского вмешательства. Особенно многочисленные и многолюдные митинги, в которых приняли участие и солдаты, происходили в Гайд-Парке в Лондоне. Солдатам было запрещено вообще входить в Гайд-Парк. Начальник лондонской полиции Ричард Мейн издал прокламацию, в которой запрещал всякого рода собрания и произнесение речей в парках и угрожающе предупреждал, что приняты все необходимые меры для «охраны общественного порядка». Производились многочисленные аресты, присуждение штрафов и пр. В правительственной прессе высказывалось явное недовольство развернувшейся кампанией. ³ Несмотря на массовые репрессии, в Гайд-Парке 26 октября состоялся митинг, на котором присутствовало свыше 50 000 человек. Ораторы и на этот раз были арестованы полицией, но митинг закончился организованно. ⁴ «Кто хоть сколько-нибудь знаком с англий-

¹ Adams, op. cit., Stuart to Russell 26/IX 1862, v. II, pp. 49, 101.

² Когда 27 сентября Сюард начал вести переговоры со Стюартом, а 30-го послал инструкцию Адамсу по вопросу о переселении негров в английские колонии и предложил подписать конвенцию (подобные инструкции были посланы в Париж, Копенгаген и Гаагу), то английское правительство не давало никакого ответа, и переговоры безрезультатно продолжались до весны 1864 г. (House (Exec.) Documents, 1862/63, Seward to Adams 30/IX 1862, part I, p. 202).

³ «С.-Петербургские Ведомости» от 30/IX (Корреспонденция из Лондона от 11/X).

⁴ Там же, от 24/X.

скими делами и господствующими здесь настроениями, — писал К. Маркс 30 сентября 1862 г., — тот знает, что всякое вмешательство нынешнего кабинета в народные демонстрации может окончиться только его собственным падением, как это было и во время заговора Орсини». ¹

Правительству необходимо было тем более учитывать все возрастающие настроения народа в пользу Севера, что «ввиду приближающейся зимы положение в фабричных округах становится с каждым днем все более угрожающим». ² Констатируя этот факт, Маркс далее ссылается на газету «Morning Star» от 30 сентября, которая предупреждала, «...что если нынешние методы «официальной благотворительности» будут сохранены, то этой зимой мы станем свидетелями волнений, которые далеко оставят за собой бурные сцены 1842—1843 годов». ³ Пауперизм вырос до неслыханных размеров. В одном Ланкаширском округе в конце 1862 г. насчитывалось до 300 000 официально получавших нищенскую помощь, проходящих при этом унижительное и позорное «трудовое испытание». Кроме того, до 250 000 человек получало к этому времени частную помощь. ⁴

Американский народ, рабочие и фермеры не оставались в долгу у своих английских братьев, оплачивая полностью счет международной солидарности. Американский народ оказывал существенную помощь ланкаширским рабочим, подлинным героям, которые стойко переносили страшную нужду и голод. Поднявшись до классового самосознания, они не дали себя обмануть и провести криками о хлопке и о войне против США и неоднократно срывали интервенционистские планы. Один Нью-Йорк в несколько дней собрал полмиллиона фунтов стерлингов. С запада США осенью 1862 г. был отправлен хлеб рабочим Англии. ⁵

Все больше и больше росли и усиливались взаимные симпатии и классовая солидарность между английским и американским народами, боровшимися против господства олигархии.

4. Положение Севера и Юга (летом и осенью 1862 г.)

Английское правительство, как и другие европейские правительства, не могло также не учитывать и положения в США. Сообщения Андерсона, пресса, исход боев указывали на весьма неблагоприятную обстановку для вмешательства или признания

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 387.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Adams, op. cit., v. II, p. 12. См. у Маркса и Энгельса (Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 387—388) описание «трудового испытания и нужды рабочих».

⁵ «С.-Петербургские Ведомости» от 16/XII 1862 г.

Юга. Вторжение генерала Ли в Мериленд в сентябре потерпело крах; вторжение генерала Брега в Кентукки закончилось в октябре полным поражением южан в битве при Бернвилле (8 октября 1862 г.); самый крупный и неуловимый отряд генерала Моргана, состоявший из самых отъявленных бандитов, наемников рабовладельцев, был уничтожен; после решающей победы, одержанной федеральной армией, под командованием генерала Розекранса, 3—4 октября под Коринфом в Теннесси, разбитая армия генерала Брега вынуждена была отступить из захваченной области. Только вследствие сознательно преступной, равносильной измене политики медлительности Мак-Клеллана, не выполнившего приказа главнокомандующего генерала Галлека о переправе через реку Потомак, конфедеративной армии генерала Ли удалось избежать полного разгрома и отступить к Ричмонду, сохранив основные силы. Маркс писал, что «... победой на поле битвы унионисты были обязаны исключительно храбрости подчиненных командиров, в особенности павшего генерала Рено и еще теперь не вполне оправившегося от полученных ран Гукера», ¹ который был аболиционистом и одним из первых освобождал негров от рабства и принимал их в армию. Особенно энергично боролись рядовые солдаты. Русский журнал выразил общее мнение, когда писал: «В этой войне не знаешь, чему больше удивляться: редкой ли бездарности предводителей, или каменной стойкости солдат». ² Несмотря на благоприятную для южан политику лидера северных «демократов» Мак-Клеллана, успехи федеральной армии были весьма значительны, и военная ситуация была благоприятна для США. «Таким образом, — писал К. Маркс, — широко и удачно с военной точки зрения задуманный и при самых благоприятных условиях предпринятый поход конфедератов с целью отвоевания потерянных пограничных штатов полностью провалился». ³ Это имело крупное политическое значение, также как быстрый и не встречавший затруднений набор первого контингента в 300 000 человек и продолжавшийся еще призыв второго контингента в таком же количестве.

Армия северян становилась сильнее и количественно и качественно, тогда как армия мятежников истощала свои источники пополнения, мобилизовав уже всех мужчин с 16- до 40-летнего возраста и лишившись наиболее активных приверженцев рабства, в особенности в пограничных штатах. Свыше 100 000 человек только в 1862 году эмигрировало из Европы в северные штаты, из них 48 000 человек из Англии и Ирландии. Многие эмигранты сразу шли в федеральную армию. Стал совершенно

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 398.

² «Время», 1863, № 1 (Январь, Современное обозрение), стр. 91.

³ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 394.

очевидным и тот факт, что западные штаты полностью стояли за восстановление Союза на основе борьбы с рабством. Ставка мятежников на раскол северных штатов, на изоляцию штатов новой Англии ¹ провалилась, так же как и борьба за пограничные штаты. «То, что собственно рабовладельческие штаты цепляются за пограничные штаты, объясняется, конечно, наличием рабовладельческого элемента в этих последних, того самого элемента, который вынуждает союзное правительство к дипломатической и конституционной осторожности в его борьбе против рабовладения. Но самый этот элемент на главной арене гражданской войны, в пограничных штатах, фактически уничтожается самой же гражданской войной». ² Рабовладельцы все время переселялись на юг, чтобы сохранить свое имущество. Особенно массовый характер приняло это переселение после боев в Кентукки в октябре 1862 г. Банды вооруженных рабовладельцев, как например отряд генерала Моргана, или совершенно истреблялись, или вливались в южную армию и административный аппарат Конфедерации. «И вот результат: с одной стороны, огромное сокращение рабовладельческого элемента в пограничных штатах, где ему всегда приходилось бороться с «encroachments» (вторжениями) конкурирующего свободного труда, и, с другой стороны, выселение активной части рабовладельцев с их белой свитой. Остается, таким образом, только группа «умеренных» рабовладельцев, которые очень скоро жадно ухватятся за грешные деньги (Sündengeld), предлагаемые им Вашингтоном в качестве выкупа за их «черный скот», который все равно обесценится, как только для него закроется южный рынок сбыта. Таким образом, война сама содействует решению вопроса, поскольку она фактически преобразует социальный уклад в пограничных штатах». ³ Правительство Линкольна освобождалось самым ходом войны от сковывавшего его действия элемента, вынуждавшего «...союзное правительство к дипломатической и конституционной осторожности...». ⁴

Благодаря устранению одной из главных трудностей, оно теперь имело полную возможность повести войну с армией рабовладельцев революционными методами. База действий мятежников значительно сузилась, и они могли рассчитывать только на собственно рабовладельческие штаты, на территории которых вновь был перенесен фронт борьбы. Все это усиливало позиции Севера, и этого не могли не понимать в Европе.

¹ Генерал Брегг, когда он вообразил, что уже завоевал Кентукки, предложил северо-западным штатам сепаратный мир.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 394.

³ Там же, стр. 394—395.

⁴ Там же, стр. 394.

В экономическом и военном отношении преимущество также было на стороне федерации. Маркс весьма оптимистически оценивал перспективы Севера. «Для Юга наиболее благоприятное в военном отношении время года уже миновало; для Севера же оно только начинается, ибо внутренние реки теперь снова становятся судоходными и открывается возможность уже испытанного с таким успехом комбинирования военных действий на суше и на воде». Кроме того, «Север очень ревностно использовал передышку». ¹ Промышленность и сельское хозяйство севера развивались и полностью обеспечивали потребность страны и армии. Наука, изобретения были поставлены на службу усиления военной мощи и широко и быстро использованы на театре военных действий. На юге же не было ни своей промышленной, ни зерновой базы. Блокада, несмотря на все старания и уловки кораблей (английских, германских, французских, португальских, датских и других, иногда даже русских) прорваться, давала о себе знать. На юге начали уже ощущать голод, в особенности мирное население. Армия плохо пополнялась не только живой силой, но и вооружением, плохо снабжалась обмундированием и продовольствием. «Изобретательская» мысль южан внесла своеобразный «вклад» в технику, а именно: паровую гильотину, которая, хотя и не была использована, однако показывает, в каком направлении работала «мысль» достойных предшественников нынешних фашистов. И если они не казнили своих политических противников путем отсечения головы топором, подобно нынешним фашистам, то они прибегали часто к столь же варварскому способу — скальпированию.

Линкольн, наконец, 24 сентября издал прокламацию о приостановлении Habeas Corpus (права неприкосновенности личности) в борьбе с врагами народа — друзьями и агентами сепаратистов на севере, среди которых было много иностранных подданных, в особенности английских и немецких купцов. Начались аресты лиц, занимавшихся шпионажем, вредительством, спекуляцией, контрреволюционным подстрекательством и организацией банд. Это мероприятие, как и освобождение невольников и вступление в силу земельного закона (Homestead bill) с 1 января 1863 г., укрепляли мощь США, мощь демократии. Правда, проводились эти мероприятия буржуазно-демократическим правительством, стоявшим во главе народного движения, нерешительно и с оглядкой, что вызывало справедливое недовольство подлинных выразителей народных настроений — аболиционистов и радикального крыла республиканцев, требовавших отставки не только Мак-Клеллана, но Сьюарда и других, и замены их более решительными деятелями. Они

¹ Там же, стр. 395.

требовали, чтобы мероприятия, принятые под их давлением, проводились в жизнь решительно и со всей полнотой, для чего нужна была соответствующая исполнительная власть, способная это осуществить.

Эта борьба за революционное и последовательное проведение мероприятий не только не ослабляла федерацию, но усиливала ее и содействовала победе над рабовладельцами и подавлению мятежа. Однако даже радикальные республиканцы, аболиционисты открыто выступили и заговорили полным голосом лишь в декабре 1862 г., когда непосредственной угрозы иностранного вмешательства не было и когда еще раз провалились планы посредничества. Одним из самых важных недостатков, определивших слабость борьбы радикалов, было отсутствие у них организации. Входя в состав республиканской партии, они растворялись в ней, не оформившись организационно. Поэтому они не сумели завоевать руководящее положение в партии, а их выступления носили случайный характер. Особенно этот недостаток сказался на выборах в начале ноября 1862 года. Именно этому были обязаны унионисты-«демократы» севера своими избирательными победами. Многие неискушенные избиратели, поставленные перед альтернативой — голосовать или за республиканца, представителя партии, стоявшей у власти и вызывавшей недовольство своей нерешительностью и медлительностью, или за «демократа», демагогически критиковавшего политику правительства и требовавшего восстановления Союза, отдавали свои голоса последнему, поскольку северным «демократам» удавалось обмануть их фальшивыми воинственными лозунгами. На самом деле, не компромисс, не мир с рабством, а революционная война против него — вот что было желанием народа, как это показали выборы. Источником недовольства политикой правительства была не политическая линия его, как это лживо расписывала дружественная рабовладельцам пресса, а то, как она проводилась правительством. Тот, кто не потерял еще чувства реальности в политической оценке событий, понимал, что избирательная победа «демократов», как это ни казалось странным, есть в то же время поражение партии компромисса — «демократов» США и друзей сецессии в Европе, рассчитывавших на победу сторонников мира.

Маркс совершенно правильно писал, что «...после избирательной победы демократов Линкольну оставалось только одно из двух — либо самому опуститься до уровня орудия в руках дружественной рабовладельцам компромиссной партии, либо вырвать у нее из-под ног почву в армии, удалив Мак-Клеллана».¹ Линкольн, хотя и возглавлявший правительство буржуазное, но выражав-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 397.

шее в данный период народные интересы, был «сыном трудового народа». Он сместил Мак-Клеллана и решительно заявил, что не отступит от своих прокламаций. Линкольн шел на уступки радикалам, стараясь вместе с тем примирить их с умеренными республиканцами; он не желал реорганизации правительства на основе удаления умеренных республиканцев, представителей крупной — промышленной и фермерской буржуазии. «Линкольн, — справедливо замечает «Morning Star», — показал себя медлительным, но стойким человеком, который действует чрезвычайно осторожно, но никогда не отступает назад. Каждый шаг его правительственной деятельности был правилен, и каждый свой шаг он энергично отстаивал. Исходя из решения удалить рабство с территории, он пришел, наконец, к высшей цели всякого антирабовладельческого движения, к искоренению этого чудовища с лица земли Союза, и уже сейчас ему принадлежит та великая заслуга, что он снял с Союза ответственность за дальнейшее существование рабства».¹ Маркс придавал большое значение смещению Мак-Клеллана как одному из показателей поворота в политике Линкольна. «Смещение Мак-Клеллана в *настоящий* момент является, таким образом, политической демонстрацией», хотя и «... без того оно стало неизбежным».² Командование потомакской армией было передано республиканцу Бернсайду и «рубаке Джо» — аболиционисту Гукеру, одному из самых способных и популярных среди солдат полководцев.

Но что пугало мятежников и их друзей в Европе и чего не могли не опасаться британские политики, при проектировании возможной войны с США в случае вмешательства или признания Юга, это — постройка Севером крупного морского и речного военных флотов, особенно броненосных судов и плавающих крепостей типа «Монитор». Вот что писал в середине ноября орган мятежников «Richmond Examiner»: «Чрезвычайный и внезапный рост неприятельских морских сил внушает мрачные мысли. Этот рост вооружения настолько велик, что во многих отношениях это представляется нам опаснее сухопутных сил противника. Число военных судов у янки теперь на 200 единиц больше по сравнению с началом войны. Делаются большие приготовления для морских операций в наступающий зимний период, и, кроме уже готовых к бою, строится еще около пятидесяти броненосных военных судов. Мы имеем все основания думать, что флот янки, который нападет этой зимой на наше побережье, в смысле вооружения и структуры судов далеко превзойдет своих предшественников. Цели предстоящего наступления чрезвычайно важны. Дело идет об отнятии у нас наших

¹ Там же, стр. 399.

² Там же, стр. 397.

последних морских портов, о завершении блокады, наконец об отыскании пунктов для вторжения в южные районы, чтобы в будущем году провести там в жизнь законы об освобождении негров». ¹ Строгое осуществление блокады с переходом остальных портов в руки Севера привело бы к полному окружению Юга, что, при существующей нужде Юга в самом необходимом, грозило бы ему гибелью. Ничтожный флот, который, кстати, был построен в Ливерпуле, был бы уничтожен и пришлось бы отказаться даже от мысли построить флот в южных портах. Усиление федерального флота и угроза прорыва и расстройтва железнодорожного сообщения сделают невозможным содержание, снабжение и концентрацию больших армий.

Больше всего опасались рабовладельцы осуществления прокламации об освобождении негров. «Эти пагубные последствия, — писала газета, — неизбежные в случае захвата наших морских портов, отступают, однако, перед еще большей опасностью. перед величайшей опасностью этой войны — занятием отдельных пунктов в хлопковых штатах, откуда противник мог бы осуществить свой план освобождения негров... Усилия противника направлены сейчас против самого слабого нашего месга; намереваются отравить самое сердце юга...» ² Таковы были грядущие беды, которые должна была признать рабовладельческая пресса даже в условиях жесточайшего террора и умерщвления критики. Все это было прекрасно известно, и еще раньше сообщений прессы, европейским правительствам.

Становилось ясно, что мятежники рано или поздно потерпят поражение. Им мало было укрепляющих впрыскиваний и подкармливания европейских лекарей и друзей. Они могли выжить и добиться создания рабовладельческого государства *только* с помощью вооруженной интервенции европейских держав. Признание их Европой не обеспечивало им победы, а перемирие и посредничество наверняка — в этом не было никаких сомнений — было бы не только отвергнуто вашингтонским правительством, но и вызвало бы резко враждебное отношение последнего.

5. Пальмерстон не может привлечь Россию и передает инициативу Наполеону III

К войне в этот момент Англия не была готова. Положение внутри страны и ход событий в США были весьма неблагоприятны для военного вмешательства Англии. Целый ряд обстоятельств: осеннее время, угроза Канаде, сильный военный броненосный флот США, каперство (парализующее торговлю, сношение с ко-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 401 (цит. Марксом).

² Там же, стр. 401—402.

лониями, а значит и всю промышленность), массовое переселение ирландцев в США, в особенности в последние годы, причем ирландцев, которые готовы были в любой момент взяться за оружие (а многие им уже владели) для борьбы против Англии и даже перенести войну на свою старую родину, борьба против интервенции в самой Англии не только со стороны рабочего класса, интеллигенции, но, в связи с создавшейся ситуацией, и значительных кругов буржуазии — все это делало войну весьма рискованным предприятием, которое представляло бы настоящую авантюру. Английское правительство не забыло войны за независимость и войны 1812—1814 годов, когда еще слабые США, имевшие очень небольшой флот, все же одержали победу. С тех пор положение резко изменилось в пользу выросших в сильнейшее государство США. И «...самодовольному Буллю пришлось бы увидеть, — писал Маркс Энгельсу, — как не только хлопок, но и хлеб утаскивается у него из-под носу». ¹ Для Англии вопрос о хлебе в это время, вследствие значительного сокращения экспорта из России в связи с земельной реформой и вообще неурожаем в Европе, имел не многим меньшее значение, чем хлопок. Но ввоз и последнего в случае войны резко бы сократился. Многие дальновидные представители буржуазии, как например фабрикант Форстер, друг Севера, совершенно открыто высказывали опасение, что последствием иностранного вмешательства может быть превращение гражданской войны в социальную революцию в США, что усилило бы революционное движение в Европе; Форстер ссылался при этом на пример буржуазной французской революции 1793 г. Налицо был уже признак революционного подъема — рост международной солидарности, на основе которой возник через два года Первый Интернационал. Буржуазия не могла не опасаться революционных последствий войны. Что же касается народа, то война для него была бы величайшим бедствием.

Если кому была выгодна война, то это только судостроителям, магнатам военной промышленности и земельной аристократии, экономические интересы которых переплетались с ненавистью к республике и демократии. Вся английская буржуазия в целом ненавидела американскую республику, выросшую в могущественную державу. В этом смысле Дизраэли, выступавший от имени торийской оппозиции, высказывал опасение всей английской буржуазии, что *«США станут сильнее самой Англии»*. ² Все группы английской буржуазии желали крушения США как державы, грозившей посягнуть на их мировую гегемонию, и как страны, бывшей символом борьбы рабочего класса и широких народных масс против буржуазии, монополизировавшей

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 140.

² Cambridge Foreign Policy, v. II, p. 277.

политическую власть. Однако наиболее активные друзья сецессионистов, провоцировавших войну, формировались в первую очередь из указанных выше социальных группировок.

Разумеется, английские государственные деятели, в первую очередь члены правительства, понимали трудности войны и не могли их не учитывать. Это и было источником колебаний и сомнений в самом правительстве. Но в английском кабинете политику «келейно» творил почти единолично Пальмерстон, который иногда считался с мнением Росселя и Гладстона и лишь изредка уступал сопротивлению других членов кабинета или весьма уже резкой критике в парламенте и давлению общественного мнения. Но это было настолько редко, что «все считали самоочевидной аксиомой, что Пальмерстон от своего имени руководит кабинетом, а от имени Росселя — иностранной политикой».¹

Замечательную характеристику английского кабинета и руководства внешней политикой дал Маркс. «Аристократия, — писал он в «New-York Daily Tribune» 21 октября 1861 г., — монополизировавшая управление иностранными делами, сначала сузилась в олигархию, представленную тайным конклавом, называемым кабинетом, а затем кабинет был оттеснен одним лицом, лордом Пальмерстоном, который в течение последних тридцати лет узурпировал абсолютную власть в управлении национальными силами Британской империи и в руководстве ее иностранной политикой». Пальмерстон «...келейно управлял иностранной политикой Британской империи, руководясь мотивами, не известными ни широкой публике, ни парламенту, ни даже его собственным коллегам...»² Более того, Пальмерстон сам создавал общественное мнение, будучи хозяином «Times» и других лондонских газет, которые ограничивались фальсифицированием и «...фабрикованием общественного мнения в соответствии с иностранной политикой лорда Пальмерстона».³

Пальмерстон чрезвычайно мало считался и с парламентом. Лорд Монтегю показал это достаточно убедительно. В своей речи по мексиканскому вопросу в палате лордов 15 июля 1862 г. он заявил: «Первая внепарламентская война происходила в 1857 году. Пальмерстон оправдывал это тем, что война ведется в Азии. Теперь тот же самый принцип применяется к Америке. Кончится тем, что он будет применен к Европе. *Парламентский режим превращается таким образом в пустой фарс*, поскольку вместе с контролем над войнами народное представительство теряет и контроль над денежным кошельком».⁴

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 305.

² Там же, стр. 188.

³ Там же, стр. 188.

⁴ Цит. Марксом, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 368; Hansard's Parliam. Debates, 1862, 3 ser., v. 168, p. 362 (подчеркнуто мной. — М. М.).

Деятельность этого триумvirата творцов государственной политики (особенно Пальмерстона), в руках которых была судьба Англии, по отношению к США тогда же верно охарактеризовал профессор и литератор, теоретик радикализма Френсис Ньюман. В письме, опубликованном в «Morning Star» 29 ноября 1862 г., он разоблачил нарушение Англией «нейтралитета» в связи с постройкой военных судов для мятежников. «Лорд Пальмерстон и Россель, — писал он, — как и тори, воодушевлены против республиканизма такой ненавистью, которая ломает всякие сомнения и колебания, а г. Гладстон, быть может в ближайшем будущем премьер-министр, открыто выражает свое восхищение вероломными узурпаторами, поклявшимися увековечить и распространить рабство».¹

Но ни политические старцы вигизма — Пальмерстон и Россель, ни завоевавший себе подлинное лидерство в либеральной партии, бесспорно подававший большие надежды как выдающийся государственный буржуазный деятель периода английской монополии и фритредерства, Гладстон не были политическими посредственностями и авантюристами. Узурпатор власти Пальмерстон был достаточно умен, осторожен и опытен, чтобы в тот момент не учесть весьма неблагоприятной обстановки, враждебных его планам настроений народа и оппозиции даже значительных кругов буржуазии. Надо отдать ему справедливость, он лучше это понимал, чем Россель. Будучи часто инициатором авантюристских идей, как например в деле «Трента», мексиканской экспедиции и других, Пальмерстон оставался трезвым политиком: в случае неблагоприятной ситуации он или давал отбой, или отказывался от своих намерений, или предпочитал, чтобы они выполнялись чужими руками. В Наполеоне III он часто находил орудие для реализации своих планов, хотя иногда и бывал обманут последним. Пальмерстон и его коллеги были истинными представителями английской буржуазии, которая «всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества», но которая «...не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны».²

Но и Джон Россель, получив сообщение о беседе с Дерби и отчеты Андерсона, после разговора с Лайонсом 20 октября, наконец, признал в письме к Пальмерстону, что «We ought not to move at present without Russia (мы в настоящий момент не можем выступать без России)».³

¹ Там же, стр. 400.

² Сталин, Заметки на современные темы, ГИЗ, 1927, стр. 8.

³ Adams, op. cit., v. II, p. 54.

Итак, при создавшейся ситуации в США и Англии вмешательство было возможно только в случае совместного выступления всех европейских держав, в особенности при участии России. Это не вызывало сомнений. Но не было уверенности, что Россия выступит. Еще 2 октября Россель высказывал сомнение в этом, и не без основания. Даже новый министр иностранных дел Франции Друэн де Люис заявил английскому послу Каулею, что если формальные предложения, сделанные американцам, будут отвергнуты, Россия, вероятно, не последует за Англией и Францией в признании Юга. Он не ошибался в том, что Россия не сделает этого, даже если и предположить ее участие в посредничестве, которое наверняка было бы отклонено Севером. Да и Наполеону III было не до американских дел, так как он был занят итальянским вопросом и правительственным кризисом, который был разрешен только 24 октября. Именно на это указывал Пальмерстон в письме к Росселю, хотя он одинаково оценивал и молчание и слова Наполеона III. «Мы не можем, — писал он, — полагаться на слова Наполеона как на указание того, что он намерен делать». ¹ Еще за два дня до этого Пальмерстон в письме к Росселю склонялся по существу к мнению Корнелия Льюиса, что в данный момент нельзя ничего предпринимать. Общественное мнение было оповещено об этом повороте в политике Пальмерстона, а значит и правительства. Один из органов желтой прессы, орган Пальмерстона «Morning Post», 21 октября резко раскритиковал речь Гладстона, правда, слегка покритиковав и Корнелия Льюиса.

На заседании кабинета 23 октября не было принято определенного решения, но большинство высказалось за нейтралитет. По крайней мере Адамс, на основе беседы с Росселем 23-го, сообщал на следующий день Сьюарду, что правительство «не склонно (по inclined) в настоящее время изменить свою политику», но и он не утверждал, что решение принято. ² Морлей и Адамс совершенно справедливо полагают, что на заседании кабинета не все было решено. Члены правительства были согласны только в одном: в необходимости объединенных действий Англии, Франции и России. ³ Пальмерстон, соглашаясь с мнением о необходимости объединенных действий, возражал против утверждения Корнелия Льюиса, что нельзя признать южную

¹ Adams, op. cit., Palmerston to Russell 24/X, p. 59.

² House (Exec.) Documents, 1862/63, Adams to Seward 24/X 1862, part I, p. 223.

³ Adams, op. cit., Morley to Gladston, v. II, p. 84. Нельзя никак согласиться с историком Родсом, что на заседании кабинета был окончательно решен вопрос о невмешательстве (Rhodes, op. cit., v. IV, pp. 342—343), поскольку он основывает свой вывод на материалах более поздних (от 28/X) и вызывающих сомнение в достоверности и осведомленности (на пример Slidell to Benyamin 28/X). Робертсон (op. cit., p. 122) слепо следует

конфедерацию до тех пор, «пока Север не позволит этого». ¹ И Россель в письме к Пальмерстону 24 октября не отказывался еще от идеи вмешательства, но считал, что нельзя ее осуществить, если не выступят по крайней мере пять европейских держав («less than the whole five would not do»). Он полагал, что если Россия согласится на вмешательство, то Пруссия также согласится, а если Англия и Франция совместно выступают, то присоединение Австрии обеспечено. Решение вопроса зависело от России и Франции.

Но тогда же Пальмерстон полагал, что «говорить воюющим сторонам о мире в настоящее время было бы бесполезно». ² Да и Россель соглашался с тем, что следует отложить решение вопроса до мая — июня 1863 г., когда обстоятельства будут, возможно, более благоприятны и ситуация станет более ясной.

Вполне вероятно, что Пальмерстон, считая вмешательство в дела США без России невозможным (зондирование же почвы об ее участии в совместном выступлении не дало положительных результатов), передавал инициативу посредничества Наполеону III, который мог бы привлечь Россию. По крайней мере, по его мнению, следовало попытаться. Тем более, что Наполеон III именно в этот момент ухватился за план Пальмерстона — Росселя, выдавая его за свой собственный, и предложил вмешательство в дела США. Пальмерстон мог теперь занять и занял позу «непогрешимого» деятеля, умывающего руки и сваливающего с себя ответственность. Если Наполеона III постигнет неудача, Пальмерстон надеялся выйти сухим из дела, а в случае удачи — последний достиг бы того, к чему именно он стремился. Пусть Наполеон прощупает политические настроения, расчистит путь для вмешательства, а урожай пожнет Пальмерстон.

Каулей сообщил, что Наполеон III в беседе с ним по американскому вопросу выразил надежду, что Англия, Франция и Россия объединенно выступят с предложением США перемирия на 6 месяцев, чтобы «дать возможность успокоиться страстям». Каулей ответил ему, что не имеет инструкций. ³ На следующий день Друэн де Люис в беседе с Каулеем заявил вновь о желании императора положить конец войне, но прибавил, что он лично сомневается в успехе и полагает, что лучше было бы немного подождать, так как Россия, вероятно, не последует за Англией и Францией в признании Юга. Каулей был с этим согла-

в этом вопросе за Родсом, упрощая создавшуюся ситуацию (для Робертсона вообще характерно неоправданное упрощение и игнорирование тщательного анализа: он оперирует в лучшем случае месяцем там, где важно указать точную дату).

¹ Adams, op. cit., v. II, p. 55.

² Ibid., Palmerston to Russell, v. II, p. 55.

³ Ibid., Cowley to Russell 27/X 1862, v. II, p. 59.

сен и, подобно Лайонсу, был против вмешательства в данный момент. Однако император, видимо, мало считался с сомнениями своего министра. Слайдель, давно уже настроенный пессимистически, после беседы с Наполеоном III в Сен-Клу 22 и 28 октября заразился оптимизмом последнего. В сообщении Месону, он передает, что император наряду с переговорами об устройстве для Юга хлопкового займа усиленно старается привлечь Россию вместе с Англией для совместного выступления перед США с предложением заключить 6-месячное перемирие с Югом и открыть южные порты для всех стран. Успех этого проекта император считает тем более вероятным, что он пользуется поддержкой бельгийского короля Леопольда, который, как полагали, мог бы оказать давление на свою племянницу королеву Викторию. «Император считает, что советы Леопольда окажут большое влияние, и, может быть, лорд Пальмерстон, когда он увидит, что королева за нас, захочет действовать». ¹ Слайдель был так увлечен заверениями Наполеона III и так верил в его могущество, что даже в ноябре полагал, что проект этот будет принят в Петербурге, «может быть, с некоторыми ограничениями». Он сожалел только, что туда не был послан раньше южный агент. ²

Действительно, Луи Бонапарт не только обещал, но на этот раз и действовал. Первый советник русского посольства в Париже Убри и английский посол Каулей 31 октября были официально извещены Друэн де Люисом о предложении, которое сводилось к объединенным действиям трех держав в США для достижения 6-месячного перемирия, к снятию блокады и к открытию портов для европейской торговли. В этот же день были посланы депеши в Лондон и Петербург для вручения правительствам. Спустя несколько дней Горчаков получил через французского посла Монтебелло депешу Друэн де Люиса.

6. Ответ русского правительства

Горчаков на этот раз не замедлил принять решение. 8 ноября (27 октября) он послал через Убри ответ, что Россия не может принять предложение Наполеона III. Россия всегда была за скорейшее водворение мира в Соединенных Штатах, но она состоит в дружественных отношениях с ними и выступает поэтому против оказания на них какого бы то ни было давления. Смысл русской политики, как он был выражен в ответе и в инструкции Стекло, заключался в том, чтобы не выступать совместно с Англией и Францией, но поддерживать и одо-

¹ AHR, Slidell to Mason 29/X, v. XXVI, № 2, p. 267.

² Ibid., Slidell to Mason 14/XI.

бровать любое соглашение между Севером и Югом, способствующее окончанию войны.

«Я заверил его [Montebello. — М. М.], что ничто не соответствовало бы более нашим желаниям, — писал Горчаков, — чем возможность ускорить окончание борьбы ... и что в этом смысле наш посланник в Вашингтоне имеет предписание пользоваться всеми благоприятными случаями для того, чтобы *внушать умеренность и примирительный дух, успокаивать страсти и склонять борющиеся интересы к рассудительной сделке*. Я признал, что такие советы, конечно, имели бы тем большую ценность, если бы были высказаны одновременно и в тех же дружественных формах великими державами, заинтересованными исходом этого столкновения». Но прежде всего необходимо избегать всего, похожего на какое-либо давление, «которое может возбудить обидчивость». В официальных и коллективных выступлениях Россия не может участвовать, ибо «невозможно было бы заранее предусмотреть прием, какой может быть сделан подобным стараниям. Но если в таком случае посланник наш и не участвует в них официально, то нравственная его поддержка всячески будет заранее обеспечена во всякой примирительной попытке».

Стекло давалась полная свобода действий, в случае «если бы действительно пришло время, когда Север и Юг были бы готовы помириться, и потребовалась лишь поддержка дружеской руки, которая успокоила бы кипящие страсти и привела обе враждующие партии к непосредственным переговорам».¹

Депеша была через несколько дней опубликована в прессе.² Инструкция Стекло была послана вместе с информацией о французском предложении в тот же день, 8 ноября, что и депеша в Париж, и составлена в том же духе.³

Тейлор 12 и 15 ноября довел до сведения вашингтонского правительства о содержании как этой депеши, так и инструкции, данной Стекло, которую ему дал прочесть сам Горчаков.⁴

Этой политики компромисса между Севером и Югом царское правительство придерживалось с самого начала гражданской войны, но особенно настойчиво после издания Линкольном прокламации об освобождении негров. Эта позиция была сформулирована Горчаковым за несколько дней до официального предло-

¹ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, л. 540.

Депеша Горчакова к Убри напечатана на французском языке в «Сборнике, посвященном 35-летней деятельности в министерстве иностранных дел князя Горчакова», 1881 г.

² «Journal de S. Pétersbourg», 1862 г., 15 (3) XI; «С.-Петербургские Ведомости» от 4/XI 1862 г., № 241.

³ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, Горчаков — Стекло 27/X (8/XI) 1862 г., лл. 538—541.

⁴ House Documents, 1863/64, part II, pp. 845—846.

жения Наполеона III о вмешательстве, в тот момент, когда Север уже имел значительное преимущество над Югом в военном, политическом и тем более экономическом отношениях. С сентября 1862 г. до июня 1863 г. обязанность посланника США в Петербурге временно исполнял Тейлор, человек не лишенный деловитости, но неопытный дипломат и заурядный политик. Он не сумел по существу ничего понять в жизни страны, где был аккредитован. В середине октября он получил дёпешу Сьюарда от 26 сентября и письмо президента Александру II, в которых, наряду с подчеркиванием улучшения военного положения Севера, указывалось, что освобождение рабов, при условии если мятежники не сложат оружия к 1 января 1863 г., являлось военной необходимостью, чисто военным мероприятием, а не политическим, поскольку угроза освобождения рабов совершенно не касается лойальных рабовладельцев. Старания Тейлора добиться свидания с Горчаковым увенчались успехом лишь 29 октября.¹

Горчаков, получив письмо президента и осведомившись о ходе дел в США, начал с того, что в энергичнейших выражениях высказал свою озабоченность (переводя с дипломатического языка — свое *недовольство*) оборотом, какой приняли события в США. Разумеется, в первую очередь при этом имела в виду прокламация об эмансипации. Более того, умышленно игнорируя факты, Горчаков заявил: «Ваше положение все ухудшается и ухудшается. Возможность сохранения Союза становится все более и более безнадежной. Неужели ничего нельзя сделать для прекращения этой ужасной войны. Неужели вы не сможете найти базу для соглашения, прежде чем вы не истощитесь настолько, что на многие годы потеряете свое положение среди других стран». ² Тейлор заметил, что критический период «в судьбах войны, кажется, миновал», Север вновь побеждает и, если только «военной мощи мятежников будет нанесен еще один основательный удар, для них будет почти невозможно держаться дальше». ³

Но тут-то и раскрылся истинный смысл и причина «озабоченности» Горчакова. «Дело не только в этом, — возразил он, — но в *ярости*, которая, кажется, владеет обеими сторонами, во все *растущей* вражде, непрерывно углубляющей *пропасть между двумя лагерями*. Надежд на их воссоединение становится все меньше и меньше, и я хотел бы внушить вашему правительству, что *отделение*, которое, как я опасаюсь, должно *произойти*, будет рассматриваться Россией, как одно из величайших воз-

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Taylor to Seward 29/X 1862, № 16, part II, p. 839.

² Ibid.

³ Ibid.

можных несчастий». Тейлор ответил, что лойяльные американцы рассматривают сецессию юга как разрушение нации, государства и поэтому пока не может быть никаких переговоров с властями мятежников. К тому же, последние не хотят и слушать об условиях, которые не предусматривают отделение, а поэтому война неизбежна. «Однако, я надеюсь, — заявил он, — что еще до истечения срока, установленного прокламацией президента, могут произойти перемены». Не исключена возможность, что прокламация и не будет введена в силу. Тейлор особенно подчеркивал это обстоятельство, соответствующее взглядам Горчакова, обращая внимание последнего на тот факт, что даже один из южных штатов — Северная Каролина — готов принять «некоторые шаги по этому поводу». ¹ Тейлор имел в виду настроения некоторых кругов этого штата прекратить мятеж, чтобы предупредить эмансипацию рабов.

Горчаков ответил, что он это знает и перешел затем к изложению международного положения США, которые имели, по его мнению, мало друзей среди держав. «Англия чрезвычайно будет рада всем превратностям, которые постигнут вас, она желает вашего разрушения и молится об этом (England rejoices over what is happening to you, she longs and prays for your overthrow). Франция не столь активно проявляет враждебность: ее интересы были бы меньше задеты, но и она не прочь увидеть ваше поражение. Она не друг вам...» ²

«Только Россия с самого начала поддерживала вас и впредь будет поддерживать», — заявил Горчаков. В России очень желают, продолжал он, чтобы любыми средствами, любым путем было предотвращено разделение, ибо за одним отделением последует другое, и США распадутся на части. ³ Однако для предупреждения распада США он имел в виду *любое средство*, направленное *не на подавление мятежа*, а на *примирение* с южанами, как с братьями. Так именно и понял Тейлор, который ответил, что в США это «чувствуют». Северные и южные штаты не могут существовать рядом как самостоятельные республики. Американцы ничего так сильно не желают, как мира, но мир на основе сецессии был бы равносителен продолжению войны. Поэтому мобилизованы все силы нации для подавления мятежа, и на севере уверены в близком окончании борьбы. Тейлор убеждал Горчакова, что союзное правительство не может без позора и урона для США признать условия,

¹ Ibid., p. 839.

² Цит. по Robertson, op. cit., p. 121. Заявление об Англии и Франции в опубликованной депеше Тейлора опущено. Робертсон цитировал оригинал, хранящийся в федеральном архиве. См. Thomas op. cit., p. 133.

³ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, p. 839.

которые были бы приемлемы для мятежников, пока мощь и сила Севера еще не достаточно испытаны и не потерпели поражения.. Горчаков, подчеркивая, что США известны чувства России, очень серьезно возразил: «Мы прежде всего желаем сохранения американского союза как неделимой нации. Но мы не можем проявлять свое участие к США в большей мере, чем до сих пор. *У нас нет вражды к народу юга.* Россия заявила о своей позиции и будет поддерживать ее». ¹

Горчаков сообщил Тейлору, что иностранные правительства будут предлагать интервенцию, но он полагает, что момент для этого выбран ими неудачно. Он заверил Тейлора, что Россия отклонит всякие приглашения присоединиться к какому-либо плану вмешательства. То, что такое предложение будет сделано, Горчаков знал, в частности из сообщения Стекля. ²

Последний информировал Горчакова о позиции, какую он занял в вопросе о посредничестве, который стал предметом длительных переговоров между Стеклем, Мерсье и Лайонсом, а после отъезда последнего в Лондон, со Стюартом. Стекль справедливо считал, что если посредничество не будет поддержано силой, то оно ни в коем случае не будет принято вашингтонским правительством. Лайонс же до своего отъезда из Вашингтона в беседах придерживался того взгляда, что не следует выступать с предложением о посредничестве, пока европейские державы не готовы воевать. Английские дипломаты в Вашингтоне не отвергали вообще предложения о посредничестве, но они, предвидя серьезные последствия его, сомневались в своевременности выступления. В основном к их мнению склонялся и Стекль, который считал предложение несвоевременным и, рассчитывая на скорое истощение сил Севера и Юга, верил в возможность их примирения. Мерсье, напротив, был уверен, что одной угрозой применить силу можно заставить Север покориться, и активно настаивал на немедленном посредничестве на основе отделения Юга. ³ Горчаков мог или должен был по крайней мере предполагать, если не знать, что об этих переговорах осведомлено вашингтонское правительство.

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, pp. 839—840..

² АВП, МИД, канц., 1862г., дело № 152, Стекль — Горчакову 16 (28) IX. 1862 г., № 71, лл. 384—386.

³ Там же. См. Thomas, op. cit., p. 131. По Томасу, Лайонс и в сентябре вел переговоры; это одна из многих досадных фактических ошибок Томаса, ибо Лайонса не было в Вашингтоне все лето и он вернулся из Лондона только 8/XI 1862 г., о чем Томас должен был знать из дипломатической переписки и работы Адамса, на которые он обильно ссылается (Adams, op. cit., v. II, p. 70). Правда, Лайонс все время, до и по возвращении, придерживался ранее высказанных взглядов.

Еще до получения официального предложения Горчаков заверял, что Россия не сойдет с позиции, занятой ею в начале конфликта.

«Можете положиться на то, — говорил Горчаков Тейлору, — что она [Россия. — М. М.] не изменит своей позиции. Но мы просим вас разделаться с затруднениями. Не могу выразить вам, как глубоко наше беспокойство, как серьезны наши опасения». ¹ Впечатлительный Тейлор был уверен, что Горчаков говорил «от души» — искренно и серьезно. Он оказался на седьмом небе и в восторге благодарил Горчакова, когда последний, маститый дипломат, сановник-аристократ и князь, взял его, молодого дипломата, республиканца без всякого звания и титула, руку, крепко пожал ее и воскликнул: «God bless you!». Тейлор сомневался, чтобы Россия приняла участие в интервенции или в дипломатическом посредничестве против США. ² В этом он действительно не ошибался. Кроме столь эффектной беседы было еще одно доказательство этого: официоз «*Journal de S. Pétersbourg*» от 28(16) октября, опубликовав прокламацию Линкольна, в дружественном Северу тоне отзывался об американских делах.

«Я сделаю все возможное, — закончил свой подробный отчет Тейлор, — чтобы оправдать доверие наших друзей, в число которых я включаю и *всех русских*, хотя я и сознаю с болью в душе, что всякие доводы и увещания, как бы они ни были справедливы и убедительны, начинают терять свою силу». ³ Тейлор был совершенно прав. *Народы России были действительно истинными друзьями США.*

Неверие в силы Севера, пессимистические взгляды на возможность подавления мятежа, о чем неоднократно писали и Клей, и Камерон, и Тейлор, имели распространение лишь в кругах аристократических и отчасти купеческих, с которыми больше всего американские дипломаты соприкасались и настроения которых они более всего учитывали. Тейлор даже 12 ноября жаловался, что, несмотря на крах двух кампаний мятежников, имевших важное значение в глазах Европы, английские и французские газеты (новости в Россию проникали главным образом через них) искажают действительность, и это оказывает соответствующее влияние на русское общественное мнение. ⁴ Это писалось после беседы с Горчаковым по вопросу о французском предложении и опубликовании в русской прессе статей, направленных против вмешательства, в особенности в органе министерства иностранных дел.

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, p. 840.

² Ibid., Taylor to Seward 29/X 1862, № 16.

³ Ibid., p. 841.

⁴ Ibid., Taylor to Seward 12/XI 1862, № 19.

Тейлора несколько не удивило (видимо, он считал это естественным), что о французском предложении он узнал сначала из «Morning Post» и «La Patrie» и только затем (10 и 11 ноября)¹ из русской прессы, т. е. через 10—11 дней после того, как это предложение было сделано, и больше чем через неделю после получения его Горчаковым. Не был поставлен в известность и он сам, представитель вашингтонского правительства, и тогда, когда был дан (8 ноября) ответ французскому правительству и была послана инструкция Стекло. Несмотря на то, что для Тейлора после его беседы с Горчаковым 29 октября, французское предложение о вмешательстве не было неожиданным и он уже знал о позиции России, он просил немедленную аудиенцию у Горчакова, которая была дана ему только 12 ноября. Накануне этой аудиенции в редакционной статье «Journal de S. Pétersbourg» подвергалась резкой критике политика вмешательства во внутренние дела других стран. В статье этой указывалось, что война с США не угрожает безопасности какой-либо нации в Европе, и поэтому последняя не имеет права посредничать между воюющими сторонами. Европейские державы в отношении США должны быть «осторожны, сдержанны и мудры», чего петербургское правительство придерживалось с самого начала гражданской войны. Статья, направленная против объединенного вмешательства, высказывалась в духе деклараций Горчакова за поддержку всякой примирительной сделки Севера с Югом и подчеркивала свою невраждебность к мятежникам. Хотя эта статья, по утверждению Горчакова, не имела официального характера, однако Тейлор считал, что в связи с официозным характером газеты она будет принята всей Европой как исходящая от императорского кабинета.²

Горчаков на запрос Тейлора 12 ноября подтвердил получение предложения французского правительства о посредничестве в целях склонить воюющие стороны к шестимесячному перемирию, снятию блокады и к открытию всех портов южных штатов для свободной торговли с Европой. В Петербурге знали, что английское правительство уже обсуждало французское предложение, но еще не были осведомлены о решении, и Горчаков указывал на весьма серьезное положение США. Тейлор, предсказывая отклонение Англией этого предложения, ответил, что перспективы, наоборот, благоприятны для Союзного правительства и что подавление мятежа становится теперь только делом времени.

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, Taylor to Seward 11/XI 1862, № 18, p. 841.

² «Journal de S. Pétersbourg», 1862, 11/XI. Друзн де Люис был возмущен этой статьей, нападавшей на него лично, и считал несправедливым отношение русского правительства к нему, тем более, что он сам будто бы не надеялся на присоединение России.

Правительством приняты все меры для достижения этого: свыше 300 000 человек призвано в армию за последние два месяца, новые броненосные военные корабли обеспечат в полной мере осуществление блокады Юга, отвоевав все порты южных штатов. Горчаков заверил его в общих выражениях, что русское правительство будет придерживаться той же дружественной политики, какую оно проводило до этого времени. Вместо дальнейших разъяснений, он дал ему прочесть свою инструкцию Стекло. Тейлор, не зная основательно французского языка, лишь бегло просмотрел ее, но все же уловил, что основным желанием царского правительства, которое уже неоднократно повторялось, было прекратить гражданскую войну «примирительными мерами» и «предложить свои услуги так, чтобы они были приемлемы». ¹ Горчаков после прочтения Тейлором инструкции только промолвил: «Теперь вы знаете худшее, поскольку это касается России». ²

По мнению Тейлора, политика России объяснялась тем, что русское правительство, очевидно, опасалось крайнего ослабления обеих частей Союза, как Севера, так и Юга, в дальнейшей борьбе. Разделившись или даже воссоединившись после ожесточенной борьбы, они остались бы беспомощными, неспособными противостоять вторжению враждебных держав. «Политическое равновесие, которое Россия видит в сохранении Союзом его былой мощи, было бы таким образом разрушено. Тейлор справедливо полагал, что «никакие известия не были бы для России столь желанными, как указание на быстрое преодоление мятежа, а затяжка борьбы кажется ей не меньшим несчастьем, чем немедленное отделение». ³

«Я полагаю, — писал далее Тейлор Сьюарду, — что это, должно быть, правильно выражает преобладающие чувства императорского правительства. Моя обязанность ограничивается только сообщением, ибо допустимость таких чувств и такого образа действий, какой им предлагается, вне сомнения предусмотрен президентом и вами». ⁴

15 ноября была опубликована депеша Горчакова поверенному в Париже Убри, отклоняющая французское предложение. В тот же день по телеграфу было сообщено, что Англия также отклонила французское предложение. Совпадение далеко не случайное. Вопрос о позиции России играл важную роль не только в политике между членами английского кабинета о том, какое принять решение, но и при обсуждении официального ответа француз-

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, 12/XI, № 19, part II, p. 843—844. После этого места пропуск в опубликованной депеше.

² Ibid., p. 844.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 845—846.

скому правительству. Английское правительство еще во время обсуждения предложения Наполеона III было уже осведомлено о содержании русского ответа.

7. Роль русского ответа в решении английского правительства

Инициаторы вмешательства — Пальмерстон и Россель — не могли отказаться от своей навязчивой идеи разрушить США. Нужно было предупредить введение в действие убийственного для рабовладельцев акта эмансипации негров, не дать разгромить южан и погаснуть мятежу. Ведь многие рабовладельцы, особенно прифронтовой полосы и театров военных действий, могли бы предпочесть сложить оружие и сохранить невольников, что предусматривалось прокламацией Линкольна от 22 сентября. Тем более, что после битвы при Антитаме, с середины сентября, перспективы южан были весьма плачевны. Именно поэтому переговоры о посредничестве и планы вмешательства иностранных держав поощряли мятежников, толкали их на отчаянную борьбу, подбадривали колеблющихся.

Этого не мог не понимать Пальмерстон. Но он сомневался в том, что федералисты примут предложение о перемирии и снятии блокады, так как это дало бы конфедератам возможность укрепить свое положение. Затем он видел трудности в разрешении вопроса об уничтожении рабства, так как понимал, что в этом вопросе южане вряд ли пойдут на какие-нибудь уступки, а оказать поддержку южанам в этом отношении было немыслимо: она вызвала бы бурный протест английского народа. Французское же правительство менее зависимо от общественного мнения, чем английское, а потому может действовать смелее. На основании всех этих соображений Пальмерстон пришел к заключению, что не следует спешить с вмешательством и лучше подождать исхода выборов в северных штатах. Россель более положительно принял французское предложение. Однако и он должен был признать, что, как бы ни было целесообразно предложение о посредничестве, Север и даже, возможно, Юг отклонят его. Именно вопрос о рабстве создавал серьезные затруднения для вмешательства.¹ Пальмерстон мало верил в успех посредничества, предложенного Наполеоном III.

Продолжали существовать и другие трудности. Один из виднейших деятелей либеральной партии, представлявший в правительстве вместе с Мильнером-Гибсоном и Гладстоном «...сильную фракцию буржуазии...»,² готовую принести все в жертву международной торговле, военный министр Корнелий Льюис 7 ноября

¹ Adams, op. cit., Palmerston to Russell 2/XI 1862; Russell to Palmerston 3/XI 1862, v. II, p. 60—62.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 285.

вторично представил меморандум против вмешательства. Кризис в правительстве возобновился еще острее, чем до 23 октября.

Наконец, 10—12 ноября в кабинете долго и остро обсуждался вопрос о французском предложении. В это время были получены по телеграфу преувеличенные сведения о победе «демократов» на выборах в северных штатах, а Россель получил сообщение от лорда Нэпира из Петербурга от 8 ноября, что Россия не поддержит англо-французского предложения, хотя Стекло и поручалось принимать меры к примирению Севера с Югом при условии, если это не вызовет раздражения. В официальной депеше к Каулею Россель утверждал, что «если бы были приняты меры для предложения США посредничества, содействие России было бы исключительно желательным (the concurrence of Russia would be extremely desirable)». Но Россель полагал, что пока Россия не выразила согласия присоединиться к предложению о посредничестве, нет надежды, что Север его примет, и, следовательно, не лучше ли отложить его до той поры, когда обстоятельства изменятся и оно будет принято обеими сторонами.¹ Но на заседании кабинета 10 ноября, как сообщал Корнелий Льюис Кларендону на следующий день, Россель, вероятно в связи с сообщением Нэпира, советовал принять французское предложение, причем мотивация Росселя весьма оригинальна, хотя и не делает особой чести министру иностранных дел. Значительные успехи «демократов» на выборах в северных штатах (английский кабинет, видимо, не решался до получения известий о них рассматривать вопрос) «делают настоящий момент исключительно благоприятным для вмешательства, — говорил Россель. Если мы отвергнем приглашение Франции, Россия пересмотрит свое решение, действуя совместно только с Францией, и таким образом добьется желанной цели — отколоть Францию от Англии». Именно поэтому, настаивал он, должно быть принято французское предложение. Пальмерстон склонялся к мнению Росселя и поддерживал его, но без особого энтузиазма. Наряду с Росселем настаивал на принятии предложения французского императора также Гладстон. Натолкнувшись на серьезное противодействие остальных коллег, они снова вынуждены были уступить, поскольку даже сам Пальмерстон не настаивал. Французское предложение было отклонено, о чем сообщил Россель 13 ноября Каулею.²

Основную причину, обусловившую принятие такого решения, указал тогда же Гаммонд, посвященный во все тайны кабинета и умевший правильно оценивать политическую ситуацию. Он писал 15 ноября в письме к Лайонсу, что «в Англии почти все

¹ Parliam. Papers, 1863, Lords, «Despatch resp. the Civil War in N. A.» v. XXIX, Russell to Cowley 13/XI 1862.

² Ibid.

против вмешательства (almost universal in this country against interference)». ¹ Даже такие газеты, неистовые защитники мятежников, как «Times», орган консерваторов «Morning Herald» и другие, высказывались против вмешательства в данный момент и одобряли политику правительства, а «Times» дошел до того, что соглашался с... Кобденом. ² Вместе с тем, газеты подчеркивали, что вопрос о вмешательстве отложен временно. Когда партия мира усилится в Соединенных Штатах и возвысит свой голос на севере, тогда Англия предложит свои услуги.

В самом деле, решение английского правительства не было окончательным, и Россель старался заставить правительство его пересмотреть. Через два дня после решения кабинета Россель получил письмо Стюарта, который считал момент, в связи с успехами «демократов» на выборах, самым удобным для вмешательства, и это послужило для Росселя основанием предложить кабинету вновь пересмотреть вопрос. Однако, несмотря на серьезные колебания в правительстве, большинство решительно поддерживало предыдущее решение.

Какое же влияние на определение позиции Англии оказало отклонение Россией французского предложения? Английское правительство в официальном ответе Наполеону III указывало на отказ России присоединиться к ним как на один из важнейших мотивов отклонения его предложения. В своей переписке в октябре Пальмерстон и Россель, как мы видели, указывали, что без России вмешательство не будет эффективным и без ее участия посредничество не может быть предложено США.

Итак, позиция России отчасти обусловила решение английского правительства. Но нельзя переоценивать этот фактор, поскольку, в частности, Россель на заседании правительства именно отклонением Россией французского предложения пытался мотивировать необходимость принятия его. Вряд ли и стремление сохранить единство правительства было решающим мотивом, которым будто руководился кабинет при принятии решения. ³

¹ Adams, op. cit., v. II, p. 66 (подчеркнуто мной. — М. М.).

² «Times», 15/XI; «С.-Петербургские Ведомости» от 4/XI 1862 г.; Adams, op. cit., v. II, p. 67—68.

³ Adams, op. cit., v. II, p. 66. Адамс, до некоторой степени переоценивая влияние отказа России, признает: «Это не значит, что уступка со стороны России заставила бы Англию поступить подобным же образом, так как мнение кабинета, искусно подстрекаемого, определялось желанием премьера».

Главное же, по мнению Адамса, заключалось в стремлении сохранить единство правительства. Это, верное само по себе, соображение никак не объясняет причин и мотивов того, почему правительство от идеи интервенции не отказалось, а лишь отсрочило реализацию ее до более удобного момента — до весны. Нельзя согласиться и с тем, что британский кабинет принял «дружелюбное» решение единодушно.

Почему не было единства в кабинете? Из-за чего происходила такая чрезвычайно острая борьба в правительстве и правящих кругах? Почему Пальмерстон, обычно не очень считавшийся с «особыми» мнениями членов кабинета и парламента, при поддержке Росселя и даже Гладстона, в условиях «...величайшего помрачения человеческого рассудка...»¹ широких кругов буржуазии и аристократии, охваченных рабовладельческим энтузиазмом, не осмелился пойти на риск? Тем более, что публично шла речь не об английской инициативе, а лишь о принятии и поддержке предложения Наполеона III, о мирном будто бы посредничестве.

Решение правительства, принятое под давлением большинства его членов, *определялось исключительно неблагоприятной для Англии ситуацией*, отклонением предложения Россией и главное *сопротивлением английского народа, борьбой рабочего класса*. Эта борьба с октября 1862 г., после получения прокламации Линкольна об освобождении рабов и в связи с угрозой интервенции, приняла массовый политический характер. По всей стране происходили митинги и демонстрации.² Рабочие понимали, что вмешательство европейских держав имеет целью предупредить разгром рабовладельцев и не допустить введения прокламации Линкольна в действие с 1 января 1863 г.

Не нужно было быть изощренным в политике и дипломатии, чтобы понять простую истину: вмешательство при создавшейся ситуации неизбежно должно было вызвать войну с США. Ведь еще в октябре была получена нота Сьюарда Адамсу, в которой ясно и твердо заявлялось от имени президента, что вмешательство будет равносильно войне.³ Нельзя не переоценить значение этого заявления Линкольна в момент, когда Пальмерстон и Россель взяли инициативу вмешательства в свои руки. Россель немедленно заявил Адамсу, что правительство придерживается политики «строгого нейтралитета».⁴ Уже 23 октября английский кабинет под давлением военного министра Корнелия Льюиса и других опасавшихся войны решил воздержаться от вмешательства. Англия

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 410.

² «Times» и Компания, — писал Маркс в письме к Фридриху Энгельсу 2/II 1863 г., — ужасно злятся по поводу рабочих митингов в Манчестере, Шеффилде и Лондоне. Это очень хорошо, что янки получают такого рода урок. Впрочем, Опдайк (майор из Нью-Йорка и экономист) уже заявил на одном митинге в Нью-Йорке: «Мы знаем, что английский рабочий класс с нами и что правящие классы Англии против нас» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 122).

³ House Documents (Dipl. Correspond.), 1862/63, part I, p. 213.

⁴ Робертсон совершенно верно отмечает, что нота Линкольна Адамсу была одной из причин невмешательства английского правительства; но он переоценивает значение ноты, считая ее, «возможно, самой главной, решающей...» (Robertson, op. cit., p. 123).

к заокеанской войне не была еще достаточно подготовлена; к тому же, начать ее осенью при таком отдалении и в такое время, когда Южная Америка была охвачена восстаниями и на стороне США могла оказаться почти вся Америка, было делом крайне рискованным. Кроме того, в случае войны «...самодовольному Буллю пришлось бы увидеть, как не только хлопок, но и хлеб утаскивается у него из-под носу», ¹ а Англия никогда еще не вывозила столько зерна из США, как в 1862 г. ² При общем числе около 530 000 рабочих хлопчатобумажной промышленности 246 000 были совершенно без работы, 164 000 были заняты неполное время и только 120 000 работали. Голодающих насчитывалось примерно 1 млн. ³ Пауперизм достигал небывалых размеров. Цены на хлеб значительно возросли. Рабочим грозила голодная смерть. Голод части рабочего населения, связанный сначала с кризисом хлопчатобумажной промышленности, а затем с хлопковым голодом, грозил в случае войны охватить всю страну. Не надо было быть пророком, чтобы предвидеть, к каким социальным потрясениям могла привести крайне рискованная, непопулярная, дорогостоящая война и угроза массового голода. Об этом неоднократно напоминали Форстер и другие буржуазные политические деятели с парламентской трибуны. ⁴

Нельзя было не учитывать и положения в США. Крайне пристрастные и неверные информации о положении США временно заменявшего посла в Вашингтоне (Лайонс находился в отпуску в Лондоне до ноября) Стюарта, ярого сторонника рабовладельцев, первые телеграфные вести о победе «демократической» партии на выборах в ряде северных штатов, раздутые успехи южан, поражение северян и вытекавшие из этого слухи о росте миролюбивых настроений на севере, справедливый расчет на особую активность и ожесточенность мятежников ввиду прокламации Линкольна об эмансипации негров и привлечения последних в федеральную армию — все это подстегивало сторонников вмешательства, ошибочно считавших положение США критическим и полагавших, что и Север, и Юг готовы будут принять посредничество европейских держав. Однако нужно было быть политическим авантюристом, отчаянным сторонником мятежников, ослепленным непримиримой ненавистью к Федерации, чтобы не видеть действительности. Даже

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 140.

² Там же стр. 111.

³ См. выше, стр. 90—92; см. также «Московские Ведомости» от 9/I 1863 г. № 6.

⁴ См. выше, стр. 82, 120. Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 168, pp. 536—540. Несколько преувеличенное значение придает вопросу о хлебе историк Шмидт в своем докладе в Американской Исторической Ассоциации в декабре 1917 г.

прорабовладельческая пресса должна была среди потока лжи признать обстановку в США неблагоприятной для интервенции. Когда 8 ноября в Вашингтон прибыл Лайонс, он нашел, что даже консервативные элементы были против вмешательства. Кроме того, он считал бесполезным вмешательство и признание Юга, поскольку то и другое не сопровождается снятием блокады, а добиться снятия блокады английское правительство было не в состоянии, так как для этого надо было воевать. Эту же точку зрения он, самый компетентный из английских дипломатов, высказывал Росселю во время пребывания в Лондоне, в октябре. Но при оставлении Лондона Лайонс был уверен, что его аргументы не убедили Росселя. Когда известие об отклонении Англией предложения Наполеона III достигло Вашингтона, то для Лайонса, как он сообщил Стекло, оно оказалось сюрпризом, хотя в нем и не было ничего неожиданного.¹

Вполне естественно, что при создавшейся неблагоприятной ситуации английские министры считали самым необходимым привлечь к делу посредничества Россию. Участие последней и других европейских держав, во главе с Англией и Францией, изолировало бы США и заставило бы их принять вмешательство под угрозой военной интервенции.

Пальмерстон понимал, что ему привлечь Россию не удастся, так как инициатива Англии вызывает особенную ненависть не только всех патриотов и республиканцев США и сопротивление английского народа, но к ней враждебно отнесется и Россия. Францию считали более дружественной и США и России, и поэтому инициатива передается Франции. Но и Наполеону III, как мы видели, не удалось привлечь Россию к вмешательству в американские дела. Последний «козырь» бит.² Пришлось отложить вопрос вновь до весны, до более благоприятной обстановки, на случай если придется вести войну.

В этом смысле позиция России была весьма благоприятна для США и способствовала провалу, хотя бы на время, интервенционистских планов Пальмерстона и Наполеона III.

Россия не могла принять участие в посредничестве вместе с Англией и Францией. Позиция русского правительства лучше всего выражена не в официальном ответе Горчакова на ноту Наполеона III, а в конфиденциальном письме Стекла к Горчакову. Стекло, не будучи еще осведомлен о решении русского правитель-

¹ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, 19/XI (1/XII) 1862 г., № 81, лл. 428—430.

² К тому же игра с Наполеоном III была весьма опасной. Англия имела основания не доверять Франции. Наполеону III необходимо было втянуть Англию и Россию в американские дела, чтобы развязать себе руки в Европе для вмешательства в итальянские и германские дела и воспользоваться случаем закрепить за собой Мексику.

ства и не получив еще инструкций, сообщал 17(5) ноября 1862 г., что из бесед с Мерсье и недавно вернувшимся из Лондона Лайонсом он узнал о предполагаемом вмешательстве. В случае отклонения последнего последует признание Юга. «Какой в этом толк? — справедливо спрашивал Стекло. Хлопка не будет до тех пор, пока порты не будут открыты силой, а с Севером не произойдет открытого разрыва». ¹ Возможность мирного вмешательства была исключена, оставалась бы вооруженная интервенция, война. Стекло считал, что Англия понимала это и по-прежнему все еще колебалась. Если бы другие европейские державы объединились с Англией и Францией, то они, не имея одинаковых интересов с последними, были бы не более как придатками к морским державам. Россия потеряла бы свое достоинство, ослабила свои позиции в Европе и потеряла дружбу с Соединенными Штатами. Стекло категорически высказывался против объединенных действий с европейскими державами, не отказываясь вместе с тем от примирительной политики между Севером и Югом. Александр II нашел мнение Стекла весьма мудрым. «Je trouve son opinion très sage» — написал Александр II на депеше. ²

8. Возможность русского посредничества

Агенты мятежников в Европе все же не теряли надежды на европейское вмешательство. Опубликованная 15 ноября нота Горчакова, в которой, наряду с отклонением французского предложения, Стекло предоставлялось право способствовать примирению Севера с Югом, давала им надежду и на помощь царской России. В письме к Месону Слайдель писал, что Наполеон III, ожидавший принятия своего предложения, был сильно раздражен (irritated) отклонением вмешательства и готов был действовать один. Слайдель еще 14 ноября выражал уверенность, что Россия поддержит предложения Наполеона III и продолжал еще питать эту надежду даже после решения царского правительства. Он объяснял это решение только тем, что в Петербурге не было агента мятежников. «Нам давно уже следовало иметь там агента». ³ Очень неудачно получилось, считал Слайдель, что капитан Маури (Maury), намеченный агентом в Петербург, не был назначен раньше. Свои размышления о России он заканчивал выражением уверенности в том, что Франция накануне того, чтобы потребовать прекращения войны, и пред-

¹ АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 152, 5(17)XI 1862 г., № 79, лл. 422—423.

² Там же.

³ АНР, Slidell to Mason 28/XI, v. XXVI, № 2, p. 267.

положением, что поставщики армий и фабриканты оружия окажутся полезными, если к ним сумеет подойти.¹ В таком же духе Слайдель писал 29 ноября министру иностранных дел южной конфедерации Бенъямину.

Правительство конфедерации поспешило исправить свою ошибку и назначило агентом в Петербург Ламара. Последний еще не прибыл в Петербург, а на его адрес в Петербург уже была прислана инструкция Бенъямина от 15 января 1863 г. за № 1. Эта инструкция показывает, как далеко заходили мятежники в своих упованиях на поддержку царской России. Ламару предлагалось: «Не допускать включения статьи, запрещающей торговлю африканскими рабами, в какой-либо договор о дружбе и торговле, который конфедерация штатов заключит после того, как Россия признает их независимость».² Это была лишь одна из многих подобных директив.

Если мятежники и заблуждались в своих надеждах на активную поддержку России, то, тем не менее, эти суждения не были только бредом. Источником их была непоследовательность царской дипломатии и двойственность ее политики: сохранение единства США и миролюбивое отношение к сецессионистам. Сочувствие к южанам сквозило в каждом официальном документе. Отвергая совместное с Англией и Францией вмешательство, царское правительство высказывалось за примирение Севера и Юга и даже не исключало возможности быть посредником между ними. Князь Горчаков настойчиво высказывал и внушал эту мысль Тейлору в Петербурге, Стеклю Сюарду в Вашингтоне и барон Бруннов Адамсу в Лондоне.³ Правда, эти высказывания еще не были официальными предложениями посредничества, а лишь «советами» примирения с Югом, вызванными стремлением мирно уладить конфликт. Сюард, довольный точкой зрения русского правительства, как она была выражена Тейлором еще 29 октября на основе беседы с Горчаковым, а также заверением последнего в «верности и постоянстве русской политики в отношении США», справедливо утверждал, что улажение конфликтов между Севером и Югом невозможно, хотя русские дипломаты «отказываются признать факт, тем не менее очевидный...»⁴

¹ Ibid., p. 267; Robertson, op. cit., pp. 125, 126—127.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, v. II, p. 862—864.

³ Ibid., Taylor to Seward 29/X 1862, № 16, p. 840.

⁴ Ibid., Seward to Taylor 22/XI 1862, № 5, p. 465. Стеклъ «внушал нам, — писал о примирении Сюард, — те же мысли, что и Горчаков нам. Адамс сообщил нам, что то же делал по отношению к нему и барон Бруннов».

⁴ Ibid., 1863/64, Taylor to Seward 28/XI 1862, № 21, v. II, p. 846.

Как правильно отметил Тейлор, перемирие в тот момент было бы лишь на пользу мятежным штатам и поэтому «невозможно рассматривать подобные предложения». ¹ Но и у него в Петербурге, как и у представителей США в Париже и Лондоне, сложилось впечатление, что проект интервенции или посредничества лишь временно отложен, но не оставлен совершенно. Даже Сьюард, который, как видно из его письма Дейтону от 1 декабря, был настроен после провала предложения Наполеона III весьма оптимистически, ² должен был признать основательность такого опасения. Были предположения, что Франция замышляет сделать из войны с Мексикой лишь прелюдию к агрессии против США в Мексиканском заливе или на его берегах. «Истолкование, какое получают в широких кругах недавние предложения Наполеона III правительствам Великобритании и России» о посредничестве в США, «благоприятствует этой тревоге и, следовательно, содействует ее более широкому распространению». ³ Такие факты, как деятельность французских консулов в Ричмонде и Гальвестоне, убеждавших Техас отделиться от США с тем, чтобы впоследствии присоединить этот штат к Мексике, которую Наполеон III превращал в это время в колонию, подтверждали и усиливали эти тревожные настроения. ⁴

При этих условиях посредничество Наполеона III, от которого он не отказался, не могло быть иначе воспринято на Севере, как акт враждебной державы. Вслед за пальмерстоновской Англией в разряд последних отошла и наполеоновская Франция. Оставалась царская Россия, чье посредничество, полагали в Европе, не будет рассматриваться как враждебный акт.

Выступит ли Россия с проектом посредничества? Если да, то когда: при обстановке, благоприятной для США или, наоборот, для мятежников? Что заставит ее выступить, какие мотивы она сможет выдвинуть?

В Лондоне считали, что Россия ждет отказа Англии и провала французского предложения, чтобы предложить свое посредничество. И в Париже не отказывались от мысли, что Россия примет участие в посредничестве. Надежда на это была и в Ричмонде. Опасались этого и в Вашингтоне. В Петербурге, в отличие от хвастливого Наполеона III, *втихомолку* лелеяли

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Taylor to Seward 28/XI 1862, № 21, v. II, p. 846.

² «Год тому назад казалось, — писал Сьюард, — что любое иностранное государство может напасть на нас и уничтожить одним ударом. Я уверен, что в настоящее время ни одна страна и не подумала бы о такой попытке, комбинация же нескольких держав для этой цели невозможна». (House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Seward to Dayton 1/XII 1862, № 269, p. 707).

³ Ibid., Seward to Dayton 29/XII 1862, № 278, p. 708.

⁴ «Московские Ведомости» от 22/V 1863 г., № 17.

мысль о примирении Севера с Югом (и чем скорей, тем лучше) для того, чтобы сохранить Юг. Если, как справедливо считал Сьюард,¹ Наполеон III послал свое предложение в связи с прокламацией Линкольна о неграх, то в связи с введением ее в действие, грозившим разрушить рабовладельческий Юг, царская Россия не могла не принять мер к ее предупреждению или ослаблению, правда, в дружелюбных США формах. В самом деле, прокламация, уничтожавшая рабство, была одним из революционных мероприятий гражданской войны. Отношение к ней царской дипломатии и других реакционных кругов России представляет, поэтому, огромный интерес.

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, "Seward to Dayton 29/XII 1862, № 278, p. 709. Такого мнения придерживались абсолютно все.

Глава VI

ПЕРЕЛОМ В МЕТОДАХ ВЕДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА ПРИМИРЕНИЯ

«Я так же, как и все, вижу все отвратительное в формах движения янки, но я нахожу это естественным в виду «буржуазного» характера этой демократии. Тем не менее, происходящие там события носят мировой характер, и во всей истории нет ничего более отвратительного, чем отношение англичан к ним».

(Из письма Маркса к Энгельсу 29/X 1862 г.)

1. Влияние внутреннего положения США на русскую политику

В один из самых критических для Федерации периодов гражданской войны, в августе — сентябре 1862 г., во время мерилендского похода армии мятежников (вторгшейся в Мериленд и грозившей захватить Вашингтон), когда дела Севера были действительно плохи, Маркс и Энгельс видели единственное спасение США в переходе их к революционным действиям.¹ Маркс считал не только необходимым, но неизбежным переход к революционным методам.² Маркс предвидел, что «Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, отбросив руководство государственных деятелей из пограничных рабовладельческих штатов».³

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 84—86, 97—98.

² См. Письма Энгельса к Марксу от 30/VII 1862 г. и даже от 5/XI и 15/XI 1862 г. (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 83—86, 113—115).

³ Там же, стр. 97. Как любопытный штрих, следует отметить, что в момент, когда события в США привлекали пристальное внимание всех в Европе, когда поборники демократии глубоко переживали неудачи Севера, а сторонники рабовладельцев злорадствовали, Лассаль в беседе с Марксом заявил, что эти события совершенно не интересны. Маркс с возмущением по этому поводу писал: «Что касается Америки, то она, — говорит он [Лассаль. — М. М.], — совершенно не интересна. У янки нет никаких «идей». «Индивидуальная свобода» есть лишь «негативная идея» etc. и тому подобный старый, давно истлевший спекулятивный хлам» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 87).

Трудности могли и должны были быть преодолены. Неудачи на севере влияли не только на внутреннее положение, но и на международное положение Севера и Юга, на международную политику. Дипломатические представители федерального правительства в Европе не упускали случая напомнить своему правительству о том, что они каждый день слышат, что Север не может победить, что Юг доказал свое право на существование и что, следовательно, Конфедерация завоевала право на признание самостоятельности. При малейших неудачах Севера друзья сецессионистов требовали прекращения гражданской войны и настаивали на иностранной интервенции. Если Север не способен справиться с Югом, то куда ему, занятому гражданской войной, тягаться в войне с европейскими державами. Из изложенного в предыдущих главах видно, что приливы и отливы интервенционистских настроений определялись в значительной мере успехами и неудачами Севера. Этим фактором в значительной мере определялась международная политика и в дальнейшем. Все посланники федерального правительства сообщали, что за границей Север считали слабым и находящимся в критическом положении («weak and in critical circumstances»).¹ Сьюард признавал естественным существование такого мнения в Европе.²

И русские дипломаты мотивировали свои предложения о примирении именно тем, что принявшая затяжной характер война доказывает будто бы невозможность победы Севера над Югом. Они утверждали, что война лишь приведет к разорению Юга и упадку США в целом. Стеклъ, более того, считал до конца 1863 г. неизбежным окончательный разрыв между Севером и Югом. По его мнению, наилучшим решением вопроса было бы признание политической независимости Юга и образование торгового союза — нечто вроде Zollverein'a (таможенного союза). Этот взгляд Стеклъ высказывал даже в начале 1863 г. С самого возникновения гражданской войны Стеклъ не верил в победу Севера над Югом и предсказывал быстрое окончание войны вследствие истощения Севера.

И в Петербурге Тейлору в конце 1862 и в начале 1863 годов, в большей мере, чем его предшественникам, приходилось прилагать все усилия, чтобы доказывать очевидную истину о далеко еще неисчерпанных силах Федерации, о способности ее восстановить Союз и подавить мятеж и о невозможности примирения на основе отделения.³ Тейлор был уверен, что проект интер-

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, 29/1 (10/II) 1863 г., № 5, л. 92. См. также АНР, v. XXVI, № 2. Лишь в сентябре 1863 г. Стеклъ осмелился выразить надежду на восстановление Союза.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Seward to Adams 23/XII, № 10, v. II, p. 851.

³ Ibid., Taylor to Seward 15/XI 1862, № 20; 28/XI, № 21; 17/XII, № 22, pp. 846—849. «Продолжающийся повсеместно незначительный успех союз-

венции лишь временно отложен, а предупредить осуществление его может решительный успех федеральной армии.¹

Именно поэтому Тейлор старательно информировал Горчакова о внутреннем положении США, о ходе войны и о малейших успехах Севера. Он даже осмелился без разрешения из Вашингтона послать Горчакову подробную информацию о национальных долгах, силе армии и флота и пр. Он оправдывал это стремлением доказать неофициально, что перемирие было бы лишь на пользу мятежникам и что подобное предложение федеральное правительство не может принять.²

Сьюард, в свою очередь, посылал Горчакову и через Стекля и, в особенности, через Тейлора официальные и частные информации о положении в США. Направляя послание президента, отчеты секретарей (министров) казначейства, армии и флота с своим собственным подробным описанием положения, Сьюард просил передать Горчакову, что «вмешательство не приведет к тем результатам, которых добиваются иностранные державы».³

Деятели федерального правительства не были твердо уверены в позиции России и после отклонения последней французского предложения. «Вы понимаете, — писал Тейлор Сьюарду 17 декабря 1862 г., — насколько предпринятые мною самостоятельно шаги к тому, чтобы оживить веру императорского правительства в наш конечный успех, были поддержаны вашими официальными заявлениями».⁴

В них Сьюард заявлял, что с начала гражданской войны не было более благоприятной ситуации, доказывавшей силу Федерации, и потому президент отклонит всякое посредничество,⁵ тем более, что положение дел на юге было критическое.

ного оружия, — писал Тейлор 15/XI 1862 г., — очень обнадеживает и, если не наступит существенных изменений в обратную сторону, я надеюсь скоро быть в состоянии восстановить поколебавшуюся веру в наш конечный успех» (Ibid., № 20, p. 846).

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Taylor to Seward 28/XI, № 21, part II, p. 849. Накануне Тейлор получил отчет Дейтона о его беседе с Друзн де Люисом. В свою очередь Тейлор информировал Адамса и Дейтона о своих беседах с Горчаковым и настроениях в Петербурге. Он верил в возможность интервенции, несмотря на то, что английский посол лорд Непир, как сообщал Тейлор, в хороших личных отношениях с ним, а из беседы с французским послом герцогом Монтебелло 27/XI он пришел к выводу, что лично последний против интервенции и что предложение перемирия не включает снятия блокады.

² Ibid. Тейлор надеялся, что это должно повлиять на позицию русского правительства в сторону укрепления дружественных отношений с США.

Сьюард, одобряя это письмо, предложил Тейлору, однако, объяснить Горчакову, что это сделано без ведома правительства (Ibid., № 10, p. 851).

³ Ibid., Seward to Taylor 7/XII 1862, № 9, p. 847.

⁴ Ibid., № 22, p. 848. Тейлор имел в виду депеши Сьюарда от 19, 22 и 24/XI.

⁵ Ibid., Seward to Taylor 23/XII, № 10, p. 851.

То, что иностранные государства «видят теперь, — писал Сьюард, — это зрелище мятежных армий, отступающих во все стороны, пустую государственную казну, истощенный кредит, неопишуемые страдания, к чему присоединяются еще тревога и страх перед социальной революцией». ¹ Федеральный генерал Бернсайд двигался на Ричмонд, флот и одна армия укрепились в Миссисипи, другая армия в восточном Теннесси и т. д. Почти полностью готов был на севере броненосный флот для взятия остальных портов на юге. Мятежники же имели лишь несколько броненосных судов, построенных их друзьями в Англии.

В то время как лидеры «демократической» партии на севере находились в оппозиции к законному федеральному правительству, рядовые члены этой партии боролись в рядах армии против южан. План последних в отношении захвата Калифорнии, Новой Мексики, Аризоны и пограничных штатов США потерпел поражение уже в конце 1862 г. Миссури тяготел к федерации; Мерилэнд и Кентукки, чья лояльность была сомнительна в начале войны, к этому времени уже не вызывали сомнений в своей приверженности к федерации; Западная Виргиния, отделившаяся от мятежного штата и вошедшая в Союз на правах свободного штата, представляла надежный форпост федерации.

Господство федерального флота на р. Миссисипи и всей прибрежной линии, взятие федеральной армией многочисленных портов юга, в особенности Н. Орлеана, очень сильно сузили границы территории, где господствовало влияние мятежников. Переход Теннесси на сторону Севера и успехи на западных фронтах давали полное право Тейлору заявить Горчакову, что *«мятеж не имеет успеха»*. ²

Заявление Тейлора не было преувеличением и пристрастным изложением фактов. В России получались подробные сообщения о военных и политических делах в Америке ³ через «*Courrier des États Unis*» и через корреспондентов газет различного направления. Большинство газет, далеко не враждебных мятежникам, вынуждено было признавать успехи Федерации и критическое положение Юга. И в русских газетах достаточно подробно освещалось положение США, причем приводились данные, подтверждающие официальные и частные заявления вашингтонского правительства.

¹ Ibid., Seward to Taylor 22/XI 1862, № 5, p. 465.

² Ibid., Taylor to Seward 31/XII 1862, № 24, 21/I 1863, № 27, и Seward to Taylor 14/I 1863, № 14, 23/I 1863, № 15, part II, pp. 853, 855, 856, 857. Линкольн одобрял информацию (p. 857).

Тейлор 31/XII сообщал о дружественных статьях принца Жуанвильского во французской прессе (*Revue des deux Mondes*) как о следствии успеха Севера и влияния этого на французское общественное мнение.

³ Это подчеркивал и Тейлор в своем письме от 17/XII 1862 г. (House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Seward to Taylor, № 22, p. 849).

2. Преимущества Севера над Югом

По данным рабовладельческих ричмондских газет умерло или было убито на полях сражения за полтора года с начала войны 130 000 южан, в госпитали южной конфедерации поступило до 230 000 чел., на 1 октября 1862 г. в госпиталях находилось 99 508 чел. Число убитых к 1 октября 1862 г. составляло на юге *шестую часть* населения, способного носить оружие. Газета мятежников «Richmond Whig» писала, что декрет президента Девиса о наборе войск (в силу которого все мужчины от 18 до 45 лет должны быть мобилизованы) «оказывается не только непопулярным, но даже ненавистным в южных штатах». ¹

Полагали, что число дезертиров в армии мятежников к 1863 г. достигало 200 000 чел. Побегι приняιи особенно массовый характер после опубликования прокламации об эмансипации негров, которая тайно распространялась среди солдат. Дезертировали из армии целые отряды в 50, 100 чел. и больше. Прибывший из Техаса полк в 900 чел. через месяц сократился до 230, а полк из Миссисипи в 1040 чел. — до 280. Еще в начале 1862 г. два сепаратистских полка пришли из Нешвиля в форт Доннелс и сдались федеральной армии. Побегι были бы еще значительнее, если бы шпионство, возведенное у мятежников в систему, не удерживало солдат от объединенных действий. Но в некоторых местах уже к началу 1863 г. существовали вполне организованные партизанские отряды из дезертиров, которые жили в лесах и пещерах и нередко вступали в сражения с войсками мятежников. Южные военнопленные с охотой принимали амнистию Линкольна и переходили на сторону Севера. Еще до амнистии многие пленные просили взять их в федеральную армию. Людские резервы на юге истощались.

Еще хуже было с материальными ресурсами, в связи с чем обострялась до крайности классовая борьба. «Нищета, в кото-

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 18/X, 9/XI 1862 г. Еще раньше, в марте 1862 г., в Виргинии были мобилизованы все мужчины от 18 до 45 лет. Через год были мобилизованы все мужчины от 15 до 55 лет. Маркс писал Энгельсу 17/XI 1862 г.: «Я просмотрел в «American coffeehouse» массу южных газет и убедился, что конфедерация в весьма затруднительном положении... Штат *Геоργия* объявил «акт о наборе», изданный конфедерацией, не имеющим законной силы. *Виргиния* в лице Флойда the thief (вора) оспаривает право «креатур Джефферсона Дэвиса» (буквально!) набирать в их штате солдат. Ольдгэм, представитель *Техаса* на конгрессе в Ричмонде, протестовал против перевода «кадровых войск» с юго-запада на восток, т. е. в Виргинию. Из всех этих споров с полной очевидностью вытекают следующие две вещи: что конфедеральное правительство слишком сильно перегнуло палку в своих насильственных стремлениях пополнить ряды армии;

что штаты ссылаются по отношению к лиге на «права штатов», подобно тому как на эти же права ссылалась в свое время сама лига против союза» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 116).

рую аристократия рабовладельцев повергла неимущие классы на юге, произвела окончательный разрыв». ¹ Ощущался недостаток во всем: в съестных припасах, в одежде и т. п. Вслед за установлением блокады в южных штатах начался голод, ибо до гражданской войны хлеб ввозили из северо-западных штатов. С каждым месяцем голод угрожающе усиливался. Текстильные изделия и обувь, ружья и порох, локомотивы и рельсы, даже веревки и холст для упаковки хлопка — все ввозилось с севера. Южные штаты полностью зависели от северных штатов. С началом гражданской войны, несмотря на сильную контрабанду и нарушение блокады Англией и Францией, ощущалась острая нужда во всех промышленных изделиях и хлебе. Попытка заставить плантаторов вместо хлопка производить хлебные злаки не дала ожидаемых результатов. В зиму и весну 1863/64 г. (особенно в марте и апреле) почти во всех городах юга произошли выступления голодных людей, требовавших хлеба. В Ричмонде возмущение народа было особенно сильно. Несколько тысяч человек под предводительством женщин разбили магазины. Усмирение производил лично Девис. В ряде штатов царила самая страшная нищета. Голодала часто и армия. Солдаты умирали «как бараны» от голода и холода.

Даже «Times» вынужден был признать «раскол среди плантаторов и белых бедняков». ² Колоссальные налоги, связанные с войной, разоряли фермеров. Уже в начале 1862 г. в Ричмонде произошли беспорядки, во время которых раздавались голоса в пользу Союза. В Техасе, Арканзасе и других штатах фермеры ждали приближения федеральной армии, чтобы к ней присоединиться. В Теннесси около 50 000 чел. ждало прихода федеральной армии, чтобы вступить в нее для борьбы против рабовладельцев. Федеральное знамя приветствовалось. Фермеры юга, как и негры, указывали федеральным войскам удобные места высадки, знакомили с местностью, сообщали сведения, служили разведчиками и т. д. На юге были крайне сильны унионистские тенденции. В столице конфедерации, в Ричмонде, свыше 3000 приверженцев Союза ждали приближения федеральной армии. Девис объявил еще в марте 1863 г. Ричмонд на осадном положении в связи с беспорядками и из опасения восстания и деморализации войск. Рабовладельцы бежали из пограничных штатов в глубь Джорджии, сжигая и истребляя все, что оставалось. В некоторых рабовладельческих штатах, в особенности в пограничных, происходила упорная и ожесточенная гражданская война между фермерами и плантаторами.

¹ Там же, от 4/І 1863 г.

² Там же, от 18/І 1863 г.; о голоде и классовой борьбе на юге см. также №№ от 7/ІІ, 10/ІІ, 21/ІІ, 28/ІІ, 8/ІІІ, 11/ХІ, 20/ХІІ—1862 г., 8/ІІІ, 9/ІІІ, 1/ІV, 13/ІV, 11/Х—1863 г., 9/ІV и 27/ІV 1864 г.

Соседи убивали друг друга, писал корреспондент русской газеты. Разбойничьи шайки рабовладельцев терроризировали население. Правительство мятежников и губернаторы для поддержания власти применяли белый террор. Губернатор Техаса официально сообщил, что «с целью остановить аболиционистскую пропаганду... 21 предатель уже повешены и следствие об их деятельности продолжается в других частях страны». Террор принял столь массовый характер, что заставил «изобретательскую» мысль усовершенствовать технику его орудий. Некто Мак-Доннель из Виргинии «изобрел» *новую гильотину, которая приводилась в движение паром и могла в две минуты отрубить 300 голов.*

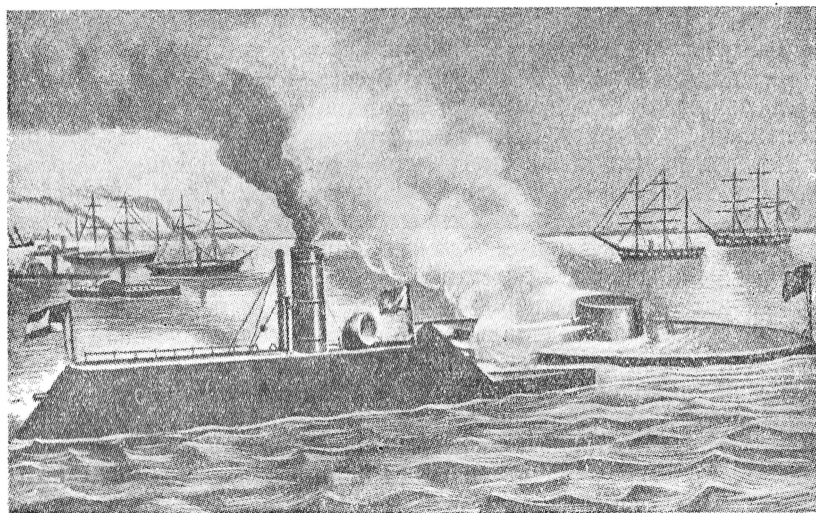
Этим, пожалуй, ограничилось развитие техники на рабовладельческом юге, где почти не было промышленности. Армия держалась лишь благодаря огромным, по заявлению Девиса, трехгодичным запасам, сделанным сецессионистами еще до войны с помощью правительства Бьюкенена. Но и эти запасы истощались, а на юге производилось ничтожное количество оружия. Единственная надежда рабовладельцев была на помощь европейских держав.¹ Этой надеждой только и поддерживался мятеж. В противном случае он был бы быстро подавлен, что великолепно понимали все правительства и все политические деятели Европы. Понимали это прекрасно и в Петербурге, но русские дипломаты не хотели еще признать слабость Юга и силу федерального правительства.

Север же представлял совершенно противоположную Югу картину. Север имел все необходимое — и людские резервы, и материальные ресурсы, для того чтобы быстро подавить мятеж. Промышленность и сельское хозяйство были высоко развиты. Техника прогрессировала. Значительное преимущество северных штатов перед южными видно хотя бы из того, что в 1860 г. из 1885 млн. долларов стоимости валовой продукции обрабатывающей промышленности США только 155 млн. долларов приходилось на долю юга. Вся металлургическая, машиностроительная, военная и судостроительная промышленность, за исключением нескольких небольших заводов и доков, находилась во время войны в руках федерального правительства. Более того, экстраординарные военные заказы правительства вызвали на севере бурное развитие промышленности и спекулятивную горячку. С середины 1862 г., после длительной депрессии, начинается период оживления промышленности и быстрого обогащения буржуазии. Это относится не только к военной промышленности, но ко всем отраслям народного хозяйства. Так, хлопчатобумажная промышленность Севера в 8 раз превосходила хлопчатобумажную промышленность Юга.

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 30/I 1863 г.

В октябре 1862 г. в одном только Нью-Йорке было отпущено товаров на 100 млн. франков, в то время как до войны эта сумма за месяц не достигала 50 млн. франков. А ведь из Нью-Йорка до войны вывозилось много товаров именно в южные штаты.

Урожаи были хорошие. Зерна было не только достаточно, но в 1862 г. было вывезено в Англию значительно больше, чем когда бы то ни было прежде. Вдоволь было и всех других продуктов. Недостаток хлопка южных штатов был возмещен частью

Бой между суднами Монитором (справа) и Меримаком 9 марта 1862 г.

шерстью, а частью хлопком, который стали разводить в Иллинойсе и Индиане.

Огромным преимуществом Севера над Югом было широкое развитие железнодорожной сети, наличие сильного морского и речного флотов, хорошо налаженной сети связи, в особенности телеграфа.

К началу гражданской войны США имели у Атлантического берега 4 военных судна, у Мексиканского залива столько же, несколько у африканских берегов и т. д. К 1 декабря 1861 г., согласно отчета морского министра, федеральное правительство имело уже флот из 264 судов с 2557 пушками. К октябрю 1862 г. флот Федерации состоял из 324 судов с 2716 пушками; кроме того, поспешно строились 38 блиндированных кораблей, 21 колесных и 13 винтовых пароходов. Строились «пловучие крепости» типа «Монитор». К декабрю 1863 г. флот состоял уже из 588 судов, из которых 75 было броненосных.

Налоги не были обременительны; финансовые трудности в связи с огромнейшими военными расходами легко разрешались посредством внутренних займов, быстро размещаемых благодаря наличию колоссальных капиталов. Сразу после того, как началась гражданская война, сберегательные кассы получили вкладов на 67 млн. долларов. В начале войны капиталы банков одного только штата Нью-Йорк были на 25% больше, чем капиталы банков всех мятежных штатов вместе взятых, не превышавших 80 млн. долларов.

Несмотря на тяжелый налоговый пресс, финансы конфедерации с осени 1862 г., по заявлению самого секретаря казначейства, находились в бедственном состоянии. Дефицит достиг колоссальных размеров, а кредитов не было. «В южных штатах положение скверное — нет кредита, пропало всякое доверие к успеху рабовладельческого дела и исчезло доверие к правительству...», — писал русский журнал в 1862 г.¹ Могли спасти и в 1863 г. действительно спасли мятежников от банкротства их друзья на континенте: немецкие, английские, французские и прочие финансисты, предоставившие им так называемый «хлопковый заем». Но осенью — зимой 1862 г. переговоры о займе только начались. Федеральное правительство, по данным казначейства, за год с 1 июля 1862 г. до июля 1863 г. израсходовало 895 млн. долларов из 900 млн. прихода.

Барометр же государственной кредитоспособности федерации — курс билетов казначейства — показывал, что если в ноябре 1861 г. билеты казначейства котируются на бирже в 89,5%, то в конце апреля 1862 г. — 92 и 93%, 3 мая — 100%, а к концу мая выше номинала — 105%. Нет ничего красноречивее этих цифр. Федеральное правительство в конце 1862 и начале 1863 г. сделало заем в 900 млн. долларов.

Еще более значительным преимуществом Севера над Югом были людские ресурсы и морально-политическое настроение населения, армии и т. д.

На севере было к 1 января 1863 г. 20 млн. жителей, в пограничных штатах 2 млн. белых и около 400 000 негров, на юге — около 5 млн. белых и 3½ млн. рабов-негров. Людской резерв Севера был еще не исчерпан к 1863 г., в то время как Юг уже начал переживать агонию. Не прекращался и приток эмигрантов на севере. С 1 марта до 1 августа 1862 г., за 5 месяцев прибыло только через Нью-Йорк около 45 000 чел., а за тот же период 1863 г. 85 046 чел., — почти в 2 раза больше. Значительная часть потока эмигрантов шла в федеральную армию. Федеральное правительство, в случае необходимости, могло выставить почти 4-миллионную армию и, кроме того, допустить в ар-

¹ «Время», 1862, т. X, № 6, стр. 31.

мию несколько сот тысяч негров. На юге насчитывалось не более 1—1½ млн. способных носить оружие, из которых часть нужна была в тылу ввиду угрозы восстания рабов и развертывавшейся резкой классовой борьбы внутри штатов, особенно пограничных и приморских.

В отличие от народных масс юга, которые только из-под палки боролись против Севера, народные массы на севере проявили с самого начала войны истинный энтузиазм и благородный порыв в борьбе с рабовладельческой олигархией, за демократию и свободу. Этот энтузиазм, этот «отчаянный задор северян»,¹ если временами и ослабевал, то никогда не угасал и часто превращался в героизм. «Порыв благородного народа на севере, — писал русский корреспондент из Нью-Йорка, — возбуждал и увлекал за собою правительство, или, вернее сказать, эту нерешительную администрацию, то медлящую, то колеблющуюся как в выборе цели, так и в принятии энергичных мер для ее достижения; этот порыв в течение последних шести месяцев (1862 г.) доставил 600 000 волонтеров». ² В 1863 г. пограничные штаты доказали свою лояльность Федерации.

3. Борьба за спасение США

Преимущества Севера над Югом были совершенно очевидны. И тем не менее, война приняла затяжной характер, Конфедерация не сдавалась, федеральная армия, особенно потомакская на востоке, славилась не столько своими победами, сколько поражениями. Север имел все данные для быстрого подавления мятежа, он должен был победить, но пока не побеждал. Реакционные круги в Европе, в том числе и в России, усматривали в этом крах демократии и торжество олигархии, о чем не прекращали кричать реакционные газеты и писать дипломаты. ³ Они не могли не видеть, что единственной причиной столь затяжной

¹ В передовой «Московских Ведомостей» от 5/I (№ 3) 1863 г. реакционер Катков писал, что «десятиги poboiщ не образумили Севера и не ослабили отчаянного задора северян».

² «С.-Петербургские Ведомости» от 1/I 1863 г., № 1, корреспонденция Гуровского. Эта же газета в начале гражданской войны опубликовала корреспонденцию от 23/V 1861 г., в которой нью-йоркский корреспондент писал: «Спекуляторы и деловые люди не разделяют ни *жара*, ни *восторга народа*; они добиваются сделки, но слишком поздно — жребий брошен».

В таком же духе писал корреспондент и в начале 1863 г.: «Высшие классы Соединенных Штатов давно утомились войной. *Народный клич: «Энергичное продолжение войны»* (Там же, 31/I 1863 г.).

³ «Times» писал 4/XI 1862 г., что если бы в США существовала английская парламентская система, то войны бы не было. Поэтому, убеждал он, не нужен институт всеобщего избирательного права, который в США, якобы, дискредитировал себя.

О крахе демократии писал Стекло, писали «Московские Ведомости» Каткова, писал журнал «Библиотека для чтения» и другие.

войны и неудач Севера является (если не считать оказываемой иностранными державами помощи мятежникам и длительной предварительной подготовки последних к войне) конституционный, неревolutionный способ ведения войны федеральным правительством.¹ Вся пресса, даже прорабовладельческая, все депеши и письма были полны сообщений о том, что энтузиазм народных масс севера наталкивался на колеблющуюся нерешительную политику части конгресса и правительства из умеренного крыла республиканцев (Сюард и др.), на измену, шпионаж и предательство в армии и правительственных учреждениях, на сопротивление северных сторонников южан — «демократической» партии севера, стремившейся к примирению с ними.

«Там все, как будто нарочно, — справедливо писалось в передовице «С.-Петербургских Ведомостей», — располагают свои действия к тому, чтобы доставить успех противной стороне. Линкольн медлит, как всегда, медлят его почтенные сочлены... Благодаря бездействию, медлительности в правительственных сферах — дела на поле битвы идут так вяло, бессвязно, что кажущиеся успехи федеральных войск обращаются им во вред».² Немалую роль сыграло казнокрадство и взяточничество администрации, начиная от мелкого интенданта-чиновника до министра,³ открытый грабеж буржуазии на военных поставках⁴ и другие явления, которые не пресекались в должной мере и которые широко распространялись на севере. Во главе армии стояли «демократы» севера и пограничных штатов во главе с Мак-Клелланом, сознательно стремившиеся затянуть войну. Они, вероятно, рассчитывали на то, что затяжная война приведет к истощению и вызовет недовольство масс, а затем подоспеют новые выборы президента, Линкольн уступит место кандидату из «демократов», который не замедлит пойти на примирение с Югом.⁵ Мак-Клеллан несколько раз имел

«...Подобную войну надо вести революционно, янки же до сих пор пытались вести ее конституционно» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 97—98).

² «С.-Петербургские Ведомости» от 3/VIII 1861 г. (передовая). «В управлении, — писала газета в 1862 г., — господствующая вигская партия». Большие говорят, чем делают. Это относилось и к Линкольну и к 4 из 6 членов его кабинета (Там же, от 16/I 1862 г.).

³ Например, первый военный министр — Камерон. (См. Майерс, «История миллиардеров», т. II, стр. 209—211).

⁴ См. там же, т. I, стр. 217—222, т. II, стр. 96—99 (о Моргане) и др. Имеется огромный документальный материал в House Documents и в Senate Documents; см. особенно доклад Санитарной комиссии, обследовавшей потомакскую армию в 1861 г. Мы здесь лишь констатируем данный факт, ибо это является предметом специального исследования.

Русские газеты ежедневно сообщали факты подобного рода, большинство из которых соответствует истине, но многого газеты не знали.

⁵ Вот для примера одно из многочисленных показаний, о которых уже знала тогда пресса.

Адъютант генерала Галлека, брат которого был адъютантом у генерала

возможность разгромить основную армию мятежников на р. Потомаке, но оттягивал удар, давая им полную возможность отступить, чтобы сохранить основные кадры.¹ Мак-Клеллан окружал себя шпионами; в штабах и даже в военном министерстве сидели шпионы; многими частями командовали предатели.²

Правда, действиями самих солдат, раскрывавших иногда планы предателей, вся эта враждебная деятельность отчасти парализовалась. Тем не менее, нерешительная борьба правительства с преступной медлительностью высшего военного командования сказалась на ходе войны и на росте недовольства и возмущения масс против подобной системы ее ведения. «По словам очевидцев, армия горит нетерпением сразиться, а здесь [в Нью-Йорке.—М. М.] все удивляются ее равнодушию».³ «Народный клич — энергичное продолжение войны»,⁴ т. е. решительное и революционное ведение войны.

Эти настроения народных масс отражало радикальное крыло республиканской партии во главе с Чарльзом Сомнером и другими представителями в сенате, со Стивенсом, Вильсоном и другими — в палате. Эти настроения сказались в росте аболицио-

Мак-Клеллана, объяснил бездействие потомакской армии тем, что «начальники не желают вывести южан из терпения, имея в виду затягивать дела с той целью, чтобы по истечении срока президентства Линкольна могло состояться примирение между Югом и Севером». Линкольн, выслушав это объяснение из уст самого адъютанта, отрешил его от должности. «Офицеры союзной армии, принадлежащие к «демократической» партии, противятся покорению Юга и уничтожению его социальных учреждений». Это вызывало возмущения в массах. (См. «С.-Петербургские Ведомости» от 18/X и 28/X 1862 г. и др.).

¹ Это имело место в конце 1861 г. и в апреле 1862 г.; особенно вопиющее преступление имело место в сентябре 1862 г. (после битвы при Антитам-крике 17/IX 1862 г.), когда солдаты федеральной армии хотели преследовать мятежную армию, чтобы довершить победу (корпус Портера не участвовал в битве 17/IX, и его можно было для этого использовать). Но Мак-Клеллан вместо того, чтобы добиться решительных результатов и разгромить основную армию Конфедерации, дал врагам время, якобы, для похорон своих убитых. Мятежники же этим воспользовались, чтобы в ночь с 18 на 19 переправиться через реку Потомак. «Когда солдаты узнали, что конфедераты от них ускользнули, гневу и недовольству [против Мак-Клеллана] не было конца» («С.-Петербургские Ведомости» от 5/X 1862 г.).

² Вот одно из многих сообщений прессы. Во время сражения 17/IX при Антитаме, давшем победу северянам, генерал Мильс, командовавший в Гарперс-Ферри (один из самых укрепленных и важнейших стратегических пунктов), приказал поднять белый флаг и сдаться сепаратистам. В ответ солдаты 12 полка нью-йоркской милиции, негодовавшие на измену своего начальника, убили Мильса, который, кстати, перед смертью признался, что изменил Северу и что постоянно сочувствовал Югу («С.-Петербургские Ведомости» от 5/X 1862 г.).

³ «С.-Петербургские Ведомости» от 27/IV 1863 г. (письмо специального корреспондента). Тот же корреспондент 2/II 1863 г. писал, что «солдаты обнаруживают явные признаки недовольства не только своей судьбой, но и образом ведения войны» (Там же, от 15/II 1863 г.).

⁴ Там же, от 31/I 1863 г.

низма, в массовых митингах и т. д. Давление в конгрессе, на митингах и в армии и, наконец, сами обстоятельства ставили перед умеренным крылом республиканцев и правительством Линкольна альтернативу: с народом за революционные методы войны или против народа за конституционные методы и примирение с Югом. В Петербурге, как впрочем и во всей Европе и отчасти в США до 1 января 1863 г., считали, что умеренное крыло республиканцев сильнее радикального и потому победит второй путь, а значит Север не сможет покорить Юг и вынужден будет искать примирения с ним, вероятно даже прибегнув при этом к иностранному посредничеству. В Петербурге именно этого желали, это советовали и этого ожидали.¹

* * *

Даже Энгельс 30 июля 1862 г. в письме к Марксу, совершенно правильно отмечая «трусость в конгрессе и в правительстве» и указывая, что «...если Север немедленно не станет действовать революционно, то его непоправимо побьют, и поделом», делал вывод: «кажется, что это так и будет».²

Но Маркс дал верный прогноз, и события сбылись именно так, как он предсказывал.³

Маркс писал Энгельсу еще 7 августа 1862 г. (до битвы при Антитаме и издания прокламации о неграх), что он не совсем разделяет его взгляд на американскую гражданскую войну. «Я не думаю, что все кончено».⁴ Южане действовали сплошной массой, имели единое военное командование, в то время как Север не имел ни единого военного командования, ни стратегического плана. Маркс справедливо видел причину этого в том, что «во главе северян с самого начала стояли представители пограничных рабовладельческих штатов, которые и выдвинули на первое

¹ Именно на этом основывал свою точку зрения Стэкль.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 85—86. Энгельс совершенно правильно подчеркивал, что в то время как южане относятся к войне «необычайно серьезно», федеральный конгресс и правительство «боятся всеобщего рекрутского набора, решительных финансовых мер, нападений на рабство, — словом, всего, что как раз крайне необходимо; дают всему итти как попало, и если та или иная мнимая мера проходит, наконец, через конгресс, то доблестный Линкольн обставляет ее еще такой кучей оговорок, что от нее уже ровно ничего не остается». «К тому же полное отсутствие талантов... Беспомощность и трусливость повсюду, кроме разве простых солдат. Таковы же и политики — так же абсурдны и растеряны» (Там же, стр. 85). В меньшей мере, но все же пессимистически оценивал он будущие успехи Севера и 5/XI 1862 г. (Там же, стр. 113).

³ Такой уверенности не было даже у Энгельса. «Я точно так же убежден, — писал Энгельс Марксу 5/XI 1862 г., — что окончательный захват пограничных штатов решит судьбу войны. Но у меня нет никакой уверенности, что дело произойдет в такой классической форме, как ты, повидимому, думаешь» (Там же, стр. 113).

⁴ Там же, стр. 97.

место Мак-Клелана...»¹ Север не направил рабов против мятежников, тогда как «один полк, составленный из негров, возымеет чудодейственное влияние на нервы южан». Он верил в то, что Север прибегнет к этому, как и к другим революционным средствам, и вообще начнет всерьез вести войну. «По моему мнению, вся эта история скоро примет другой оборот... Северо-запад и Новая Англия стремятся заставить и заставят правительство отказаться от своего прежнего дипломатического способа ведения войны... Если Линкольн не уступит (а он уступит), то произойдет революция».²

Линкольн, действительно, предпочел уступить требованиям народа и ради сохранения Союза прибегнул к более решительным средствам. В этом его громадная заслуга. Пусть нерешительно, с колебаниями, под давлением, но в критический момент он, как и основная часть республиканской партии, пошел временно с народом, осуществляя народные требования.

Как ни хотелось значительным кругам буржуазной аристократии — «демократической» партии на севере и даже умеренному крылу республиканской партии во главе с Сьюардом — заключить полюбовную сделку с рабовладельцами ценой многих уступок и совместной войной против иностранной державы, мир между Севером и Югом был невозможен.³ Юг мог бы согласиться на это не только при условии признания Конфедерации, но и при условии присоединения пограничных штатов и западных «территорий», без которых рабство не могло бы долго существовать. Рабовладельческая газета «Richmond Examiner» в ноябре 1862 г.,

¹ Там же.

² Там же. 10/IX 1862 г. Маркс вновь писал Энгельсу: «Что касается янки, то я попрежнему убежден, что в конце концов победит Север; конечно, гражданская война может пройти еще через различные эпизоды, может быть и через перемирия, и может затянуться надолго» (стр. 107). И далее Маркс писал: «Способ, которым Север ведет войну, таков именно, какого и следовало ожидать от *буржуазной* республики, в которой так долго и суверенно царил обман. Юг, олигархия, гораздо больше подходит для таких вещей, и именно такая олигархия, в которой весь производительный труд лежит на неграх, а 4 млн. белой сволочи (white trash) являются профессиональными флибустьерами. Несмотря на все это, я готов поручиться головой, что они будут разбиты, несмотря ни на каких Джексонов-«каменные стены». Возможно, конечно, что перед этим дело дойдет еще до своего рода революции на Севере» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 108).

³ Маркс обосновывал свое убеждение тем простым убедительным фактом, что «Юг может заключить или заключит мир только под условием, что он получит пограничные рабовладельческие штаты», за которыми последовала бы Калифорния и весь северо-запад. Это привело бы к образованию единого государства, за исключением Новой Англии, под верховенством рабовладельцев. «Это означало бы реконструкцию Соединенных Штатов на основе, предлагаемой Югом. А это невозможно, и этого не случится... Север может пойти на мир только в том случае, если конфедерация будет ограничена пределами старых рабовладельческих штатов... но в этом случае конфедерация очень скоро бы тихо скончалась» (Там же, стр. 108—109).

открыто признав, что война порождена рабством, заявила, что Юг продолжает ее для поддержания и расширения этого учреждения. И даже президент конфедерации Джефферсон Девис сбросил маску и в своих прокламациях в декабре 1862 г. и январе 1863 г. официально признал рабство истинной причиной войны. Целью войны провозглашалась «национальная независимость» и «освобождение от союза, который ненавистнее смерти». Джефферсон Девис объявил, что «южане скорее соединятся с гиенами, чем с янки», что для развития рабства необходима полная независимость Юга, расширение его территории.¹

Мир на таких условиях на севере не мог быть принят, а «перемирия же etc. на основе status quo означали бы самое большее временные паузы в ведении войны», — писал Маркс.²

* * *

Если господствующие классы и правительства Европы не хотели всего этого понимать, то медлительный и осторожный, но стойкий и никогда не отступающий Линкольн должен был понять, что ни мир, ни перемирия невозможны. Значит, надо было перейти к решительным, революционным мерам: освободить рабов в первую очередь, вооружить негров, очистить армию и весь государственный аппарат от предателей и шпионов, снять Мак-Клеллана. Политический и военный провал плана вторжения армии генерала Ли в Мериленд и Пенсильванию имел решающее значение, ибо он показал, что «...даже в этой наиболее «южно» настроенной части пограничных штатов сторонников конфедератов очень немного. А ведь вся борьба ведется из-за пограничных штатов. В чьих руках они будут, тот и будет господствовать над союзом».³ Мерилендская кампания не только обнаружила унионистские чувства в рабовладельческих штатах, но результатом ее был подъем невиданного энтузиазма во всей стране, особенно в Пенсильвании. Все мужское население этого штата взялось за оружие и буквально в несколько часов 50 000 вооруженных рабочих и фермеров собралось в столице штата — Гаррисбурге. Такая же решительность и энергия масс проявились в Огайо и в других штатах. Менее чем в 5 дней 100 000 человек под начальством генерала Галлека расстроили планы конфедерации. Последняя убедилась, что удаление от сепаратистских штатов и попытки вторжения на север безуспешны. Против мятеж-

¹ В России об этом были хорошо осведомлены. Все газеты были полны сообщений такого рода. См., например, «С.-Петербургские Ведомости» от 13/XI 1862 г., от 26/I и от 8/III 1863 г. В отличие от них «Московские Ведомости» 4/I поместили передовую, полную сочувствия южанам.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 108.

³ Там же, стр. 110.

ников была не только армия, действия которой были отчасти парализованы командованием, но весь народ.

С самого начала гражданской войны радикальные республиканцы и аболиционисты, отражавшие революционные настроения народных масс, разоблачали медлительность и нерешительность правительства, спекуляции, продажность и измену и требовали перехода к революционным средствам: они требовали уничтожения рабства, вооружения негров, чистки армии и установления строжайшей дисциплины в ней, налога на крупные доходы и т. д. ¹ Десятки раз Сомнер в сенате, Стивенс и другие в палате представителей вносили подобные проекты, но они всегда отклонялись. Осенью и зимой 1862/63 г. классовая борьба на севере крайне обострилась. Борьба внутри партий принимала острые формы, прорабовладельческие элементы усиливали свою деятельность благодаря оживлению легальной агитации «демократической» партии, пользовавшейся демагогическими приемами, и возникновению диверсионно-шпионско-террористических нелегальных организаций («сыны юга», «рыцари золотого круга», «американские рыцари» и др.). ²

Борьба между умеренными республиканцами (Сюард) и радикальными (Сомнер, Стивенс) приняла столь острый характер, что современники видели в них две партии: жирондистов и якобинцев. Галереи палаты представителей были полны зрителей, сочувствовавших «истребителям и крайним республиканцам». Они аплодировали всякому предложению Стивенса, прозванного «американским Робеспьером», — об уничтожении рабства, вооружении негров и оказании помощи им, об истреблении мятежников и предателей. Они свистками и угрозами встречали выступления против этих предложений. «Подобные сцены, — писал вашингтонский корреспондент, — напоминают клубы якобинцев». ³ Все более и более убеждались северяне, что нельзя подавить мятеж обычными конституционными средствами. Радикальный республиканец А. Джилберт заявил на одном митинге: «Пусть лучше погибнут все белые на юге, чем

¹ Вашингтонский корреспондент «С.-Петербургских Ведомостей» писал еще 16/IX 1862 г., что «из чисто воинственного положения мы мало-помалу переходим к революционному. В союзе происходит борьба между умеренными и крайними, и она не только касается, как это было доселе, способа ведения войны, но и социальных интересов, от нее зависящих. Одна хочет подавить восстание, не касаясь невольничества, другая — освободить невольничество по мере занятия земель и имущества изменников. Президент, большинство кабинета и управления армии принадлежат к первой». Но чаще всего «кабинет и президент вынуждены играть роль примирителей между обеими сторонами» (Там же, от 26/IX 1862 г.).

² Некоторые из них были разоблачены только в апреле 1863 г. См. «Московские Ведомости» от 19/V 1863 г.

³ «С.-Петербургские Ведомости» от 8/II, 14/III 1863 г.

южная конфедерация достигнет того, чего добиваются ее предводители». ¹ Таково было мнение большинства народа — рабочих и фермеров. Даже нью-йоркский губернатор, «демократ» Сеймур признавал бессилие обычных методов борьбы. «Times» в январе 1863 г. казалось, что «конгресс предпринял решительную революцию в Соединенных Штатах и напоминает собой французский конвент 1793 г.». ²

Радикалы были недовольны правительством, особенно Сьюардом, и неоднократно требовали его отставки. Это показали ноябрьские выборы в конгресс, грандиозные митинги по всем штатам. Кандидаты аболиционистов одержали победу даже в штате Миссури. «Раздражение против правительства усиливается, и общественное мнение требует перемены кабинета», ³ — писал из Нью-Йорка 20 декабря 1862 г. специальный корреспондент «С.-Петербургских Ведомостей». Перед открытием заседаний конгресса в декабре все ожидали бурных прений и острой борьбы в нем, ибо правительство Линкольна не отвечало желаниям страны и не соответствовало обстоятельствам. «Изменники и люди, сочувствующие Югу, находятся везде в министерствах и в армии. Линкольн не почел за нужное до сих пор принять меры против них». ⁴ В декабре 1862 г. и январе 1863 г. 26 сенаторов во главе с Сомнером потребовали отставки ряда министров, в первую очередь и главным образом отставки Сьюарда. ⁵

Сьюард как лидер республиканской партии и как статс-секретарь играл выдающуюся роль во всей политике правительства. Но он был представителем умеренного крыла и решительнее других членов кабинета противился переходу к революционным средствам. Именно он искал различные пути примирения с Югом, многие из которых (в частности и поездка Мерсье) были разоблачены и стали известны только в конце

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 14/III 1863 г. Уничтожались газеты: «опустошены конторы многих газет, типографские станки переломаны толпой только потому, что они советовали соглашение с Югом» (Там же, от 24/IX 1862 г.).

² Там же, от 19/I, 15/II 1863 г.

³ Там же, от 23/XI 1862 г. «Общественное мнение с каждым днем все более и более отшатывается от вашингтонского кабинета, и война скоро должна принять другой вид для того, чтобы управление это снова приобрело утраченное им доверие. Унионисты ограничиваются соблюдением оборонительного положения. Но население хочет не обороняться, а наступать, чтобы подавить на месте мятеж» (Там же, от 7/XI 1862 г.). Позднее газета писала: «Министерство в Вашингтоне все более и более теряет почву под ногами. Ненавидимое «демократами», оно не пользуется расположением республиканцев» (Там же, от 26/I 1863 г.). «Вашингтонский кабинет и Линкольн делаются непопулярными, так как ежедневно раскрываются злоупотребления и плутовство. Все более усиливается антагонизм...» (Там же, от 2/II 1863 г.).

⁴ Там же, от 6/XII 1862 г.

⁵ Там же, от 20/XII, 23/XII 1862 г. и от 26/I 1863 г.

1862 г. и в начале 1863 г.¹ Он возражал против освобождения негров и допущения их в федеральную армию. Более того, он поддерживал Мак-Клеллана и прочих генералов, приказывавших, несмотря на сопротивление солдат и части офицеров, возвращать беглых негров мятежникам. Сьюард выступил против Фремонта, Гукера и даже Бетлера (и многих других), объявлявших рабов мятежников свободными и т. д.

Когда в июле — августе обсуждался проект прокламации Линкольна об освобождении негров, в случае если мятежники не сложат оружия к 1 января 1863 г., Сьюард возражал против проекта. И даже после опубликования 22 сентября прокламации Линкольна, он рассматривал ее только как военную меру, которая должна припугнуть мятежников и заставить их, ради сохранения рабства, сложить оружие. Именно поэтому он настаивал, чтобы прокламация была опубликована только после победы Севера, ибо только после поражения Юга она может воздействовать на мятежников.

В депеше ко всем дипломатическим представителям и консулам США от 22 сентября Сьюард писал, что, по мнению президента, настала минута представить великий факт на рассмотрение народа в возмущившихся штатах и дать им понять, что если эти штаты попрежнему будут предлагать стране выбор между необходимостью расторжения союза и отменой рабства, то поддержать и спасти следует Союз, а не рабство.²

Он видел цель прокламации именно в том, чтобы сохранить Союз, в крайнем и худшем случае жертвуя для этого рабством, но если мятежники согласятся вернуться в Союз, то можно будет сохранить и рабство. Прокламация об освобождении негров — мера лишь военная. Именно так он разъяснял ее дипломатическим представителям в Вашингтоне и американским представителям за границей; именно так поняли эту прокламацию и в Петербурге, не веря в ее реализацию.

Так истолковывали позицию Сьюарда и некоторых других членов кабинета радикальные республиканцы. Подобную позицию занимал Сьюард и по другим вопросам. Даже министр финансов Чейз требовал отставки Сьюарда и грозил выходом из правительства. Сьюард действительно во второй половине декабря подал в отставку. Кризис кабинета грозил привести к расколу республиканской партии. Линкольн, стремясь со-

¹ См. «С.-Петербургские Ведомости» от 8/III 1863 г. Были опубликованы извлечения из французской «желтой книги». Сьюард имел сношение с Югом через одного судью из высшего трибунала, что подтверждали и судья и южные эmissары. Сьюард, однако, отрицал и то и другое. Эти публикации вызвали бурный поток народного гнева против Сьюарда.

² House Documents, 1862/63, part I, p. 179. См. также «С.-Петербургские Ведомости» от 3/X 1862 г. Эта депеша в отрывках была опубликована во всех газетах.

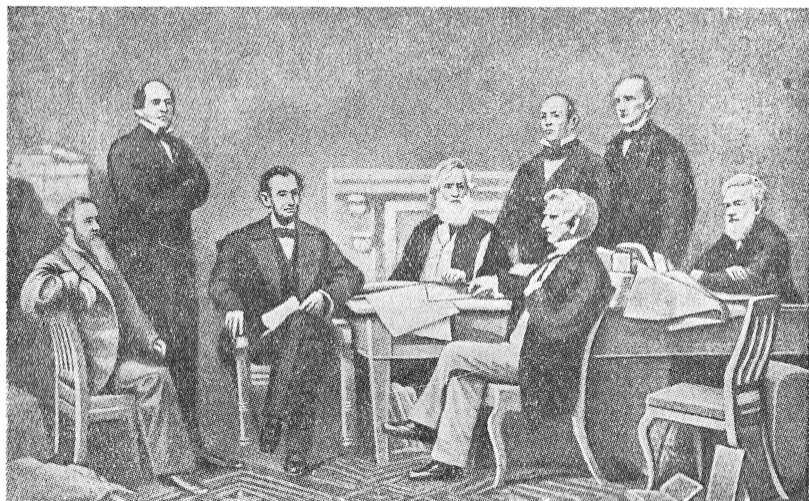
хранить левый блок, опирающийся на широкие народные массы, и предотвратить раскол республиканской партии, уговорил Сьюарда и Чейза взять свои заявления обратно и остаться в правительстве. Министерский кризис был в основном ликвидирован накануне нового года, но на основе перехода к более решительным средствам войны. Умеренное крыло республиканцев должно было уступить и уступило. В том, что буржуазно-демократическая республиканская партия пошла не против народных требований, а с народом (разумеется, при реализации требований народа, на них накладывалась печать буржуазной непоследовательности и ограниченности) — одна из главных заслуг Линкольна. В силу сложившихся обстоятельств, хотя и под давлением, он сохранил единство в данный момент прогрессивной республиканской партии, предотвратил переход значительных кругов буржуазии в контрреволюционный лагерь и придал своим мероприятиям революционный оттенок. С его именем и связано уничтожение института рабства.

4. Значение и последствия акта эмансипации

I

В ряду мер, принятых федеральным правительством и придавших более народный, буржуазно-демократический характер гражданской войне, первенствующее место принадлежит уничтожению рабства. В этом ведь заключалась суть войны, этим институтом она была порождена. Как сохранение и расширение института рабства было целью Конфедерации, так уничтожение рабства было объективной, истинной целью Союза. Долго буржуазия и федеральное буржуазное правительство хотели ограничиться единственной целью — восстановлением Союза. Но спасти и восстановить Союз было невозможно, не уничтожив причины его распада. И если правительство называло средством то, что на самом деле было целью войны, это несколько не умаляет исторического и непосредственно политического значения уничтожения рабства. В самом деле, отмена права Habeas Corpus, мобилизация армии, смещение Мак-Клеллана, допущение и привлечение негров в армию и другие мероприятия были подчинены одной задаче — уничтожению рабства, поскольку без этого невозможно было восстановление Союза. Дело касалось негров лишь постольку, поскольку они имели непосредственное отношение к системе рабства как живая производительная сила. Освобождение негров было не столько «моральным» моментом, сколько социально-экономическим и политическим, уничтожавшим систему рабства, стоявшую преградой на пути капиталистического прогресса, а вместе с рабством

и господство рабовладельцев. Уничтожить рабство, а также господство рабовладельческой олигархии, ненавистной и рабочему классу и фермерству, и буржуазии, нельзя было, не освободив рабов-негров, так как на эксплуатации их труда именно и базировалось все экономическое могущество и политическое господство рабовладельцев. Революционность этого мероприятия заключалась в том, что негры были освобождены без всякого выкупа и сразу, и в том, что негры были вовлечены в гражданскую войну как сила, самая угнетенная, самая придавленная и самая заинтересованная в победе Федерации над

Линкольн с членами кабинета за обсуждением прокламации об освобождении негров, декабрь 1862 г. (С картины Карпентера.)

Конфедерацией. Этим придавался особый, революционный оттенок войне. Но даже прогрессивная буржуазия покушалась, в силу обстоятельств, только на ту часть частной собственности рабовладельческой буржуазии, которая заключалась в рабах. Негры перестали быть только собственностью, вещью, но они не становились гражданами, не получали прав. Рабовладельцы же не лишались всей своей остальной собственности, и этим в значительной мере сохранялось их экономическое могущество и окончательно не парализовалось их политическое влияние. Все это делалось для того, чтобы подчеркнуть лишь «военный» характер этой меры. В этих же целях, как и для того, чтобы не оттолкнуть рабовладельцев, лояльных Союзу, величайший акт эмансипации распространялся лишь на рабовладельцев-мятеж-

ников, не сложивших оружия к 1 января 1863 г. и находившихся в штатах или районах господства Конфедерации.¹ Тем самым акт должен был получить вид частного «акта конфискации». Но сама жизнь изменила его характер, — негры и рабочие, фермеры и солдаты придали ему то значение, какого он заслуживал.

«Ярость, с которой южане встретили линкольновские акты, свидетельствует о важности последних. Все эти акты имеют вид расчетливо составленных и снабженных массой оговорок условий, посылаемых одним адвокатом другому, представителю противной стороны. Но это не лишает их исторического значения...»² Война приняла характер подлинной борьбы демократии против олигархии.

Этот акт, как и другие следовавшие за ним мероприятия, обеспечил разгром мятежников. С принятием и проведением их становилось ясно, что мир с мятежниками на старой основе уже невозможен, что рано или поздно, в зависимости от энергии руководства, отчасти от позиции иностранных держав, Север должен победить.

II

Акт эмансипации взрывал Юг изнутри, постепенно ликвидировал «проблему» пограничных штатов. Начавшаяся еще с 1861 г. эмиграция рабовладельцев пограничных штатов со всей собственностью, в том числе и с оставшимися рабами, на юг, в глубь конфедерации приняла с осени 1862 г. и особенно с января 1863 г. массовые размеры. Из Миссури, Кентукки, Теннесси, Виргинии, Северной Каролины и других штатов бежали собственники, спасая сохранившуюся «собственность». Бегство негров от своих господ приняло после акта 22 сентября 1862 г. колоссальные размеры. Уже в октябре 1862 г. одна ричмондская газета оплакивала вызванные бегством негров значительные потери, превышавшие 300 млн. долларов. Только из одной Виргинии бежало 30 000 невольников, в Южной Каролине, Джорджии и Луизиане, штатах наиболее рабовладельческих, самоосвободилось до 60 000 негров. До декабря 1862 г. свыше 40 000 негров ушло из штата Миссиссипи. В Луизиане свыше 30 000 стали свободными. К 1 января 1863 г. на севере насчи-

¹ Исключались штаты Делавар, Мериленд, Миссури, Кентукки, Западная Виргиния, некоторые части Виргинии, Луизианы, Теннесси и Северной Каролины. Действие акта распространялось на территорию мятежников, насчитывавшую около 3 млн. негров (приблизительно на 1 млн. негров она не распространялась). Но значительная часть негров сама позаботилась освободиться бегством, а рабочие, фермеры и солдаты им в этом помогали.

² Маркс Энгельсу 29/X 1862 г. (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 111).

тывали свыше 100 000 беглых негров.¹ В Гильтон-Гиде около 15 000 негров уже осенью 1862 г. возделывали брошенные рабовладельцами плантации, и значительно успешнее, чем во времена рабства. Это был далеко не единичный случай. На островах, разбросанных по бухтам Порт-Рояля, свыше 10 000 негров продолжали сами возделывать плантации, брошенные плантаторами.²

Плантации на юге повсюду приходили в упадок. Приказы правительства о замене посевов хлопка зерном выполнялись плохо.

Мятежники эксплуатировали негров не только как рабочую силу на плантациях, тем самым освобождая белое население для участия на фронтах, но, под страхом смерти, негры должны были работать в обозе Конфедерации, на фортификационных работах, по изготовлению оружия и т. д. Всё же эти негры, особенно с осени 1862 г., искали убежище в федеральной армии, хотя им и труднее было бежать оттуда, чем с плантаций, значительная часть которых опустела. Так подрывалась и без того слабая материальная база мятежников, и в этом также было одно из достижений акта об эмансипации. Главное богатство Юга — труд негров приходил в окончательное расстройство.

Оставшиеся в пограничных штатах рабовладельцы сначала продавали своих рабов за бесценок, а затем стали добровольно освобождать их, получая от государства выкупные деньги. Иного выхода у них не было, так как на месте спрос на негров совсем упал, а других рынков они не находили. Таким образом, связь с югом и экономически и политически уничтожалась. Юг терял в пограничных штатах всякую опору, что и показали мерилендская кампания и унионистские движения в Северной Каролине, Теннесси, Кентукки и других штатах, где население ждало федеральные войска, чтобы к ним присоединиться. Недовольство белых на юге, голодные бунты, дезертирство солдат из южной армии целыми отрядами и т. п. — все это с января 1863 г. распространялось по всем штатам и принимало массовые размеры. Правительством Конфедерации для борьбы с недовольными была создана целая система террора: без всякого суда, линчеванием веревкой, ножом и огнем уничтожались все противники мятежа. Правительство подстрекало также флибустьеров истреблять своих врагов.

Особенно жестокий террор был установлен в отношении негров. В Миссисипи и других южных штатах еще летом 1862 г.

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 30/X, 6/XII 1862 г. и от 16/I 1863 г. Эта цифра преуменьшена, ибо учета не было. «Число беглых невольников из Южных штатов... было очень велико и до января, а с этого времени оно удесятерилось» («Московские Ведомости» от 8/I 1863 г., № 5).

² Там же, от 26/IX, 17/V 1862 г.

большое количество негров было перерезано за сочувствие Федерации. Террор, естественно, усилился с опубликованием прокламации. Но ничто не могло «поколебать их [негров.—М.М.] преданность янки». ¹

III

В Арканзасе негры служили проводниками для генерала Кортиса и снабжали провиантом голодных солдат. В Виргинии, по заявлению генерала Попа, лучшие разведчики — негры; рискуя жизнью, они извещают федеральные войска на всех фронтах о положении, силах и продвижении армий Конфедерации или шаек флибустьеров. Генерал Гунтер, первый допустивший негров в армию и создавший полки из них, заявлял, что негры самые неустрашимые и преданные воины, и предлагал создать из них 50-тысячную армию.

Негры неплохо разбирались и в политических вопросах. Еще в апреле 1862 г. в занятию федеральными войсками Порт-Рояле нельзя было найти ни одного негра, который не знал бы истинной причины войны. «Мы вас ждали уже шесть месяцев», — говорили они солдатам-рабочим из Массачусетса. Они рассказывали, что не поверили басне плантаторов о том, что янки продадут их на о. Кубу, и не последовали за ними, а остались ждать федералистов. Аболиционисты, с самого начала войны беспрестанно разъезжавшие по южным штатам, всегда находили убежище у негров, которые узнавали их по условному знаку, передававшемуся с плантации на плантацию. Негры повиновались инструкциям аболиционистов. Они боялись восстать против плантаторов потому, что Север, в случае восстания, приостановил бы войну. ² К тому же, они были плохо организованы и не вооружены. Бегство, присоединение к долгожданной федеральной армии — вот основные средства их борьбы с мятежом. Но в отдельных районах были и кровавые столкновения.

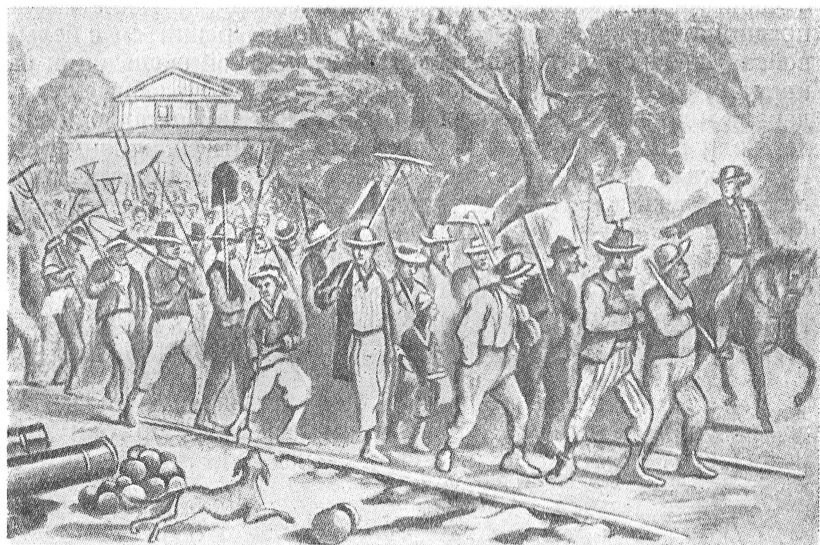
Негры из различных источников рано или поздно узнавали об акте эмансипации. Линкольн в своей прокламации призывал и убеждал негров воздержаться от всяких враждебных и насильственных действий. Это действовало, но не всегда. В районах Луизианы и других штатов, лежавших вблизи местностей, занятых федеральными войсками, негры восставали и уже свободными встречали своих освободителей. Последним приходилось освобождать не негров, а плантаторов, которые даже присягали на верность Союзу, лишь бы получить право усмирить «бунтовщиков», но федералисты-солдаты отказывались играть роль

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 2/IX 1862 г.

² «С.-Петербургские Ведомости» от 17/IV, 20/VII 1862 г. См. мемуары негра Букера Т. Вашингтона «От рабства к славе».

усмирителей и становились на сторону негров.¹ Что негры быстро узнавали об акте эмансипации, видно из того, что задолго до 1 января, сразу после первой прокламации Линкольна, началось движение негров за ее реализацию. Плантаторы сами способствовали этому, пытаясь до 1 января переселить негров подальше от северных штатов. Негры выжидали случая, чтобы восстать.²

Маркс еще в августе 1862 г. писал, что «один полк, составленный из негров, возымеет чудодейственное влияние на нервы южан».³ Теперь таких полков стало много, серьезно нависла угроза восстания рабов и, как предсказывал Маркс, нервы южан совсем расстроились.

*Отряд освобожденных негров в армии генерала Бетлера.
(С современного рисунка.)*

Джефферсон Девис на вооружение негров ответил мобилизацией всех мужчин, способных носить оружие. Распускался слух, что ричмондское правительство намерено освободить и вооружить 400 000 негров. Однако оно не решилось это сделать. Все пленные офицеры, командовавшие неграми и принимавшие их в отряд, подвергались казни. Ярости и негодованию южан не было конца. Злобные речи в ричмондском конгрессе, желчные статьи в рабовладельческой прессе показали все значение

¹ «Московские Ведомости» от 8/1 1863 г.

² «С.-Петербургские Ведомости» от 1/III 1863 г.

³ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 97.

акта эмансипации и особенно вооружения негров как мероприятий, самых опасных для мятежников. И действительно, один полк негров делал то, что часто не мог сделать целый корпус, в особенности в борьбе с флибустьерами.

Вот свидетельство одного из командиров негритянских полков, полковника Гитчинсона: «Тот, кто не видел этих людей в сражении, не умеет ценить их; они отличаются пламенной энергией, несколько не уступающей энергии французских зуавов. Необходимо соблюдать строжайшую дисциплину, чтобы держать их в руках. Превосходство их над белыми войсками большей частью основано на знании местности; кроме того, они отличаются своим темпераментом и подвижностью, а потому с черными войсками я благополучно совершил такие смелые предприятия, на которые безумно было бы решиться с белыми войсками. Настоящим предводителем всей этой экспедиции был капрал Роберт Суттон, бывший невольник...»¹ Подобные отзывы давали и другие полководцы. До 1863 г. эту замечательную силу держали главным образом в обозе, для фортификационных работ. Только немногие, вопреки распоряжению правительства, осмеливались давать им оружие. В январе 1863 г. Стивенс внес билль о вооружении 150 000 негров, а Сомнер в сенате предложил вооружить 300 000 негров. Несмотря на сильную оппозицию (прибегавшую даже к револьверам), конгресс 5 февраля одобрил большинством 80 голосов против 54 закон о вооружении 150 000 негров. В федеральной армии участвовало более 170 000 негров.

Эта мера, как и принятый акт об эмансипации негров, горячо приветствовалась народными массами. Но они были недовольны оговорками и непоследовательностью нового закона.²

IV

«Масса населения явно высказала свое одобрение прокламации Линкольна», но «есть много людей, которые порицают сухость тона и холодность прокламации, что Линкольн рассматривает эмансипацию только как военную меру».³ Устраивались по этому поводу многотысячные митинги, серенады, празднества. В армии прокламация также произвела прекрас-

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 28/II 1863 г.

² «В сентябре президент исполнил пламенное желание благородного народа и обнародовал прокламацию об освобождении рабов, но не в той полноте и оконченности, каких требовал народ и обстоятельства, что вызвало недовольство последнего» («С.-Петербургские Ведомости» от 1/I 1863 г.).

³ «С.-Петербургские Ведомости» от 11/X 1862 г.

Требовали сформировать полки из негров и чтобы на будущее время негр не был лишен прав гражданина США только потому, что он принадлежит к черному племени («С.-Петербургские Ведомости» от 29 и 30/XII 1862 г.).

ное впечатление. «Армия все больше и больше становится abolitionистской». ¹ 26 сентября 16 губернаторов штатов, оставшихся верными Союзу, обратились к Линкольну с адресом, в котором одобряли прокламацию и выражали готовность довести войну до конца. Конгресс одобрил в декабре (в палате 78 головами против 51) акт эмансипации.

Введение в действие акта эмансипации и вооружение негров сплачивало силы народного блока, которому одно время грозила опасность разрыва ввиду непоследовательности и медлительности правительства, а федеральная армия приобрела новую силу — негров. Эти меры подрывали демагогию «демократической» партии севера, которая еще сильнее развернула свою дезорганизаторскую деятельность, но уже теряла ту массу, которая за нею шла. Только орган биржевиков Нью-Йорка и «демократической» партии «New York Herald» называл этот акт безрассудным и несвоевременным, а другой подобный же орган, «New York World» — противным конституции. Все республиканские газеты одобряли этот величайший акт. ² Народ знал, за что он борется и за кем ему идти.

V

Эмансипация негров усилила в Европе симпатию к Северу, вызвав борьбу народов Европы в защиту демократической республики против угрозы вмешательства, против друзей сецессионистов и против помощи, оказываемой мятежникам. Из 134 важнейших митингов в Англии за время гражданской войны — 82 падают на 1863 г. и главным образом на первые месяцы его; из этих 82 было рабочих митингов 56 (в 1860 г. — только 3, в 1861 г. — 7, в 1862 г. — 5). ³ С конца декабря 1862 г. митинги следовали один за другим; принимались резолюции и адреса, приветствовавшие акт эмансипации. Между 30 декабря 1862 г. и 20 марта 1863 г. Адамс получил не менее 56 приветствий. ⁴ В своем отчете правительству от 20 марта Адамс сообщил в Вашингтон о митингах, представивших ему 37 резолюций, выражавших симпатии освобождению рабов и полных решимости бороться против интервенции. ⁵ Когда некоторые сторонники рабства пытались выступать, то им не давали говорить, их освистывали и прогоняли. ⁶

¹ Там же, от 7/X, 11/X 1862 г. и от 15/III 1863 г. и др.

² Там же, от 8/I 1863 г.

³ Adams, op. cit., v. II, p. 223. Это митинги, о которых сообщали «The Liberator» и посол Адамс. Смит насчитывает их с 1862 г. по крайней мере 500 (Gold. Smith, The civil war in America, London, 1866).

⁴ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part I, p. 55; Adams, v. II, p. 107; см. также Jordan and Pratt, Europe and the American Civil War,

⁵ Ibid.; Rhodes, op. cit., v. IV, p. 348—358.

⁶ В один день, 29/I 1863 г., в Лондоне состоялось 3 митинга для выражения симпатий Северу, на которых «Times» был освистан. Митинги одобрили

Самым знаменательным последствием митингов, явившимся результатом акта эмансипации, верно понятого английским народом, было то, что народные массы «теперь продвинулись вперед от оборонительной позиции восхваления Севера к позиции наступления на южную аристократию, не только потому, что последняя желала увековечить африканское рабство, но и потому, что она стремилась поработить рабочие классы, как она это сделала с неграми».¹ Современники верно поняли истинный смысл гражданской войны в США и ее международное значение. Народ США боролся не только за уничтожение рабства негров, но и против превращения себя в париев.

В адресах, на митингах говорилось не только об освобождении негров, об уничтожении рабства, но и о политических институтах в США; защита Севера сочеталась с борьбой за свободу и демократию в Европе. Весь рабочий класс Англии обнаруживал раздражение уже не столько против рабства, сколько против британской олигархии.²

Бигелоу справедливо писал Сьюрду 6 февраля 1863 г., что развернувшаяся борьба и в США и за границей приняла характер борьбы между принципом правительства *народного* и правительства привилегированных классов. Солидарность народов всего мира поэтому является особой солидарностью с американским народом, долгом и интересом которого является самое полное ее развитие.³

Митинги, имевшие подлинно политический, классовый характер, объединяли все антирабовладельческие и демократические элементы и привлекали огромнейшие массы. Так, на митинг 29 января 1863 г. в Exeter-Hall в Лондоне, назначенный на 7 час. вечера, уже начали собираться в 5½ час., а в 6 часов уже были переполнены два зала. Организаторы митинга вынуждены были провести параллельный митинг на улице Exeter-Street, где присутствовало свыше 2000 чел.⁴ Многочисленные и многолюдные митинги подобного характера происходили и в Манчестере (особенно значительным был митинг 31 декабря 1862 г.), в Шеффилде, в Банбори и других городах.⁵

прокламацию об освобождении негров и объявили себя враждебными рабству (См. «Московские Ведомости» от 27/I 1863 г.).

¹ Из речи Брайта в Рочделе 3/II 1863 г. (Adams, op. cit., v. II, p. 290).

² «The Liberator» 13/III 1863 г.; Adams, op. cit., v. II, p. 289. Буржуазия испугалась этого огромного демократического подъема в Англии и в США.

³ Rhodes, op. cit., v. IV, p. 78.

⁴ Adams, op. cit., v. II, p. 288—289. См. также «С.-Петербургские Ведомости» от 31/I 1863 г.

⁵ «Московские Ведомости» от 4/I 1863 г.; «С.-Петербургские Ведомости» от 10/I 1863 г. и др. В Шеффилде огромнейший успех имело выступление бывшего раба-кучера президента Конфедерации Девиса.

Самый грандиозный митинг, направленный в защиту Севера и сорвавший интервенционистские планы Пальмерстона, был организован тредьюнионами в Сент-Джемс-Холл 26 марта 1863 г.; на нем присутствовал К. Маркс.¹

Этот митинг явился ступенью к организации I Интернационала и к сотрудничеству тредьюнионов с марксистами.² Это был самый значительный митинг, ярко показавший силу рабочего класса и его влияние на международную политику, с которым должно было считаться и правительство.³

Посол США в Лондоне Адамс еще 5 февраля писал Сюарду, что рабочий класс оказывает влияние на политику правительства.⁴ Общественные митинги породили надежду в США на то, что английское правительство вынуждено будет принять более дружественную позицию по отношению к Северу. Например, митинги аболиционистов в Нью-Йорке показали, какое значе-

¹ О своем присутствии на этом митинге Маркс писал Энгельсу 9/IV 1863 г. Организаторами этого митинга были Оджер и Кремер — руководители тредьюнионов, а председателем — Брайт. С речами, кроме проф. Бизли, Брайта, Оджера и Кремера, резко критиковавших политику Пальмерстона, выступали сами рабочие, которые «... говорили превосходно без всяких следов буржуазной риторики, и ни в малейшей степени не скрывая своего антагонизма по отношению к капиталистам...» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII стр. 145). Митинг бурно аплодировал восклицанию Брайта: «В Соединенных Штатах нет ни короля, ни епископов (In the United States no King, no bishops)». Проф. Бизли в беседе с Адамсом, послом США, кратко формулировал решение митинга рабочего класса и тредьюнионов словами: «America fighting the battle of democracy», ибо «успех свободных институтов в Америке есть политический вопрос, глубоко касающийся и волнующий Англию» (Adams, op. cit., v. II, p. 292—293).

Этот классовый характер митинга дал основание Спарго (Spargo, Karl Marx, pp. 224—225) и другим историкам считать Маркса организатором и вдохновителем этого митинга, целью которого было довести рабочий класс до понимания классовых интересов, выступая в защиту Севера. Генри Адамс, сын посла, бывший его личным секретарем и писавший отчет об этом митинге в Вашингтон 27/III 1863 г., утверждал в беседе с историком Адамсом, что Маркс являлся главным организатором митинга. Ответ Адамса был задержан Сюардом и не попал в публикацию документов из дипломатических соображений — не обострять отношений с английским правительством. И Генри Адамс этим же мотивом объяснял, почему он умолчал в своем отчете о Марксе (Adams, op. cit., v. II, pp. 292—293).

² Английскими членами I Интернационала, писал Маркс 29/XI 1864 г. Вейдемейеру и Кугельману, являются «те самые люди, которые... организовав огромный митинг в Сент-Джемс-Холл... помешали Пальмерстону объявлять войну Соединенным Штатам, которую он уже готов был начать» (Сочинения, т. XXV, стр. 426—427).

³ Даже «Московские Ведомости» (4/I 1863 г.), описывая митинг в Англии, должны были признать, что общественное мнение настроено в пользу Севера и что это заставило Пальмерстона сделать заявление о невмешательстве. См. также «С.-Петербургские Ведомости» от 8/I 1863 г.

⁴ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part I, p. 110.

ние имели английские митинги и какое огромное влияние оказали они на американский народ. «Что нам за дело до враждебных нам аристократических, коммерческих классов Великобритании! Рабочий класс за нас, рабочий класс, которому принадлежит главный контроль над парламентом, а сила этого класса неодолима, что доказано, между прочим, и отменой хлебных законов». ¹

Противопоставление дружественной позиции рабочего класса враждебной позиции правящих классов имело место и раньше. Но никогда в период гражданской войны противоположность позиций не была столь яркой и наглядной, как в отношении к акту эмансипации. Все буржуазные газеты, за исключением «Daily News» и «Morning Star», клеймили прокламацию, искажали ее смысл и ее цель, обливали потоком грязной лжи американскую демократию, вопили о «войне рабов». ² Буржуазия показала свое истинное лицо.

Рабочие митинги вызвали настоящий взрыв негодования правительственной прессы. «Times» и компания, — писал Маркс 21 января 1863 г., — ужасно злятся по поводу рабочих митингов в Манчестере, Шеффилде и Лондоне. Это очень хорошо, что янки получают такого рода урок. Впрочем, Опдайк (майор из Нью-Йорка и экономист) уже заявил на одном митинге в Нью-Йорке: «мы знаем, что английский рабочий класс с нами, и что правящие классы Англии против нас». ³

Одним из показателей отношения рабочих масс к США является эмиграция. Если в 1861 г. эмигрировало из Англии в США 38 000, а в 1862 г. — 48 000 чел., то в 1863 г. эмигрировало уже в три раза больше — 130 000 чел. и столько же в 1864 г. Большинство эмигрантов поступало в федеральную армию, чем воспользовалось английское правительство для создания «конфликта» с вашингтонским правительством. ⁴ Последнее даже опасалось, что столь бурный рост солидарности с Севером,

¹ «Московские Ведомости» от 19/III 1863 г. Об огромном влиянии, оказываемом английскими митингами на США, писал и Лайонс Росселю 10/III 1863 г. (Adams, op. cit., v. II, p. 113).

² Adams, op. cit., v. II, pp. 102—106. «Министерские газеты постоянно в совершенном разладе с общественным мнением», но «правительство должно было подчиниться общественному мнению о невмешательстве». Все русские газеты, за исключением реакционного органа Каткова — «Московских Ведомостей» (от 4/I 1863 г.), одобряли прокламацию. Не говоря уже о демократическом журнале «Современнику», даже «С.-Петербургские Ведомости» посвятили ей 5 января, 19 января и 26 января замечательные передовицы, в которых восторгались актом эмансипации.

³ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 122 (письмо Энгельсу).

⁴ Лайонс неоднократно протестовал против этого в Вашингтоне; завязалась длительная переписка Росселя с Адамсом, хотя федеральное правительство не могло нести за это ответственность (Parliam. Papers, 1863, Commons, v. 72, Correspond. with Adams respecting enlistment of British subjects).

В то же время Россель поощрял службу английских моряков в мятежном флоте южан.

вызвавший нарастание демократического движения за политическую реформу в Англии, которое «развилось сверх всякого ожидания», и «крайности», к которым прибегают для поддержки Севера, могут вызвать нежелательную реакцию английского правительства. «США не желают и не должны вмешиваться во внутреннюю политическую жизнь Англии».¹ В дипломатических документах, в речах Линкольна и ряда других деятелей подчеркивалось исключительно военное и моральное значение такой меры, как эмансипация негров, и совершенно избегался вопрос о демократии.²

5. Вопрос о вмешательстве и «нейтралитете»

Несмотря на свою реакционность, на возмущавшую ненависть к демократии и США, на происки друзей сецессионистов, на бешеный вопль газет, ни правительство, ни парламент, до весны по крайней мере, не могли изменить свою политику. Любое английское вмешательство неизбежно переросло бы в войну, а воевать до весны, как было указано выше, для Англии было невозможно. Общественное мнение, в особенности в связи с эмансипацией негров, стало серьезным барьером для какого бы то ни было вмешательства.

На севере США ненависть всего народа к европейским правящим классам была не менее сильна, чем та, какую питали последние к нему. Об этом как те, так и другие прекрасно знали. И вообще, ко всякому посредничеству иностранной державы народ севера относился враждебно. Лайонс 28 ноября 1862 г. сообщал, что на севере нет ни одной газеты, которая не отвергала бы иностранного вмешательства. Да и на юге начали относиться более дружелюбно к Франции, чем к Англии.³

Одним из последствий попытки французского вмешательства в ноябре 1862 г. был рост враждебности к правительствам иностранных держав, рост недовольства внешней политикой Сьюарда, не пресекавшей решительно попытки вмешательства и посредничества в целях примирения Севера с Югом. Пока статс-секретарем был «примирительный» Сьюард, у радикалов не было уверенности в том, что правительство не допустит вмешательства. Поэтому, как только открылись заседания конгресса, Стивенс предложил (4 декабря 1862 г.) четыре резолюции в палате пред-

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part I, p. 123.

² В этом смысле является наиболее показательным, например, митинг в Эдинбурге 19 февраля 1863 г.

Но даже в парламентских дебатах в марте 1863 г. вопрос о демократии, и не столько в США, сколько в Англии, занимал видное место (House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Adams to Seward 26/III 1863, p. 157).

³ Parliam. Papers, 1863, Commons, Correspond. relating to the civil war in the United States, v. 72, № 47.

ставителей. В одной из них правительство обязывалось ни в коем случае не принимать посредничества и не допускать во время происходящего мятежа «вмешательства какой-либо другой нации в наши внутренние дела». Несмотря на требования радикалов, эти резолюции долго не принимались и консервировались правительством. Только 12 февраля 1863 г., т. е. после второго провала (6 февраля) попытки вмешательства Наполеона III, вызвавшей новую волну возбуждения, Сьюард представил в сенат свой доклад. Комиссия по иностранным делам сената, председателем которой был радикал-республиканец Чарльз Сомнер, представила проект своей резолюции, в которой решительно осуждалось иностранное вмешательство в какой бы то ни было форме и указывалось, что неизменной задачей США является энергичное продолжение войны, пока мятеж не будет подавлен. Мятеж, говорилось в резолюции, поддерживается надеждой на иностранную помощь, которая оживает с каждым предложением иностранного вмешательства; «без вдохновляющей жизни поддержки этой надежды» мятеж был бы скоро подавлен. Любое предложение вмешательства является поощрением мятежа, а следовательно, способно лишь затянуть и обострить борьбу, вызвать лишнее пролитие крови и отсрочить желанный день мира... Конгресс вынужден будет рассматривать в дальнейшем всякую такую попытку [вмешательства. — М. М.], как недружелюбный акт, который он решительно отвергает...» Более того, именно потому, что мятеж был начат и поддерживается благодаря надежде на иностранную помощь, «Соединенные штаты сожалеют о том, что иностранные державы не сообщили откровенно главам мятежа, что дело, в котором они принимают участие, омерзительно и что новое правительство, которое они стремятся создать, краеугольным камнем которого должно стать рабство,... настолько оскорбительно для цивилизации и морального чувства, что оно не может ждать одобрения или признания в семье наций». ¹ В сенате эта резолюция была принята 3 марта большинством 31 голоса против 6 и в тот же день в палате представителей большинством 103 голосов против 28.

Конгресс не делал исключения ни для одного правительства, в том числе и царского. В то время как на севере народ решительно высказывался против иностранного вмешательства и с негодованием встречал подобные попытки, на юге и официальные лица и газеты взывали в отчаянии к Франции и Англии с просьбой оказать им помощь.² Только критическим положением и верой в спасительную иностранную помощь, какой бы цены

¹ House Documents (Dipl. Correspond), 1863/64, part I, pp. 87—89.

² Русские газеты почти ежедневно печатали об этом сообщения, в достоверности которых, по крайней мере части из них, царское правительство вряд ли могло сомневаться.

и каких бы жертв она ни стоила, а также отчаянной попыткой повлиять на «демократов» севера можно объяснить воззвание к «демократической» партии севера, напечатанное рабовладельческим центральным органом «Richmond Dispatch» в январе 1863 г., в котором говорилось, что «Юг предпочитает владычество Англии или Франции восстановлению союза». ¹ Джефферсон Девис в своих посланиях неоднократно жаловался на Англию и Францию, которые еще не признали Конфедерации, не прорвали блокады, т. е., просто говоря, не объявили войны Федерации, не разрушили США и не превратили последних в свою колонию. Девис признал французское владычество в Мексике, а южные дельцы готовы были расплачиваться территориями США, взамен иностранной помощи. ² Правительство даже для виду не выслало французских консулов в Ричмонде и Гальвестоне (Таруэля и Жерона), которые убеждали штат Техас отделиться от Конфедерации. ³ Мятежное правительство не скупилось на обещания предоставить все выгоды, какие только пожелают интервенты, и приветствовало *всякое примирительное предложение любого иностранного государства*. Девис даже перепечатывал статьи из европейских газет, сочувствовавших мятежникам, чтобы убедить население юга в том, что скоро будет получена помощь Европейских держав. ⁴ В послании к законодательной палате штата Миссисипи в январе 1863 г. он писал, что в ближайшее время ожидается признание Конфедерации европейскими странами. Особенно большие надежды он возлагал на Францию. «Нужно только протянуть руку для того, чтобы она была принята». ⁵ Он и протягивал усердно ей руку с обещанием щед-

¹ «Московские Ведомости» от 8/II 1863 г.

² Слайдель обещал Наполеону III Техас и часть Луизианы за признание Конфедерации. Это было разоблачено в сентябре 1863 г. См. House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64 г., Dayton to Seward 14/IX 1863, № 345, part II, p. 769—770.

³ «Московские Ведомости» от 22/I 1863 г., № 17.

В этом свете «угрозой» является постановление конгресса Конфедерации, предлагавшее Девису отозвать всех посланников Юга в других странах и выслать консулов из пределов Юга, если к 1/V Конфедерация не будет признана («Московские Ведомости» от 2/III 1863 г.). Ни к этому времени, ни после не последовало признания, а консулы, конечно, не были высланы и «послы» не были отозваны.

⁴ «С.-Петербургские Ведомости» от 24/VIII 1862 г. и др.; «Московские Ведомости» от 2/III 1863 г.; «Times» изо дня в день провозглашал непобедимость Юга; 14/I 1863 г. эта газета писала: «В настоящее время нет сомнения, что император Франции использует всякую возможность, чтобы дать почувствовать федералистам необходимость прекратить войну...

«Приговор Европы произнесен устами французского императора. Он, как политик, может быть доволен верностью своего предположения, что Юг не покорится добровольно и не может быть покорен силой». «Московские Ведомости» сочувственно перепечатали эту и другие статьи из «Times» (от 11/I 1863 г., № 8 и №№ 11, 17, 18, 19 и др.).

⁵ «Московские Ведомости» от 14/I 1863 г., № 11.

рых даров в будущем; его друзья в Европе столь же усердно, под поощрительные улыбки правительств, раскрывали ему свои объятия, даря броненосные суда, пушки, «займы» и пр., но признания Конфедерации все же не последовало. В этом менее всего были повинны европейские правительства, которые делали все для победы Юга или, по крайней мере, для примирения Севера с Югом, чтобы предупредить восстановление Союза, но политическая ситуация не допускала реализации их стремлений.

Газеты в январе и феврале были полны слухов и сообщений о готовящемся иностранном посредничестве и о новых попытках примирения Севера с Югом, из которых многие соответствовали действительности. Не только почти все английские, французские и ряд немецких газет требовали посредничества, но даже реакционная газета Каткова «Московские Ведомости» впервые в России провозгласила право Европы вмешаться в американские дела.¹

Девис подбадривал мятежников и поддерживал мятеж надеждой на получение в скором времени помощи иностранных держав, основываясь не на одних только газетных сообщениях и заявлениях.

Слайдель 23 января 1863 г. сообщал ему из Парижа о беседе с Персиньи, передавшем ему содержание депеши, посланной 9 января в Вашингтон Мерсье. Она была опубликована в конце января в печати.² Было известно, что Наполеон настаивает на прекращении военных действий и предлагает, в крайнем случае, начать переговоры между воюющими сторонами и без перемирия. Персиньи заверил Слайделя в том, что если Линкольн откажется действовать в соответствии со сделанными ему предложениями, то признание Конфедерации последует немедленно.³ Через своего «друга» из Foreign Office Слайдель узнал 10 февраля, что «в то время, как *Сьюард настроен в пользу перемирия, Линкольн полон решимости продолжать войну во что бы то ни стало*» и что вашингтонский посол Дейтон, который не возражал и оставался пассивным, когда ему прочли инструкции, данные Мерсье, вдруг начал усиленно протестовать против французского вмешательства.⁴ Этому заявлению Персиньи придавалось большое значение. Помощь Наполеона III и его инициатива в признании Конфедерации были главной надеждой мятежников. Слайдель обратился именно к Наполеону III с просьбой о сепаратном признании Конфедерации.⁵ Это имело место 8 января, а на

¹ «Московские Ведомости» от 31/I 1863 г., № 25 и от 23/I, № 18.

² Там же, от 23/I 1863 г., № 18.

³ ANR, v. XXVI, № 2, p. 267. В России знали и об этом. См. «Московские Ведомости» от 27/I 1863 г.

⁴ Ibid., p. 268.

⁵ Rhodes, op. cit., v. IV, p. 348; Adams, op. cit., v. II, p. 75.

следующий день Наполеон III послал инструкции Мерсье с предложением посредничества. Какие же нужны были еще доказательства его сочувствия мятежу?

К этому времени выяснилась безуспешность попытки бельгийского короля Леопольда через королеву Викторию изменить английскую политику. Английское правительство декларировало неизменность своей политики «нейтралитета», которая и была лишь фиговым листком, прикрывавшим действительную помощь Югу. Правительство, как и пресса, в соответствии с интересами южан, предполагало, что инициатива посредничества должна принадлежать Наполеону III, и приветствовало его предложения о вмешательстве, но до поры до времени (точнее до весны) без участия Англии, ибо для вмешательства момент был крайне неблагоприятный. Это участие не столько помогло бы Югу, сколько, наоборот, повредило бы и ему и правящим классам Европы.

Если попытка вмешательства Франции, считавшейся на севере США более дружественной им (вернее, не столь ненавидимой), чем Англия, в ноябре 1862 г. вызвала столь сильную реакцию Севера против иностранных держав и способствовала росту возбуждения народа, направленного на быстрое революционное подавление мятежа, то английское вмешательство, разумеется, привело бы к еще большему негодованию народа и вызвало бы усиление революционных мер для разгрома мятежа. Поддержать же свое предложение объявлением войны Англия не могла. К тому же демократическое движение, связанное с актом эмансипации негров, без всякого сомнения, приняло бы угрожающие для буржуазии формы. Именно этим объясняется поведение Англии.

Лайонс воздержался от определенного ответа Мерсье, который в беседе с ним 27 января предлагал совместное посредничество для того, чтобы «поддержать франко-английское согласие («harmony»), и заявил, что в случае отклонения Лайонсом предложения о посредничестве он будет просить правительство дать ему полномочия действовать одному.¹ Россель с согласия Пальмерстона и королевы Виктории ответил Лайонсу, поощряя самостоятельное выступление Франции,² что нужно обойтись без

¹ Adams, op. cit., Lyons to Russell 27/I 1863, v. II, p. 75. Мерсье беседовал и со Стеклем, которому также предлагал совместное посредничество. Последний даже имел беседу с Лайонсом 2/II по этому вопросу.

² Ibid., pp. 75—76. Россель в ответе на запрос Лайонса писал 14/II 1863 г. (№ 86), что «правительство ее величества не желает вмешиваться в настоящее время каким бы то ни было путем в гражданскую войну». Но «если Франция предложит посредничество, правительство ее величества не будет чувствовать ревности или отвращения (would feel no jealousy or repugnance) к такому действию, в котором Франция играет роль одна». (На письме пометка: «Seen by Lord Palmerston and the Queen.»)

английского вмешательства. Во время дебатов по американскому вопросу в парламенте 5 февраля почти все высказались против вмешательства и за поддержку политики «нейтралитета». Даже лидеры консерваторов Дерби и Дизраэли, искавшие повод для свержения кабинета, высказывались против посредничества и одобряли правительственную политику.¹ И правительству и парламентариям приходилось считаться с прокламацией Линкольна об освобождении негров и нарастающим демократическим движением внутри страны, что ясно показали прения. Даже 23 марта, когда друг южан лорд Кемпбелл напал в палате лордов на правительство за то, что оно не поддержало в феврале предложения Наполеона III, Россель ответил, что *«время еще не пришло»*, Север побеждает и признание Юга рассматривалось бы как недружелюбный акт.² Но когда лорд Кемпбелл мотивировал свое требование признания Конфедерации тем, что *«покорение Юга невозможно, а Англия имеет прямой интерес в признании Юга (исход кризиса и безопасность Канады)»* — он лишь повторил то, что Россель, еще защищавший «нейтралитет и мир по свободному побуждению сторон», заявил значительно раньше и резче: *«Покорение Юга северянами было бы величайшим бедствием»*.³ Но даже такой сторонник сепсессионистов, как Грегори, писал Месону 18 марта, что «палата общин в настоящее время не предпримет ни одного шага и предпринимать какие-либо меры в пользу Юга бесполезно».⁴

Это был период (ноябрь 1862 г. — март 1863 г.), когда под покровительством правительства, всюду подчеркивавшего политику «нейтралитета» и невмешательства, шла деятельная подготовка к интервенции и принимались меры к ускорению «благоприятного момента» для вмешательства. Главное внимание было обращено на вооружение Юга и подготовку последним нового «мерилендского похода». Крупная победа Юга должна была заставить Север согласиться на иностранное вмешательство, а в случае несогласия Англия признала бы Конфедерацию и при необходимости поддержала бы ее военными действиями. Для этого нужен был повод. Правительство искало и само провоцировало *casus belli*. По преуменьшенным данным газеты «La France» от 29 декабря 1862 г., «несмотря на блокаду, из южных штатов было вывезено 130 000 кип хлопка в среднем по 500 фунтов в кипе на сумму в 6 млн. ф. стерл.». С января 1863 г. нарушение блокады — вывоз хлопка и ввоз оружия — зна-

¹ Hansard's Parl. Debates, 3 ser., v. 169, pp. 5—53, 69—152.

² Ibid., pp. 1714—1741.

³ Дебаты в парламенте, как и все заявления политических деятелей, подробно освещались русской прессой. См. «Московские ведомости» от 17/III 1863 г., «С.-Петербургские Ведомости» от 1/V 1863 г. и др.

⁴ Adams, op. cit., v. II, p. 155.

чительно усилилось и приняло угрожающие размеры. Даже московский купец нанял в Англии пароход, на котором отправился к южанам с грузом оружия и удачно возвратился с хлопком.¹

Протесты вашингтонского правительства против нарушения блокады оставались без ответа. Английское правительство оттягивало ответ до весны, чтобы потом, 19 мая 1863 г., можно было смело заявить устами Пальмерстона в палате общин: «Я не думаю, чтобы в снабжении военными припасами заключалось нарушение нейтральных обязанностей». ² Пальмерстон не мог не знать, что нарушение блокады может спровоцировать войну.

На английских верфях строились броненосные суда для южан. Эти суда, в особенности «Алабама», наносили миллионные убытки США. 8 марта Нью-Йоркская торговая палата протестовала против пиратских действий «Алабамы». На севере настолько усилилась агитация против Англии, что к ней присоединились и северные «демократы», решившие использовать это движение для примирения с Югом, якобы, с целью борьбы против Англии. «N. Y. Herald», «N. Y. Times» и другие органы биржевиков и северных «демократов» разжигали ненависть против Англии, чтобы отвлечь внимание от мятежа и добиться примирения с Югом.³

Сюард 9 марта предложил Адамсу вежливо заявить в Лондоне протест против сооружения кораблей, предназначенных для разрушения торговли США и добиться приостановления постройки судов на основе закона о нейтралитете Англии.⁴ Протест Адамса 26 марта совпал с прениями в парламенте о нейтралитете. Сторонники южан, ободренные фактическим нарушением нейтралитета Наполеоном III, требовали открытого нарушения нейтралитета со стороны Англии, т. е. вмешательства с признанием Конфедерации. Еще 11 февраля лорд-мэр Лондона дал обед в честь Месона — агента мятежников, на котором были провозглашены тосты за союз между Англией и южной конфедерацией и за отказ от нейтралитета.⁵ Подобную агитацию вел и основанный в январе в Лондоне прорабовладельческий орган друзей сепаратистов «Index». Подобную же агитацию вела и «официозная, пальмерстоновская пресса».⁶

¹ «Московские Ведомости» от 16/II 1863 г. (передовая); «С.-Петербургские Ведомости» от 22/XII 1862 г.

² Hansard's Parl. Debates, 3 ser., v. 170, p. 1957. См. «Московские Ведомости» от 15/V 1863 г.

³ «New York Herald», 1863, v. XXVII (ed. for Europe), № 8, 25/II; № 15, 16/IV и др. (особенно в июле и августе 1863 г.).

⁴ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part I, p. 141.

⁵ «С.-Петербургские Ведомости» от 31/I 1863 г.

⁶ «Московские Ведомости» от 7/IV 1863 г.

Общие и специальные рабочие митинги требовали в связи с делом «Алабамы» строгого, действительного проведения нейтралитета и запрещения постройки пиратских судов. В разгар прений, 26 марта, состоялся многолюдный митинг в Сент-Джемс-Холл для воздействия на парламент и правительство, в защиту Севера.

В палате общин выступили Форстер, требовавший от правительства прекращения вооружения Юга, и Брайт, критиковавший правительство за «холодный» и «недружественный» нейтралитет к Северу». ¹ Адамс 24 марта сообщал, что речи в парламенте были самыми удовлетворительными из всех, которые были произнесены с тех пор, как он в Лондоне. ² 27-го, после митинга в Сент-Джемс-Холл, он писал, что «при нынешнем благоприятном состоянии общественного мнения не может уже произойти то, что английское правительство могло сделать в связи с делом «Трента». ³

Но 27-го в парламенте уже сильнее звучал голос сторонников южан. ⁴ В ответ на это вечером 27-го состоялись еще 2 митинга рабочих вместе с буржуазными радикалами. Для правительства и для парламента, как правильно писал Адамс, это был «критический день». ⁵

Правительство и парламент провозгласили неизменность политики «нейтралитета», но, как разъяснил Россель, правительство не может преследовать нарушение блокады, так как Англия нейтральная страна. Адамс был разочарован дебатами в парламенте 27 марта и пессимистически смотрел на будущее. ⁶ Угроза войны лишь временно была снята благодаря выступлению рабочего класса. И Брайт писал Сомнеру 4 апреля, что речи в парламенте в значительной степени были направлены против демократии в целом и против Севера в частности. ⁷ Пальмерстоновский «Morning Post» вопрошал в начале апреля: «Не пора ли приступить к уничтожению блокады?». Нужен был только повод для изменения политики, который не замедлил появиться в связи с захватом ряда английских кораблей военным флотом США. Но на сцену выступил польский вопрос, причудливо переплетающийся с американским, что создало новую ситуацию. В то же время Наполеон III, в связи с отклонением 6 февраля федеральным правительством его предложения, ⁸ проводил поли-

¹ Hansard's Parl. Debates, 3 ser, v. 170, pp. 33—41.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part I, p. 157.

³ Ibid., p. 160.

⁴ Hansard's Parl. Debates, 3 ser, v. 170, pp. 53—71.

⁵ Adams, op. cit., v. II, p. 128.

⁶ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Adams to Seward 28/III 1863, part I, p. 164.

⁷ Rhodes, op. cit., v. IV, p. 369.

⁸ Официальный отчет Сьюарда был получен в Париже 20/II. Официаль-

тику поощрения мятежа не столько дипломатическими путями, сколько вооружением южан. «Мы можем здесь не только построить суда, но и вооружить и оборудовать их», — писал Слайдель Месону 23 февраля 1863 г.¹ Полуофициальное разрешение строить военные корабли для Юга во французских портах было быстро реализовано на английские, немецкие и французские деньги. У Конфедерации, как выше было указано, финансовая система была полностью расстроена. Но ее спасли «европейские друзья».

28 января 1863 г. в Ричмонде был подписан договор на 7-процентный «хлопковый заем» на сумму в 3 млн. долларов под обеспечение хлопка. Поспешно 29 января конгресс конфедерации тайно утвердил соглашение. Последнее было заключено с германской фирмой (во Франкфурте) Erlanger und K^o, но фактически заем находился в руках английских банкиров. 19 марта в Лондоне, Париже, Франкфурте, Ливерпуле и Амстердаме началась реализация займа. «Шансы на спекуляцию, симпатии к Югу и вера в его конечный успех, — писал Дейтон Сьюарду, — явно обеспечат распространение этого займа». Хотя заем в основном предоставлен во Франкфурте в Германии, «но доверие к нему основывается, несомненно, главным образом на Ливерпуле, Лондоне и Манчестере».²

Этот заем имел не только финансовое и экономическое значение, но и политическое. Слайдель писал 21 марта Бенъямину, что «это финансовое признание нашей независимости со стороны класса, общеизвестного своей осторожностью и менее всего дающего деньги под влиянием чувств или симпатий».³

Наполеон III был занят выборами в законодательный корпус, которые должны были состояться в конце мая. Тяжело было положение и в Мексике, завоевание которой оказалось не столь легким, как ему казалось. Финансовое положение Франции было критическим. В стране росло недовольство. Польский вопрос оказался для Наполеона III более, чем для Пальмерстона, удачно подвернувшимся событием, на котором можно было нажать политический «капитал», ничего не теряя, и поднять утерянный престиж.

ные известия о переговорах и ответ Сьюарда были опубликованы 27/II в «Moniteur».

В русских газетах этот ответ был опубликован 21/II (ст. ст.). Известие об отказе было известно еще в середине февраля.

¹ AHR, v. XXVI, № 2, p. 268.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Dayton to Seward 20/III 1863, № 289, part I, p. 719.

Дейтон считал, что заем дан в Англии, и лишь использовано имя Эрлангера (Ibid., № 293, p. 723).

³ Richardson, op. cit., v. II, p. 457; Adams, op. cit., v. II, p. 161.

Как и Пальмерстон, Наполеон III спекулировал, играя на польском вопросе, чтобы отвлечь общественное внимание от внутренних вопросов, от мексиканской авантюры, от американских дел.

«Пока затруднения с Польшей не улажены, — писал Слайдель, — нельзя надеяться, чтобы что-нибудь было сделано по отношению к нам».¹

И Дейтон сообщал Сьюарду, что «польское восстание на данный период времени отвлекло внимание от американских дел. Потрясения на континенте, особенно в центральной Европе, так близки и затрагивают интересы столь многих коронованных правителей, что отдаленные события выпадают из поля зрения до тех пор, пока не улажены эти более безотлагательные затруднения».² Когда 26 марта Дейтон сообщил Друзен де Люису резолюцию конгресса относительно вмешательства в американские дела, то министр иностранных дел отказался с ним по этому поводу даже говорить и обещал сообщить ответ через Мерсье. «Его голова занята, кажется, Польшей и связанными с ней осложнениями. Он избегал намеренно, как мне кажется, разговора о наших делах»,³ — писал Дейтон.

6. Примирительная политика царской дипломатии

Царское правительство в Петербурге, как и Стебль в Вашингтоне, было достаточно осведомлено о внутреннем и международном положении Севера и Юга, о внутренней и внешней политике федерального правительства, о внешней политике западноевропейских держав и в значительной степени о стремлениях мятежников.⁴ И если в своих прогнозах и анализе ситуации царские дипломаты часто ошибались, то это было не результатом недостатка информации, а скорее результатом неверия в возможность влияния народных масс на политику, стремления видеть и принимать желаемое за действительность. Царское правительство, как было выше показано, желало примирения Севера с Югом, спасения последнего и отрицательно относилось к проведению радикальных мероприятий, в частности к акту эмансипации, поскольку он обострял борьбу между Севером

¹ AHR, Slidell to Mason 15/III 1863, v. XXVI, № 2, p. 269.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Dayton to Seward 23/II, № 276, part II, p. 713.

³ Ibid., № 292, p. 722.

⁴ Радикальные элементы в Европе и в США не рассчитывали на дружественную позицию царской России и предполагали возможность ее вмешательства.

Между прочим, редактор лондонской «Free Press» уркартист и радикал Ч. Коллет 15/I 1863 г. запросил мнение Маркса о позиции России (см. «Даты жизни и деятельности К. Маркса», стр. 209). Маркс или не ответил, или его ответ затерялся.

и Югом. Оно пыталось оказывать влияние в этом направлении на политику вашингтонского правительства, насколько последнее считалось с его мнением. Никогда, ни до, ни после этого периода, не было так сильно у царского правительства желание примирить Север с Югом, не было столь решительного, упорного давления его, насколько это было возможно, в целях изменения проводимой Севером политики и стремления предупредить реализацию некоторых мероприятий, — как именно с момента перехода Севера к решительным методам ведения войны и принятия актов эмансипации, в особенности с января 1863 г. В отличие от английских и французских дипломатов делалось это с дипломатическим тактом, осторожно, так чтобы не обидеть ни Севера, ни Юга. Политика царского правительства определялась также и тем, что оно не вполне верило, по крайней мере до января 1863 г., в возможность реализации революционных мероприятий, в особенности акта эмансипации.

Если не возникновению, то укреплению этих взглядов, как и ошибочного предположения, что акт эмансипации не имеет большого значения и, возможно, не будет реализован, способствовали сами американские дипломаты, особенно Сьюард своими заявлениями и недомолвками.

В ноябре 1862 г., после первой прокламации Линкольна, Стебль в беседе с Сьюардом выразил сожаление по поводу акта об освобождении негров, так как этим, якобы, воздвигнут «новый барьер на пути к примирению между Югом и Севером, которое было всегдашней мечтой России». ¹ На ответ Сьюарда, что в этом отношении осуществление прокламации вряд ли принесет много изменений, Стебль заметил: «Тогда эта прокламация должна рассматриваться только как пустая угроза». ² Сьюард оставил это замечание без ответа.

Мнение Стебля разделяли в Вашингтоне многие члены дипломатического корпуса, который не очень-то дружелюбно принял прокламацию. ³ Лайонс не думал, чтобы прокламация Линкольна или угрозы Девиса о возмездии были бы проведены в жизнь. ⁴ Тем не менее, французское правительство мотивировало свое предложение об объединенном вмешательстве в октябре 1862 г. именно тем, что опасность «войны рабов» в результате прокламации есть достаточная причина для европейского вмешательства. ⁵

¹ АВП, МИД, канц., дело № 152, Стебль—Горчакову 19/XI (1/XII) 1862 г., № 82 (2171), лл. 435—437.

² Там же.

³ Lutz, *op. cit.*, S. 38; Annual Report..., p. 38 (особенно сильно недоволен был Шлейден).

⁴ Adams, *op. cit.*, Lyons to Russell 30/XII 1862, v. II, p. 107. Россель рассматривал прокламацию от 1/I как военное мероприятие очень сомнительного свойства (*questionable kind*); Rhodes, *op. cit.*, v. IV, p. 357.

⁵ Documents Diplomatiques, 1862, p. 142.

Эту же мысль, рассматривавшую восстание рабов как неизбежное следствие прокламаций Линкольна, развивал и Стекль сразу же после того, как она вошла в силу с 1 января 1863 г. Он не видел никакой пользы в мероприятиях, подобных акту эмансипации. Если бы акт этот имел всеобщее применение, то это было бы величайшим триумфом свободы личности. Но так как он не имел всеобщего применения (акт распространялся только на территории мятежников, а там он не имел силы, пока мятеж не был подавлен), то его опубликование может только вызвать войну рабов на юге.¹

Сюард не только по своим общим политическим воззрениям, но и из-за опасения, что прокламация и возможность восстания рабов может быть использована европейскими державами как повод для вмешательства, боялся прокламации. И как руководитель иностранной политики он принимал все меры, чтобы умалить значение прокламации, и подчеркивал, что она не только не исключает, но именно предусматривает примирение, что она представляет своего рода призыв к рабовладельцам.

Сообщая Тейлору, что Бруннов и Стекль, как и Горчаков, внушали мысль о примирении с Югом, Сюард просил заверить русское правительство, что оно «может ни на минуту не сомневаться в том, что президент будет приветствовать любой момент, когда можно будет сделать мирное предложение, способное прекратить борьбу». Он утверждал, что это время не за горами. Что бы ни говорили вожди мятежников о своей решительности, массы, ими представляемые, не смогут долго сопротивляться без непосредственной иностранной помощи. Прямая иностранная помощь невозможна, и не только потому, что правительство США против нее сильно возражает. Ни одно государство самостоятельно не решится напасть на США, «против же всякого союза для таких целей говорят и разум, и природа, и соображения выгоды, и моральный долг». Дружеские народы, внушал ему Сюард, заинтересованы в успехе США и «не должны быть разочарованы».²

Но Горчаков далеко не был очарован успехами Севера; наоборот, он еще продолжал не видеть их и после побед, и после представления ему посланий президента, отчетов министров и других документов и депеш. «Даже после битвы при Анти-

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Стекль—Горчакову 24/XII 1862 г. (5/I 1863 г.), № 96, лл. 56—57.

Даже в конце года он писал, что рабство в центральных и пограничных штатах умерло, а на юге его форма должна быть изменена, если оно выживет (Ibid., 22/XI (4/XII) 1863 г., № 74, лл. 340—354).

У Стекля была еще некоторая надежда, что рабство сохранится, только форма его изменится.

² House Documents, 1862/63, Seward to Taylor 22/XI 1862 г., № 5, part I, pp. 465—466.

таме князь Горчаков сообщил мне, — писал Тейлор, — что неблагоприятно говорить об окончательном успехе, пока армия Ли находится на Потомаке». ¹

Горчаков пытается внушить правительству США мысль о примирении с Югом и стремится выяснить характер прокламации. В этом смысле весьма показательной является беседа Горчакова с Тейлором 13 (1) декабря 1862 г., которая дает столь четкое представление о политике двух правительств и столь характерна для данного периода, что позволительно картину беседы воспроизвести полнее.

Горчаков, внимательно выслушав отрывки из письма Адамса Тейлору об английской политике, вновь заговорил об американских делах и спросил, «нельзя ли заключить соглашение, которое положило бы конец войне».

Тейлор ответил, что, пока явной целью мятежников является разделение Союза, федеральное правительство не может сделать ни шагу в направлении соглашения. Затем он задал контрвопрос Горчакову: «Неужели Россия приветствовала бы немедленный мир ценой отделения?»

«Нет», — ответил князь после некоторой паузы. «Но какие условия приняло бы федеральное правительство?»

«Безусловное подчинение авторитету конституции. Большого мы не потребуем, на меньшее мы не пойдем», — ответил Тейлор.

«Удовлетворится ли этим ваш народ? Согласится ли правительство приостановить освобождение рабов при одном лишь признании южанами авторитета федерации?» спросил князь.

Тейлор заверил его, что только сохранение Союза является великим и жизненным вопросом, которого правительство США придерживается. Он обстоятельно объяснил, что акт эмансипации негров был задуман лишь как средство защиты жизни нации и принятие его или отказ от него зависит от самих мятежников. Они знают, что этот акт будет отвергнут со всеми вытекающими из него последствиями, если только они выразят желание сложить оружие и довериться великодушию федерального правительства. Последнее не делает им формальных предложений потому, что это незачем делать. «Дверь для их возвращения открыта в любое время».

Очевидно, Горчаков опасался, что если война примет революционный характер, то вследствие этого предложение о сдаче мятежников, предусматривающее сохранение рабства в тех штатах, где оно существует, не будет принято федеральным правительством. Но Тейлор приложил все старания, чтобы пере-

¹ Ibid., 1863/64, Taylor to Seward 31/XII 1862, № 24, part II, p 85 3.

убедить Горчакова. «Я надеюсь, — писал он, — что мне удалось выбить эту мысль из его головы». ¹

Заверения Тейлора, как ему казалось, должны были дать величайшее удовлетворение князю. «Его тон стал более мягким и многообещающим». А утверждение, непрерывно повторяемое Тейлором, об улучшении положения Севера и его дел, по его мнению, произвело желаемое действие.

Горчаков, напротив, не переставал внушать Тейлору, что ни о каком успехе Севера нельзя говорить, пока армия Ли стоит на Потомаке. ² Этого мнения придерживались император и его дипломаты, в особенности после незначительного поражения федеральной армии Бернсайда при Фредериксбурге. ³ Более того, победы северной армии в январе 1863 г. под Висксбургом и Мурфридборо не привели в восторг Горчакова, поскольку эти успехи не совпадали с его видами на быстрое примирение с Югом, и тем отдалялась возможность посредничества между ними. Когда Тейлор конфиденциально передал ему материалы о силе и ресурсах США, со всей очевидностью доказывающие преимущество Севера над Югом и бесспорную возможность разгрома последнего, и сообщил о победах федеральной армии, князь воскликнул: «Я буду больше рад, когда вы перестанете показывать мне лавры. Они всегда смочены в крови: вот когда у вас найдется оливковая ветвь, принесите мне ее немедленно». ⁴

Горчаков, как и Стебль в Вашингтоне, выражал сожаление по поводу «неистовства партийных разногласий», в особенности в лойяльных штатах. В беседе с Тейлором 21 января он особенно подчеркнул свое сожаление по поводу «предпринятой недавно прямой атаки на кабинет». ⁵ Имелось в виду прежде всего тре-

¹ House Documents,] 1863/64, Taylor to Seward 17/XII 1862, № 22, part II, pp. 848—849.

² Ibid., Taylor to Seward 31/XII 1862, № 24, part II, p. 853.

³ Ibid., № 27, p. 857.

Сам Александр II заявил это Тейлору 15/I 1863 г. на балу в царском дворце. См. также АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Стебль—Горчакову 10(22)XII 1862 г., № 92.

⁴ Ibid., 1863/64, Taylor to Seward 21/I 1863, part II, p. 856.

Горчаков готов был даже принять сообщение Тейлора о мероприятиях Банкса в Н. Орлеане (Банкс заставлял негров работать у бывших рабовладельцев и стремился к примирению с последними), как «листок с древа мира». Кстати, после этого места следует длинный пропуск в опубликованной конгрессом депеше.

⁵ Ibid., p. 857.

Это полностью совпадало с взглядами всех европейских правительств. Лайонс писал 22/XII 1862 г. Росселю по поводу положения кабинета, что он был бы очень озабочен, если бы дело закончилось отставкой Сьюарда. Вряд ли можно было ожидать замены его человеком, расположенным более миролюбиво и умеренно, чем он. Россель в письме к Лайонсу 3/I 1863 г. выразил радость по поводу того, что Сьюард остался (Adams, op. cit., v. II, p. 72). Такова была радость и всего дипломатического корпуса. См. Annual

бование отставки Сьюарда.¹ Всякая перемена в кабинете, которая отразилась бы на изменении направления иностранной политики, была бы «встречена с сожалением при этом дворе», как утверждал Тейлор.² Но, вероятнее всего, там сожалели бы о переменах в кабинете, связанных не столько с изменениями во внешней, сколько во внутренней политике, поскольку Сьюард был известен как умеренный республиканец, ненавидимый радикалами. Перемены же в кабинете привели бы к резкому его полевению. Но и урегулирование правительственного кризиса путем сохранения всех старых членов кабинета, как мы видели выше, тем не менее заставило последний принять более решительную политику.

Тейлор, и на этот раз «верный своей дипломатии», заверил Горчакова, что в настоящее время их (т. е. партийные распри и атаку на кабинет) следует осудить, но они не могут явиться серьезной помехой политике правительства. Кабинет, насколько он был осведомлен, стал сильнее, чем был до нападения, и, может быть, именно в результате его.³

Старый князь, маститый дипломат, конечно сожалел бы об отставке Сьюарда, видного старого республиканского деятеля, умеренного политика; он был доволен даже Тейлором, — точной копией Сьюарда в Петербурге, — еще сравнительно молодым дипломатом, не лишенным ума и способностей, весьма осторожным и умеренным, неожиданно оказавшимся поверенным в делах в одной из крупнейших стран. Тейлор поэтому старательно заискивал и выслуживался и, подражая своему начальству, старался превзойти его своей умеренностью, чем были довольны и Сьюард, и правительство, при котором он был аккредитован. Горчаков, беседуя с Тейлором еще 17 декабря, выразил свое удовлетворение им. *«Пока вы и я действуем от наших прави-*

Report of the Amer. Hist. Association for the year 1915, p. 215. О том же писал Шлейден (Lutz, op. cit., Berichte 1863, № 3, S. 37).

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Стекло—Горчакову 29/1 (10/II) 1863 г., л. 92.

Между прочим, по сообщению Стекла, в середине декабря 1862 г. (по донесению Шлейдена, вероятно, 17/XII), Сьюард информировал его и Мерсье, что он разделался с правительством, с «радикальной бандой» в конгрессе и подал в отставку, а через несколько дней едет домой. Стекло на этом основании поспешил выразить сожаление и попрощаться. Но каково было его удивление, когда через несколько дней Сьюард стал уверять его, что все это ошибка и что он продолжает работать статс-секретарем. Стекло был приятно изумлен и в своем донесении иллюстрировал этим фактом неустойчивость положения и непостоянство характера Сьюарда, что подрывало доверие и уважение к нему и заставляло не придавать особого значения его заявлениям (АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, 29/1 (10/II) 1863 г., № 5; АНР., v. 26, № 3, p. 459).

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Taylor to Seward 21/I 1863, part II, № 27, p. 857.

³ Ibid.

тельств», — сказал Горчаков, — не будет никаких недоразумений». ¹ Тейлор отнес, видно, этот комплимент полностью на свой счет, выделив это в отчете в отдельный абзац, и принял это как свою дипломатическую заслугу. Сеем думать, однако, что в значительной степени это должно быть отнесено на счет Сьюарда, политику которого проводил Тейлор и который одобрял все, что предпринимал последний, даже если это делалось без его разрешения. Это знал Горчаков, ибо он прочитывал ему почти все депеши Сьюарда. Но Горчаков мог быть доволен и лично Тейлором. Последний, как и Сьюард, искал в аналогиях и сопоставлениях внутренней жизни и реформ США и России доказательство и обоснование «взаимного доброжелательства и внимания к взглядам императорского правительства», — как сформулировал взаимоотношения между ними Сьюард в своем письме от 22 ноября, после прочтения которого Тейлором, Горчаков и высказал уверенность и свое одобрение. ²

Тейлор постоянно писал в Вашингтон в весьма хвалебном тоне о внутреннем положении России, об Александре II и его правительстве. Он восхищался либеральными реформами Александра II, в особенности освобождением крепостных и судебной реформой, которую он считал более похожей на английскую и американскую, чем на континентальную. Он, не затрудняя себя анализом действительного положения дел, утверждал, что по всеобщему мнению реформы «сделали революцию невозможной», возбудили «чувства мира» и создали «безопасность»

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Taylor to Seward 21/1 1863, № 27, part II, p. 849.

² Ibid., Seward to Taylor 23/1 1863, № 15, part II, p. 857 и др.

Но было одно «недоразумение». Тейлор в конце ноября 1862 г. (28/XI за № 21 он сообщил об этом Сьюарду) послал Горчакову частную неофициальную ноту, в которой, видимо, дал понять, что федеральное правительство против переговоров иностранных государств о вмешательстве в американские дела (к сожалению, эта депеша не опубликована конгрессом). Сьюард лишь 18/II 1863 г., т. е. через два с лишним месяца, ответил Тейлору, что «этот шаг не гармонировал с чувствами» правительства. Последнее не желает «вести дискуссию с Францией, Россией и Великобританией по поводу дипломатической переписки об американских делах, которая без совещания с США протекала между этими уважаемыми державами по инициативе императора Франции» (это относилось и к январским переговорам).

«Однако этот шаг был сделан вами, когда вы не знали о курсе, какой правительство решило избрать».

«Ввиду этого президент рад не только освободить вас от порицания за этот поступок, но даже рассматривать все это дело с удовлетворением. Ваше разъяснение было умелым и своевременным и явно дало хорошие результаты». Тем не менее, он предлагал срочно довести до сведения Горчакова о том, что Тейлор послал ноту без ведома своего правительства и не будучи осведомлен о принятом правительством курсе (Ibid., p. 860—861). Именно в этот период вашингтонским правительством было принято решение о назначении послом в Петербурге вновь Клея.

всех классов», — от дворян, буржуазии и торговцев до рабочих и крестьян включительно.¹

Сюард не оставался в долгу. Он именно 22 и 24 ноября, т. е. в момент обострения внутреннего и международного положения в связи с наступающим введением в силу акта эмансипации, уполномочил Тейлора поздравить Горчакова с знаменательными событиями — реформами. Сюард рассматривал их как социальные реформы, «сразу поднимающие русский народ до уровня свободных людей и рассчитанные на одобрение всего человечества. Они дают России все преимущества революции без ее отрицательных сторон».

Следовательно, внутренних различий между США и Россией уже больше нет, пути их развития одни и те же и взаимоотношения естественны. Вот как это обосновывал Сюард: «Конституционные государства, считавшие до сих пор, что дружбе России и США недостает основания в общих принципах и чувствах, должны отныне признать, что наши отношения столь же естественны, сколь и благотворны для обоих государств по своим результатам».² Отсюда «взаимное доброжелательство и внимание к взглядам императорского правительства».³ Главной считалась судебная реформа.

Горчаков выразил удовлетворение, когда в беседе с ним 17 декабря Тейлор передал от имени правительства США искреннее поздравление по поводу новой благотельной судебной реформы. Отвечая в духе Сюарда, он не упускает случая показать американцам, как надо действовать. «Мы шагнули от одной мирной революции к другой, и я горячо желаю, чтобы ваша революция была осуществлена так же».⁴

Как ни соответствовала взглядам и желаниям самого Сюарда примирительная политика, но она была противоположна народным настроениям, под влиянием которых, как было показано, правительство должно было, пережив кризис, перейти именно к радикальным методам.

Все представители за границей, в частности из Петербурга, сообщали, что правительства считают положение в США критическим, а федеральное правительство слабым.⁵ Сюард сам слышал об этом постоянно и от дипломатического корпуса в це-

¹ Ibid., 1862/63, Taylor to Seward 25/X 1862, № 5, part I, p. 460.

² Ibid., Seward to Taylor 24/XI, № 6, part I, p. 467.

Трудно решить, было ли это лишь дипломатическим комплиментом, рассчитанным на политический эффект или в какой-то мере также искренним выражением чувств. Но дело не в этом. Важно, что это было элементом взаимоотношений двух держав, в какой-то степени имевшим весьма незначительный положительный результат.

³ Ibid., 1863/64, Seward to Taylor 22/XI, № 5, part II, p. 849.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., part II, p. 855.

лом, и в частности от Стекла, который был уверен, что каким бы ни был исход, старому Союзу пришел конец и разрыв между Севером и Югом неизбежен. Утверждая до конца 1863 г., что «конца столкновения еще не видно» и «завоевание Юга под вопросом», Стекло считал, а при случае советовал, что самое лучшее для Севера подчиниться необходимости и примириться с политической независимостью Юга, заключив с последним торговый союз, нечто в роде Zollverein'a, причем современем обе части могли бы вновь соединиться.¹ Основанием для этого было не столько положение на фронтах, которое для Севера как раз значительно улучшалось, сколько затяжной характер войны, партийные разногласия и опасение революции.

Агенты Конфедерации проявляли за границей большую активность. В Петербурге в середине декабря 1862 г. распространился слух о скором прибытии агента Конфедерации Маури.² В январе Бенъямин, статс-секретарь Конфедерации, послал уже инструкцию своему агенту в Петербург — Ламару, которого там еще не было.³ У США были все основания опасаться нового вмешательства.

Сюард в декабре 1862 г. сообщил Тейлору, что с начала гражданской войны не было еще более благоприятной обстановки, доказывавшей силу Федерации, чем сейчас, а поэтому *президент не примет иностранного посредничества*. Он понимал «соблазн, какой представляют для иностранных держав партийные разногласия...», но «такой соблазн представляет всякая гражданская война». Сюард считал, что с Россией обстоит дело просто. Он ожидал, что страна, располагающая «нашей дружбой в любом случае», «предоставит нам вести дела так, как мы это находим нужным». ⁴ Тем не менее он предложил Тейлору выяснить более определенно позицию России.

Горчаков в беседе с Тейлором 21 января 1863 г. просил передать его правительству, что политика России по отношению к США установлена и не изменится под влиянием какой-либо другой державы. «*Нам весьма желательно*, как вам известно, прекращение вашей злосчастной борьбы», — заявил князь. «Мы горячо надеемся на сохранение Союза, но в то же время не питаем вражды к южанам, и мы охотно предложим наши услуги обеим сторонам, если эти услуги будут приняты и той и другой, но не раньше». ⁵

¹ Особенно ярко это выражено и обобщено в депеше от 29/I (10/II) 1863 г. (АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, 29/I (10/II) 1863 г., № 5, л. 92).

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, p. 849.

³ Ibid., pp. 861—864.

⁴ Ibid., Seward to Taylor 23/XII 1862, № 10, part II, pp. 851—852.

⁵ Ibid., Taylor to Seward 21/I 1863, № 27, part II, p. 855.

Русское правительство было верно своему заявлению и сохранило свою неизменную политику во время попытки посредничества в феврале 1863 г. Горчаков уже во время беседы с Тейлором знал о посланной 9 января Наполеоном III инструкции Мерсье с предложением посредничества. Последний обратился за поддержкой этого предложения к Лайонсу и к Стекло, который хотя желал предложить свои услуги и Северу и Югу, но не дал определенного ответа и запросил Горчакова.¹ В то же время Стекло посетил 2 февраля Лайонса с целью узнать, как отнесется Англия, если Россия одна или, возможно, с Францией без участия Англии обратится к Северу с предложением о посредничестве. Стекло мотивировал возможность этого тем, что Север, устав от войны, может прибегнуть к услугам именно России, которую считал более дружественной.²

Мерсье, не дождавшись ответов ни из Лондона, ни из Петербурга, с удивительной поспешностью представил Сьюарду 3 февраля предложение Наполеона III о посредничестве, которое 6-го было отклонено вашингтонским правительством. Уже после того как стало известно решение США и выяснилась позиция Англии,³ Горчаков, наконец, с одобрения Александра II, послал инструкцию Стекло, которая ясно показала, что царское правительство не желало принимать участие в этом деле, так как предложение, сделанное без участия Англии, «не имело шансов быть принятым».⁴

Как ни желали царские дипломаты примирения Севера с Югом, предотвращения или смягчения принятых мероприятий, в особенности акта эмансипации, охотно предлагая для достижения этого свои услуги, но они от участия в посредничестве должны были и на этот раз отказаться.

Объясняется это, главным образом, начавшимся польским восстанием, осложнившим международное положение России.

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Стекло — Горчакову 14(26)I, № 2, лл. 77—80.

² Там же, Стекло — Горчакову 29/I (10/II), № 4, лл. 85—87. Лайонс, сообщая об этом Росселю, писал: «Я не могу забыть, что Мерсье и Стекло договорились прошлой весной о совместной поездке в Ричмонд» (Adams, op. cit., Lyons to Russell 2/II 1863, v. II, p. 76).

³ Еще в декабре 1862 г. Бруннов сообщил о своей беседе с Росселем, который выразил свое «удовлетворение» тем, что Англия и Россия были «в согласии» в ноябре 1862 г., ибо момент не благоприятствовал для объединенного предложения посредничества США. Росселю даже удалось обмануть «Нестора царской дипломатии» в том, что Англия будто бы не знала заранее о предложении, причем он выразил сожаление, что оно было сделано без предварительного конфиденциального «зондирования» и согласования между державами. «Британское правительство не видит основания для изменения своей позиции» (АВП, МИД, канц., 1862 г., дело № 73, Бруннов — Горчакову 1(13)XII 1862 г.).

⁴ Там же, Горчаков — Стекло 16(28)II 1863 г. (копия), лл. 396—397.

Увязнуть в американских делах было весьма рискованно, но прямо отказать Наполеону III значило бы его «обидеть», что не было в видах царской дипломатии в связи с польским восстанием и известным уже отношением к нему Франции.¹ Ведь американские дела в значительной степени отвлекали и Наполеона III и Пальмерстона от европейских дел, в частности от польских. Отсюда полный отказ царских дипломатов от политики мирного посредничества, которая наметилась в декабре 1862 г. и в январе 1863 г., в связи с прокламацией Линкольна, и возвращение к позиции невмешательства.² Они, видимо, благосклонно относились к распространяемым печатью слухам о существовании будто бы русско-американского союза.

В марте 1863 г. распространялся даже слух о посылке русским правительством эскадры в Атлантический океан для оказания поддержки США в случае войны с ними Англии и Франции. Но этот слух, как и слух о русско-американском союзе, не имел никакого основания, ибо в этот момент еще не было, как увидим, и мысли о посылке каких бы то ни было эскадр в Атлантический океан с какой бы то ни было целью. Тем не менее, эти слухи, как бы вымышлены они ни были, имели положительное значение. Царское правительство, которое опасалось иностранного вмешательства, должно было, по крайней мере до 1865 г., придерживаться того же взгляда и по отношению к США. Не переставая, однако, сочувствовать южанам, оно не выражало открыто, если не считать некоторых статей в реакционных газетах, ни чувства вражды, ни симпатий по отношению к мятежникам. На фоне развертывавшихся международных событий выступала одна из сторон политики России, а именно: дружественное отношение к США. В этом менее всего было повинно само царское правительство, помимо воли которого эта сторона подчеркивалась, особенно некоторыми европейскими газетами. Как бы то ни было, это не могло не сказаться на улучшении международного положения вашингтонского правительства и на предупреждении иностранного вмешательства в дела США.

Когда Тейлор писал о результатах своих переговоров с Горчаковым, что «этот ответ [о русской политике. — М. М.], я уверен, окажется настолько ясным и удовлетворительным, насколько вы могли желать, но, вероятно, *дающим не больше, чем вы могли*

¹ См. гл. I.

² Рупором этих настроений были «Московские Ведомости» Каткова, которые Герцен называл «содержанцами III отделения». Если 4/1 1863 г. и даже 31/1 1863 г. передовицы этой газеты обосновывали право Европы вмешиваться в дела всей Америки, т. е. не только в гражданскую войну в США, но и в дела других американских государств, то 16/11 и в дальнейшем они высказываются против вмешательства, но все же за сохранение Юга, выражая сочувствие «демократической» партии Севера.

ожидать, основываясь на политике России до сих пор»,¹ то он был, бесспорно, прав. Царские дипломаты не давали повода для подтверждения слухов о существовании русско-американского союза. Этих утверждений они даже опасались. Русские моряки, а не дипломаты, сыграли позже роль «спасителей США от Европы» в представлении общественного мнения и некоторых историков и дали повод для разговоров о союзе.

Улучшение положения США имело большое значение для политики России. Именно при создавшихся обстоятельствах сообщения Тейлора о мощи и успехах Севера оказывали свое влияние и были для России «приемлемы», а для США «полезны».²

Начавшиеся еще в 1862 г. переговоры о постройке трансокеанской телеграфной линии через Сибирь до Сан-Франциско только теперь начали принимать конкретный характер — в Петербурге приступили к обсуждению проекта, который был представлен Горчакову еще 19 сентября 1862 г.³

В этот же период была установлена к взаимному удовлетворению обеих сторон согласованность политики США и России по отношению к китайскому правительству.⁴

Тейлор имел право без преувеличения писать в апреле, что «престиж правительства США возрос» по сравнению с тем, что было за 3—4 месяца до этого.⁵ Русские газеты и официоз «*Journal de S. Pétersbourg*» публикуют документы, резолюции конгресса и прочие материалы о США, интерпретируя их сочувственно по отношению к федеральному правительству. Разумеется, резолюция конгресса об иностранном вмешательстве имела некоторое отношение и к России. Но Горчаков, когда Тейлор посетил его для сообщения резолюции, заявил, что он уже получил ее от Стекля и, так как резолюция «была вызвана действиями Франции», ему с своей стороны «незачем делать что-либо помимо принятия ее как выражение политики США по этому вопросу». Тейлору ничего больше не оставалось, как оставить копию и уйти.⁶ И он хорошо сделал. Царское правительство

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, p. 855.

² Тейлор совершенно правильно уловил этот момент, когда, передавая различные материалы о силе и ресурсах Севера, писал, что Россия «заслуживает того, чтобы ее вера в нашу национальную мощь и стабильность получила бы поддержку. Я знал, что такая поддержка при существующих обстоятельствах была бы для нее приемлема, а для нас полезна» (Ibid., p. 856).

³ Ibid., № 23, p. 850; № 13, p. 854; № 5, p. 869.

⁴ Ibid., 1863/64, Taylor to Seward 3/IV 1863, № 34, part II, p. 864. Это согласие было достигнуто русским послом в Китае Баллюзеким и м-ром Бурлингемом. Горчаков с удовольствием сообщил об этом Тейлору.

⁵ Ibid., Taylor to Seward 20/IV 1863, № 35, part II, p. 865.

⁶ Ibid., Taylor to Seward 3/IV 1863, № 34, pp. 864—865.

не могло, даже при изменившейся ситуации, заявить мятежникам открыто, что они *не должны* ждать одобрения или признания.

Передовые представители великого русского народа и народов Российской империи, вся передовая пресса (журналы, газеты), особенно демократический «Современник», с самого начала гражданской войны постоянно и открыто изобличали мятежников, клеймили рабство. Они были *подлинными друзьями и защитниками Севера* и резко порицали поведение английского и французского правительств, осуждая вмешательство в американские дела. Такую позицию занимало большинство журналов и значительная часть газет.¹ Американцы через своих дипломатических представителей были отчасти осведомлены об этом дружественном отношении русского общественного мнения, поскольку оно отражалось в периодических изданиях.²

Представители русского народа боролись в рядах федеральной армии. Среди первых добровольцев, откликнувшихся на призыв Линкольна в апреле 1861 г., были и русские подданные, которые боролись против рабства вместе с демократами и социалистами, участниками германской революции 1848 г. Бывший русский офицер Турчанинов командовал полком вольонтеров Иллинойса.³

Но бессмысленно было требовать от царского правительства больше того, что оно могло сделать. Та позиция, которую оно должно было занять в силу обстоятельств и занимало, была дружественной настолько, насколько царские политики могли быть дружественными к демократической республике, к народному правительству, которое проводило революционные мероприятия.

Но царским дипломатам было не до американских дел; они теперь были заняты польским вопросом, угрозой еропейской войны, делами на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

¹ «Современник», «Время», «Русское Слово», «С.-Петербургские Ведомости» и др.

² И Клей, и Камерон, и Тейлор посылали в Вашингтон переводы некоторых газетных статей. Особенно большое восхищение вызвали передовицы «С.-Петербургских Ведомостей» в январе 1863 г., написанные в связи с актом эмансипации и международной политикой. «Вы несомненно будете тем более заинтересованы в прочтении статьи из этого источника, что он выражает чувства *средних классов* русского народа» и, будучи «независимым выражением мнения», вместе с тем «запечатлевает рост общественного мнения в России...» Так писал Тейлор Сьюарду 27/I 1863 г. (Ibid., № 28, pp. 858—860).

Сьюард, поблагодарив за присылку статьи, признал, что «это замечательно умело, искренно и предусмотрительно составленный документ. Я прикажу отпечатать его здесь» (Ibid., Seward to Taylor 25/II 1863, № 18, p. 861).

³ АВП, МИД, канц., 1861 г., дело № 162, Стекло — Горчакову 28/VIII (9/IX), № 58, лл. 279—280.

Гражданская война в США их интересовала лишь в той степени, в какой она касалась взаимоотношений России с европейскими державами в связи с польским вопросом. Начинают играть роль не столько дипломатические выступления, сколько демонстрация морских сил; на сцену выступают моряки вместо дипломатов, Краббе вместо Горчакова. В Англии, Франции, США и других странах различные прорицатели и распространители «уток» покрывают отношения между США и Россией налетом легендарности, которая современем приняла причудливые формы.

Г л а в а VII

ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

1. Постановка вопроса о русско-американском союзе

В период с конца марта 1863 г., когда начал циркулировать слух о посланной, якобы, русской эскадре в атлантические воды на помощь Федерации и до действительно загадочного прибытия русских эскадр в порты США в конце сентября 1863 г., внимание царского правительства было занято польскими событиями и связанной с ними угрозой европейской интервенции. Это был период дипломатического игнорирования вопросов гражданской войны в США царским правительством. Оставаясь на своей старой позиции, оно не только не принимало никакого участия в делах США, но и не выявляло никакого определенного (отрицательного или положительного) отношения к мятежникам и к Федерации. Нет ни одного документа, ни одного действительного, а не мнимого факта, который указывал бы на серьезное улучшение или ухудшение отношений России к США или на наличие тенденции к установлению какого бы то ни было союза с США, тем более к заключению военно-оборонительного договора.¹

В этот период лишь более интенсивно, чем раньше, велись переговоры по вопросу о прокладке телеграфной линии через Сибирь до Сан-Франциско.² Эти переговоры рассматривались с точки зрения установления экономической и политической

¹ В опубликованной вашингтонским конгрессом дипломатической переписке, в документации министерства иностранных дел, морского исторического архива нашли свое отражение лишь запросы и опровержения распространяющихся «диких» слухов о возможности союза с США.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, pp. 868—870, 872, 875. Клей 17/VI сообщил Сьюарду о получении 16/VI формального ответа через ген. Игнатьева, что Александр II подписал, наконец, после длительных переговоров, привилегии американцу Коллинсу на постройку телеграфной линии через Сибирь (Коллинс с января 1863 г. лично вел переговоры).

связи между двумя континентами.¹ Сьюард, по поручению Линкольна, поручил послу в Лондоне Адамсу оказать содействие Коллинсу (автору проекта и представителю Компании по постройке телеграфной линии) в его переговорах с английским правительством, которые тот вел в июле 1863 г. с целью присоединения Англии к этому предприятию.² Следовательно, этот факт нельзя рассматривать как акт, направленный против Англии и Франции.³

Царская Россия, занятая подавлением польского восстания и опасавшаяся иностранного вмешательства в свои внутренние дела со стороны тех же держав, что и США, резко подчеркивала свою политику невмешательства и более последовательно проводила ее по отношению к гражданской войне в США. Поскольку федеральное правительство и не добивалось от иностранных держав большего, чем действительное невмешательство (что означало не оказывать помощи мятежникам и не поощрять мятежа), то оно могло быть удовлетворено позицией России и считать ее даже дружественной, хотя царские дипломаты официально и не осуждали Конфедерации. Но было бы ошибочно на этом основании делать выводы о существовании, если не формального, то фактического военно-политического союза между США и Россией, направленного против Англии и Франции, хотя своей позицией Россия и ослабляла действия Франции и Англии против США.

Как уже было указано, Клей прибыл в июне 1861 г. в Петербург с весьма радужными надеждами на возможность установления союза с Россией для борьбы с Англией, но он в этом

¹ Ibid., Clay to Seward 17/VI, 1863, № 10; Seward to Clay 13/VII 1863, № 27.

² Ibid. Переговоры велись в июле, в период обострения англо-американских отношений. Возможно, что это даже было предпринято для урегулирования их.

³ В морском историческом архиве имеется дело о проведении телеграфной линии между западным берегом Америки и восточными областями Сибири, из которого видно, что генерал-адмирал в. князь Константин считал в 1862 г. «крайне желательным устранить от участия в этом великом деле прочие державы, исключая Россию и США, в особенности Великобританию» (Краббе — Горчакову 9(21) III 1862 г., л. 1). Раньше, 4(16) XII 1861 г. Стеклъ сообщил Константину, что правительство США выразило согласие на участие вместе с Россией и Англии в изыскательных работах этого предприятия. В ответ на указанное письмо Краббе Горчакову Стеклъ 19/VI (1/VII) 1862 г. сообщил, что Чейз от имени правительства США вполне разделяет мнение генерал-адмирала о том, что это дело должно вестись «без участия других европейских держав» (МИА, фонд 105, дело № 58 за 1862 г.). Как видим, именно в 1863 г. было решено привлечь к этому предприятию и Англию. Нет оснований думать, что предложение Англии участвовать в нем было сделано для «отвода глаз», чтобы скрыть истинный смысл переговоров с Россией, хотя, разумеется, можно иметь и иные предположения на этот счет.

быстро разочаровался. Пальмерстон также высказывал в парламенте в марте 1862 г. опасение, что федеральное правительство может заключить союз с Россией.

Но до июля 1863 г. никто не только из политических деятелей, но даже из представителей прессы, падкой на сенсации и всякие ложные слухи, не указывал на существование союза и даже не высказывал предположений о реальной возможности его. И в действительности никакого союза не было. Линкольн в своем годичном послании 1 декабря 1862 г. писал о России в тех же тонах, что и об Англии, Франции, Испании и т. д.¹ Инструкция Горчакова в феврале 1863 г. также не дает основания предполагать существование фактического союза между Россией и США против Англии и Франции.

Только в июле — августе 1863 г. оживают разговоры и толки о возможности союза и даже о необходимости его. Об этом пишет ряд реакционных газет: «Times», орган северных «демократов» и биржевиков, «New York Herald», отчасти пальмерстоновский орган «Morning Post» и некоторые другие, которые «дурачат своих читателей... с целью дать им неправильное политическое руководство».²

Почти одновременное прибытие двух русских эскадр в порты США еще более усилило предположение о существовании русско-американского союза, но теперь оно основывалось уже не на слухах, а на факте пребывания в водах США русского военного флота. Смысл этого факта, хотя и был разгадан некоторыми современниками, но интерпретировался ими неверно и неправильно связывался с гражданской войной. Впоследствии особенно постарались исказить истинную причину появления эскадр и значение их для исхода гражданской войны.

Не только внимание современников было приковано к этому событию, но и историки именно ему придавали решающее значение при рассмотрении русско-американских отношений. Более того, некоторые историки утверждали, что эскадры прибыли в самый критический для Севера момент, и это спасло США от интервенции.

Поэтому необходимо подробнее рассмотреть этот факт, хотя, как мы увидим ниже, он не имел непосредственного отношения к гражданской войне и отразился на ней только по тем последствиям, которые вытекли из него.

Прежде всего важно выяснить международную ситуацию и действительное положение США в этот момент. Основным фоном для слухов, догадок, а затем и выводов был польский вопрос, поставивший Россию в такие же отношения к Англии и Франции,

¹ Messages and Papers of the Presidents, v. VI, p. 128. «Наши отношения с Великобританией, Францией, Испанией, Португалией, Россией, и другими европейскими державами остаются без изменений».

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 222.

в каких были и США в связи с гражданской войной. Вот это и было почвой, на которой вырастал обильный урожай слухов, переросших затем в своеобразную легенду.¹

2. История легенды

Основное содержание легенды заключается в следующем: *в критический момент гражданской войны в США прибыли русские эскадры — одна в Нью-Йорк в конце сентября, другая в Сан-Франциско 1 октября, с секретными инструкциями об оказании помощи Северу в случае нападения на США Англии и Франции. Флот должен был быть отдан в распоряжение Линкольна.*² Версией о «секретных приказах» пытались доказать существование тайного союза между США и Россией во время гражданской войны.³ Для большей убедительности ссылались на то, что тихоокеанская эскадра обещала оказать помощь в случае нападения на Сан-Франциско пиратского судна «Алабама» и что (в 1864 или 1865 г.) клипперу «Изумруд» дано было разрешение выступить в защиту торгового американского корабля в случае нападения на него судна конфедератов.⁴ Более того, утверждалось, что в период напряженного положения в Вашингтоне, Сьюард или Линкольн будто бы просили эскадру подойти ближе к Вашингтону, для того чтобы подкрепить оборону города.⁵ Имеется много вариаций не только на тему о причине и цели прибытия эскадры в американские воды, но и по поводу дат прибытия их. Указывается то 1861 г., то чаще зима 1862/63 г. то конец октября 1863 г.⁶

Только на основе бесспорных источников и научного анализа исторических фактов можно выяснить, что является вымыслом и что — действительностью. Прежде всего во внимание должны быть приняты архивные источники и опубликованная документация и лишь затем, на основе сверки с последними, должны быть приняты во внимание остальные материалы.

¹ Весьма любопытно, что родиной легенд, как и идеи о помощи Северу, были США; именно американцы, а не русские, как увидим, повинны в их возникновении и распространении. К этому выводу пришел и Adams (op. cit., v. II, p. 129.).

² См. Callahan, Russo-American Relations..., p. 10; Shlesinger, Political and Social Growth of the United States, p. 99; Бабин, История Сев.-Амер. Соед. Штатов, ч. II, стр. 179—180; Мижухев, История великой американской демократии, стр. 216; Ефимов, История капитализма в США, стр. 23—24, и др.

³ De Arnaud, The Union and its Ally Russia..., p. 11.

⁴ Golder (АНР, v. XX, № 4, p. 809); Ефимов («Историк Марксист», 1936, № 3, стр. 157).

⁵ Callahan, op. cit., p. 10; Ефимов, «Историк Марксист», 1936, № 3, стр. 157.

⁶ Latané, A History of American Foreign Policy, p. 391; Weed, Autobiography, v. II, pp. 346—347.

В самом деле, догадки некоторых современников, в связи с тайным характером и загадочностью появления эскадр, продиктованные главным образом политическими соображениями, вряд ли могут быть приняты в расчет. Они интересны и важны лишь для анализа взглядов современников, но не как доказательства этих версий.

Нужно также принять во внимание распространение этих версий именно в 1868—1872 годах, когда в пылу дебатов сторонники покупки Аляски и войны с Англией в союзе с Россией старались доказать дружбу и помощь русского царя во время гражданской войны, ссылаясь главным образом на присылку эскадры в США.¹

В 1873 г. вышла книга, посвященная поездке американцев в Россию в 1866 г., в которой все эти версии как бы получили свое оформление. Утверждалось, что эскадры были присланы с целью помочь Северу в один из его критических периодов.²

К этому же типу литературы примыкает вышедшая почти через 20 лет после гражданской войны, в 1883—1884 годах, в Бостоне двухтомная автобиография Турлоу Уида (кстати, обработанная не им самим, а другими лицами), одного из самых близких друзей и политических советников Сьюарда. В книге утверждается, что в самый критический период, во время угрозы войны с Англией в связи с делом «Трента» в конце 1861 г., две русские эскадры прибыли — одна в Сан-Франциско, другая в Нью-Йорк, с «запечатанными инструкциями» об оказании помощи США в случае войны с Англией.³ Эти полные вымысла утверждения как в отношении даты, так и в отношении цели прибытия эскадр были использованы историками и публицистами как достоверные сведения. Книга считалась авторитетным источником и на нее ссылались. Первым историком, коснувшимся вскользь позиции России в гражданской войне и сославшимся на «показания» современника, к тому же крупного политического деятеля Уида, был Гаррис, в 1896 г. издавший свою ценную работу о «деле Трента».⁴

Но еще до выхода в свет работы Гарриса в Вашингтоне в 1890 г. вышла полумемуарная, полуагитационная брошюра бывшего русского офицера Арно, который, приехав в США в июне 1860 г., путешествовал по югу до апреля 1861 г., а затем с 28 июля служил у федералистского генерала Фремонта, но, получив ра-

¹ Latané, *op. cit.*, p. 391, и другие работы.

² Loubat, *Narrative of the Mission to Russia*, in 1866, of the Fox.

³ *Autobiography of Thurlow Weed, with Memoir by T. W. Barnes*, v. II, pp. 346—347. Сам Уид находился в конце 1861 г. в Лондоне.

⁴ Harris, *The Trent Affair*, 1896, pp. 208—210. В дальнейшем историки в своих общих курсах ссылались уже не столько на источники, сколько на авторитетное утверждение Гарриса.

нение, 7 февраля 1862 г. вернулся обратно в Россию. Он спустя 30 лет вспоминал, что Горчаков в беседе с ним еще в феврале 1862 г. будто бы сообщил о намерении русского правительства послать флот на помощь США.¹ Но нельзя найти и намека об этом намерении ни в дипломатической переписке, ни в морском архиве. Не большего доверия заслуживает и его утверждение о существовании тайного союза между США и Россией. Тем не менее и этот образчик агитационной публикации был причислен к достоверным источникам; к нему, правда, редко прибегали более или менее щепетильные в отношении источников историки.

Особенно горячая дискуссия по вопросу о целях прибытия эскадр в США развернулась в марте и апреле 1904 г. В эту дискуссию была вовлечена значительная часть американской прессы и официоз министерства иностранных дел России.

Обсуждение вопроса о целях прибытия русских эскадр началось с опубликования в «New York Tribune» письма известного нью-йоркского банкира Генри Клея. Последний отрицает установившуюся точку зрения, что русские командиры, якобы, имели запечатанные инструкции, согласно которым в случае англо-французской интервенции они обязаны были объединиться с федеральным флотом и исполнять приказы вашингтонского правительства. Г. Клей создает иную, не более правдоподобную версию.

Через 40 лет Генри Клей воспроизводит в виде воспоминаний следующую версию, будто бы слышанную им самим от Сьюарда и великого князя Александра, посетившего в 1871 г. Нью-Йорк: в тяжелый момент, когда конфедеративная армия угрожала захватить Вашингтон, а Наполеон III склонял Англию объединиться для признания Юга, Сьюард получил информацию, что русский флот находится в Южно-американских водах. И у него возникла идея, что если бы этот флот появился в Нью-Йорке, то этим можно было бы продемонстрировать перед Англией и Францией будто бы существующий союз между Россией и США, что могло приостановить признание Юга. Сьюард немедленно послал очень сердечное приглашение командиру эскадры посетить Нью-Йорк, которое и было принято. Все это является, конечно, досужим вымыслом. Г. Клея мало интересовали несообразности, которые прямо «выпирали» из его рассказа, — что никакого русского флота в Южной Америке тогда не было, что эскадры прибыли в американские воды через 2 месяца после критического момента и т. д. Для него было важно лишь то, что он, якобы, разбил версию о «секретных приказах».²

¹ De Arnaud, *The Union and its Ally Russia...*, p. 21.

² «The Literary Digest», v. XXVIII, 5/III 1904, № 10, p. 323.

С критикой этой версии выступил в «New York Times» некий Генри Фоллет из Норвича (Нью-Йорк), который отсылал тех, кто хочет прямо и несомненно удостовериться в действительной цели прибытия русского флота» к «The Life of Thurlow Weed». Фоллет воспроизводит беседу между адмиралами Фаррагутом и Лесовским. Последний на вопросы о целях прибытия эскадры будто бы ответил, что флот пришел в США согласно секретным приказам в запечатанном пакете, который должен быть вскрыт только при «определенном событии», но последнее еще не произошло; позднее он сам сообщил, что имеет приказ взломать печать на пакете в случае, «если в течение мятежа мы будем втянуты в войну с иностранными нациями». Последнее заявление соответствовало бы истине, если бы выражение «мы» относилось только к России, а под мятежом имелось бы в виду польское восстание. Однако американцы поняли или истолковали это иначе. Можно предположить вероятность этой беседы, но если Лесовский и проговорился, в чем его, даже не зная об этой беседе, укоряли и Горчаков и, особенно, Бруннов, то он, наверное, говорил не так, как это поняли его собеседники, которые подумали, что они «нашли сильного союзника в России, если случай [т. е. война США с западными державами. — М. М.] произойдет».

Но Фоллет ссылался, кроме того, на хорошо известного нью-йоркского джентльмена (не называя, впрочем, его имени), который будто действительно видел позже в Петербурге оспариваемые Клеем приказы.¹

Некто, скрывавшийся под инициалами «R. D.» писал в «Tribune», что Клей верен в фактах, но неправ в выводах. Нельзя допустить, чтобы флагман русского флота без ведома правительства посетил с эскадрой Нью-Йорк и таким образом был использован Сьюардом. Последний «должен был иметь странную идею о простодушии (guilelessness) царя и его советников».

Был специально интервьюирован и Фред Сьюард, который во время гражданской войны был помощником у своего отца, Вильяма Сьюарда. Он ответил, что не может «пролить новый свет по этому вопросу», но помнит заявление русского посла, сделанное на основании инструкции из Петербурга о том, что флот послан «для не недружелюбной цели (for no unfriendly purpose)»; были слухи, которым верили, что командиры эскадры имеют запечатанные приказы и что пакеты не могут быть вскрыты до специального уведомления русского посла в Вашингтоне; общество и правительство США чувствовали, что помощь эскадр возможна и что она осуществится в случае необходимости, но были уверены, что в этом не будет надобности.³

¹ «The Literary Digest», v. XXVIII, 5/III 1904, № 10, p. 323.

² Ibid.

³ Большая статья «N. Y. Sun», в которой приводилась обычная вер-

«The Literary Digest» рассматривал все многочисленные редакционные статьи газет, интервью, письма и прочее, как «свидетельства сомнительной ценности». Но из всех сомнительных фактов и показаний он выделяет свидетельство Уортона Баркера из Филадельфии, который был в 1878 г. русским финансовым агентом в США и уполномоченным для постройки четырех крейсеров для русского флота (он даже был награжден орденом св. Станислава). В «The Independent» от 24 марта 1904 г. он рассказывает, что на завтраке 17 августа 1879 г. у великого князя Константина он беседовал с царем. Последний, касаясь вопроса о русско-американских отношениях и в частности о русских эскадрах, сообщил будто бы ему следующее: «Осенью 1862 г. Франция и Великобритания формально, хотя и не официально, предложили России совместное признание европейскими державами конфедеративных штатов Америки. Моим немедленным ответом было: я не желаю и не соглашусь сотрудничать в подобном акте. Напротив, я буду рассматривать признание конфедеративных штатов Францией и Великобританией как *casus belli*. И для того, чтобы правительство Франции и Великобритании могли понять, что это не пустая угроза, я послал тихоокеанский флот в Сан-Франциско, а атлантический в Нью-Йорк. Обоим адмиралам были даны запечатанные приказы». После паузы Александр II добавил: «Все это я сделал из любви к России, а не из любви к Американской республике. Я действовал так потому, что понимал, что Россия имела бы более серьезные трудности, если бы Американская республика, быстро развивающая свою промышленность, распалась бы, и Великобритания оставила бы под своим контролем главные отрасли современного промышленного развития».¹

Это сообщение, на которое ссылаются как на достоверный факт вплоть до последнего времени,² столь же сомнительно, как и все остальные версии. Нет нигде в документах и намек, чтобы царское правительство рассматривало признание Конфедерации как повод для военного выступления России. Трудно предположить, чтобы не осталось никакого следа, если в самом деле такое заявление в 1862 г. было сделано. Оно не могло не найти отражения в дипломатической переписке. Наконец, если бы это действительно имело место, то об этом знали бы в США. Однако не только Адамс, Томас и другие историки, но и сам

сия о цели эскадр, сообщала, что «Россия всегда была дружественна к нам, но пожертвовала нашей дружбой в угоду своей политике в Кишинеve и Манчжурии».

¹ «The Literary Digest», v. XXVIII, 16/IV 1904, № 16, pp. 543—544.

² Callahan, op. cit., p. 13; «Историк Марксист», 1936, № 3, стр. 156. Если бы заявление Александра II о *casus belli* имело место, то тогда действительно можно было бы утвердительно ответить на вопрос о существовании фактического русско-американского союза.

Каллагэн, работавший в американских архивах, ничего подобного не нашел. Что же касается эскадр, то они действительно были посланы, как будет показано ниже, с запечатанными инструкциями, имевшими непосредственное отношение к возможной войне России с Англией и Францией, а не в связи с вопросом о признании Конфедерации и, вообще, с гражданской войной в США. Остается лишь предположить, что или Баркер вводил в заблуждение или сам был введен в заблуждение. Но вероятнее всего, что Баркер перепутал или не понял слов Александра II, который бесспорно мог заявить, что не желал сотрудничать с другими державами в акте признания Конфедерации, так как федеральное правительство рассматривало бы это как *casus belli*. Такое заявление вполне соответствовало бы утверждениям русских политических деятелей и прессы.

Подобную же версию, что и Баркер, развивал и генерал R. W. Hawkins. Но в отличие от него Гоукинс основывал свою версию лишь на предположении, не опираясь при этом на какой-либо разговор.¹

Большая часть «свидетельств» была основана на слухах. Так, например, некто Джордж Пирс из Филадельфии слышал от губернатора Эндрью Куртина, который был послом в С.-Петербурге с 1869 до 1872 г., что будто Горчаков показывал ему 3 письма, содержание которых совпадает с утверждением Баркера. Все три документа действительно существуют (предложение Наполеона III, ответ об отклонении предложения и инструкция Лесовскому), но в них заключается не то, что им приписывалось.² Полковник Джон Купер слышал от бывшего посла в Петербурге Лотропа, которому рассказывал Гирс (министр иностранных дел России) о том, что флот был послан для оказания помощи США в случае войны с Англией и Францией и в полное распоряжение президента США. Джон Диккинсон то же самое слышал от Филда, который был в Петербурге и видел секретные приказы. Отис и Генри Гловер писали, что слышали то же самое от своего дяди Кука, которому Линкольн будто бы рассказывал, что русский флот прибыл в его распоряжение на случай войны США с Англией или Францией.³

Было еще много как подобных, так и противоположных версий. Так, например, Луизвильский «*Courier-Journal*» предполагал, что русский флот был послан в американские воды в связи

¹ «North American Review», 1/IV 1904; см. Callahan, op. cit., p. 12. Странно, что Баркер свое сообщение, услышанное «из уст самого царя», предал гласности лишь 16/IV 1904 г., т. е. после «откровения» Гоукинса.

² Первые два документа рассмотрены выше, а третий подробно рассматривается ниже.

³ «The Literary Digest», v. XXVIII, 16/IV 1904, № 16; Bulch, The Alabama Arbitration, pp. 28—32.

с угрозой европейской войны и для спасения его «от риска разрушения», как было в Черном море во время Крымской войны.¹

Русский официоз «*Journal de S. Pétersbourg*» вероятно в ответ на утверждение некоторых американских газет в 1904 г., вообще отрицавших дружественные отношения России к США и, в частности, во время гражданской войны, напечатал в 1904 г. две статьи, в которых, на основе нескольких документов из русского архива министерства иностранных дел и опубликованной конгрессом США дипломатической переписки, доказывал дружественное отношение царского правительства к США и, ничего не говоря о распространявшихся версиях, ограничился констатированием факта посылки эскадр как «демонстрации дружбы к США».²

Основываясь главным образом на «свидетельствах» сторонников версии о посылке флота для оказания помощи Северу и используя некоторые документы из вашингтонского архива (в которых ни слова нет о цели прибытия флота или существования какого бы то ни было союза), проф. западно-виргинского университета Джемс Каллагэн написал в 1908 г. исследование на 18 страницах, в котором он развивал по существу версию о «помощи» и «секретных инструкциях», игнорируя все другие версии, кроме версии Г. Клея.³ Он старался, очевидно, вызвать сочувствие США к русскому самодержавию, против которого в первые годы XX в. в связи с кишиневскими событиями (погромами), кровавым подавлением буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов и массовыми репрессиями, а также в связи с дальневосточной политикой, было возбуждено общественное мнение американского народа. Но после поражения царской России в русско-японской войне и в связи с резким обострением японо-американских отношений в 1907—1908 годах некоторые круги буржуазии и ее идеологов искали сближения с Россией и старались создать благоприятное отношение к самодержавию.

Так или иначе, но Каллагэн стал авторитетом по данному вопросу и на него до настоящего времени ссылаются, его обильно цитируют и его выводы заимствуют.⁴

Противоположную точку зрения развил на основе частично использованных русских архивов (морского министерства, ино-

¹ «*The Literary Digest*», v. XXVIII, 23/I 1904, № 4 (718), p. 101. Эту версию в основном развивали Голдер, Шуман, Томас и др., хотя они и не претендовали на оригинальность мысли.

² «*Journal de S. Pétersbourg*» от 8/IV 1904. Тогда же эти статьи были перепечатаны брошюрой на английском языке: «*Services rendered by Russia to the American People during the Civil War*».

³ Callahan, *Russo-American Relations during the American Civil War*.

⁴ Schlesinger, *op. cit.*, p. 99; Бабин, История Северо-американских Соед. Штатов, т. II, стр. 179—180; Ефимов, К истории капитализма в США, стр. 24—36 и другие.

странных дел) американский историк Голдер в июле 1915 г. в «The American Historical Review». Разоблачая легенду в основном правильно, он не освободился до конца от вымышленных версий и к тому же повторяет (придя к этому, может быть, совершенно самостоятельно) неверный вывод о том, что флот послан в порты США, чтобы спасти его от разгрома или затопления в случае войны из-за польского вопроса с западно-европейскими державами.¹ Приблизительно этой же точки зрения вслед за ним придерживались историки Джонсон в 1916 г., Латанэ в 1927 г., Шуман в 1928 г., Томас в 1930 г. Робертсон в 1935, и ряд других.²

Но еще до Голдера «Военная энциклопедия» в 1911 г. вскрыла истинную цель посылки эскадры и в основном дала правильную оценку события.³ В «Морском Сборнике» за 1913 г. появилась статья, освещающая цель посылки эскадр, а в 1914 г. статья — воспоминание Беломора, написанная на основе личного архива Попова, о цели эскадры последнего.⁴

Впервые же опубликованы секретные инструкции, проливающие истинный свет на цель эскадр, советскими журналами.⁵ В общем, правильную оценку события дает «Советская военная энциклопедия».⁶

Именно в русской, а не в американской литературе посылка эскадр совершенно правильно связывалась с польским восстанием.

3. Польский вопрос в международной политике и позиция США

Начавшееся еще летом 1860 г. национальное движение в Польше переросло в январе 1863 г. в восстание. В марте уже все царство Польское было охвачено революционным восстанием. Прусское правительство немедленно воспользовалось последним для улучшения своего международного положения. Бисмарк прекрасно понимал роль России и отводил

¹ The Americ. Histor. Review 1915, v. XX, № 4, pp. 804—811.

² Johnson, America's Foreign Relations, v. II, p. 46; Schuman, American Policy toward Russia since 1917, pp. 19—20; Thomas, Russo-American Relations, p. 137; Latané, A History of American Foreign Policy, p. 425; Robertson, A Kentuckian at the Court of the Tsars, pp. 159—167; Adams, Great Britain and the Americ. Civil War, v. II, p. 129.

³ «Военная энциклопедия», 1911, т. II, стр. 385 (статья Н. Каллистова).

⁴ «Морской сборник», 1913, № 8 (В. Гончаров, «Американская экспедиция Р. Флота в 1863—1864 г.»), стр. 25—54. Там же, 1914, №№ 8 и 10 (А. Беломор, «Вторая Тихоокеанская эскадра»), стр. 39—54 и 35—52.

⁵ «Красный архив», 1930, т. 38, стр. 159—164; «Историк Марксист», 1936, № 3, стр. 104—112.

⁶ «Советская военная энциклопедия», статья «Американская эскадра», т. II.

ей значительное место в своем плане объединения «железом и кровью» Германии и для борьбы с Австрией и Францией. Он не столько опасался возможности распространения восстания на Познань, сколько желал своей «услугой» царской России усилить антипольскую политику, а вместе с тем то течение в кругах царского правительства, которое было более дружественно расположено к Пруссии, чем к Франции. Бисмарк, кроме того, лелеял мечту захватить Польшу, лишь только восстание затянется и царское правительство не сможет его быстро подавить. 8 февраля 1863 г. генерал-адъютанту Вильгельма I Альвенслебену удалось в Петербурге заключить русско-прусскую конвенцию, в которой указывалось, что, если окажется нужным, войска одной державы могут перейти границу и преследовать повстанцев на территории другой державы.

Бисмарк поспешил опубликовать сообщение о навязанной России конвенции, не огласив ее содержания, что еще более усилило подозрительность тюльрийского и сент-джемского кабинетов.

Последний воспользовался этим случаем, чтобы окончательно поссорить Францию с Россией и сорвать франко-русское сближение. Наполеон III, в свою очередь, искал (хотя, несмотря на все старания, он все же не добился этого) сближения с Австрией, направленного против России. Последняя в 1863 г. фактически оказалась изолированной, если не считать Пруссии, без просьбы предложившей свои услуги и державшей кинжал за пазухой, чтобы в удачный момент нанести удар и отрезать «кусочек» территории своего «друга».

Ни одно из европейских правительств, несмотря на требования народных масс, не желало поддержать польское восстание, не стремилось к восстановлению независимости Польши и совсем не помышляло о войне с Россией из-за польского вопроса. Но дипломатические комбинации европейских кабинетов создали международную ситуацию, крайне неблагоприятную для России. Значительные круги последней опасались войны, ввиду возможности иностранного вмешательства в польские дела.

Особую активность проявляла английская дипломатия. Последней удалось, наконец, склонить Францию и другие страны, если не к объединенному вмешательству, то к одновременному дипломатическому выступлению.¹ 17(5) апреля 1863 г. английский, французский и австрийский послы в Петербурге официально вручили ноты, различные по своим исходным пунктам и форме изложения, но сводившиеся к вмешательству в польское дело, которое русское правительство рассматривало как свое внутрен-

¹ Английский посол лорд Эзпир еще 26/II (10/III) вручил ноту, Франция же тогда отказалась выступить вместе с Англией и действовала самостоятельно.

нее. Из других держав сделали представления в Петербурге римский папа, Италия, Нидерланды, Дания, Испания, Португалия, Швеция и Турция, причем последние обе были воинственно настроены.¹ Все эти представления были Горчаковым отклонены сразу же, в апреле.

Французское правительство сделало предложение и вашингтонскому правительству с приглашением присоединиться к вмешательству в польские дела.² Только 11 мая (получено было 23 апреля) Сюард отклонил сделанное предложение. В официальной депеше Дейтону он мотивировал это отношением русского императора к американским делам, а также либеральными реформами Александра II, который в том же духе, выражал надежду Сюард, разрешит и польский вопрос. «Наша политика невмешательства, — писал Сюард, — прямая, неукоснительная, своеобразная, как это может показаться другим державам, стала таким образом традиционной, от которой мы не можем отойти кроме самого крайнего случая, граничащего с явной необходимостью». И, конечно, не может считаться разумным отход от нее именно теперь, когда «революционеры всех стран рассчитывают на действительное сочувствие Соединенных Штатов, если даже не на деятельную их помощь и защиту». Французское предложение «внушает нам уверенность, — утверждал далее Сюард, — что это обращение будет услышано в С.-Петербурге со всей доброжелательностью, совместимой с благосостоянием обширных владений, которыми император всероссийский управляет так мудро и уверенно», что он доказал освобождением крепостных. «Однако, несмотря на хороший прием, который мы готовы сделать предложению французского императора, пра-

¹ Швеция предлагала будто бы 100 000-ю армию для высадки в Курляндии. Поэтому русское правительство приняло меры к укреплению Кронштадта, снарядило Балтийскую эскадру и прочее. См. Confidential Correspond. of the British Government respecting Insurrection in Poland, 1863, pp. 278, 295. См. также МИА, 1863 г., дела №№ 107, 117 (о приготовлениях на случай войны).

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Seward to Dayton 24/IV, № 336, part II, pp. 773—777.

Сообщая Дейтону 24/IV о получении «интересного предложения» Друзн де Люиса, Сюард писал: «русский император, кажется, принял политику благотворительных реформ во внутреннем управлении. Известные в нем здравый смысл и добрые намерения позволяют надеяться, что и Польше император не откажет в справедливой доле своего внимания, если, как этого все ожидают в Европе, революция, поднятая героическим польским народом, будет подавлена» (р. 733). См. также Ibid., Dayton to Seward 9/IV 1863, № 927, pp. 724—726. Еще 9 апреля Друзн де Люис в беседе с Дейтоном предложил США присоединиться к вмешательству в польские дела, пытаясь доказать, что Франция не строит кораблей для мятежников-южан, и подчеркивая свое дружественное отношение. Возможно, здесь преследовалась определенная цель: посорить США с Россией и облегчить себе свободу действий в Америке и в Европе. Это предположение не лишено основания.

вительство США встречает непреодолимые затруднения оказать деятельную помощь, которую у него просят». ¹ В Париже должны были ожидать такого результата. Если Наполеон III в какой-то мере преследовал цель поссорить США с Россией, то это ему не удалось. ² Более того, своим обращением к США он достиг обратного. В Петербурге были крайне довольны вашингтонским ответом, а прибывший только что в Петербург Клей еще 7 мая в беседе с Александром II и князем Горчаковым предварил подобный ответ и заверил в дружбе США к России. ³ Клей, посылая Горчакову копии депеш Сьюарда к нему и Дейтону, писал 30 мая о своем чрезвычайном удовлетворении тем, что правительство полностью разделяет его взгляды в отношении Польши, которые он «имел случай выразить его императорскому величеству по случаю его недавнего приема». ⁴ Горчаков немедленно пригласил Клея и просил у него разрешения опубликовать ноту Сьюарда. Клей дал согласие, ибо оглашение ее, как он мотивировал, «даст России нашу моральную поддержку внутри страны и за границей, которая нужна именно теперь». Кроме того, это долг благодарности США за поведение России в отношении невмешательства в американские дела. Горчаков воспользовался согласием Клея и немедленно опубликовал ноту, раньше, чем это было сделано в Вашингтоне, что, кстати, вызвало неудовольствие в США. ⁵

В своем ответе правительству США относительно вмешательства в польские дела Горчаков 3 июня (22 мая) писал, что «федеральное правительство подает этим пример справедливости и политической честности, от которого может только возрасти уважение, питаемое нашим августейшим монархом к американскому народу». ⁶

По мнению Клея «эта манифестация должна усилить взаимные связи и симпатии, которые объединяют обе страны. Так же, как и правительство США, его величество придерживается принципов невмешательства, так часто нарушаемых в наши дни». ⁷ Клей и Сьюард неоднократно подчеркивали эту сторону в своей

¹ Ibid., Seward to Dayton 11/V 1863, part II № 342, pp. 738—740; Seward to Clay 11/V 1863, № 8, part II, p. 867.

² Когда Дейтон сообщил Друзн де Люису ответ президента США, то «он сказал, что вовсе не разочарован результатом обращения к нам»; и в самом деле, — добавляет Дейтон к этому сообщению, — «это обращение к нам было предпринято скорее в знак уважения и почтения» (Ibid., p. 741).

³ Ibid., Clay to Seward 7/V 1863, № 3 (extr.), part III, p. 866.

Речь Клея с выражением дружбы к России была одобрена вашингтонским правительством (Ibid., Seward to Clay 6/VI 1863, № 15, p. 871).

⁴ Ibid., Clay to Seward 2/VI 1863, № 8, p. 870.

⁵ Ibid., Seward to Clay 30/VI 1863, № 24, p. 874.

⁶ Ibid., Gorchakow to Clay 22/V (3/VI) 1863, pp. 873—874.

⁷ Ibid., Clay to Seward 7/VI, № 9 (в ответ на ноты Сьюарда № 3 и № 10), p. 873.

переписке.¹ Ответ Горчакова был принят в Вашингтоне с полным удовлетворением. Он был опубликован как «выражение дружбы к США» и хорошего отношения ко всем иностранным державам, что было важно и для России и для США.²

Американские дипломаты в Вашингтоне и особенно за границей, также как и американская пресса (главным образом не республиканская, а северных «демократов»), уделяли огромное внимание польскому вопросу.

Польское восстание отвлекало внимание европейских держав от американских дел, что не могло не благоприятствовать Федерации.³ Но американские дипломаты не верили в возможность европейской войны из-за польского вопроса, что видно из всей дипломатической переписки. Клей систематически сообщал о ходе польского восстания и также, как Дейтон и Адамс, об отношении к нему европейских держав. После первого представления европейских держав, он писал, что ответ Горчакова всеми рассматривается «как торжествующий и исчерпывающий». Об этом говорит тот факт, что если прежде торговые круги были сильно возбуждены возможностью войны, то теперь, кажется, во всех кругах убеждены в сохранении мирных отношений со всеми державами, поскольку дело касается Польши.⁴

Еще в конце мая лорд Нэпир заверил Клея, что Англия решила не вмешиваться в польские дела. Клей сообщал, что Англия

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Seward to Clay 12/VI, № 18, part II, p. 872.

В ответ на депешу Клея от 19/V Сьюард подтвердил «те чувства, какие его правительство нашло нужным выразить касательно положения в Польше». Клей считал эту корреспонденцию весьма благоприятной для России. (Clay to Seward 17/VI, № 10. См. также стр. 874 и др.).

² Ibid., Seward to Clay 2/VII, № 25, 13/VII, № 27, p. 875. (Дейтон сообщал уже о подавлении восстания.)

³ Еще в апреле 1863 г. пальмерстоновский «Morning Post» писал: «Польский мятеж на некоторое время отклонил внимание Англии и Франции от американских дел. Вашингтонское правительство жалело о бегстве Лангевича [одного из руководителей польского восстания. — М. М.] и поражении его, делая из этого заключение, что мятеж окончился и даст возможность европейским странам вмешаться в американские дела. Одновременно война с Америкой и с Россией, конечно, не была согласна с видами ни Франции, ни Англии. Но необходимо воспользоваться случаем [захват английского судна в США. — М. М.], чтобы достигнуть результатов вмешательства» (цит. по «С.-Петербургским Ведомостям» от 16/IV 1863 г.). Как будет показано ниже, «N. Y. Herald» (орган северных «демократов») в июле — августе 1863 г. развивал эту мысль и, более того, настаивал на войне с Англией. В то же время «Times», «Morning Post» и другие английские газеты дали отбой по польскому вопросу, пугая общественное мнение призраком совместной войны России и США против Англии и Франции (см. стр. 278—279).

⁴ Ibid., Clay to Seward 19/V 1863, № 4, part II, p. 868.

Между прочим большинство депеш Клея по польскому вопросу не опубликованы; о них известно лишь по ответам Сьюарда, который благодарил Клея за подробную информацию (См. Ibid., Seward to Clay 17/VI, 19/VI, 29/VI, 13/VII, 12/VII, 3/IX и др.).

приняла политику нейтралитета, и считал, что вмешательство не будет.¹

В июне (17(5) июня) 1863 г. были вторично вручены Горчакову новые ноты европейских держав (известные 6 пунктов), на которые были даны резкие ответы 13(1) июля. 11 августа (30 июля) были вручены ноты в третий и последний раз, ответ на которые был дан русским правительством только 7 сентября (26 августа), а в США он стал известен лишь в конце сентября. Сьюард еще 12 августа писал Клею, что «хотя дипломатические переговоры о польском восстании могут затянуться и, возможно, принять ожесточенный характер, все-таки не будет сделано попыток к действительной интервенции».² Клей в сентябре утверждал, что хотя ответ на августовские ноты еще не опубликован, но «общее мнение, что войны не будет, по крайней мере в текущем году».³ Сьюард, на основании подробной информации из Лондона и Парижа, был убежден в сентябре и после, что «западные державы позаботятся о том, чтобы избежать войны с Россией».⁴

Несмотря на весьма сильное демократическое движение в Англии, Франции и других странах в пользу польских революционеров, ни одно европейское правительство серьезно не думало помочь последним и тем более воевать из-за этого с Россией. Американские дипломаты лишь выражали общее мнение.

¹ Ibid., p. 874; Robertson, op. cit., p. 151;

Ibid., Seward to Clay 12/VIII, № 31, p. 875.

³ Ibid., Clay to Seward 2/IX, № 19 (extr.), p. 876.

⁴ Ibid., Seward to Clay 3/IX, № 34, 5/IX, № 35, и др. pp. 877—879.

⁵ В мои задачи не входит обоснование этого взгляда, который подтверждается огромнейшим материалом. Я все же позволю себе для иллюстрации мнения некоторой части русского общества, даже «архи-патриотического», привести выдержки из статьи «Мнимое и действительное», напечатанной Катковым, «ура-патриотом», в «Русском Вестнике» (1863 г., т. 45): «Нет сомнения, что Англия не хочет европейской войны из-за польского дела, что она никогда не думала и не думает о восстановлении Польши, что она вовсе не заботится о ее административной автономии, что она вовсе не верит в действительность 6 пунктов своей программы и вовсе не заинтересована ее исполнением, что, напротив, она крайне удивилась бы, если бы в самом деле мы вздумали усвоить себе ее программу. Можно с полным убеждением сказать, что если мы сами не вздумаем начать европейскую войну по случаю польских дел, то никто против нас не начнет ее. Тревога, поднявшаяся против нас в Европе, есть в сущности мистификация, хотя нам и не легче от того; ловкий противник так рассчитывал обстоятельства и поставил нас в такое положение, что мы по поводу самого безнадежного дела, в котором Европа серьезного участия не принимала и не принимает, должны помышлять об европейской войне, которая потребует от нас всех наших средств и сил...

Россия, как для самой себя, так и для постороннего наблюдателя, представляет целый мир колебаний, шатаний и недоразумений, господствующих над всем, — недоразумений, которые на каждом шагу сбивают людей с толку, заставляют их принимать одну вещь за другую, искать пользу во вреде и видеть вред в пользе, бояться того, в чем спасенье, и опрометью бросаться в явную опасность. Этим брожением, этой смутой мнения повернулась теперь Россия на свет, — и вот причина того унижения, которое мы испытываем в Европе!» Так думали многие в России.

Однако царское правительство начало с апреля 1863 г. деятельно готовиться к войне. Уже в июне численность армии достигла полумиллиона, в одном Царстве Польском было сосредоточено 120 000 солдат. Укреплялись береговые линии, спешно достраивались и покупались военные суда, снаряжались эскадры (у берегов Курляндии и Финляндии, а затем Атлантическая).¹

Ввиду угрозы войны предпринимались военные приготовления, но в вероятность ее официальные круги мало верили, особенно дипломатические представители. Так, даже 11 сентября Стеклов писал Краббе, что «по последним известиям из Европы едва ли можно ожидать войны», по крайней мере «до будущей весны». ² Такого мнения придерживались и в Петербурге. ³ Но в военных кругах к военной угрозе относились более серьезно, особенно в июле 1863 г. Именно в этот период была снаряжена эскадра контр-адмирала Лесовского и отправлена к атлантическим берегам США; в этот же период другая эскадра контр-адмирала Попова собиралась идти к тихоокеанским берегам США. Имело ли снаряжение эскадр какое-либо отношение к гражданской войне, как это утверждает легенда? Истинный ответ на этот вопрос могут дать не воспоминания и догадки отдельных лиц, утверждения которых диктовались прежде всего политической обстановкой, иногда превратным представлением или запомнившимся обстоятельством, о котором они от кого-то что-то слышали, а архивные дела, раскрывающие перед нами подлинную историю эскадр.

4. История снаряжения эскадры А. Попова

Управляющий морским министерством Краббе 13 сентября 1861 г. сообщил контр-адмиралу А. Попову, что он назначен командующим второй тихоокеанской эскадрой. ⁴ Этот выбор не был случайным. Попов его заслужил, правда, пока только своими проектами. В 1859 г. флигель-адъютант капитан I ранга Попов был послан с отрядом военных кораблей из Кронштадта в Тихий океан для смены судов. В инструкции ему было указано, что он немедленно должен вернуться в балтийские воды с другим отрядом судов, которые будут назначены местным начальством. ⁵

¹ МИА, дела №№ 107, 117 и, в особенности, дело № 105 за 1863 г. (о подлежащих тайне распоряжениях, вызванных польскими событиями).

² Там же, дело № 109 за 1863 г., ч. 1 (эскадра Лесовского).

³ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160 (доп.), Стеклов — Бруннову 11(23)IX 1863 г., л. 11 («По последним полученным из С.-Петербурга известиям не существует опасности немедленного разрыва»).

⁴ Первая тихоокеанская эскадра под начальством контр-адмирала Лихачева была образована в 1857 г.

⁵ МИА, 1859 г., дело № 709, от 13/IX 1859 г., стр. 19 (все даты в данном разделе указаны по старому стилю. — М. М.).

Прибыв в Приамурский край, Попов уже не мог ограничиться таким незначительным поручением. Перед ним открылись огромные горизонты и не столько в экономических, сколько в политических сферах. «Я — русский и вдобавок черноморский моряк, — писал он в записке генерал-адмиралу, великому князю Константину Николаевичу, — увидав эту реку вспомнил Севастополь... Я уверен теперь, что только отсюда Россия может отомстить за него и что здесь найдется второй Севастополь. Амур, подобно Днепру и Дону, будет источником, из которого проистечет могущество порта и флота нашего на Тихом океане. *При владычестве англичан на морях — политического равновесия не существует, и я думаю, что только здесь, подобно тому как в Северной Америке, может образоваться грозный для Англии противовес...*»¹

После Крымской войны в официальных кругах, наряду с группой, не покидавшей мысли о Дарданелах и питавшей надежду на реванш на Ближнем Востоке, существовала, хотя и менее значительная, группа, придававшая большое значение Дальнему Востоку, рассматривавшая его как объект колониальной экспансии и в Тихом океане искавшая источник реванша за Севастополь. Эта группа с надеждой взирала на США и не только как на политический противовес Англии, но также и как на образец экономического развития, достойный подражания. Наиболее ярким представителем и выразителем этих чаяний был несомненно выделявшийся из общей массы царских чиновников контр-адмирал Попов.

В Записке, поданной 4 августа 1859 г. генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему военными и сухопутными морскими силами графу Муравьеву-Амурскому, Попов изложил свой взгляд на значение Тихого Океана, на задачи и цели тихоокеанской эскадры, приобретавшие особое значение ввиду того, что «в настоящее время все газеты наполнены предсказаниями всеобщей войны в Европе». ² Он пытался связать это обстоятельство со своим поручением. «Важность мирных завоеваний России на восточных берегах Сибири, — писал он, — доказана неоспоримым образом результатами последней войны, военные силы и учреждения наши, после героического подвига в Петропавловске и Де-Кастри, нашли спокойное и безопасное убежище от несоразмерных сил неприятеля в устье Амура... В случае новой войны с кем бы то ни было, Амур при нынешних его средствах будет опять верным убежищем судов, вошедших в его устье». ³ Фрегат «Аскольд» и 5 винтовых корветов, которые нахо-

¹ Там же, 1859 г., дело № 4 от 16/IX 1859 г., стр. 1 (подчеркнуто мной. — М. М.).

² МИА, 1859 г., дело № 4 от 4/VIII 1859 г., № 302, стр. 5.

³ Там же.

дились в это время в Японии, должны были, по предложению Попова, составить эскадру, способную действовать с успехом в океане. «Появление этой подвижной эскадры в океане и уничтожение ею многих ценных купеческих кораблей Англии, встречающихся везде, будет иметь последствием всеобщий ужас последней; вопль ее торгового сословия (а там от первого министра до последнего рабочего все торгуют) отзовется на политических весах Европы». ¹

Такова была основная задача тихоокеанской эскадры во время войны. Попов рассчитывал, что война будет проведена Россией в союзе с Францией против Англии или наоборот. В случае войны с Францией и союза с Англией вопрос легко разрешается. Однако более вероятен и серьезен другой вариант. «Предмет этой записки переходит к разрешению вопроса, какое употребление наших судов будет наивыгоднейшим в случае войны с Англией и союза с Францией». ² Попов далее в подробностях рассматривает соотношение сил и возможный ход войны в Тихом океане: английские эскадры, охраняющие громадные купеческие интересы, разбросаны, но у англичан имеются средства блокировать Амур, если там будет сосредоточен русский флот. «Эта плачевная картина совершенно изменяется, если эскадра будет на свободе в океане»... ³ Положение Англии крайне затруднится, если русские корабли будут действовать на просторе: купеческие флоты потребуют конвоя, поднимутся фрахты, а ожидание потерь рассеянных повсюду купеческих судов, опасность за появление русской эскадры в Индийском океане и нападение на колонии, находящиеся еще в сильном брожении, при обостренных отношениях с Китаем и невозможности послать подкрепления из Европы, — все это породит смятение, сделает положение Англии в Тихом океане критическим, что не может не вызвать финансового кризиса, самого ужасного из всех ударов для Англии. Но чтобы достигнуть таких результатов, необходимо предоставить тихоокеанской эскадре самостоятельность. «Расстояния не должны входить в расчет начальника, а инструкции не должны связать его». ⁴ Нейтральные порты Америки и острова Тихого океана представляют средства для возобновления запасов.

В этом проекте, еще до победы республиканцев и задолго до гражданской войны США, уже совершенно четко сформулирована задача использования наивыгоднейшим образом эскадры для нанесения ущерба торговле противника, а также использование портов США, в которых в это время еще господствовала рабства-

¹ МИА, 1859 дело № 4 от 4/VIII 1849 г., № 302 стр. 6.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 8.

дельческая партия, а президентом был ставленник южан Бьюкенен. Попов во флоте США ищет также образец того, как должен действовать русский флот. История учит, что больше пользы от легких эскадр и самостоятельной деятельности ее крейсеров. «Соединенные Штаты Америки не имеют флота, а между тем в целом свете нет государства, нет союза, которого бы боялась Англия больше штатов». ¹ И это потому только, что в случае войны с нею США вышлют небольшие крейсера, которые разгромят весь коммерческий флот Англии. А Россия, по мнению Попова, благодаря Приамурскому краю сможет действовать при гораздо более благоприятных обстоятельствах.

«Прошлая война подтвердила историческую истину, что самая ложная и самая несчастная из всех идей сбережения флота есть необходимость спрятать его: военные суда сберегаются в море, учатся в сражениях». ² Попов, во избежание повторения горького опыта Крымской войны, просит подкрепить эскадру. «Один клиппер может безнаказанно захватить или истребить десятки купеческих судов и быть причиной панического страха в торговле», ³ но для этого необходимы более серьезные силы и более обдуманные средства.

Попов не ограничивается, конечно, этим и, выдвигая более обширные задачи, развивает заманчивые перспективы. ⁴ 16 сентября 1859 г. из Николаевска он посылает генерал-адмиралу Константину записку «о предполагаемых действиях судов в Тихом океане в случае войны». ⁵ «Если Петр Великий мог сказать [относительно Петербурга. — М. М.]: «Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно», то, по мнению Попова, Александр II «может повторить слова Петра Великого в том обширном смысле, который соответствует требованиям нынешней России, именно, что *он* прорубил окно во Вселенную». ⁶ Вместе и наряду с США, которые уже представляют противовес Англии в Северной Америке, на берегах Тихого океана может образоваться грозная для Англии сила. Здесь он предлагал взять реванш за Севастополь. Попов понимал, что Англия постарается повторить Севастопольскую катастрофу и признает, что «разрушить порт, уничтожить флот дело возможное для англичан, но покорить народ они не в состоянии». Надо поэтому создать условия и предоставить льготы для переселения. И снова он прибегает к опыту США. «Чтобы достичь густого народонаселения...

¹ Там же, стр. 8—9. Попов имеет в виду военный флот США.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Я их касаюсь лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания русско-американских отношений.

⁵ Оригинал хранится в МИА, дело № 4 от 4/I 1860 г.

⁶ Там же, стр. 1.

надо перенять кое-что из Америки...» Людей мало, следовательно они дороги, а потому «везде и во всем должно предпочитать пар силе человека» и, кроме того, «везде поощрять к тому же...»¹ Пар и быстроту исполнения сооружений, обеспечение самостоятельными материальными средствами, ввиду отдаленности края, и сильный флот — вот что предлагает Попов для освоения Дальнего Востока.

На этот проект обратил внимание вел. князь Константин. Посылая копию предложений Попова графу Муравьеву-Амурскому, он пометил карандашом: «Весьма много дельного и если бы обстоятельства, им предвиденные, осуществились, то не мешает иметь в виду действовать, как он предлагает».² Муравьев-Амурский не замедлил ответить, что он не только разделяет это мнение, но и сам прежде так думал.³ После этого начальство не упускало Попова из виду. Вскоре ему дали звание контр-адмирала.

Осенью 1861 г. обострились англо-русские отношения в связи с попыткой царизма оккупировать Цусиму и построить незамерзающий порт на Дальнем Востоке. 27 июля 1861 г. на о. Цусима с корвета «Посадник» высадился десант под командованием капитана Бирилева, был поднят русский флаг и вскоре начали строить новую морскую станцию с мастерскими, складами и госпиталем. Россия не могла не ожидать протеста со стороны Англии, и действительно последняя не преминула его предъявить, как только об этом узнала. Обострился также и китайский вопрос в связи с тайпинским восстанием и европейской интервенцией.

Естественно, в этих условиях нужен был новый энергичный начальник тихоокеанской эскадры. 13 сентября 1861 г. Попов получил назначение, на следующий день инструкции, а уже 19 сентября он отплыл к месту назначения. Инструкция, подписанная Краббе, но, вероятно, составленная самим Поповым по поручению вел. князя Константина,⁴ давала широкие полномочия начальнику эскадры. По прибытии он должен был немедленно войти в ближайшие сношения с дипломатическими агентами в Китае и Японии и «употреблять все усилия к исполнению всех их требований, клонящихся к достижению указанных им правительством целей».⁵ Попову предоставлено было право рассылать крейсера с целью доставлять в министерство самые подробные сведения о всех прибрежных пунктах Восточной Сибири, которые имеют будущность в стратегическом или торговом отно-

¹ МИА, 1859 г., дело № 4, стр. 2.

² Там же, стр. 3.

³ Там же, стр. 4.

⁴ См. Беломор, «Вторая Тихоокеанская эскадра», «Морской сборник», 1914, № 8, стр. 37.

⁵ МИА, 1861 г., дело № 709 от 13/IX 1861 г., № 50 стр. 19.

шениях; о всех английских, французских, голландских и датских колониях Тихого океана, с описанием степени их важности и с «указанием на те слабые стороны, на которые возможно им при удобном случае нанести с малыми силами значительный вред. На тщательное соби́рание таких данных я обращаю особенное внимание». ¹

После протеста английского министра иностранных дел Джона Росселя и английского адмирала Джона Гопа (Нор), прибывшего на военном корабле на о. Цусима, новая морская станция была покинута русскими военно-морскими силами 28 декабря 1861 г., ² еще до прибытия нового начальника Попова.

В Китае дела были также не блестящи. Восстание тайпинов продолжалось, и сильный десант англо-французских эскадр, стоявших в Вусунге, враждебно действовал не только против повстанцев, но и против правительственных китайских войск. Царское правительство боялось опоздать с интервенцией. Посол в Пекине Баллюзек настаивал на посылке десанта со стоявшего в Вусунге клиппера «Разбойник». Командир последнего лейтенант Бату́рин, который мог выставить десант в 25 человек, «не мог оценить возможности и серьезности момента необходимости вмешательства во внутренние дела Китая» и десанта не послал. По прибытии в апреле в Шанхай «первой заботой адмирала было удовлетворение по возможности требования г. Баллюзека». ³ Попов уволил Батурина и начал организовывать интервенцию в Китае, для чего привлек сибирскую флотилию. Прибыв в Хакодате 1 мая 1862 г., Попов немедленно отправил в Шанхай отряд под командой капитана Бирилева, в составе корвета «Посадник» и клипперов «Наездник» и «Разбойник», с приказом внимательно относиться к требованиям Баллюзека. Начав готовить эскадру к крейсерским операциям на случай войны, Попов подготавливался к поездке в Ситху, Ванкувер и Сан-Франциско. Его прежде всего интересовал путь в Америку.

В это время Попов получил новую инструкцию, подписанную генерал-адмиралом Константином и князем Голицыным 10 января 1862 г. ⁴ В ней не было ничего нового, лишь были сформулированы цели и задачи эскадры, высказанные ранее Поповым в его записках, а также в донесениях из Кадикса от 26, 27 и 28 февраля 1862 г. и в инструкции от 13 сентября 1861 г. Следует все же подчеркнуть некоторые указания инструкции от 10 января 1862 г. Она обращает внимание на исследование Южной Манчжурии, Кореи и Японии (п. 6), предусматривает посещение поселений русско-американской компании и представление о них

¹ Там же, стр. 20.

² Cambridge Modern History, v. XI, p. 843.

³ «Морской сборник», 1914, № 8, стр. 40.

⁴ МИА, 1861 г., дело № 709 от 10/1 1862 г., № 389, лл. 36—38.

сведений и своих заключений (п. 5), а также вменяет в обязанность в случае войны с одной из европейских держав употребить «все усилия для нанесения неприятелю наибольшего вреда». ¹

Эскадра была утверждена в составе 5 корветов и 4 клиперов. Это были разнокалиберные суда с слабосильными машинами, причем разбросанные в Гонконге, Хакодате, Шанхае, Тяньцзине и других местах. По сравнению с английскими и французскими силами на Дальнем Востоке силы русской эскадры были ничтожны. ² Министр иностранных дел Горчаков в своих замечаниях 5 февраля 1862 г. о данной Попову инструкции отметил трудность корсарства, подчеркнув, что «сообщение между Пекином, Тяньцзином и морем находится не в наших руках». ³ И в самом деле, русские корабли могли быть уничтожены, прежде чем они получили бы сообщение о начале военных действий. Эта реальная опасность не могла не заставить Попова искать порты, в которых можно было бы укрыться в случае угрозы войны и где можно было бы получить своевременно сведения о начале войны, а также пополнить продовольствие и т. д. Ни в Тихом, ни в Индийском океанах, где были сосредоточены значительные английские и французские силы, такого порта нельзя было найти и крейсера посылались в эти районы лишь с целью исследования слабых мест колоний. Попов не мог не обратить свои взоры на американский берег. Наряду с другими целями, задача разведки пути была бесспорно главнейшей задачей похода Попова в Сан-Франциско в 1862 г.

По пути в Сан-Франциско Попов посетил русские владения в Северной Америке и сообщал 22 сентября о бедственном положении племени колош в Ситхе, о халатном и невежественном управлении русско-американской компании, эксплуатирующей на коммерческих основах огромную территорию. ⁴ А то, «что колоши вооружены и стреляют лучше нашего гарнизона, что они не менее отважны и многочисленнее русского населения, не подлежит сомнению». ⁵ С пути он доносил также о положении русских владений по Амуру и Уссури, обращал внимание на развитие каменноугольной промышленности на Сахалине и про-

¹ МИА, 1861 г., дело № 709, стр. 37.

² Английские морские силы на Востоке в 1860 г. были следующие: в Китае 9 крупных паровых и 7 парусных кораблей, в Ост-Индии 12 средних паровых и 7 мелких парусных, в Австралии 2 паровых и 3 парусных, в Тихом океане 6 паровых, 7 парусных кораблей и около 50 канонерских лодок. Франция сосредоточила в Кокхингине и Китае 15 средних паровых, 9 парусных кораблей и 16 канонерских лодок; кроме того, было много судов на островах, а в Кокхингине 4-тысячный десант (МИА, дело № 4, стр. 17).

³ МИА, 1862 г., дело № 709 от 5/II 1862 г., № 499, стр. 58.

⁴ Администрация колонии даже не знала, что существовали золотые прииски на реке Стахин и что из-за них возникали споры и происходили столкновения с англичанами. См. МИА, 1862 г., дело № 113.

⁵ Там же, донесение № 131 от 22/IX 1862 г., стр. 48.

сил разрешения послать судно на р. Стахин для «умиротворения споров» из-за золотых приисков.

В отношении Китая Попов считал несвоевременным активное участие в интервенции в связи с тайпинским восстанием, которым воспользовались западно-европейские державы для подчинения Китая. «Изложив свой взгляд, — писал Попов вел. князю Константину, — на воинственное направление полковника г. Баллюэка, я почтительно прошу... прислать точный приказ относительно участия, какое мы должны принимать в нынешних событиях в Китае». ¹ Только 22 мая 1863 г. Краббе частным письмом ответил, что «министерство иностранных дел признало своевременным уклониться от вооруженного вмешательства для подавления восстания тайпинов» ² в связи с опасностью европейской войны из-за польского вопроса. Любопытно, что, подчеркивая неоднократно убедительность и ясность политических рассуждений Попова о китайских делах, Краббе ни словом не упоминает ни о сахалинском угле, ни о найденных нефтяных источниках, ни об открытых золотых приисках, ни о колониях на Аляске и т. д. Все эти вопросы сразу же были погребены в канцелярских дебрях царской бюрократии.

Попов вернулся из Сан-Франциско в Нагасаки 9 ноября 1862 г. и продолжал готовиться к крейсерским операциям. В начале 1863 г. он сам устроил на о. Кодьяк (Аляска) угольный склад. Польское восстание не было тайной для Попова. Из американских газет он узнавал подробности развития польского восстания, причем некоторые газеты, выдавая желаемое за действительное, еще до 5 апреля предсказывали вмешательство Англии и Франции. Не мог не предвидеть этого и сам Попов, давно готовившийся к военной угрозе. Еще в ноябре 1862 г. он устроил чистку командного состава, названную в кругах офицерского морского собрания «погромом». В рапорте от 21 ноября 1862 г. управляющему морским министерством Попов мотивировал это тем, что «приказания, на днях только полученные мною, об оказании содействия китайскому правительству [в борьбе с тайпинами. — М. М.] сделали эту меру совершенно необходимой». ³ Отряд капитана II ранга Чебышева был направлен по Ян-Цзы, все остальные корабли эскадры были разбросаны по океану. Сам Попов только 8 мая 1863 г. вернулся из Южного полушария в Нагасаки, а 8 июля, возвратясь из Охотского моря в Николаевск, он получил через Омск и Иркутск зашифрованную телеграмму Краббе, посланную 22 апреля. ⁴ Краббе, сообщая

¹ Там же, донесение № 109 от 5/VIII 1862 г.

² Там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Там же, 1863 г., дело № 105 (о подлежащих тайне распоряжениях, вызванных польскими событиями), зашифрованная телеграмма 22/IV, ч. I, стр. 39.

о создавшихся политических обстоятельствах вследствие польского восстания, предлагал немедленно сосредоточить все морские силы с тем, «чтобы в случае разрыва с некоторыми державами отдельно плавающие суда наши, не зная о разрыве, не смогли подвергнуться нечаянному нападению. В случае открытия войны, прошу вас направить суда вашей эскадры по вашему усмотрению на слабые и уязвимые места неприятельских владений или распределить их на торговых путях для нанесения противнику всевозможного вреда и ущерба...»¹ Подробности же были посланы специальным курьером через Пекин. Краббе также сообщал, что Горчаков в данный момент не находит удобным вмешиваться во внутренние дела Китая и не настаивает на посылке кораблей в Ян-цзы.

В ночь на 9 июля Попов отправился из Николаевска на назначенное рандеву в Хакодате, куда должна была собраться эскадра. В письме к Краббе с пути от 9 июля Попов сообщал, что если он будет иметь в своем распоряжении 3—4 недели, то эскадра будет в состоянии нанести много вреда неприятелю, «прежде нежели понадобится исключить нас из списков флота». ² Пунктом для сосредоточения эскадры и установления связи с Россией им был уже избран Сан-Франциско, куда он намерен был направиться, в случае если война начнется не так уж скоро. Телеграф из Петербурга был доведен тогда только до Омска, а дальше телеграмма доставлялась курьером. Попов по опыту знал, с какой быстротой доставлялись шифрованные телеграммы: телеграмма от 22 апреля была получена 8 июля, т. е. через 2¹/₂ месяца. В руках же англичан была хорошо налаженная почта и телеграф. Английская и французская эскадры, получив сообщение о войне значительно раньше, чем русские суда, могли иметь возможность внезапно напасть на последние в любом из японских, китайских и других тихоокеанских портов, в которых они привыкли безнаказанно действовать. Коснувшись лишь вскользь этого вопроса в письме от 9 июля, Попов подробно изложил в донесении из Шанхая от 3 августа 1863 г. мотивы, побудившие его избрать Сан-Франциско. «Я предполагаю, — писал он, — соединить суда вверенной мне эскадры в Сан-Франциско. Я принял такое решение, потому что не имею здесь других указаний, кроме собственных своих соображений, которые мне говорят, что наши порты неудобны для сосредоточения, так как не представляют никаких способов ни для продовольствия эскадры, ни для необходимых исправлений. И следовательно, в случае даже своевременного получения известия о войне, я вместо того, чтобы выбежать с полными запасами и совершенно исправными судами, — отчего наи-

¹ МИА, 1863 г., дело № 105, стр. 39.

² См. «Морской сборник», 1914, № 10, стр. 36—37.

более зависит успех наших действий, — принужден буду выйти в море в таком состоянии, которое заставит нас искать не успехов, а пропитания, не борьбы с неприятелем, а широт, обещающих спокойное плавание». ¹ Далее он ссылается на отсутствие в русских портах почтовых сообщений и продолжает: «Следовательно, я должен буду держать одно из судов в Шанхае, откуда оно наверное не будет выпущено англичанами, потому что, как я уже доносил [9 июля. — М. М.], они могут воспользоваться Бомбейской почтой и телеграфом до Калькутты, а оттуда военными судами». По расчетам Попова английские суда могли, по крайней мере, на 2—3 недели раньше получить известие о войне. Что же касается голландских и португальских колоний, то и они не представляли больших удобств. Государства же центральной и Южной Америки, хотя и не выгонят из своих портов, но они наводнены поляками и главное — не смогут помешать французским и английским судам наблюдать за эскадрой на своих рейдах.

«Таким образом, — приходит к выводу Попов, — остаются Соединенные штаты, которым Англия и Франция надоели донельзя последними своими вмешательствами». ² Почти двухлетние наблюдения привели Попова к этому выводу. Он, разумеется, еще ничего не знал об эскадре Лесовского.

В морском министерстве думали совершенно иначе. Так, помощник управляющего Грейг в телеграмме Попову от 3 июня сообщал план доставки известий Попову из Петербурга: до Омска телеграфом, затем специальным курьером через Кяхту в Пекин, а затем в Тяньцзинь. Попов же должен был послать специальное судно к устью Пейхо в Печилийском заливе, которое, дождавшись извещения, должно было направиться в Шанхай и доставить его Попову. Более фантастический план действительно трудно было придумать. И, вероятно, опасаясь, что Попов осмелится не выполнить его, Краббе 20 июня телеграфно подтверждает распоряжения Грейга, но в отличие от последнего он добавляет: «Но я не могу ручаться [еще бы! — М. М.], чтобы английские или французские правительства при средствах, которыми они обладают, не успели бы сообщить своим эскадрам о начатии военных действий ранее, нежели мой курьер доедет до вас». ³ Только ли это! Мог ли Краббе ручаться, что судно сможет выйти из Пейхо и доедет до Шанхая? В Шанхае было значительно больше судов английских и французских и они бы, конечно, преследовали русскую эскадру. Попов с этим не мог не считаться и, невзирая на директивы морского министерства (возможно даже, что он отплыл из Шанхая еще до получения.

¹ МИА, 1861 г., дело № 91, ч. II, стр. 411.

² Там же, стр. 412.

³ «Морской сборник», 1914, № 10, стр. 39.

их), отправился в Сан-Франциско, единственный порт, где он мог найти продовольствие, отремонтировать суда и получить своевременно извещение через Вашингтон и Нью-Йорк. Более того, застав в Шанхае быстроходный клиппер «Гайдамак», перечисленный в сибирскую флотилию еще в 1862 г., Попов 20 июля приказал ему следовать в Сан-Франциско.¹ Краббе негодовал против всех этих самовольных поступков. В письме Попову от 14 октября 1863 г. он писал: «Разлука с «Гайдамаком» произошла для меня совершенно неожиданно и служит новым доказательством затруднений и недоразумений, причиняемых тем огромным расстоянием, которое нас разделяет. «Гайдамак» уже давно перечислен в балтийский флот приказом от 15 июля».²

Инцидент с «Гайдамаком» был лишь незначительным поводом. Еще раньше, 3 августа, Краббе писал Попову: «...Вы, командующий эскадрой, не зависящей ни от какого правительства и смотрящей на морское министерство, как на учреждение, обязанное лишь платить безграничную дань всем вашим прихотям. Всему есть границы и пределы. Я полагал, что и вашему своеобразию есть граница, во всяком случае могу уверить вас, что есть предел моему терпению и что вы уже довели меня до этого предела, за который я не хотел бы переступить ни ради себя, ни ради вас».³ После неугодных начальству действий Попова в Сан-Франциско Краббе уведомил последнего 23 мая 1864 г. об освобождении его от флагманства над тихоокеанской эскадрой.

Тихоокеанская эскадра появилась неожиданно в водах Сан-Франциско в октябре 1863 г. не по директиве, а против воли морского министерства и без ведома дипломатии.

Прибытие эскадры в американские воды не имело никакого отношения непосредственно к гражданской войне в США.

5. История снаряжения атлантической эскадры С. Лесовского

Сразу после представления 17(5) апреля 1863 г. Францией, Англией и Австрией протеста русскому правительству против репрессий в Польше все ведомства усилили подготовку к войне.

Однако до конца мая 1863 г. никто и нигде не упоминал о существовании даже идеи об организации атлантической эскадры. Впервые мысль о снаряжении подобной эскадры выдвинул престарелый член государственного совета адмирал Мелихов в своей записке от 28 мая 1863 г. «о необходимых мерах на случай раз-

¹ МИА, 1861 г., дело № 91, Секретная инструкция, № 106.

² «Морской сборник», 1914, № 10, стр. 41 (указано по старому стилю. — М. М.).

³ Там же, стр. 51.

рыва с некоторыми европейскими державами». Через князя Голицына записка была представлена 3 июня Александру II, по повелению которого она была переслана управляющему морским министерством Краббе. 11 июня Краббе уже ответил Мелихову, что большая часть мер, предлагаемых им по морскому ведомству, приведена или приводится в исполнение.¹ В действительности это было совсем не так.

Мелихов действительно придерживался точки зрения морского министерства в отношении тихоокеанской эскадры, суда которой «должны быть удержаны при амурских портах и захватом богатых купеческих судов неприятеля они нанесут его торговле значительный вред, что может возбудить значительные жалобы в отношении войны, предпринятой против России».² Вместе с тем он предложил и новую меру. «С этой целью, — писал он далее, — полезно даже было бы отправить, не теряя времени, несколько лучших клипперов в порты Соединенных Штатов с тем, что, когда возгорится война, они были бы употреблены против коммерческих судов воюющих с нами держав; конечно, суда эти могут быть взяты, но до того времени они нанесут существенный вред неприятелю, особенно если будут управляемы с искусством, подобным тому, как управляется известный пароход южных американских штатов «Алабама» и после того «Флорида». По мнению Мелихова, Франция, при расстройстве ее финансов и при начавшемся негодовании против существовавшего режима, не могла вести продолжительной войны. «Наполеону III необходимо короткой, но блистательной кампанией восстановить веру в свою угасающую звезду».³ В связи с этим он придавал большое значение крейсерству. Мелихов, возражая против сомнений в возможности войны из-за польского вопроса, советовал «не надеяться ни на кого, как сами на себя» и немедленно снарядить корабли для «нанесения вреда торговле».⁴

Морское министерство эту меру, как мы видели, предложило 22 апреля контр-адмиралу Попову. Однако в отношении снаряжения атлантической эскадры оно ничего не предпринимало. Так, в записке от 3 мая 1863 г., удостоенной одобрения Александра II, Краббе, описывая меры, принятые в предвидении войны с западными державами, упомянул только о распоряжении Попову от 22 апреля «нанести чувствительный удар торговле противника» и совершать нападения на слабые места

¹ МИА, 1863 г., дело № 105 (о подлежащих тайне распоряжениях, вызванных польскими событиями), ч. II, стр. 92. (Все даты в данном разделе указаны по старому стилю. — М. М.)

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 90.

колониальных владений в Тихом океане, но ничего не говорил о каких-либо мероприятиях в Атлантическом океане.¹

Краббе в своей докладной записке Александру II от 12 мая, подробно описывая директивы Попову, также ничего не указал о действиях в Атлантическом океане. Более того, Краббе в это время считал, «что невозможность встретить неприятеля в открытом море отнимает условие подвижности у наших нынешних морских сил».²

Фрегат «Ослябя», который одним из первых впоследствии был включен в атлантическую эскадру, Краббе намеревался перевести в Кронштадт.³ В распоряжениях по морскому ведомству от 25 мая относительно приготовления на случай войны речь шла о снаряжении двух эскадр: одной для крейсерства у берегов Курляндии, другой — у берегов Финляндии. Ничего не упоминалось об Атлантической эскадре. В первую эскадру вошли фрегат «Пересвет», клипперы «Алмаз», «Жемчуг», которые были затем отозваны и включены в атлантическую эскадру.⁴ До июня Краббе (а он бесспорно отражал в этом вопросе мнение двора и был информирован министерством иностранных дел) не выражал таких опасений о непосредственной угрозе войны, как Мелихов. В письме к начальнику сибирской флотилии Краббе писал: «Настоящие политические обстоятельства по случаю восстания в Польше могут при известных случайностях повести к войне с морскими западными державами. Дипломатические переговоры ведутся пока довольно миролюбиво, но тем не менее считаю нужным предупредить во-время о возможности разрыва, дабы война не застала вас неприготовленным».⁵

В июне последовал второй протест Франции, Англии и Австрии. Русский посол в Лондоне Бруннов в депеше от 18(6) июня и посланник в Стокгольме Дашков в депеше от 17(5) июня сообщили об отправке из Копенгагена отряда Лапинского и о намерениях польского комитета снарядить в качестве каперов несколько паровых и парусных судов с целью нанести русскому судоходству и торговле всевозможный вред, а также о стараниях его достать оружие на 150 тыс. ф. стерл.⁶ Только после этого и ряда других указаний из-за границы Краббе извлек предложение Мелихова (выдав его, кстати, за свое собственное) о снаряжении

¹ МИА, 1863 г., дело № 105, ч. I, стр. 197—201.

² Там же, ч. II, стр. 310—312.

³ «После вчерашнего нашего разговора в Зимнем дворце, — писал Краббе Горчакову, — не следует ли ныне же отозвать из Средиземного моря фрегат «Ослябя», который для перехода из Пирея [где он находился в связи с восстанием в Греции. — М. М.] в Кронштадт должен во всяком случае употребить не менее месяца» (МИА, 1863 г., дело № 105, ч. I, л. 207).

⁴ Там же, дело № 107, лл. 35, 177.

⁵ Там же, л. 115.

⁶ Там же, ч. II, л. 101.

судов для крейсерства в Атлантическом океане. Он поручил помощнику главного коменданта Кронштадтского порта по морской части контр-адмиралу Шестакову, исполняющему должность директора морского кадетского корпуса капитану 1 ранга Римскому-Корсакову и К. П. Посьету на основании его чернового наброска составить инструкцию и представить свои предложения. Краббе, как это было изложено в черновом наброске, предполагал, под видом обычного заграничного плавания и «под предлогом, что переговоры идут к миру», снарядить для крейсерства эскадру из 2 фрегатов, 2 корветов и 3 клипперов, под начальством контр-адмирала Унковского, известного своими заграничными плаваниями. Снаряжение и в особенности цель эскадры должны держаться в строгой тайне. Суда должны разойтись по разным районам плавания и, как только достоверно узнают «о разрыве с западными державами, то шли бы по разным коммерческим путям и старались бы нанести всевозможный вред торговле наших врагов, уничтожая корабли и грузы». Рандеву, куда могли бы сходиться крейсера в назначенный срок, должны быть избраны вне всяких обычных путей и держаться в секрете. Краббе предполагал снабдить суда по крайней мере на два года деньгами и снарядами. Он не только не назначал портов, где могли бы собираться крейсера, но даже советовал их избегать. Вопросы о продовольствии, ремонте судов, об отдыхе команды Краббе совершенно обошел, хотя в своем плане предусмотрел шифры, ключи, опознавательные сигналы и пр.¹ Более того, первоначальный план Краббе, изложенный им в беседе с капитаном Римским-Корсаковым, как это передано в записке с возражениями последнего, сводился ксылке лишь одного фрегата «Ослябя». «Но при такой комбинации, — писал Римский-Корсаков 20 июня, — какую вы предполагали, мне и начальствование эскадрой не улыбается. При такой обстановке я бы вышел в море, извините за выражение — поджавши хвост, без всякой уверенности в своих силах. Ежели вы хотите выслать «Ослябя», а прочие фрегаты оставить, то... с одним фрегатом нельзя и думать что-либо предпринять против неприятельских военных сил...»² Черновой набросок составлен был Краббе не раньше середины июня и учитывал соображения ряда военно-морских чинов, с которыми он беседовал.

Наиболее обстоятельную записку с соображениями о составе и направлении эскадры представил 20 июня Римский-Корсаков. В случае войны, по его мнению, фрегаты и корветы в Балтийском море не могут быть ни к чему пригодны. Нецелесообразно использовать команды кораблей на фортах и батареях в случае бомбардировки, так как для этого можно обучить и сухопутные

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. I, л. 1.

² Там же, л. 13.

войска. «Словом, ежели вы хотите извлечь пользу из этих судов, то их нужно постараться выслать в океан до начала войны». Что же касается состава эскадры, то «ежели вы не хотите оставаться на полумерах, всегда вредных, — советует Римский-Корсаков, — высылайте все фрегаты и корветы, по меньшей мере три фрегата и два корвета». Римский-Корсаков предусматривал посылку сильных фрегатов не с тем, «чтобы щипать купцов...»,¹ а для того, чтобы уничтожать или захватывать суда, используя последние в качестве транспорта для подвоза к эскадре военных и других припасов, а более легкие и ходкие из них превращать в крейсера. Фрегаты должны были «навести страх на коммерческие предприятия, парализовать их». Главную же цель эскадры он видел в соединенных действиях всех кораблей против неприятельских отдельных военных судов или слабых отрядов, либо против слабо защищенных колоний, налагая на последние военные контрибуции. Сведения о расположении неприятельских военных сил рекомендовал он «добывать от купеческих судов дружественных держав, как например от северо-американцев». ² Суда должны следовать враспыленную на юг и крейсировать отдельно на торговых путях, а в условленные сроки сходить в заранее назначенном randevу вне торговых путей, не заходя в какой-либо порт. ³ В отличие от Краббе, Римский-Корсаков предусмотрел вопрос о продовольствии и о получении известий о начале войны. «Один из корветов или, пожалуй, оба могут разными путями идти в один [в другом месте он предлагает два. — М. М.] из Северо-американских портов и там дожидаться объявления войны, а также и уговориться с нашим консульством насчет фрахтования судов для снабжения эскадры». Так же как и Попов и Мелихов, Римский-Корсаков понимал необходимость использования портов США, но, в отличие от них, он предпочитал посылать всю эскадру к берегам Африки, Австралии, в шхеры и т. д. Для отдыха же команды «нечего опасаться заходить в дружественные порты слабых держав, как например Перу и Чили. Очень мало вероятия там наткнуться на сильнейшего неприятеля». К тому же он рекомендовал эскадре распустить слух через купеческие суда, что она крейсирует в северном полушарии, а самой прибыть в южное. В дополнении к своей записке, учтя, вероятно, международную ситуацию, Римский-Корсаков писал, что от северо-американцев крейсера могут всегда ожидать самой усердной помощи и содействия. «Надо, однако, помнить, что они болтуны и хвастуны и

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. I, л. 12. Он считал это «несовместимым с достоинством флота».

² Там же, л. 13.

³ Там же. Он, например, предлагал собираться в глухих местах у Зондского архипелага, у восточных берегов Африки или у западных берегов Австралии, в патагонских шхерах и т. д.

этого с их стороны надо всеми мерами остерегаться». ¹ Для исправлений важных повреждений суда могут смело входить в североамериканские порты. Услужливых «американцев-спекулянтов» можно также, по его мнению, использовать для торговли призами, для переброски пополнений команд и т. п. Нельзя не отметить интересный штрих: всюду речь идет о Северной Америке, а не о северных штатах США. Не случайно Римский-Корсаков не называет порта в Северной Америке, куда могли бы зайти русские суда, в то время как в своей записке он подробно рассмотрел все детали. Вероятно, выбор порта он предоставлял начальнику эскадры в зависимости от ситуации.

Более решителен был в этом отношении контр-адмирал И. А. Шестаков. В своей коротенькой записке он, в случае если войны еще не будет, советовал части эскадры (фрегату, корвету и 2 клипперам) «заглянуть в Чарльстон». ² Шестаков предлагал раздвоить эскадру таким образом, чтобы часть крейсировала в южной части Атлантического океана, а другая часть в Индийском океане на пути следования судов из Индии в Европу. Рандеву он намечал у Азорских о-вов, у Мельбурна в Австралии и т. д. Захваченные пароходы следовало или обращать в крейсера, или истреблять. Главная же цель эскадры — «наносить вред торговле». ³

Несколько иные соображения были изложены в записке К. П. Посьета. ⁴ Он предлагал выжидать начала войны всем отрядом к западу от португальских берегов и вне главных путей торговли, для получения же сведений посылать суда в португальские порты; для снабжения провизией организовать транспорт или подойти к берегам Бразилии (в глухое местечко Кармен) и Лаплаты в Южной Америке. По мнению Посьета, фрахтовать суда было бы весьма удобно в Северной Америке, но в настоящее время их может захватить «Алабама» или другой крейсер южных штатов. В остальном его план почти не расходился с предыдущим.

Во всех представленных планах порты Северной Америки в той или иной мере (иногда вскользь) фигурировали как базы эскадры, ибо нельзя было найти других баз для ремонта, снабжения, отдыха команды и получения известий. Положение России было таково, что кроме портов северных штатов США в Атлантическом океане нельзя было и думать что-либо использовать. Планы Шестакова и Посьета (о португальских берегах и пр.) были сущей утопией. Как будто португальские порты, так же как и южно-американские, не находились под сильнейшим контро-

¹ Там же, л. 17.

² Там же, л. 18. Чарльстон — порт рабовладельческого штата Ю. Каролины.

³ Там же, л. 19.

⁴ Там же, лл. 33—40.

лем английских и французских военно-морских сил. С организацией транспорта, в случае войны, не так уж было просто. Нужны были не только гавани для укрытия и снабжения продовольствием, но базы и для ремонта судов и хорошо налаженная связь для получения известий о начале войны. Все это не могли не понимать в морском министерстве и министерстве иностранных дел. Однако не сразу было решено использовать порты США.

В докладной записке, поданной Александру II 23 июня 1863 г. о посылке эскадры в Атлантический океан, Н. К. Краббе ничего еще не предлагал относительно использования нью-йоркского или другого порта.¹ В этой записке наиболее четко были сформулированы причины и цель снаряжения эскадры. Ссылаясь на директивы, данные Попову «о нанесении всевозможного вреда обширным торговым интересам неприязненных к нам держав...» в случае войны с западными державами, Краббе писал: «Сознавая весь вред, который эта система действий могла нанести нашим противникам, и проникнутый желанием, чтобы флот наш, лишенный возможности действовать наступательно в наших морях против соединенных флотов западных держав, мог принести в минуту опасности наибольшую пользу государству и не ограничил своих действий одной пассивной обороной доступов к Кронштадту». Он выдвинул «... предположение об отправлении в Атлантический океан особой эскадры для действий против неприятеля по той же системе, которая дана была в руководство эскадре Тихого океана, не стесняя впрочем круга ее военной деятельности одним океаном Атлантическим и предоставляя крейсерам, смотря по обстоятельствам, совершать набеги и в другие моря».²

Краббе затем ссылался на примеры из истории морских войн и подвигов каперов южных штатов, «которые служат ручательством в том, что вред, который подобные крейсера в состоянии нанести неприятельской торговле, может быть весьма значителен». «Не подлежит сомнению, — продолжал Краббе, — что в числе причин, заставляющих Англию столь постоянно уклоняться от войны с Американскими штатами, — опасения, возбуждаемые воспоминаниями об убытках, нанесенных английской морской торговле в прошедшие войны с Америкой, занимают одно из первых, если не первое место, и поэтому я позволяю себе думать, что появление нашей эскадры в Атлантическом океане в настоящее время может иметь на мирное окончание происходящих ныне переговоров более влияния, нежели сухопутные вооружения, имеющие в особенности по отношению к Англии чисто оборонительный характер, который не угрожает жизнен-

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. I, лл. 4—11.

² Там же, лл. 4—5.

ным интересам этой морской и коммерческой страны». ¹ Вероятно еще сомневаясь в том, насколько соображения о необходимости отправки эскадры убедительны для Александра II, и учитывая, что последний может опасаться гибели или захвата неприятелем судов, разбросанных по океанам обоих полушарий, Краббе писал: «... Но предвидение подобной случайности не должно, как мне кажется, остановить исполнение этого предположения, потому что всякие войска — и морские, и сухопутные — подвергаются подобной случайности во время войны и вред, нанесенный неприятелю каждым из крейсеров отдельно и всеми ими в совокупности, далеко вознаграждает потерю некоторых из этих судов, которые в Кронштадте, при тесноте рейда, на котором они должны будут укрыться за береговыми укреплениями, не принесут большой пользы и не только не будут сами в безопасности, но числом своим увеличат еще более опасность, угрожающую всем судам, стесненным в узком пространстве малого Кронштадтского рейда, от зажигательных снарядов неприятеля». ²

Таковы причины, мотивы и цели снаряжения эскадры, не имевшие непосредственно никакой связи с гражданской войной в США. К этому выводу приводят факты, к которым трудно что-либо прибавить; эти факты еще труднее опровергнуть какими-либо сомнительными воспоминаниями, на почве которых только и могла пышно расцвести легенда об эскадре, якобы посланной к берегам США для того лишь, чтобы продемонстрировать дружбу и сочувствие царской России борьбе американского народа против попытки южных мятежников создать рабовладельческое государство.

Однако атлантическая эскадра была действительно направлена и пребывала в водах США; поэтому придется все же до конца проследить судьбу эскадры и ее бесспорно огромное влияние на общественное мнение в связи с американскими событиями.

В той же записке от 23 июня Краббе, опасаясь влияния появления крейсеров в океане на ход политических дел в Европе, подчеркивал необходимость «содержать это предположение в величайшей тайне, ибо при нынешнем настроении английского правительства оно, получив сведения о снаряжении наших крейсеров, постарается, вероятно, ускорить развязку польского вопроса, чтобы иметь возможность воспротивиться выходу наших судов из Балтийского моря». ³

Краббе полагал сообщить тайную цель посылки эскадры только начальнику ее и лишь в последнюю минуту командирам кораблей, официально же объяснить цель похода эскадры

¹ Там же, лл. 6—7.

² Там же, л. 9.

³ Там же, л. 7.

необходимостью очередной смены судов в Средиземном море и Тихом Океане. Надо отдать справедливость, тайна сохранялась неплохо, и это создавало благоприятную почву для любых догадок и предположений, иногда попадавших в цель, но чаще измышляемых в зависимости от ситуации таким образом, чтобы выдать желаемое за действительное. Эта таинственность и способствовала созданию легенды.

Краббе полагал составить эскадру из 3 фрегатов, 2 корветов и 3 клипперов, а флагманом ее назначить контр-адмирала Унковского, который совершил ранее два кругосветных путешествия. На эскадру не требовалось больших средств. По сравнению с программой заграничного плавания на 1863 год в эскадру были дополнительно включены лишь 2 корвета и 1 клиппер.

25 июня Александр II разрешил «привести в исполнение» предложение о снаряжении эскадры. 2 июля Александр II, в связи с отказом Унковского, назначил, по представлению Краббе, флагманом эскадры капитана I ранга Лесовского, здесь же произведя его в контр-адмиралы «за отличное выполнение, особо возложенного на него поручения по собиранию сведений о постройке броненосных судов в Америке». ¹

26 июня началось комплектование эскадры. ² Все намеченные суда были собраны и снаряжены в Кронштадте. Министерством иностранных дел 7 июля была послана шифрованная телеграмма Блудову, посланнику в Афинах, о распоряжении морского министерства отправить фрегат «Ослябя», находившийся еще в Трое, в Геную и ждать там дальнейшего приказа. ³

В министерстве иностранных дел к идее посылки эскадры относились сдержанно, а кое-кто даже отрицательно. Как мы видели, только 7 июля, после ряда напоминаний, депеша была отправлена в Афины. В ответ на просьбу Краббе от 6 июля просмотреть свод законов для выяснения вопроса о призах для командующего эскадрой ⁴ Горчаков писал спустя два дня: «Надеюсь, что в настоящую минуту, более чем когда-либо, мы не преступим пределов парижского трактата». ⁵ Посол в Лондоне Бруннов, как только узнал о существовании атлантической эскадры, писал о тревоге и беспокойстве за англо-русские отношения, которые могут ухудшиться в результате посылки эскадры, так как Англия болезненно заботится о неприкосновенности своей торговли. ⁶

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, л. 4.

² Там же, дело № 105, ч. II, л. 141.

³ Там же, дело № 109, ч. I, л. 55.

⁴ Там же, дело № 109, ч. I, л. 52.

⁵ Там же, дело № 105, ч. II, л. 200.

⁶ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Бруннов — Горчакову 5(17)X. 1863 г., № 250; см. также «Красный Архив», 1930, т. 38, стр. 162—164.

Как сообщал Краббе Лесовскому 16 октября, письмо Брунова даже оказало вначале некоторое влияние на Горчакова,¹ который впоследствии под влиянием приема эскадры в Нью-Йорке сознался, что «сосредоточение наших морских сил в Северной Америке в политическом смысле — мысль удачная, а в исполнении — отличная».² Но и затем Горчаков не придавал большого значения эскадре, считая, что ее «сосредоточение прежде всего имело цель обеспечить безопасность, так как нам в ближайшем времени угрожала война», в которую он, кстати, сам верил мало.³ Возвращая депешу Брунова, Краббе в ответе Горчакову 10 октября писал: «... Весьма сожалею, что вновь расхожусь в мнении с маститым и глубоко уважаемым мною Нестором нашей дипломатии о влиянии появления нашей эскадры в Атлантическом океане. Если Англия, как он пишет и как мы все знаем, так болезненно заботится о неприкосновенности своей торговли, то возможность вредить этой торговле должна, как мне кажется, удалить возможность этой войны, а не привлечь ее».⁴ Александр II, также как и Краббе, считал опасения Брунова «преувеличенными и несправедливыми»,⁵ но тогда, когда стали известны характер приема эскадры в США и отклики на это в Европе.

Снаряжение эскадры было делом исключительно морских кругов, проведенным в целях подготовки к возможной войне, в связи с протестами европейских держав по польскому вопросу, без ведома и поддержки министерства иностранных дел. В последнем, вероятно, узнали о снаряжении эскадры только в начале июля; что же касается Брунова, то он узнал об этом из письма Стекла, 5 октября,⁶ а сам Стекло не ранее августа.⁷

На нью-йоркский порт как на первый пункт следования впервые указывается в «Инструкции начальнику эскадры», утвержденной Александром II в Царском селе 11 июля.⁸ В то же время была послана депеша Стекло в Вашингтон для выяснения отношения федерального правительства к временному пребыванию эскадр в портах США для ремонта и снабжения судов продовольствием. Ответ Стекла был выслан из Вашингтона

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, лл. 22 и 29.

² Там же, л. 31.

³ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160 (дополн.), Горчаков — Стекло 14/X 1863 г. (копия), л. 49.

⁴ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, лл. 23—24.

⁵ Там же, ч. II, л. 60. См. АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Брунов — Горчакову 5(17)X 1863 г., № 250 с пометкой Александра II, очевидно, от 10/X: «Он во многом прав, но это не причина для того, чтобы отказаться от пребывания нашей эскадры в этих морях».

⁶ МИА, 1863 г., дело № 105, ч. II, л. 223.

⁷ Там же, дело № 109, ч. II, лл. 36—38.

⁸ Там же, ч. III, л. 59.

только 23(11) сентября, прибыл в Петербург к Горчакову 9 октября вечером и передан Краббе утром следующего дня.¹

Разумеется, не было никакой надежды получить ответ, по крайней мере, до конца сентября. Но не желая ждать до этого времени, спешили выслать эскадру в океан до августа,² тем более, что 14 июля Горчаков сообщил Краббе строго по секрету телеграфное известие, полученное «сегодня поутру из источника не дурного, но не могу сказать вполне достоверного», о подготовке во Франции поляками большой эскадры.³ По поводу же того, что суда эскадры должны быть в океане, вдалеке от европейских берегов, еще до того, как будет объявлена война, расхождений и сомнений не было. Поэтому, естественно, все эти хотя и сомнительные данные заставляли морское министерство спешить с отправкой эскадры. Уже 8 июля было отдано распоряжение казначейству выдать деньги Лесовскому, «потребовав их негласно на известные его величеству употребления»,⁴ 11-го была подписана инструкция, а 14-го вручена Лесовскому.

Цель отправки эскадры «состоит в том, — говорится в инструкции, — чтобы, в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всевозможными и доступными вам средствами против наших противников, нанося посредством отдельных крейсеров *наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всей эскадрой на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний*».⁵

Такова была действительная цель эскадры, неоднократно, и ранее и позже, выражавшаяся в секретных документах. Что же касается мнимой цели, официально объявленной, то лучше всего выразил ее Краббе в письме к Лесовскому 16 октября 1863 г. «Официальная, открытая цель и причины пребывания эскадры в Америке заключаются в том, — напутствует Краббе Лесовского, — что, при современном состоянии политических дел, морское министерство сочло неблагоприятным отправить отдельно очередные суда на станции в Средиземном море и в Тихий океан. Имея же в виду,

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Стекло — Горчакову 11(23) IX 1863 г., № 62, лл. 13—15; МИА, 1863 г., дело, № 109, ч. II, л. 36.

² Бруннов, запрошенный о возможных сроках разрыва, только 24/VII (5/VIII) ответил, что «до получения решительного ответа от императорского двора политические сношения наши не прекратятся. По всей вероятности, нельзя ожидать ответа из Петербурга прежде конца сего месяца, т. е. 18 (30) VIII. При настоящих затруднительных обстоятельствах, конечно, нельзя ручаться за будущее на неопределенное время» (МИА, 1863 г., дело № 105, ч. II, л. 223). Подобные настроения были и в Петербурге.

³ МИА, 1863 г., дело № 105, ч. II, л. 209.

⁴ Там же, дело № 109, ч. I, л. 57.

⁵ Там же, ч. III, лл. 123—124 (подчеркнуто мной. — М. М.).

что Балтийские порты замкнуты льдами в течение почти целой половины года и что, в случае ожидаемого мирного исхода переговоров по польскому вопросу, станции наши не будут своевременно освежены новыми судами, министерство, изыскивая средства соединить требования благоразумия с необходимостью не лишать флота заграничной, столь высоко ценимой нами практики, и вместе с тем дать возможность освежить своевременно наши морские станции за границей, — пришло к заключению, что единственным средством к достижению этой цели представляется отправление судов, назначенных на станции *в порты державы, на нейтральность которой мы могли [бы] совершенно положиться, и что по этой и по многим другим причинам порты Северо-Американских Штатов были избраны местом соединения заграничных наших судов* впредь до того времени, когда обстоятельства позволят разослать по принадлежности на предназначенные им станции. Это объяснение не противоречит истине, в этом смысле вы, конечно, говорите и впредь будете говорить». ¹ И действительно, последним (151) пунктом инструкции предусмотрено было, что «в случае мирного исхода настоящих переговоров о польских делах суда... должны будут отправиться по назначению в заграничное плавание». ² Это сэкономило средства и как бы доказывало задним числом правдивость официальной версии. «Но это впрочем, — советовал Краббе в письме Лесовскому, — не мешает вам включить в официальный и частный разговор приятные для американцев речи о сочувствии и дружбе обоих народов и о давнишнем желании наших моряков сблизиться со свободными гражданами Великой республики». ³ Реальный смысл выражения «по многим другим причинам» заключался в том, что необходимо было использовать порты США для ремонта, снабжения судов, связи с Петербургом и т. д. Однако в данной связи эти вообще малозначащие слова приобретали магическую силу для догадок и давали пищу различным толкованиям о русско-американских отношениях и о причинах прибытия эскадры. Можно было создавать легенды, вплоть до того что «имелись запечатанные инструкции для оказания помощи Северу против Юга» и пр. и пр. К тому же, эта мистификация, которая по совету Краббе должна была сопровождаться «приятными речами о сочувствии свободным гражданам Великой республики» и «дружбой обоих народов», разумеется, могла еще больше ввести в заблуждение по поводу истинных целей эскадры. Краббе 18 октября письменно просил Горчакова при случае сообщить об этой официальной версии послам и тем самым придать ей всеобщий характер. ⁴

¹ Там же, ч. II, л. 31 (подчеркнуто мной. — М. М.).

² Там же, ч. III, л. 131.

³ Там же, ч. II, л. 31.

⁴ Там же, л. 44.

Все это Краббе писал уже после того, как эскадра прибыла в США и нужно было объяснить пребывание ее в американских портах, после того, как стало известно из депеши Стекля отношение к ее прибытию правительства США и выявилось общественное мнение Нью-Йорка. Стекль вместе с донесением от 23(11) сентября, в котором сообщал, что по полученным им последним известиям из Европы «едва ли можно ожидать войны до будущей весны» и эскадре, вероятно, придется зимовать в Нью-Йорке или другом порте Соединенных штатов, прислал отношение морского секретаря США Уэльса к Стеклю от 23(11) сентября. Уэльс сообщал, что он отдал приказ оказывать русским офицерам в Нью-Йорке всевозможные услуги и что американское правительство откроет арсеналы в случае надобности. Но составители инструкции от 11 июля не были достаточно уверены в том, как будет принята эскадра в США и не будет ли каких-либо затруднений со стороны федерального правительства.¹ Как сообщал капитан II ранга Кроун, который был заранее послан в Нью-Йорк для организации приема эскадры, Стекль сам не мог решить, удобно ли всей эскадрой прибыть в Нью-Йорк, и сказал, что даст ответ, посоветовавшись с Сьюардом.²

Лесовскому также было предоставлено право принять решение о возможности и выгоды оставаться в нью-йоркском или других северо-американских портах до самого открытия военных действий против западных держав из-за польских дел. Весь вопрос заключался в своевременном получении известий о войне и снабжении продуктами.³ Но именно эти потребности могли быть лучше всего реализованы в портах Нью-Йорка, Бостона и др. Стекль был связан с послами в Лондоне и Париже, имел связи в США и принимал деятельное участие в судьбах эскадры по прибытии ее в американские воды. Кроме того, как сообщал Стекль, в американских портах находились 3 или 4 английских и французских корабля, а в Канаде, Вест-Индии значительные силы.⁴ Английские и французские суда крейсировали в водах центральной Америки, в Южной Америке и других местах. Сле-

¹ «Если окажется возможным по местным обстоятельствам остаться в этом порту со всей эскадрой, то вы будете там *выжидать исхода переговоров по польскому вопросу*. Если же посланник наш в Вашингтоне нашел бы, что пребывание эскадры в Нью-Йорке может подать повод к затруднениям с федеративным правительством или к иным неудобствам, то вам предоставляется право разделить эскадру на 2 или 3 части и распределить ее по тем портам Северно-Американского побережья, которые будут признаны вами для сего наиболее пригодными», — гласила инструкция (МИА, 1863 г., дело № 109, ч. III, лл. 124—125).

² Там же, дело № 124, Кроун — Краббе 19 (31) VIII 1863 г.

³ Там же, дело № 109, ч. III, л. 125.

⁴ Там же, дело № 109, ч. II, л. 37.

довательно, как бы ни приняли эскадру в портах США, она нигде не нашла бы лучшей стоянки. Чего бесспорно опасались составители инструкции — это нападения южных корсаров (мысль Посыета). Конечно, нельзя было не предвидеть и возможности блокирования эскадры англо-французскими силами, хотя это явно не предусматривала инструкция. Но в портах США это было менее вероятно, чем в каких-либо других.

Тем не менее Лесовский выражал серьезные опасения. В письме к Кроуну от 15 июля он писал о предосторожностях, необходимых при подходе к Нью-Йорку, и полагал выслать в гавань только один корвет. Фрегат «Ослябя», который ожидался раньше в Нью-Йорке, должен был заготовить уголь и провизию для всей эскадры.¹ Лесовский, однако, не был твердо уверен в выполнении этого. «Если бы из Нью-Йорка нам не удалось ничего получить, то первое судно или суда от вас [с продовольствием и известиями. — М. М.] должны быть у о-ва Екатерины к 1 ноября или не позже 20 ноября. Следующим за сим срок будет к 15 марта 1864 г. в заливе Лобито в королевстве Бенгуэла (на африканском берегу). Далее сборным пунктом будет 15 июля 1864 г. в порте Сан-Антонио в заливе Сан-Мартин, на восточном берегу южной Америки». ² Эту же точку зрения изложил Лесовский и в инструкции командирам судов 14 июля, написанной и размноженной в спешке, вероятно под влиянием полученного Горчаковым телеграфного известия о французской эскадре. Приход эскадры в Нью-Йорк рассматривался Лесовским лишь как одна из вероятностей, и почти все 13 пунктов инструкции предусматривали ряд случаев, вследствие которых нельзя будет идти и попасть в Нью-Йорк, а придется миновать Северную Америку. Если бы какое-либо судно пришло в Нью-Йорк, то оно должно было бы пополнить свои запасы и не продолжать стоянки из-за опасения блокады. Каждому судну назначались станции и пути следования вместо Нью-Йорка, в случае если бы началась война. ³ Так предусматривались всякие возможности. Если бы что-нибудь подобное случилось, то атлантическая эскадра не появилась бы неожиданно в портах США и не имела бы того значения, которое она получила впоследствии.

В случае войны (которая была мало вероятна) эскадра, хотя и слабая, смогла бы выполнить основную цель, какую перед ней ставили. Но в открытом океане эскадра могла быть уничтожена, в лучшем случае парализована. В этом свете понятно выражение Горчакова о том, что «эскадра имела прежде

¹ Там же, ч. I, л. 85.

² Там же. л. 86.

³ Там же, дело № 3, лл. 1—2 (копия находится в деле № 109, ч. I, лл. 87—88).

всего цель обеспечить безопасность»,¹ до того как начнется война. Некоторые суда были неисправны и нуждались в частом ремонте, что вынужден был признать и Краббе в письме к Лесовскому уже 16 октября.² Лесовский почти все время жаловался на течь на «Невском», на плачевное состояние «Ослябя» и на ряд неисправностей других кораблей. Хотя почти все они были еще новыми, но их пришлось ремонтировать в портах США (котлы, мачты и пр.) уже после пути в Нью-Йорк и Вест-Индию.³ Что же касается тихоокеанской эскадры, то ее состояние лучше всего охарактеризовал сам Попов в письме к Лесовскому, в котором он сообщал, что она не поможет, а только затруднит дело при условии объединения эскадр в случае войны.⁴ Вряд ли такие суда могли долго продержаться в океане в случае войны. Но они нанесли бы все же серьезный удар по торговле, до того как были бы разгромлены.

Комиссия комитета министров, рассматривавшая отчет морского министерства за 1863 г., в отношении эскадры лишь отметила пользу заграничного плавания и не позволила себе «никакого суждения о том, какое влияние эскадры Попова и Лесовского могли бы иметь на ход войны, если бы таковая возгорелась в 1863 г.». ⁵

Большую пользу, несомненно, могла принести эскадра и в собирании сведений.

Инструкция от 11 июля как раз и обращала особенное внимание Лесовского на собирание во время плавания «самых подробных и точных сведений о главнейших торговых путях, по коим следуют океанами товары, с обозначением, какие именно и из каких стран отправляются по ним грузы». Также предполагалось (пункт 14) «составить полное описание колониальных владений западных государств, включив в него соображение о возможности нападения на них, откуда и с какими силами нападения эти могут быть делаемы, о средствах защиты их, возможности в военном и торговом отношениях и прочее». Эскадра, кроме того, должна была «собрать сведения о тех местах, где эскадра и отдельные суда могут найти убежище в военное время и где они могут освежиться, снабдиться продовольствием и углем». ⁶ Собирацию этих сведений Краббе придавал огромное значение, ибо в морском министерстве действительно не было ни-

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160 (дополн.), Горчаков — Стекло 14/X 1863 г., л. 49.

² МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, л. 33.

³ Там же, л. 70 (см. также фонд 122, 1863 г., дела №№ 1—17 (по отд. судам).

⁴ Там же, ч. III, л. 8.

⁵ Там же, дело № 107, лл. 330—331.

⁶ Там же, дело № 109, ч. III, лл. 130—131.

каких данных об островах и американских берегах. «Убежден, — писал Краббе, — что вы оцените всю важность таких сведений, надеюсь, что вы обратите на этот предмет то внимание, которого он заслуживает». ¹

Однако эскадры Попова и в особенности Лесовского сыграли такую роль и имели такое значение, каких никто из организаторов их не предвидел. Эскадры оказались источником слухов, догадок и предположений по вопросу о проблеме русско-американского союза.

29(17) июля эскадра Лесовского снялась с якоря в Кронштадте при крайне таинственной обстановке и внезапно, неожиданно для Европы и Америки, появилась в Нью-Йорке. ²

6. Переломный момент гражданской войны и международного положения США

Рассмотрим, каково было положение США, особенно международное, в самый опасный для них период, когда в Нью-Йорке неожиданно появилась эскадра Лесовского.

Еще в марте Слайдель писал из Парижа, что Наполеон III ничего не может сделать без сотрудничества с Англией. ³ Эту же неизменную позицию Наполеон III занимал и в дальнейшем, хотя именно на его помощь и признание более всего рассчитывали мятежники и к нему обращались с призывом об этой помощи. «Мне предстоит, — писал Слайдель Месону в мае, — аудиенция у императора, от которой я жду хороших результатов, так как недавние успехи в Мексике дают ему большую свободу действий, чем раньше». Он просил Месона сообщить ему положительные результаты предложения о признании Юга, которое будет внесено Робаком в палату общин 30 мая, а также прислать ему резолюцию, ибо «по всей вероятности на эту резолюцию будет ссылаться император» при выборах в законодательный корпус. ⁴

В июне дружественная по отношению к Югу позиция Наполеона III оставалась неизменной, но столь же неизменным оставалось его намерение не действовать без Англии. Чтобы обеспечить это сотрудничество, он еще раз прозондировал почву. 22 июня он лично направил ноту послу в Лондоне барону Гро (Gros): «Я спрашиваю, хорошо ли было бы сообщить Пальмер-

¹ Там же, ч. III, л. 131.

² Там же, дело № 777, л. 100 (телеграмма Александру II). 30/VIII (11/IX) прибыл фрегат «Ослябя» (506 чел. команды); 13 (25) IX — фрегаты «Александр Невский» (637 чел.) и «Пересвет» (486 чел.); 14 (26) IX — корветы «Варяг» (282 чел.) и «Витязь» (287 чел.); клиппер «Алмаз» пришел только через 10 дней.

³ AHR, v. XXVI, № 2, pp. 269—270.

⁴ Ibid., Slidell to Mason 15/V 1863, pp. 271—272.

«стону, что я решил признать Юг». ¹ Об этой конфиденциальной ноте сразу же узнал Слайдель от своего тайного друга из министерства иностранных дел и ликующе сообщил Месону: «Это самое значительное из всего, что император до сих пор сказал мне или другим». Он настолько был уверен в дружеских чувствах и действиях Наполеона III, что заявлял: «Для меня сравнительно безразлично, что будет делать Англия или чего она не сделает». Но «на всякий случай пусть г. Робак проводит свою резолюцию и использует в своем выступлении заявление императора. Лорд Пальмерстон не посмеет спорить [с императором. — М. М.], и ответственность за продолжение войны всецело падет на него». ²

Слайдель для большей уверенности в выступлении Наполеона III дал последнему самые твердые заверения в признании Югом захвата Мексики, которая в это время играла главную роль в политике Наполеона III.

В июне — июле, сразу после выборов в законодательный корпус, Дейтоном, как видно из его депеш, овладела тревога в связи с выступлениями Наполеона III относительно признания Конфедерации. ³ Последнее не было тайной и широко обсуждалось прессой. Об этом, как видно из депеши Сьюарда, были хорошо осведомлены и в Вашингтоне. ⁴ «Я хорошо понимаю, — писал Дейтон, — почему правительства и привилегированные классы, которые ненавидят наши учреждения, хотят видеть нас разорванными на части». ⁵

Как коршуны, слетались в Париж агенты и друзья сецессионистов, принимая и в Лондоне и в Париже все меры для того, чтобы разорвать на куски США. Уже 28 мая прибыл из Лондона в Париж Месон, приезд которого печать не без основания связывала с речью Робака на митинге в Шеффилде о признании Юга. ⁶ Нельзя этот приезд не связать также и с выборами; только после проведения их Наполеон III мог выступить активно в пользу Юга. По указанию Линдсея, Слайдель в беседе с Наполеоном III заявил, что в английский парламент Робаком внесено предложение о признании Юга, которое заставит правительство или действовать, или уступить дорогу новому правительству, и что в торийский кабинет в качестве министра иностранных дел, возможно, войдет лорд Мальмсбери. Наполеон III выразил готовность обсудить вопрос о признании Конфедерации и обещал принять Линдсея и Робака.

¹ AHR, Slidell to Mason 29/VI, p. 272.

² Ibid.

³ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, pp. 741, 747 749—752 и др.

⁴ Ibid., p. 744, 757.

⁵ Ibid., Dayton to Seward 10/VII, № 324, p. 752.

⁶ Ibid., p. 741.

20 июня в Париж прибыли Робак и Линдсей, которые в беседе с Наполеоном III в Фонтенебло договорились о совместном выступлении.¹ Как заявил Робак в палате общин 1 июля, Наполеон III подтвердил свое желание признать Конфедерацию и предложить вмешательство в гражданскую войну. Более того, он уполномочил Робака заявить об этом в палате общин.²

Наполеон III не мог и не желал предпринимать без Англии что-либо в отношении Юга, но он оказывал содействие друзьям мятежников в Англии и вооружению Конфедерации. В апреле — июне шла усиленная постройка кораблей и во Франции и в Англии для Юга, в связи с предоставлением последнему хлопкового займа.³

Постройка флота и усиление вооружения Конфедерации были частью широко задуманного плана нового вторжения мятежников в Мериленд и Пенсильванию и захвата ими Вашингтона.

Генерал Ли, командуя армией Конфедерации, концентрировал огромную армию для решительного удара при Геттисбурге (в Пенсильвании), чтобы тем самым заставить правительство США пойти на мир. Осуществление этого плана было намечено, примерно, на вторую половину июня и начало июля. К этому моменту приурочивалось и иностранное вмешательство. Генерал Ли уже 2—3 мая нанес несколько поражений федеральной армии генерала Гукера в Виргинии, а 10 июня перешел в наступление, вторгнувшись на территорию Севера. Западная федеральная армия под командованием генерала Гранта сделала ряд попыток взять один из важнейших портов на реке Миссиссипи — Викасбург, но неудачно.

Зная о плане генерала Ли, и частные друзья сецессионистов и правительственные круги в Англии возлагали большие надежды на эту кампанию и считали момент удачным для признания Юга. Они оживили свою деятельность повсюду — в прессе, на митингах, в парламенте. И до этого они энергично действо-

¹ Ibid., p. 747; Adams, op. cit., v. II, p. 167.

² Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 171, p. 1771. Друг де Люис не мог отрицать этот факт, но подчеркивал частный, неофициальный характер беседы и утверждал, что Наполеон III не поручал Робаку делать подобное заявление в палате общин (House Documents (Dipl. Correspond.), Dayton to Seward 2/VII 1863, № 323, part II, p. 749).

³ AHR, v. XXVI, № 2. Брайт еще в конце марта сделал в палате общин запрос о постройке в английских гаванях 40 судов, предназначенных для Конфедерации, и требовал их задержки. Пальмерстон заявил 27/III в палате общин, что жалобы американцев о неполном соблюдении нейтралитета необоснованны, что Англия строго соблюдает закон о нейтралитете «и, несмотря ни на какие вопли, она не изменит священного образа действия». В понимании английского правительства нейтралитет, поскольку Конфедерация признавалась воюющей стороной, не препятствует строению судов для последней, как и для Федерации. См. Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 170, p. 90—94.

вали, но все их попытки разбивались о сопротивление английского народа, заставлявшего правительство всякий раз придерживаться политики «нейтралитета», хотя правительство и толковало его всегда в пользу мятежников, несмотря на протесты рабочих, требовавших соблюдения действительного нейтралитета.

Так, когда 5 апреля стало известно о постройке для Юга нового броненосца «Александра», в Манчестере на следующий день состоялся многочисленный (до 6000 чел.) митинг, на котором выступали Форстер, Брайт, Тейлор и другие с требованием не выпускать его; броненосец был задержан. Таких выступлений было несколько, и они не могли не воздействовать на правительство и парламент во время апрельского натиска друзей Конфедерации, домогавшихся разрыва с США и объявления им войны.

В апреле внимание США и Европы было приковано к новому англо-американскому конфликту, вызвавшему опасение, как бы не вспыхнула война между Англией и США. На лондонской и других биржах многими овладела паника: распространялись слухи, что весь британский флот отправляется в вест-индские воды. Это было вызвано задержкой адмиралом Уильксом (старым знакомым по делу «Трента») английского купеческого судна «Петергоф», который, направляясь в мексиканские гавани, контрабандно провозил военные снаряды для Юга. Еще не успели улеться страсти по этому делу, как пришли известия о захвате английских кораблей «Дельфин», «Адела», «Лебуэн» и «Спрингбок». Друзья сецессионистов¹ воспользовались и тем, что Адамс (посол США в Лондоне) выдал некоторым английским купцам удостоверение о том, что их корабли, направлявшиеся в Мексику, не везут военной контрабанды, в то время как другим судовладельцам отказал в выдаче подобных свидетельств.

В палате общин 23 апреля Робак, Бентинк и другие напали на США и «от имени всей Англии» требовали объявления им войны.² Но против них выступили не только явные сторонники Севера, которые имели полное право говорить от имени английского народа, как например Кобден, убедительно доказавший 24 апреля действительное нарушение Англией блокады и нейтралитета (постройка судов «Алабама», «Флорида», «Япо-

¹ Кстати, эти друзья сецессионистов не скрывали своего враждебного отношения к польскому восстанию («Современник», 1863, т. 96, стр. 155).

² Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 170, p. 554—579. Робак 23/IV заявил: «Я знаю, есть недостойные (degenerate) англичане, защищающие Север против собственной страны, но для английского народа слишком унижительно было бы переносить еще дальше противозаконный поступок Северо-американских разъединенных (Dis-United) Штатов, и Англия, объявляю это от ее имени, готова к войне», (Ibid., p. 577).

ния» и др.), но и такой крупнейший фабрикант, как Поттер.¹

На грозные представления английского и французского правительств (несмотря на воинственные крики «N. Y. Herald» и других газет северных «демократов») вашингтонское правительство в своих ответах высказало умеренность и спокойствие, как и в деле «Трента». ² Лайярд в палате общин и Россель в палате лордов 30 апреля объявили об удовлетворительном исходе конфликта и о передаче вопроса о законности захвата кораблей на решение призового суда и коронных судей в Англии. В связи с запросом 18 мая сторонника южан лорда Кленрикарда о захвате судов, даже Россель должен был признать, что английские быстроходные корабли нарушали блокаду, и признал законность существования призового суда в США. И вновь, отвечая на запрос Кленрикарда 15 июня о захвате судна «Адела», Россель признал, что судно, нагруженное оружием, шло в южные штаты. Но Пальмерстон не думал, как он заявил в палате общин 19 мая, чтобы в снабжении военными припасами заключалось нарушение нейтралитета.

Подобная политика понятна в свете пенсильванского похода генерала Ли, к ожидаемой победе которого было приурочено внесение в парламент предложения Робака о признании Конфедерации. Обсуждение предложения было назначено на 30 июня.

После одержанной победы 13—15 июня при Винчестере, 25 июня генерал Ли вторгся в Пенсильванию и семидневными боями (25 июня — 1 июля) вынудил федеральную армию отступить к Геттисбургу.

Еще 30 мая Россель писал, что ни Дерби (тори), ни Кобден не поддержат предложения Робака. Из всех партий оно соберет незначительное количество голосов. Лорд Нэпир в беседе с Клеем в конце мая об англо-американских отношениях подчеркивал их дружественный характер. Сьюарду в конце июня казалось, что это заверение Нэпира в дружбе совпадало с мнением части британского правительства.³

В июне начался процесс по делу броненосца «Александра». В это же время, в связи с бурной деятельностью сторонников южан, усилилась кампания митингов в защиту Севера.⁴ Даже

¹ Ibid., v. 170, pp. 776—838. Поттер выступил в защиту Севера и признал право задержки кораблей с передачей их призовому суду.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, part II, p. 897.

³ Ibid., Seward to Clay 29/VI, № 23, part II, p. 874.

⁴ 16/VI 1863 г. Спенс сообщил Месону, что он организовал клуб в Манчестере и что в других городах организуются клубы «The southern independent Association» (Adams, op. cit., v. II, p. 186). Кроме газет, издавались брошюры и книги, доказывающие необходимость признания Юга (Ibid., p. 152; Jordan and Pratt, op. cit., pp. 186—187).

группа ливерпульских судовладельцев подала 9 июня в министерство иностранных дел записку, в которой просила издать закон, предупреждающий выход из гаваней кораблей для Конфедерации. Она считала, что «современная английская политика угрожает английской торговле в будущем», если Англия окажется воюющей стороной и в нейтральных портах будут строить корабли для подрыва английской торговли. Федеральное правительство в это время более решительно стало требовать соблюдения нейтралитета.¹

В тот же день, 30 июня, когда Робак в палате общин внес предложение о признании Юга и напал на правительство за то, что последнее не поддерживает предложения Наполеона III, Россель в палате лордов, отвечая на запрос лорда Кемпбелла, заявил, что, по утверждению французского посла Гро, никаких предложений Англии о признании Юга Наполеон III не делал.² Россель боялся официально заявить о том, о чем он вел переговоры неофициально.³

Ввиду болезни Пальмерстона, от имени правительства в палате общин Робак у отвечал Гладстон, который, выражая симпатии Югу и оставляя надежду Робаку, отверг, однако, предложение последнего, хотя в весьма неопределенных тонах. Из ториев только Сесиль выступил решительно в защиту предложения. Даже Дизраэли, стремившийся свергнуть правительство, не поддержал Робака. Форстер и Брайт в своих замечательных речах дали должный отпор Робаку и защищали политику нейтралитета, требуя действительного ее осуществления.⁴

Более того, «Times» 1 июля высказался против предложения Робака; «Economist» 4 июля считал, как и большинство газет и политических деятелей, что «признание Юга означает войну с Севером».⁵

Робак потерпел поражение. В палате общин обсуждение его предложения было отложено.⁶ Рьяный сторонник южан, Гре-

¹ С мая по сентябрь федеральное правительство добивалось от английского правительства запрещения постройки кораблей для Юга (см. Rhodes, op. cit., v. IV, pp. 381—384). Угроза каперства со стороны США не могла не оказать влияния на настроение значительных кругов буржуазии. «Что я считаю чрезвычайно важным в новейшей американской истории, — писал Маркс еще 24/III 1863 г., — так это то, что они опять собираются заняться каперством. Это придает всей истории по отношению к Англии совершенно другой вид «и в случае войны» самодовольному Буллю пришлось бы увидеть, как не только хлопок, но хлеб утаскивается у него из-под носа» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 140).

² Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 171, p. 1719.

³ Совершенно несомненно, что переговоры между Гро и Росселем, Робаком и Гро и другими происходили (см. Adams, op. cit., v. II, p. 169).

⁴ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 171, pp. 1771—1842.

⁵ Adams, op. cit., v. II, pp. 67—73; Jordan and Pratt, op. cit., p. 186.

⁶ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 172, pp. 67—73.

гори считал необходимым в интересах Юга снять предложение о признании, но по настоянию Сесилия и Линдсея оно было отложено и было решено подождать исхода боев в Пенсильвании.¹ Решение откладывалось на 6, затем на 10 и 13 июля.² Ожидали из США известий о результатах кампании Ли и исхода битв при Геттисбурге. «Times» 9 июля считал, что Ли близок уже к захвату Вашингтона и поместил корреспонденцию из Нью-Йорка от 1 июля, в которой сообщалось, что «весь север, за исключением Новой Англии, ждет к 13 июля победы южан».³

На севере был организован большой заговор так называемой «Медноголовой» партии, под руководством Фернанда Вуда (одного из северных «демократов», стремившихся к миру с Югом), имевшей связь с Девисом и другими лидерами Конфедерации. Было условлено, что во время движения армии Ли из Пенсильвании на Вашингтон заговорщики должны произвести волнения в Балтиморе, Нью-Йорке, захватить в Вашингтоне правительство Линкольна, посадить их всех в тюрьму и передать управление США рабовладельцам.⁴

Однако 13 июля «Times» советовал Робаку снять совсем свое предложение.⁵ При обсуждении 13 июля в палате общин вопроса о признании Конфедерации, Робак аргументировал свое предложение успехами южан. Но он должен был сам снять свое предложение, так как убедился, что даже если довести его до голосования, оно будет отвергнуто.⁶

После этого, 16 июля, стало известно, что армия генерала Ли потерпела серьезное поражение 1—3 июля при Геттисбурге, а через несколько дней, 20 июля, поступило сообщение об отступлении армии Ли и о взятии, наконец, 4 июля Викасбурга генералом Грантом.

Провал плана похода генерала Ли, падение Викасбурга, а затем Порт-Гудзона (9 июля) имели колоссальное стратегическое

¹ Ibid. Спенс в письме к Месону 4/VII признался, что при голосовании предложения было бы 5 против 1 в интересах Севера, а не Юга. Грегори, очевидно, опасался, что признание Юга Англией вызовет на Севере такое народное возмущение, что сорвет план Ли, и тогда нельзя будет надеяться на вмешательство.

² Ibid., pp. 252, 554.

³ Корреспондент, очевидно, был посвящен в заговор «Медноголовой» партии, готовившей мятеж в Нью-Йорке и в других городах.

⁴ В Петербурге об этом заговоре и его цели были хорошо осведомлены. См. «Московские Ведомости» от 27/VII 1863 г.

⁵ Adams, op. cit., v. II, p. 176. Адамс считает, что известие о поражении южан было получено в Лондоне только 16/VII. Но в этот день поражение южан стало уже общеизвестно. Есть основание предполагать, что сообщение о поражении южан при Геттисбурге 1—3/VII было известно уже 11—13/VII правительству и парламентским кругам, а следовательно, и консервативным газетам, но они его скрыли.

⁶ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 172, p. 661 (см. также Adams, op. cit., v. II, p. 177).

и экономическое значение (отрыв восточных штатов и восточного фронта от продовольственной базы запада). Полностью провалился и инспирированный Девисом заговор его «медно-головых» друзей на севере; только в Нью-Йорке последним удалось с 13 по 15 июля вызвать волнение в связи с набором в армию, но и оно легко было ликвидировано. Все это показало бессилие мятежников. Каждому стала ясна гибель, рано или поздно, Конфедерации. Последняя могла только до поры до времени обороняться, а не нападать.

Это был переломный момент в ходе гражданской войны не только в отношении военных действий, экономического подъема на севере и резкого падения Юга, но и в отношении международного положения обеих сторон. С этого момента история Конфедерации есть история ее полного упадка и краха.

Начало июля было критическим периодом, который США благополучно миновали, поскольку иностранное вмешательство связывалось с успехами мятежников. Еще 12 июня Сьюард писал Дейтону, что в США с нетерпением ждут результатов боев под Виксбургом и Порт-Гудзоном.¹ Действительно, июльские успехи Федерации имели огромное значение, их трудно переоценить. Если в начале июля еще существовала реальная угроза европейской интервенции в случае успеха мятежников, то затем опасность вмешательства, в той или иной форме, хотя и не была снята полностью до конца войны, но все же была сведена к минимуму. 2 июля в беседе с Дейтоном Друэн де Люис, отрицая официальный характер переговоров Наполеона III с Робакком и другими, ничего не ответил, однако, на замечание Дейтона, что «признание Юга означало бы объявление войны США». ² Но Друэн де Люис это замечание Дейтона не мог забыть, как его не забывали и в Лондоне.

С поражением мятежников и успехами Федерации «дружеское» посредничество и «признание» Конфедерации без вооруженной интервенции были бесполезны и невозможны. ³ Спасти Юг могла только вооруженная интервенция, о чем и просили мятежники. Но война с США вызывала не только сопротивление пролетариата и протест народных масс, не только опасение

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Seward to Dayton 12/VI, № 359, part II, p. 744.

² Ibid., Dayton to Seward 2/VII, № 323, p. 749.

³ Слайдель писал, что сэр Фергюсон и м-р Грегори в дебатах по поводу предложения Робака «казались столь же нерасположенными признать нас, как и Россель и Брайт. Верно, что они хорошо о нас отзываються, но помимо этого нам нечего ожидать от них». Позднее он с горечью писал: «Настало время, когда то, что могут сказать или подумать о нас королева или император, имеет очень мало значения. Чорт поberi их обоих!» (АНР, v. XXVI, № 2, pp. 273, 275). А Слайдель до этого был оптимистом!

восстания в Ирландии,¹ но и выступление против нее широких кругов буржуазии. Наполеон III, погрязший в мексиканской аванюре, покидаемый Англией в польском вопросе, увлекаемый комбинациями в Германии, вряд ли мог рискнуть на вооруженную интервенцию без Англии и, действительно, не рискнул. Но мятежники еще питали надежду на помощь Наполеона III, и он старался эту надежду поддерживать.² Друзья сецессионистов и в Англии не прекратили своей деятельности, по крайней мере они организовывали митинги, клубы, общества борьбы «за независимость Юга» и пр.³ Но от этого Югу было немногим легче.

Курс «хлопкового» займа Конфедерации, который на бирже был барометром судеб Юга, резко упал в июле на 32 пункта, лишь несколько поднявшись к концу августа. Паника среди держателей «хлопкового» займа — этих друзей южан — вот что было первым следствием известий об исходе сражения при Геттисбурге и особенно о падении Виксбурга.⁴ Уже 4 августа Бенъямин писал, что нельзя больше надеяться на английскую интервенцию, и отзывал Месона из Лондона.⁵ «Times» 4 сентября убеждал южан, что Англия не может организо-

¹ Полагали, что фенианское общество в США насчитывало до 200 000 чел.; свыше 50 000 ирландцев, находившихся под ружьем, были организованы в особые ирландские полки.

² См. «С.-Петербургские Ведомости» от 28/VIII; «N. Y. Herald», 4/VIII, № 31 и др.; ANR, v. XXVI, № 2, pp. 273—277. Слайдель 9/VII писал, что он «удовлетворен тем, что император добросовестно сдержал свое слово». 16/IX он сообщал, что «на втором приеме императрицы присутствовал император — он подошел ко мне, пожал мне руку и сердечно разговаривал со мной несколько минут». Но затем Слайдель разочаровался. В марте 1864 г. он опровергает слух, будто французское вмешательство неизбежно. Друзн де Люис в дружественной беседе с ним тогда же выразил «симпатии Югу горячее, чем обычно», и уверенность, что Конфедерация окажется способной поддержать себя, и намекнул, что будто бы и Пальмерстон полон восхищения перед Конфедерацией. Вместе с тем, через 4 дня после беседы (13/III) он писал, что получил сведения о действительной политике правительства и что сведения о предполагаемом возобновлении переговоров между Францией и Англией «ни на чем не основаны», а Наполеон не намерен действовать в одиночку. Говоря о политике Друзн де Люиса и других, Слайдель восклицал: «Все это чрезвычайно отвратительно, и мне очень трудно себя держать в руках при виде всей этой двуличности (double dealing)... Мир полон негодяев (rescald), и в высшей степени трудно сказать, на кого можно положиться».

³ Jordan and Pratt, *Europe and the American Civil war*, p. 186; Adams, *op. cit.*, v. II, p. 195 и др.

⁴ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Adams to Seward 30/VII 1863, part I, p. 329 (см. также Jordan and Pratt., *op. cit.*, p. 186; Adams, *op. cit.*, v. II, 179).

⁵ Ibid., p. 180. Действительно, Месон 21/IX сообщил Росселю, что он получил распоряжение уехать. Но Месон все же остался в Лондоне. В связи с болезнью Пальмерстона была надежда, что он умрет и придет правительство ториев. Но и это не могло спасти положение.

вать интервенцию или посредничество, а должна придерживаться строгого нейтралитета. Таково было всеобщее мнение.¹

Адамс, сообщая Сьюарду 10 сентября о решении английского правительства и об общем одобрении прессой задержания выпуска броненосца «Александра», выразил твердое мнение о происшедшем улучшении международного положения США и о перспективе развития дружественных отношений с Англией, в то время как за 5 дней до этого он еще не отказывался от мысли об угрозе войны.²

Дейтон в июле писал, что отказ Наполеона III от предложения Робака и успехи федеральных войск «создали здесь временное спокойствие в наших делах». Что же касается польского вопроса, то он полагал, что Франция не будет действовать без Англии, а последняя не впутается в войну из-за Польши.³

Друэн де Люис заверил Дейтона в конце июля, что император не делал никаких предложений Англии по поводу признания Юга. Неоднократно подтверждая, что беседа Наполеона III с Робаксом и Линдсеем имела лишь частный характер, он изложил ее следующим образом: Робакс и Линдсей заверили Наполеона, что Англия готова признать Юг и что они верят, что и Франция не откажется сделать то же самое, причем если император скажет одно слово, то их предложение в палате общин будет сразу принято. Наполеон будто ограничился в своем ответе тем, что его точка зрения давно известна.⁴

В США недовольство политикой «нейтралитета» английского правительства в июне — сентябре достигло своего апогея. Требовали прекращения Англией вооружения Юга, а после представления Адамсом Росселю 11 июля доказательств о постройке двух новых судов для Конфедерации и заявления, что правительство и народ США рассматривают это как участие Англии в войне, многие газеты севера стали требовать объявления войны Англии. Даже полуофициальный орган «Washington Republican» писал 9 августа, что если вспыхнет война между Англией и Америкой, то американские корабли будут превращены в каперские суда с тем, чтобы уничтожить английскую морскую торговлю. «Англия восстановила против себя каждого американца в штатах, оставшихся верными союзу».⁵

¹ House Documents, 1863/64, part I, p. 180. Брайт писал 20/XI Сомнеру, что с политикой нейтралитета согласны все, и он надеется, что нейтралитет будет более дружественным Северу, чем в прошедшие два года. (Rhodes, op. cit., v. IV, p. 393).

² Ibid., Adams to Seward 10/IX и 5/IX 1863, part I, p. 370.

³ Ibid., Dayton to Seward 17/VII, № 326, part II, pp. 753—754.

⁴ Ibid., Dayton to Seward 30/VII, № 329, p. 757. То же самое утверждал Друэн де Люис 20/VIII в связи со статьей в «Монитере» (ibid., Dayton to Seward 20/VIII, № 334, p. 760—761).

⁵ См. «Московские Ведомости» от 10/VIII 1863 г.

7. Распространение слухов о русско-американском союзе

Воинственные настроения, вызванные возмущением народных масс политикой Англии и Франции, особенно настроения ирландцев, пытались использовать северные «демократы», чтобы внешней войной прекратить гражданскую войну и уступками добиться примирения с Югом, который переживал агонию.¹ Наиболее показательной в этом смысле является позиция «New York Herald». Сразу после победы при Геттисбурге и взятия Викасбурга, 7 июля газета предалась «миролюбивым» мечтам и предлагала смелый план соглашения с Югом. «Вместо того, чтобы проливать кровь наших ближних, не лучше ли будет нам, людям севера и юга, дружно отомстить Англии... Пусть половины северной и южной армий объединятся и приступят теперь же к изгнанию английских сил из Канады... и к отобранию Сан-Доминго у Испании. Для внешней войны (foreign war) и славы уладим наши распри и поддержим нашу национальную честь... Соединимся против общего врага, чтобы отнять первенство у царицы морей...» и так далее в том же духе.² Так изо дня в день призывал к внешней войне орган нью-йоркских биржевиков.

В этой связи «New York Herald» в ряде статей пропагандировал идею союза с Россией. Еще 17 февраля 1863 г. газета объявила, что «вслед за Англией Франция стала врагом США», так как опубликованная переписка Сьюарда с Мерсье выявляет Францию самым злейшим врагом.³ Наполеону придется действовать одному, ибо Англия не присоединится к акту признания Конфедерации, что неминуемо повлекло бы за собой войну с США. «Россия тоже будет держаться в стороне...»⁴ Более того, Англия и Россия рады будут видеть, что внимание Наполеона отвлечено от Европы осложнениями на американском континенте, и вот почему, когда он поднимает вопрос о признании, они заверяют его в своей моральной поддержке. Когда он запутается в Америке, Англия и Россия получат все желательные им возможно-

¹ На юге даже начали обсуждать вопрос об освобождении части негров для привлечения их в армию. Был издан приказ о мобилизации всех мужчин, способных носить оружие (от 15 до 55 лет).

² «N. Y. Herald», 1863, v. XXVII, № 27; см. также «N. Y. Herald», 4/VIII, № 31; 1/IX, № 35 и т. д. 23/VII газета предлагала федеральному правительству предоставить южанам все конституционные права и немедленно объявить войну Англии и Франции. На следующий день, 24/VII, она требовала от Линкольна «приобрести любовь Севера и Юга» и изгнать Англию из Канады, а Францию из Мексики (см. «С.-Петербургские Ведомости» от 27/VII).

Русские газеты, видимо, с особым удовольствием перепечатывали эти статьи или выдержки из них.

³ Ibid., 1863, 17/II, № 7.

⁴ Ibid., 25/VII, № 8. Большая, почти на всю полосу газеты, редакционная статья.

сти для проведения своих планов в местах, более близко к ним расположенных. Газета была уверена, что «война между Францией и США неминуемо приведет к падению Наполеона», и полагала, что Наполеон этого сам боится. «Он должен знать, что признание Юга равносильно объявлению войны Северу», а война с США вовсе не походит на его мексиканскую экспедицию. Именно Англия «риск и расходы, связанные с вооруженной интервенцией», предоставляет французскому императору. «Это старая басня об обезьяне, для которой кошка своими лапами таскала каштаны из огня, — постыдная роль для правителей великого народа». Из трех великих морских держав, «Россия является той, которая... проявила действительно дружеское и сердечное отношение к США». ¹

Но газета обрадовалась польскому восстанию и вызванному им дипломатическому походу европейских держав на Россию. «Для нас польское восстание полно чрезвычайной важности. Оно кладет конец всякой возможности насильственного вмешательства какой-либо европейской державы на нашем континенте». Югу не приходится больше ждать помощи от Франции. «Она может шегольнуть признанием правительства Девиса, но какой в этом толк, если она не окажет ему вооруженной помощи?» То же и в отношении Англии. Газета, не скрывая своего удовольствия, писала о европейских осложнениях, вызванных таким революционным движением, как польское восстание против «императорского деспотизма». ² А незадолго до этого она провозглашала императора либералом, освободителем.

«N. Y. Herald» не переставал утверждать, что если бы не польское восстание, то Наполеон III провел бы в жизнь признание Юга. «Поэтому разве не справедливо будет сказать, что польские революционеры сражаются на нашей стороне в качестве вспомогательной армии». Наряду с трудностями в Мексике, польское восстание «положит конец всяким желаниям Франции испробовать вооруженное вмешательство в наши дела». ³

Более того, «восстание поляков дало огромный стимул революционным партиям во всей Европе», что должно было привлечь внимание господствующих классов и правительств от американских дел. Газета опасалась, что «подавление польского восстания может быть чревато важными последствиями» для США. Она справедливо считала, что «Наполеон своей итальянской, мексиканской и американской политикой растерял доверие и пытается польскими симпатиями улучшить свое положение».

¹ «N. Y. Herald», 1863, 25/VII, № 8.

² Ibid., 11/III, № 10.

³ Ibid., 17/III, № 11.

ние». ¹ Следовало бы добавить, что Наполеон III и Пальмерстон направляли возбужденное в связи с американским вопросом общественное мнение народных масс по другому руслу, оказывая тем самым реальную поддержку мятежникам США.

Вся пресса США, как и дипломаты, не верила в европейскую войну, в частности в войну Франции против России и Пруссии, ² но признавала изоляцию России. ³

Газета «N. Y. Herald» 17 июня полагала, что Россия может воевать только в союзе с Пруссией. В отношении США она проповедывала невмешательство, высказывая, однако, свои симпатии России.

Отношение к России меняется резко в августе, в связи с описанной выше внутренней и внешней политикой северных «демократов», считавших, что шансы Конфедерации «сведены почти к нулю», что «конфедерация представляет из себя разваливающийся дом», ⁴ что США избавлены от всяких неприятностей в отношении посредничества или вмешательства европейских держав. ⁵ Нужно было поэтому спасти Юг от полного разгрома, и газета разжигала воинственные страсти и вопила о внешней войне ради примирения с Югом. Вот мотивы появления больших редакционных статей под крикливыми заглавиями, как например: «American Alliance with Russia against France and England», «The manifest Destiny of American and Russia», «The Meanness of the Western European Powers» и т. д. ⁶

На основе сообщения из Вашингтона в первой статье одобрялось «блестящее открытие» посла в Петербурге Клея, который считал, что «польский мятеж, очевидно, искусным образом секретно связан с восстанием на юге». Перемена тона Горчакова в ответах европейским державам была создана будто бы успокоительными заявлениями, данными американским послом, о готовности США помочь России и предотвратить столкновение с Францией и Англией. Газета далее сообщала, что, согласно циркулирующим слухам, в Вашингтоне не отрицается возможность заключения договора между Клеем и Горчаковым о выступлении США против Франции и Англии в том случае, если западные державы объявят войну России.

Газета одобряла заключение оборонительного союза, не имеющего отношения ни к польскому восстанию, ни к подавлению Конфедерации (автор статьи понимал, что этого не могло быть),

¹ Ibid., 31/III, № 13; 8/IV, № 14.

² Ibid., 20/V, № 20.

³ Ibid., 9/VI, № 23. Во всех номерах газеты подробно освещался польский вопрос.

⁴ Ibid., 12/VIII, № 32.

⁵ Ibid., 4/VIII, № 31.

⁶ Ibid., 18/VIII, № 33; 26/VIII, № 34; 1/IX, № 35; 7/IX, № 36.

а только к борьбе против Англии и Франции. «Умное, смелое и прозорливое» правительство, по ее мнению, должно было бы немедленно созвать конгресс для примирения с Югом и для объявления войны Англии и Франции. Именно это дало бы практический эффект в связи с предполагаемым договором с Россией, который газета уже обосновала историческими и политическими мотивами и на основании которого нарисовала картину будущего и план действий (захват Канады, изгнание из Мексики и т. д.). Эти же идеи она повторяла и развивала во всех последующих статьях. В них доказывалось одинаковое историческое прошлое и значение в настоящем США и России, их одинаковое международное положение и внутреннее развитие, несмотря на различие политических форм. «Эта великая империя будет союзником и другом нашей великой республики...»¹

Газета вспомнила, что царское правительство выразило «дружеское желание положить конец нашим трудностям и восстановить наше великое процветание и влияние». И всего этого можно было добиться лишь путем примирения с Югом, чего так настойчиво добивался орган северных «демократов».

Когда в конце сентября в Нью-Йорк прибыла русская эскадра, ликованию северных «демократов» и «N. Y. Herald» не было предела.

В то же время и в Европе газеты были полны слухов, вернее предположений, о русско-американском союзе. Так «Times», который не сочувствовал польскому восстанию и был против активного вмешательства, 25 июля в статье относительно дипломатических переговоров по польскому вопросу писал: «Один старый дипломат выразил на днях мысль, что в случае войны Россия постарается заключить оборонительный и наступательный союз с Северо-американскими Штатами, — вопрос, подходящий к делу, и нельзя не заподозрить, что между С.-Петербургом и Вашингтоном уже начались переговоры по этому предмету».²

Еще более интересны отношения к русско-американскому союзу и оценка его пальмерстоновским органом «Morning Post».

¹ «N. Y. Herald», 1863, 18/VIII, № 33; I/IX, № 35.

² «Times», 1863, 25/VII. См. «Морской сборник» (заграничная хроника), 1863, № 8. Некоторые газеты, в связи с резким ответом Горчакова, уже обсуждали подробности военного нападения на Россию. «Times» выступал против войны, поэтому и запугивал русско-американским союзом. К тому же, возможно, газета рассчитывала повлиять на общественное мнение, которое должно было бы измениться в отношении Севера и сделало бы возможным признание Юга.

«Times» 28/VII хвалил Александра II и заявлял, что Англия не допустит «вовлечь себя в войну из-за идеи». 31/VII газета писала, что «Россия приведет в покорность поляков военными способами», а не уступками, 6 пунктами и пр. «Короче сказать, требовать от русских уважения к народным вере и языку поляков Царства Польского, значит выразить желание совершенно излишнее, или, лучше сказать, бестолковое».

«Нечего говорить, что, с одной стороны, Соединенные Штаты были бы очень довольны, если бы вспыхнула европейская война, в которую вмешались бы Франция и Англия, и что, с другой стороны, и Россия была бы не менее рада войне Англии и Франции с Соединенными Штатами...

«Если бы Англии пришлось защищать Канаду, а Франции держаться в Мексике, то обе эти державы были бы вынуждены бороться против самого громадного купеческого флота во всем мире, преобразованного в целый флот каперских судов, преследующих купеческие суда Англии и Франции во всех углах земного шара [США не отменили каперства. — М. М.], и Россия могла бы совершенно спокойно и с полной безопасностью подавить восстание в Польше.

«Если бы слух о союзе Соединенных Штатов с Россией оказался не имеющим основания, то можно было бы весьма легко объяснить его происхождение и существование некоторыми обстоятельствами». ¹

Русская пресса, констатируя, что «польский вопрос принимает весьма благоприятный оборот», сообщала о том, что одни иностранные газеты распространяют слухи о заключении союза между Россией и США, а другие — о союзе между Францией, Россией и Пруссией. ² Слухи о союзе, распространявшиеся не только американской, но и английской и французской прессой, были подхвачены прессой других европейских держав; русские же газеты относились к союзу весьма скептически. «Journal de S. Pétersbourg» опубликовал редакционную статью, вероятно инспирированную министерством иностранных дел, в которой опровергались решительным образом все утверждения иностранных газет о перемене политики России и отрицалась возможность и вероятность заключения союза. Официоз приписывал распространение слухов некоторым американским газетам, в частности указывал на «N. Y. Times», настойчиво добивавшимся от федерального правительства войны с Францией. ³

Сюард из Вашингтона, Горчаков из Петербурга в своих ответах на запросы послов также опровергали не только существование договора о русско-американском союзе, но и мысль о нем.

¹ «Morning Post», 1863, 22/VIII («Морской сборник», 1863, № 9).

² С обоснованием франко-русско-прусского союза впервые выступил в середине августа Эмиль Жиарден (противник войны из-за Польши) в «La Presse». См. «Кронштадтский Вестник» от 11/VIII 1863 г., № 91; 19/VIII, № 93; 23/VIII, № 95; 28/VIII, № 97; 30/VIII, № 98. См. «Голос», «С.-Петербургские Ведомости», «Московские Ведомости» и др. за вторую половину августа и первую половину сентября 1863 г., особенно «Journal de S. Pétersbourg» за тот же период.

³ «Journal de S. Pétersbourg», 1863, 28/VIII. «Кронштадтский Вестник» и другие газеты ссылались на эту статью как на выражение мнения министерства иностранных дел и одобряли ее положения (см. «Кронштадтский Вестник» от 1/IX, № 99; «Голос» от 29/VIII и др.).

Отвечая на депешу Стекля от 23(11) сентября, Горчаков с одобрения Александра II сообщал, что Клей не делал никакого предложения относительно договора о союзе. «Впрочем, мы отклонили бы его как бесцельное», так как в результате соотвeтствия интересов и политических традиций союз уже существует. Затем он добавляет, что планы европейской войны теперь «нам кажутся еще менее вероятными», чем прежде.¹ Клей в середине сентября в подробном письме, в котором он развивал мысль о необходимости объединения всей Америки для «поддержания доктрины Монро» и борьбы с европейскими державами, констатировал, что он не имеет ничего нового в отношении России к США.²

Интересны в этой связи парижские события. В Париже у книгопродавца Дантю 3 сентября поступила в продажу полуофициальная анонимная брошюра «Франция, Мексика и Соединенные Штаты», которая произвела колоссальное впечатление. Автор полагал, что южные штаты являются естественными союзниками Франции и что они доставят хлопот и оградят Мексику от притязаний Севера. В конце брошюры говорилось не только о признании Конфедерации, но утверждалось, что в случае надобности «французский военный флот подтвердит дипломатические действия Франции». Даже «Temps» 5 сентября признал, что политика, проповедуемая автором памфлета, ведет к войне.³

Газеты были полны сообщений о постройке судов для Конфедерации в Гавре, Бордо, Марселе и т. д.⁴ В середине сентября в Париже газеты распространили слух о признании императором Юга и о заключении договора последним с Конфедерацией, на основании которого Техас и часть Луизианы передаются Франции. Биржа резко реагировала на это сильным падением государственных фондов.

Друэн де Люис твердо заверил поспешившего к нему Дейтона, что слухи эти полностью фальшивы и что французская политика не изменилась.⁵ Как верно подчеркнул Дейтон, последствия слухов, и в частности реагирование биржи, действительно были значительны и благоприятны для США. Правительство императора убедилось, что даже финансисты болезненно реагируют на признание Конфедерации и на то, что было бы следствием этого акта.

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, 14/X 1863 г. (проект депеши Горчакова без №, на котором имеется пометка, сделанная карандашом, Александра II: «Очень хорошо»). См. «Историк Марксист», 1936, № 3, стр. 112.

² Цит. Callahan, op. cit., Clay to Seward 19/IX 1863, № 21, pp. 9—10.

³ См. «С.-Петербургские Ведомости» от 28/VIII 1863 г.

⁴ Там же, от 3/IX 1863 г.; House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64., part II, p. 760.

⁵ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/1864, Dayton to Seward, part II, pp. 760—761.

Друэн де Люис еще раз заверил Дейтона, что Франция, конечно, не желает войны с США, и опроверг сообщение о Техасе и Луизиане. Но в свою очередь он заинтересовался вопросом о заключении оборонительного и наступательного договора США с Россией, о чем усиленно твердили газеты. Дейтон ответил, что он ничего об этом не знает, и сделал все возможное, чтобы дать понять, что США не желают войны с Францией. Он отверг также слух о полученной им, якобы, инструкции заявить протест против захвата Мексики и превращения ее в империю.

Друэн де Люис, очевидно, остался доволен беседой. Он заявил, что не верит слухам о союзе США с Россией и возможно, что эти слухи обязаны своим происхождением тому же источнику, что и слух о признании Францией Юга и договоре с ним о Техасе. Об этом же писал Друэн де Люис Мерсье в Вашингтон. Дав прочесть предварительно это письмо Дейтону, он выразил надежду на усиление «хороших чувств США» к Франции.¹

Сюард в своем ответе относительно русско-американского союза назвал этот слух «вздорным», «абсурдным» и, подчеркнув, что правительство Линкольна придерживается своей неизменной «рациональной политики» невмешательства в европейские дела, признал лишь укрепление «чувств русско-американского взаимопонимания» в связи с последними событиями.

Никакого русско-американского союза не было, но обстановка была такова, что вокруг каждого факта разгорались страсти и возбуждалось общественное мнение. Особенно много толков, как уже было указано, вызвало прибытие русских эскадр в американские воды.

¹ Ibid., Seward to Dayton, part II, pp. 760—761.

Глава VIII

РУССКИЕ ЭСКАДРЫ В АМЕРИКЕ

1. Отклики в США и в Европе

Первые дни пребывания русских эскадр в США, в особенности атлантической эскадры в Нью-Йорке, прошли в банкетах и торжествах. Начиная с 1 октября, в продолжение почти месяца, русские морские офицеры опьянялись не столько вином, сколько тостами и речами, адресами и хвалебными статьями в газетах. В России, как было показано выше, не ожидали такого приема. Таинственное появление эскадр и столь неожиданный прием их американцами не мог не вызвать оживленного обсуждения всей прессы и возбуждения общественного мнения по поводу цели прибытия эскадр и проблемы русско-американского союза для борьбы с Англией и Францией.

Это событие на короткое время приковало к себе внимание всей Европы и всех партий США. Оно вызвало злобу и ненависть у одних, недоумение и опасение — у других, радость и быстрое разочарование — у третьих. И не случайно не только современниками, но и затем, в продолжение свыше 50 лет, вокруг этого события создавались и распространялись легенды. Наряду с абсолютно неверными версиями, современники высказывали предположения, соответствующие действительности.

Толки и версии, столь сбивчивые и разноречивые (определявшиеся в значительной мере политической платформой их распространителей), особенно усилились с концентрацией в Нью-Йорке флотов других иностранных держав. Почти одновременно с русской эскадрой Лесовского, состоявшей из семи военных кораблей, в Нью-Йорк прибыл на борте «Нила» английский адмирал Мильн в сопровождении двух крупных военных пароходов; 4 французских фрегата внезапно вернулись из Галифакса, куда они незадолго перед тем ушли. Одних только английских и французских моряков в первых числах октября было около 5000.¹

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 8/X 1863 г.; «Кронштадтский Вестник» от 9/X 1863 г.; «Times», 1863, 15/X (корреспонденция из Нью-Йорка от 2/X); «Морской сборник», 1863, № 11, стр. 7.

Распространялся слух, что английский, французский и русский флоты могут принудить США к признанию независимости южных штатов. Ведь в сентябре «Richmond Whig», да и другие рабовладельческие газеты во весь голос кричали: «Мы нуждаемся в иностранной помощи и имеем возможность отблагодарить за нее». ¹ К тому же «N. Y. Herald» распространял слух, уверяя читателей в его достоверности, что вашингтонский кабинет обсуждает уже предложение о мире. ²

Чарльз Сомнер писал 6 октября 1863 г. Джону Брайту об опасности новой интервенции: «Иностранная интервенция имеет намерение принять новый, огромный и неисчислимый элемент (a new, vast and incalculable element); он спровоцирует всеобщую войну. Вы только понаблюдайте собутыльничество (hobnobbing) с русским адмиралом в Нью-Йорке. Зачем этот флот собрался здесь?» ³

Сомнер выражал опасения широких народных масс. Ведь «собутыльничество» происходило именно в городе Нью-Йорке, о котором совершенно правильно писал Чернышевский еще в 1861 г., что этот город «находится под влиянием совершенно исключительных обстоятельств, что в нем «плантаторская партия господствует на бирже», ибо он служит «центром торговли с плантаторскими штатами». ⁴ Ведь «собутыльничество» производилось по инициативе именно нью-йоркской биржи, негоциантов и связанных с ними юристов и военных деятелей. Ведь именно орган биржи «N. Y. Herald», о котором Чернышевский метко писал, что он — «чистая спекуляция, основанная на биржевых расчетах», ⁵ именно этот «главный орган плантаторской партии» ⁶ пел хвалебные гимны в честь «двуглавого орла». Как было показано в предыдущей главе, именно эта газета требовала примирения с Югом и объявления войны западно-европейским державам. Отчего же было не использовать для осуществления своих планов Россию, ее флот? И Сомнер был прав, только не в отношении русского флота, а в отношении агитации «демократической» партии и стремления ее воспользоваться русскими эскадрами для того, чтобы «спровоцировать всеобщую войну». Сомнер, выступая на митинге и призывая к миру с иностранными державами, заявил 1 октября, что у федерального правительства Соединенных Штатов нет иного друга, кроме Швей-

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 4/IX, 8/X 1863 г.

² «N. Y. Herald», 1863, 7/X, №40; «Московские Ведомости» от 10/X 1863 г. Но даже «Times» писал в сентябре, что «99 из 100 янки за окончательную войну, за восстановление союза на более крепком и прочном основании. Так рассуждают в Нью-Йорке» («С.-Петербургские Ведомости» от 4/IX 1863 г.).

³ Callahan, op. cit., p. 12 (Sumner, Story, p. 247).

⁴ Чернышевский, Собр. соч., т. VIII, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 438.

⁶ Там же, стр. 398.

царии.¹ В таком же духе выступил через несколько дней influential член правительства, левый республиканец Чейз. Последний, говоря о необходимости примирения между государствами, особо подчеркнул, что «Англия не выступает лишь потому, что федеральное правительство обнаруживает значительные силы».² Известный генерал периода гражданской войны в США Зигель выразился по поводу банкетов в честь эскадры в Нью-Йорке, что «они заставляют меня сомневаться в здравом смысле (*common sense*) американцев».³ Это лишь отдельные примеры, которые можно было бы бесконечно умножить. Но основное внимание широких кругов обращено было на речь Ч. Сомнера в Институте Купера, которая даже вызвала протест Клея. Последний полагал, что эта речь, игнорировавшая согласие с Россией в момент, когда особенно важно было это подчеркнуть, разрушает дружбу.⁴

В тот же день, 12 октября, когда в Нью-Йорке устраивался банкет в честь русских офицеров, статс-секретарь Сьюард официально дал в Вашингтоне большой обед в честь английского адмирала и его штаба. «В то время, когда давались банкеты в честь русских, в Вашингтоне власти Соединенных штатов принимали с изъятием величайшего внимания англичан...»,—писали «Московские Ведомости».⁵ В Нью-Йорке был также устроен большой банкет в честь адмирала Рейно и штаба французской эскадры.⁶ Да и на некоторые банкеты в честь русских приглашались английские и французские офицеры, но они под различными предлогами отказывались приезжать или не приезжали без всякого предупреждения.⁷ Во время прибытия части русской эскадры в декабре 1863 г. в форт Александрию (около Вашингтона), чтобы отблагодарить президента, последний вовсе не явился ввиду болезни, а Сьюард произнес весьма обычную речь.⁸

Официальные власти, особенно правительство, пытались

¹ «Московские Ведомости» от 11/X 1863 г.

² Там же, от 16/X 1863 г.

³ Callahan, *op. cit.*, p. 11.

⁴ House Documents (Dipl. Correspond.), 1863/64, Clay to Seward 7/X, № 24, part III.

⁵ «Московские Ведомости» от 24/X 1863 г.; «Кронштадтский Вестник» от 9/X 1863 г., № 115 и др.

⁶ «Кронштадтский Вестник» от 29/XI 1863 г., № 135.

⁷ «N. Y. Herald», 1863, 13/X, v. XXVII, № 41; «Кронштадтский Вестник» от 25/X 1863 г., № 122; «С.-Петербургские Ведомости» от 21/X 1863 г.

⁸ Следует полностью опровергнуть легенду о том, что Линкольн будто бы просил русскую эскадру подойти поближе к Вашингтону, чтобы его укрепить. Во-первых, Вашингтону тогда ничто не угрожало, во-вторых, визит задумал сам Лесовский, а переговоры вел Стебль с Сьюардом, который 3/XI дал согласие на прием эскадры в форте близ Вашингтона (МИА, 1863 г., дело № 21, Стебль — Лесовскому 22/X (3/XI), №177; см. также дело № 109, ч. II, Лесовский — Краббе 18 (30)XII, 1863 г.).

резко подчеркнуть, что эскадра никакого отношения к гражданской войне в США не имеет, что правительство последних имеет миролюбивые намерения в отношении европейских держав. Это имело особое значение ввиду распространившихся слухов о цели прибытия эскадры.

Так, например, лондонский «Herald» сообщал забавное известие, будто бы русским военным кораблям поручено изгнать при содействии северо-американцев французов из Мексики.¹ Европейские газеты сообщали о возможности существования оборонительного и наступательного союза между США и Россией, об опасности, угрожающей британской и французской торговле. Слухи усилились после получения известий о прибытии в Сан-Франциско 1 октября тихоокеанской эскадры.

Не только республиканская газета «Daily Tribune» сдержанно писала о русской эскадре и о русско-американском союзе, но в таком же духе высказывался даже орган северных «демократов» «New York Times».² Говоря о русско-американской дружбе, «Tribune» 2 октября писала: «Нет необходимости превращать эти чувства в тайные переговоры и ухищрения дипломатической переписки. Лучше сделаем их общедоступными. В искреннем и дружественном приветствии проворство неуместно и двойной торг ошибочен. Народ Соединенных Штатов не ищет и не желает иностранной помощи и только просит оставить его в покое».³

Тем не менее, корреспонденты писали, что «американцы предаются любимой мечте об оборонительном и наступательном союзе», но не из любви к России и привязанности к ней, не ради общих интересов, их связывавших, а ради ненависти, которую они питают к Великобритании и к Франции.⁴ Правда, «Times», писал, что американцы, ослепленные своими надеждами, забывают, что русское правительство столь же желает мира между Севером и Югом, как и западные державы. Он напоминал о депеше Горчакова Стекло в ноябре 1862 г., в которой утверждалось, что «несчастливая междоусобная война в Америке не должна повести к конечному истреблению одной из двух партий. Рано или поздно необходимо будет прийти к какому-нибудь соглашению этих противоречивых интересов». По мнению газеты, нет никакого основания думать, что русское правительство изменило свое мнение. «Но американцам нужно выдавать в настоящее время Россию за своего друга...»⁵

¹ «Северная Пчела» от 7/X 1863 г., «Кронштадтский Вестник» от 9/X 1863 г.

² Rhodes, op. cit., v. IV, p. 418.

³ Ibid. В таком же духе «Tribune» писала и 13/X.

⁴ «Московские Ведомости» от 11/X 1863 г.

⁵ «Морской сборник», 1863, № 11; «С.-Петербургские Ведомости» от 19/X 1863 г.

Газета «Times» готова была признать мудрый расчет русского императора, но не верила в утверждения некоторой части прессы о союзе России и Америки.¹

Однако в Париже в ноябре была издана брошюра французского публициста Ф. Окейнь, который, описывая прием эскадры в США и анализируя речи, произнесенные на банкетах, утверждал, что между Россией и Америкой, вероятно, существует союз и что он был бы удивлен, если бы таковой не существовал.²

2. Банкеты и их политический смысл

Кто же устраивал банкеты?

По сообщению корреспондентов, в Нью-Йорке была украшена улица Бродвей, а празднества и балы устраивались городской корпорацией и магнатами местной торговли.³ Корреспондент «Times» писал, что «высшая буржуазия решилась осыпать всевозможными почестями русских офицеров: процессии, балы, обеды — все средства пущены в ход, чтобы доказать, до чего были бы рады американцы, если бы у них завелся друг в Европе, да еще такой, как Россия».⁴

В другой корреспонденции описывался прием Лесовского у магнатов нью-йоркского Сити, которое стремилось расположить Россию в пользу Соединенных Штатов на случай войны с Францией и Англией. Комитеты по организации балов состояли из «значительнейших банкиров и негоциантов города».⁵ Специальный корреспондент «Кронштадтского Вестника», офицер с фрегата «Ослябя», в своих сообщениях писал о тех же социальных группах, даже более четко называя их капиталистами⁶ и вскрывая, сам того не подозревая, какие не только политические, но и экономические интересы они преследовали. «Механики, заводчики, литейщики и всякого рода капиталисты и специалисты открывают нам свои изобретения, свои фабрики и заводы. Духовенство знакомится с нашими священниками, стараясь всевозможными средствами быть им полезными».⁷

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 8/X 1863 г.

² F. Auccaigne, L'Alliance Russo-Americaine, Paris, 1863.

³ «Московские Ведомости» от 11/X 1863 г.

⁴ «Морской Сборник», 1863, № 11; «С.-Петербургские Ведомости» от 19/X 1863 г.

⁵ «С.-Петербургские Ведомости» от 8/X, 9/XI 1863 г. «Угощают, — писала эта газета, — компании речных навигаций и нью-йоркской железной дороги», разжиревшие от войны.

⁶ В письме от 27/X он писал: «Недели две тому назад некоторые из нью-йоркских капиталистов устроили для нашей администрации и офицеров, служащих на его эскадре, весьма интересную прогулку на Ниагарский водопад» («Кронштадтский Вестник» от 22/XI, № 133).

⁷ «Кронштадтский Вестник» от 20/XI 1863 г., № 132 (корр. от 24/X)..

Все эти сообщения полностью подтверждаются наиболее компетентной и информированной в этом вопросе газетой «N. Y. Herald» и данными об устроителях и активных участниках банкетов и балов. В «N. Y. Herald» печатались не только подробные отчеты и оповещения обо всех банкетах и балах, но и сообщалось об их организаторах: указывались лица, которые являлись устроителями (участниками комитетов) или выступали с речами и тостами.¹ Среди них крупнейшие магнаты промышленности: Идс,² один из главных производителей морских сооружений, Аллен, Томас Броун, Петер Купер, Джей Гульд, Эрастус Корнель, Самуэль Гарвин, Вильям Джордж Фарго, Эдвин Морган, Джордж Опдайк, Джон Осборн, Чепин, Эзра Корнель, Матеус Бреди и другие. Все они поддерживали «демократов»-унионистов и только некоторые из них — правых республиканцев. Активное участие в организации банкетов принимали адвокаты и высшие чиновники Нью-Йорка — политики «демократической» партии. Из них следует отметить Джона Гофмана, Эрастуса Брукса, Генри Девиса, Чарльза Дели, Давида Фильда, Юджа Босварта, Барнея, Джонсона Фильда, Джона Деллина, Куртиса Нойеса, Юджа Леонарда и Джона Гелля. Кроме того, в банкетах принимали участие епископ Чарльз Гелл из Джорджии, ректор Принстонского университета священник Джеймс Мурри, профессор международного права реакционер Френсис Либер, начальник Нью-Йоркской морской гавани Гирам Пульдинг, главный инженер морских сооружений бригадный генерал Флит, генерал Уолбридж и адмирал Фаррагут.

Эти данные не нуждаются в особых комментариях. Однако следует хотя бы кратко ознакомиться с речами, произнесенными на этих банкетах, и особенно с позицией рупора биржи Нью-Йорка, газетой «N. Y. Herald», которая больше всех занималась как вначале восхвалением русской эскадры, так впоследствии клеветой на нее.

Газета, описывая прием русских офицеров и банкеты в их честь, пестрела крикливыми заголовками: «Новый союз скреплен. Россия и Соединенные Штаты братствуют. Российский крест соединяется с звездами и полосами [американского флага]. Между «Janky Doodle» и «русским медведем» заключен братский союз. Империя востока и республика за-

¹ См. «N. Y. Herald», 1863, v. XXVIII, №№ 39—45. Наиболее важные банкеты состоялись 1/X, 12/X и 19/X в Astor House, бал 25/X в Academy of Music; 3/X банкет устроил лично Идс.

² На активность Идса указывали все газеты. См. «Московские Ведомости» от 8/X, 1863 г. «La France» утверждала о данных Идсу Россией заказах на военные суда.

Родс также утверждает, что банкеты давались «торговыми и деловыми людьми» (Rhodes, op. cit., v. IV, p. 418).

пада вступают в союз против вооруженного мира. Орлы Америки и России распростирали свои крылья над всеми океанами; когти их будут поддерживать меч защиты над американским материком». ¹ В подобном духе произносились и тосты на банкетах.

В одном из номеров газеты было кратко сформулировано то, о чем она часто писала и о чем так много говорилось (но только не русскими) на банкетах и утверждалось в адресах deputаций от Филадельфии, Нью-Джерси и других городов: «Другие нации, бывшие в дружественных сношениях с Америкой, в настоящую минуту находятся в тайном соглашении с ее врагами и стараются подкопать благосостояние республики. Да соединится же Америка с Россией и да остановят они вместе стремление европейских держав контролировать действия этой вселенной». ²

Таков был политический смысл банкетов. Газета печатала статьи против Англии и Франции, радовалась, что «сердечному согласию» между последними «нанесен смертельный удар» в связи с противоречиями в Сирии, Италии и т. д. ³

Особенно сильно пропагандировал идею русско-американского союза «Harper's Weekly». ⁴ Но никто не утверждал фактического существования союза. Выступления прессы и речи сводились лишь к обоснованию необходимости и возможности такого союза, несмотря на различие политических форм двух держав.

Многие угадывали истинную цель прихода эскадры, насколько не обманывая самих себя в политическом смысле этого события, но старались использовать его с политическими, а непосредственные устроители банкетов главным образом с экономическими целями.

Нью-Йоркский муниципалитет при встрече эскадры, как и при устройстве банкета, утверждал, что он чествует русских «в знак признательности и уважения к России за невмешатель-

¹ «N. Y. Herald», 1863, 2/X, № 39. Судья Дели в связи с этим произнес остроумную речь: «... Я чувствую некоторую неловкость, сознавая, что должен американскому орлу отвести второстепенное положение по сравнению с русским орлом, так как последний с двумя головами, между тем как у американского только одна голова... Лев [Англия. — М. М.], например, есть чрезвычайно прожорливое животное... Петух [Франция. — М. М.], как известно нам, есть самая хвастливая и заносчивая птица, которая ничего не совершит без того, чтобы не наделать шума... Русский орел парит в ту же сторону, в которую идем и мы, парит, не обращая внимания ни на хриплые крики задорного петуха, ни на рычанье льва...» («New York Herald», 21/X, № 42).

² «N. Y. Herald», 1863, 21/X, № 42.

³ Ibid., 7/X, № 40; 13/X, № 41; 21/X, № 42; 27/X, № 43.

⁴ «Harper's Weekly», 1863, 17/X, 24/X, 7/XI, 21/XI; Callahan, op. cit., p. 10.

ство». ¹ Этой же мыслью были проникнуты все адреса депутатов городов и большинство речей. Генерал Уолбридж в своей речи на банкете 29 сентября угадал (если уже не знал из уст самого Лесовского, хотя это мало вероятно) цель эскадры: «Россия, отправляя свой флот в Нью-Йорк, намерена употребить его, в благоприятную минуту, для истребления англо-французской торговли». ²

Больше всего речей было произнесено на темы весьма меркантильные, как например: о тихоокеанской телеграфной линии, о постройке железных дорог в России, о замечательном военном судостроении и производстве военного снаряжения в США, о развитии торговли между обеими нациями и т. д. Лесовский сообщал в морское министерство, что он занят различными визитами и посещениями заводов и доков. ³

3. От «оваций» к «площадной ругани»

В начале ноября вдруг произошел крутой перелом в отношениях к русской эскадре в Нью-Йорке. Панегирики в честь самодержавия и здравиты за царя, которого превращали в «благодетеля-освободителя» многочисленного крестьянства России (наравне с Линкольном — освободителем рабов), вдруг сменяются «площадной бранью», как писал Лесовский. ⁴ Особенно отличилась своей руганью газета «N. Y. Herald», которая «более других занималась нашей экспедицией и обильнее прочих сыпала панегирики России», а теперь «дает питательный материал для иностранной печати». ⁵ «N. Y. Times», орган северных «демократов», в связи со слухом об уходе русской эскадры из Нью-Йорка писал: «Русский флот уходит в следующий понедельник и, правду сказать, очень кстати — репертуар гостеприимства истощился». ⁶ Комитет, состоявший «из значитель-

¹ «N. Y. Herald», 1863, 26/IX, № 38; 2/X, № 39; «Московские Ведомости» от 20/IX 1863 г.

² Ibid., 2/X, № 39; «Московские Ведомости» от 5/X 1863 г. Не безынтересно, что корреспондент «Ausburger Zeitung» еще 25/IX, на следующий день после прихода только нескольких русских кораблей (о подходе других вряд ли знали), писал, что «Франция может получить удар в самое чувствительное для себя место, если вздумает объявить России войну — вот что показывает прибытие эскадры».

³ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, Краббе—Лесовскому 1(13)XII 1863 г.; там же, ч. III, Лесовский — Краббе 29/V (10/VI) 1864 г. Лесовский сообщал, что он жил у судостроителя Идса, который просил представить его царю. Совершенно понятно, какую цель преследовал Идс.

О многочисленных приглашениях посетить заводы писал корреспондент «Кронштадтского Вестника» («Кронштадтский Вестник» от 20/XI, 1863 г. № 132).

⁴ Там же, Лесовский — Краббе 5(17)XI 1863 г.

⁵ «Кронштадтский Вестник» от 4/XII (спец. корр. из Нью-Йорка от 7(19) ноября 1863 г.).

⁶ Там же, 6/XII (корр. из Нью-Йорка от 10(22)XI 1863 г.). «Американские газеты, бывшие первое время к нам чрезвычайно благосклонны, на-

нейших банкиров и негоциантов города», успел собрать только 6 тыс. ф. стерл. (из 15 тыс. ф. стерл.) для устройства бала в честь русских офицеров. «Петербургские Ведомости», сообщая об этом, констатируют, что американцам «надоедает уже чествование русских». ¹

В самом деле, достаточно рассмотреть статьи в «N. Y. Herald» — этом барометре биржи, чтобы удостовериться в решительном переломе. Газета 4 ноября радовалась, что «о России уже давно молчат». ² В большой статье «Конец русских празднеств или, вернее, русского фарса» газета писала, что «как мы ни рады тому, что весь этот показной шум затих, мы не можем упустить этого случая без того, чтобы не сказать несколько благоразумных слов по поводу тех, кто ставил себя в смешное положение на протяжении всего этого фарсового представления». Наконец-то, скажет читатель, газета высекла сама себя и своих патронов, действительно поставивших себя в смешное положение и разыгрывавших фарс. Но нет. В смешное положение, оказывается, поставили себя как раз «русские варвары». (!? — М. М.). ³

27 октября газета писала, что «царь топнул ногой, и Франция с Англией отшатнулись от Польши». «Этот вопрос можно считать улаженным», — с удовольствием утверждала она. Но 17 ноября в статье «Взгляды Наполеона на польский вопрос» газета уверяла, что «когда Наполеон начнет поход против русских, он нигде не встретит такого одобрения, как в нашей стране», что Наполеон намеревается воевать с Россией, и «наши лучшие пожелания на его стороне». Более того, для войны с Россией Наполеон III должен установить хорошие отношения с США, а в связи с этим «можно предполагать его уход из Мексики». «Хватит с нас русских..., — истерически восклицала газета, мы вполне готовы к тому, чтобы всецело сочувствовать Франции...» ⁴ Газета одновременно рекомендовала: во-первых, Наполеону III — бросить непопулярные войны в Америке, объявить популярную войну России из-за Польши и отозвать войска из Мексики и Рима; во-вторых, Девису — обозреть шахматную доску и, убедившись в неизбежности поражения, бросить игру и уйти со своими пешками-отрядами в Мексику. ⁵

чали в последнее время не совсем выгодно отзываться о русских», — писал «Кронштадтский Вестник» 8/XII 1863 г.

¹ «С.-Петербургские Ведомости» от 9/XI 1863 г.

² «N. Y. Herald», 1863, 4/XI, № 44.

³ Ibid., 1863, 18/XI, № 46.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., 24/XI, № 47. Статья «Мат мятежникам — неудача заговора у озера Эри».

Газета предается злопыхательству, когда вспоминает о руссо-мании, которой были охвачены в Америке в связи с прибытием эскадры. «Мы теперь дошли до вершин нелепости, чувствуя толпу русских, которые не ценят нашего гостеприимства и не обра-щают на него внимания и которые украдкой подсмеиваются над нашей мальчишеской и увлекающейся простотой». ¹ В то же время она твердила, что США сами добились успеха в граждан-ской войне и им «не понадобится помощь или союз какой бы то ни было державы, чтобы [они] были в состоянии покорить Юг и располагать уважением и нейтралитетом Европы». Мятёж близится к концу; Юг будто бы убедился в том, что ему пора сдаваться, ибо Европа отказала ему в своей помощи и симпатии. «Нам не нужна ничья помощь. Мы полагаемся сами на себя... Из того, что мы сказали, легко видеть, что мы не желаем, не просим союза и что всякая мысль о том, что мы хотим связаться с Россией, является ошибочной». ² «Якшаться свободной Аме-рике с таким деспотизмом было бы противно всем традициям республики». Позабыли об этом, так «вспомним же теперь!» «N. Y. Herald» не находил уже никакого сходства между поль-ским восстанием и мятежом южан, между Линкольном и Але-ксандром II. ³ Забыв все на свете и самого себя, этот орган сто-ронников южан называл «ничтожными болтунами» всех тех, кто произносил речи на банкетах, и находил, что у ораторов «не-доставало мозга, как и красноречия».

«N. Y. Herald», как замечательно охарактеризовал этот ор-ган Чернышевский еще в 1861 г., «по обыкновению льстецов... и в том и в другом случае доводил до крайности мнение своей покровительницы: пока биржа советовала уступать, он кричал: уступайте безусловно все; когда биржа стала говорить: усми-ряйте Юг скорее, он стал кричать: беспощадно истребляйте мятежников». ⁴ Точно так же эта газета выступила и по поводу прибытия русской эскадры и русско-американских отношений в целом. Из одной крайности она впадала в другую. «Нам вовсе не нужны, — заявляла газета, — симпатии России, симпатии Франции, симпатии Англии... Мы разрешим наши трудности сами... и внушительная демонстрация наших военных и мор-ских сил, наших непревзойденных возможностей и единства нашего национального чувства вынудят мир уважать и бояться нас. Душа свободы, американская душа — в высшей степени

¹ Ibid., 18/XI, № 46.

² Ibid.

³ Замечу кстати, что реакционные «Московские Ведомости» 28/IX (ст. ст.) также утверждали о различии между польским восстанием и гра-жданской войной в США, причем выражали сочувствие южанам и клеймили польских инсургентов.

⁴ Чернышевский, Собр. соч., т. VIII, стр. 439.

смешна, когда она является на бал и прыгает на кончиках пальцев, как балерина, чтобы добиться ничего не стоящих аплодисментов от иностранцев, которые, вероятно, смеются и издеваются над ней вместо того, чтобы влюбиться в нее. Пусть же она сохраняет свое достоинство и полагается на свои броненосцы и армии, тогда и русские варвары и европейские нейтральные народы будут счастливы уважать ее и восхищаться ею». ¹

Свою злобу газета объясняла тем, что русские «не ценят и не обращают внимания» на американцев. «Что мы от них выиграли? — восклицал этот рупор биржи и северных «демократов». Симпатии русского царя? Мы ими и так пользовались через дипломатические каналы, да и в сущности они ничего не стоят. Россия посылает свой флот, чтобы он был в безопасности в случае войны с Францией, но сомнительно, чтобы она послала его сюда, если бы требовалось помочь нам в борьбе с Англией. Да в сущности он таков, что и не стоило бы его посылать. Один из наших броненосцев мог бы уничтожить его в два часа, со всеми этими варварами на борту. Что еще мы можем ожидать от русских симпатий, какую помощь оказывает ее дипломатическое посольство...» и т. д. в таком же духе. ² «Мы, — говорится в другой статье, — достаточно насмотрелись на русских, чтобы вполне убедиться в том, что эти варвары не могут нам симпатизировать». ³

Это лишь образчики того потока «площадной ругани», как верно писал Лесовский, «которым орган биржи» обливал русский народ, действительно симпатизировавший и сочувствовавший США, и русскую эскадру, которая держала себя весьма корректно и не давала никакого повода для брани, также как не была повинна и в тех панегириках, которые в ее честь раздавались.

Чем же объясняется столь решительный переход от хвалебных гимнов к ругани и лжи, от панегириков к злопыхательству?

Корреспондент «Морского сборника» объяснял это очень просто: жене редактора газеты не оказали предпочтения перед другими, когда она посетила фрегат «Александр Невский», и «теперь из союзников и друзей мы превратились в *barbarians*». ⁴ Французские газеты, да и большинство других европейских газет, объясняли непоследовательность газеты, во-первых, положением публициста, который должен беспрекословно следовать за прихотью общественного мнения, т. е. указывали на недоброжелательное отношение общественного мнения к русской эскадре, во-вторых, происходившими в США выборами. Газеты

¹ «N. Y. Herald», 18/XI, № 46.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ «Морской сборник», 1864, № 1, стр. 54.

утверждали, что «овации русским и парадная встреча их служили в Нью-Йорке искусственным избирательным фарсом, посредством которого надеялись отвлечь внимание избирателей». ¹ Лесовский, сообщая о «площадной ругани, которой осыпает нас одна из главных газет», видел причину этого в том, что «газета эта есть отголосок английской партии», но не забывал и сварливую жену редактора, заставившую мужа изменить направление газеты. ² Все эти версии, конечно, никак не могут объяснить такой крутой поворот в направлении газеты, хотя некоторые из них не лишены известного основания.

Прежде всего необходимо установить точную дату поворота в направлении газеты. Судя по содержанию статей, перемена в отношении к русским произошла 4 ноября. Накануне же были выборы в Нью-Йорке, и «демократическая» партия, бравшая под свое покровительство защитников рабства, как утверждала сама же газета, потерпела сильное поражение. «Нью-Йорк голосовал вчера за энергичное продолжение войны. По этому вопросу когда-то одержал победу губернатор Сеймур и по этому же вопросу он и его партия потерпели теперь поражение». ³ Во всех федеральных штатах народ голосовал за энергичное и окончательное подавление мятежа, против мира с южанами, против внешней войны. «Демократическая» партия во всех штатах потерпела поражение. Расчеты ее, в особенности нью-йоркских «демократов» и представителей нью-йоркской биржи, на использование факта прибытия русских эскадр для разжигания воинственных настроений против Англии, отчасти Франции и для заключения мира с Югом полностью провалились. Союз с Россией и мир с Югом для войны с Англией — вот предвыборный избирательный лозунг, на котором эта партия сорвалась. Народ США, даже в Нью-Йорке, не хотел внешней войны, которая не только отвлекла бы внимание от внутренних дел, но оказала бы неоценимую услугу и мятежникам, давно жаждавшим видеть иностранные войска в США и постоянно обращавшимся с призывами о помощи к Англии и Франции. Последние сами были бессильны организовать интервенцию, весьма непопулярную и вызывавшую сопротивление народа. Но, превратившись из «нападающих» в «обороняющиеся» державы, они воспользовались бы этим для признания Конфедерации, осуществления вооруженной интервенции и полного разгрома США. В этом смысле Лесовский был прав, называя газету «N. Y. Herald» «отголоском английской партии». Выступая против Англии, она на самом деле играла на руку ей и в особенности мятежникам,

¹ «Кронштадтский Вестник» от 6/XII 1863 г. № 139; 8/XII, № 140; 18/XII, № 144.

² МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, Лесовский — Краббе 5(17)XI 1863 г.

³ «N. Y. Herald», 4/XI, № 44.

которые в этот момент находились в критическом положении (голод, в буквальном смысле слова, свирепствовал во всей Конфедерации, кроме Техаса и Луизианы, оторванных от восточных штатов). Разочаровавшись в том, что Россию можно использовать для войны с западно-европейскими державами вместе с США или спровоцировать ее на европейскую войну, газета круто повернула и стала подстрекать Наполеона III объявить войну России. «В любой войне между Францией и Россией... Наполеон может полагаться на нашу добрую волю... нигде Франция не встретит большего одобрения, чем в верных нам штатах, если она начнет войну против России». ¹

Широкие массы народа федеральных штатов не пели хвалебных гимнов, не искали союзников для иностранной войны, не желали какого бы то ни было вмешательства в свои внутренние дела и стремились как можно скорее подавить мятеж. Они, относясь вначале с некоторым подозрением к прибытию эскадры, не разделяли теперь злобы северных сторонников южан и, опасаясь внешней войны, не только не разочаровались в русских, но наоборот, еще более закрепили чувства дружественного отношения к ним за их политику невмешательства. Стоянка в американских портах русской эскадры не давала никакого повода американцам опасаться внешней войны или вмешательства во внутренние дела. В этом отношении русская эскадра придерживалась строжайших директив, чем вызвала ненависть у кучки провокаторов внешней войны и друзей мятежников и молчаливое одобрение миллионов американцев.

Линкольн в своем послании конгрессу 8 декабря 1863 г. ничего не сказал об эскадрах, а о России лишь упомянул в связи с вопросом о телеграфной линии, не говоря ни слова об улучшении или ухудшении дружественных отношений с Россией. Он лишь подчеркнул, что «усилия мятежных граждан США вовлечь нас в войну с другими государствами, что помогло бы их непростительному мятежу, ни к чему не привели». ²

Напротив, Джефферсон Девис в своем послании 7 декабря должен был «с сожалением» признать, что «не наблюдалось улучшения в наших отношениях с иностранными державами. Наоборот, в поведении европейских народов наблюдался еще больший отход..., и их действия в некоторых случаях приняли характер положительно недружественный». ³ Вероятнее всего он имел в виду именно Россию и посылку ею эскадр.

¹ «N. Y. Herald», 1863, 8/XII, № 49 и др.

² Messages and Papers of the Presidents (ed. Richardson), v. VI, p. 179.

³ «N. Y. Herald», 1863, 16/XII, № 50.

4. Русские официальные круги об эскадрах

Как же отнеслись различные русские круги к посылке эскадры и к впечатлению, произведенному последней в США и в Европе?

О местонахождении тихоокеанской эскадры в июле — сентябре 1863 г., как было показано в предыдущей главе, ничего не знали даже в морском министерстве. О выходе атлантической эскадры из Кронштадта, несмотря на тайную обстановку, было известно,¹ а в офицерских кругах шопотом говорили, что она назначена для крейсерских операций в случае войны. Но появление этой эскадры в Нью-Йорке и одновременно тихоокеанской в Сан-Франциско было совершенно неожиданным.²

Внезапное и неожиданное появление двух эскадр удивило многих русских дипломатов, а некоторые из них, как например барон Бруннов, под впечатлением сообщений газет, даже испугались. Горчаков о затее Краббе бесспорно знал, но не разделял его оптимистических взглядов, более того — сомневался в благоприятном исходе этого предприятия. Но в октябре он уже говорил, как передавал Краббе Александру II, «об удачности мысли и отличности исполнения отправки эскадры». Александр II в связи с этим отметил: «И я того же мнения».³ Стекло только накануне прибытия эскадры в Нью-Йорк (около 22 сентября) узнал о цели отправки эскадры, когда ему поручили выяснить отношение к этому вашингтонского правительства. Ему также вменили в обязанность «извещать контр-адмирала Лесовского о ходе дел политических», которые ему будут известны через русских послов в Лондоне и Париже с тем, чтобы в случае войны эскадра успела во время оставить порты Соединенных Штатов или избежать встречи с силой превосходной.⁴ Почти накануне прибытия эскадры в Нью-Йорк, 23 сентября, Стекло получил от морского секретаря федерального правительства Уэльса положительный ответ на свой запрос. Уэльс сообщал, что он отдал приказ в Нью-Йорк оказывать русским офицерам всевозможные услуги и что американское правительство в случае надобности откроет эскадре свои арсеналы.⁵

¹ «Кронштадтский Вестник» от 19/VII 1863 г. Говорили, что корабли 19(31)VII отправились в Либаву.

² «Морской сборник», 1914, № 10, стр. 43. Появление эскадры Попова в Сан-Франциско оказалось неожиданным даже для Краббе.

³ МИА, 1862 г., дело № 109, ч. II, Краббе — Александру II 18/X 1863 г.

⁴ Там же, 1863 г., дело № 109, ч. II, Стекло — Краббе 11 (23) IX 1863 г.

⁵ Там же. Подлинник отношения (на английском языке) Уэльса к Стекло от 23/IX 1863 г., немедленно пересланный последним в морское министерство в С.-Петербург.

Стекль в тот же день послал депешу Бруннову с просьбой сообщать о политических событиях, чтобы своевременно предупредить командира эскадры, в случае если бы «события снова приняли угрожающий оборот» (во что он сам мало верил), дабы суда могли «выйти в море и этим избежать внезапной атаки или блокады в американских портах бесконечно превосходящими их морскими силами, которыми союзники располагают у берегов Соединенных Штатов». ¹ Именно от Стекля Бруннов только 17 (5) октября узнал истинную цель эскадры ² (если не считать догадки, которая была высказана генералом Уолбриджем и другими и распространена прессой). «Суда эти предназначены, — писал Стекль, — крейсировать по океану и действовать против морской торговли и колоний Франции и Англии или той из этих двух держав, с которой мы можем вступить в войну». ³

Бруннов, дипломат старой школы, был крайне недоволен, более того — испуган посылкой эскадры и считал для себя невозможным «способствовать успеху плана морского министерства, о котором г. Стекль только что [его] уведомил». ⁴ В обстоятельной депеше Бруннов изложил «слишком убедительные и бесспорные», по его мнению, соображения и мотивы против посылки эскадры; в частности, он ссылался на то, что секретное назначение эскадры разгадано (речь Уолбриджа, сообщение курьера о слухах в Вашингтоне и пр.), поэтому в случае войны английский флот уничтожит эскадру до того, как он сумеет передать Стеклю, а последний в свою очередь Лесовскому сообщение о начале войны. «Вместо того чтобы обеспечить мир, мы сделали бы войну неизбежной». Александр II полагал, что «он во многом прав», но «это не причина для того, чтобы отказаться от пребывания нашей эскадры в этих морях». ⁵ Тем более, разумеется, что непосредственной военной угрозы не было. Горчаков, однако, до некоторой степени разделял взгляды Бруннова и упрекал Краббе в том, что «тайная цель эскадры была дурно сохранена». ⁶

Краббе в ответ на все замечания дипломатов писал 22 (10) октября 1863 г., что он вновь расходится «в мнении с маститым...

¹ АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Бруннов — Горчакову, № 250; «Красный Архив», 1930, т. 38, стр. 164; АВП, МИД, канц., 1863 г., дело № 160, Стекль — Бруннову 11 (23) IX 1863 г., л. 11.

² Там же, дело № 160 (доп.), Бруннов — Горчакову 5 (17) X 1863 г., № 250, лл. 6—10.

³ Там же, Стекль — Бруннову 11 (23) IX 1863 г., № 11.

⁴ Там же, Бруннов — Горчакову 17 (5) X 1863 г., л. 6.

⁵ Там же, с пометкой на подлиннике Александра II.

Несколько позднее, 18 (31) октября, на донесении Краббе, что «появление эскадры контр-адмирала Лесовского в Нью-Йорке весьма встревожило посла нашего в Лондоне, который посвятил этому особую депешу», Александр II пометил: «Опасения преувеличены и несправедливы во многом».

⁶ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, Горчаков — Краббе 9 (21) X 1863 г.

Нестером дипломатии» о влиянии появления эскадры в Атлантическом океане. «Возможность вредить торговле должна... удалить возможность войны, а не привлечь ее». Что же касается тайны, то она сохранялась весьма искусно, но «весьма понятно, что появление эскадры в Нью-Йорке при нынешних политических обстоятельствах вызывает всякого на настоящее объяснение цели снаряжения эскадры, и помешать этому невозможно...»¹ Но Краббе, сообщая Лесовскому о депеше Бруннова, полной тревоги и оказавшей влияние на Горчакова, вместе с тем инструктировал его о необходимости повсюду разъяснять, что цель пребывания эскадры в Америке заключается в том, чтобы не лишить флот заграничной практики и вместе с тем дать возможность своевременно освежить морские станции за границей, но «при современном состоянии политических дел морское министерство сочло неблагоприятным отправить отдельно очередные суда на станции в Средиземное море и в Тихий океан».² Он также рекомендовал Лесовскому почаще произносить «приятные для американцев речи о сочувствии и дружбе»³, что также могло бы скрыть истинную цель эскадры.

Лесовский ответил, что никто кроме командиров не знает тайной цели эскадры, но «догадываться не хитро. Мы поняты в соображениях всякого мыслящего».⁴

Лесовский был совершенно прав. Не только за границей, но и в России поняли истинную цель похода эскадры. Хорошо осведомленная газета «Московские Ведомости» в передовой от 17 (5) октября воспевала предусмотрительность и дальновидность правительства и утверждала, что более действительной демон-

¹ Там же, Краббе — Горчакову 10 (22) X. На копии депеши Александр II пометил: «Дельно», одобряя мысль Краббе, что «торговое сословие» Англии «вероятно столь же сильно восстало бы против войны с Россией, как оно всегда восставало и восстает против войны с Америкой», так как боится сильного каперского флота США. Можно ли на основании подобной мысли делать вывод, будто Краббе предполагал объединить флоты США и России в случае войны. «При этом Краббе, — пишет Ефимов, — не случайно упоминает о том, что каперский флот Союза представляет собой огромную силу. Очевидно, Краббе имел в виду возможность совместных действий русских эскадр и флота Союза» («Историк Марксист», 1936, № 3, стр. 113). Совсем не очевидно. Краббе этого не имел в виду.

² Там же, Краббе — Лесовскому 11 (23) X 1863 г.: «Появление в Нью-Йорке сильно встревожило осторожного и до крайности боязливого посла нашего в Лондоне, и депеша его, написанная под впечатлением злобных статей английских газет, произвела некоторое влияние на нашего вице-канцлера...»

³ Там же. В США эскадра направлена потому, что можно было положиться на нейтральность их. Краббе сообщал Александру II и Горчакову о принятых им мерах к сохранению тайны истинной цели и к распространению официальной версии и просил Горчакова в свою очередь сообщить об этом послам (Там же, 18 (31) X 1863 г.).

⁴ Там же, Лесовский — Краббе 11 (23) XI (шифр. телеграмма).

«страции нельзя было придумать. «Появление этих 300 орудий в Атлантическом океане и в Нью-Йоркском порту почти имеет для нас цену выигранного генерального сражения». «Но мы прибыли туда, — разъясняет газета, — не с какими-либо завоевательными или благотворительными замыслами. *Мы не желаем вмешиваться в американские дела*; мы прибыли туда лишь для собственного удобства...» Присутствие эскадры в американских водах «настолько же ослабляет Францию в Европе, насколько усиливает нас». Основная, по мнению газеты, цель эскадры: «в случае войны нанести противнику самый чувствительный удар в мексиканских затеях». Газета была не против сближения с США, но решительно высказывалась против заключения оборонительного и наступательного союза.¹

Очевидно, по директиве морского министерства «Кронштадтский Вестник» 25 (13) октября выступил против «Московских Ведомостей», оценка положения которых «быть может, верна», но которые, увлекаясь, в порыве своего патриотизма, смотрят преувеличенно на дело. Эскадра не так велика, а самый факт объясняется значительно проще, без всяких хитростей и комбинаций. «Плавание, о котором идет речь, есть не что иное, как практическая прогулка, прогулка очень удачная, предпринятая кстати, с большим тактом и почему-то не нравящаяся англичанам». Этот официальный орган решительно отрицал «хитрые замыслы» и «какие-то предполагаемые союзы».²

Через неделю газета снова возвращается к этому вопросу в связи с впечатлением, произведенным появлением эскадры радужным их приемом, шумом в Европе и вызванным ими раздражением и нелепыми толками. «Заговорили уже о существовании будто бы оборонительного и наступательного союза между Россией и США; об опасности, угрожающей британской торговле» благодаря неожиданному появлению сильных русских эскадр в Нью-Йорке и Сан-Франциско. Французские газеты восклицали: «Русский флот в Нью-Йорке в Атлантическом океане, русский флот в Сан-Франциско в Восточном океане; значит при первом сигнале войны флоты эти нападут на торговую флотилию союзников и тем нанесут ей огромные потери». По этому поводу «Кронштадтский Вестник» замечает: «Последнее заключение французских газет не безосновательно, а остальные толки, покажет время, до какой степени справедливы».³ Таково было мнение морского министерства и других официальных кругов.

¹ «Московские Ведомости» от 5/X 1863 г. Автор передовой был не против сближения с США, так как это побудило бы Англию быть податливой в отношениях своих к России.

² «Кронштадтский Вестник» от 13/X 1863 г., № 117. Имелся в виду слух о союзе с США.

³ Там же, от 20/X 1863 г., № 120.

Большинство газет, сообщая о факте пребывания эскадр, об их приеме в США и откликах в Европе, избегало собственных комментариев и не высказывало никакого определенного мнения на этот счет. Все объяснения тех газет, которые осмеливались это делать, ничем не отличались от высказанных мнений. Вообще этому вопросу уделялось мало внимания и ничего не говорилось в этой связи об американцах. Специальный корреспондент «Морского Сборника» выражал недовольство тем, что «русские газеты отозвались чрезвычайно сухо», и поражался равнодушию «русской публики и журналов к приему, сделанному эскадре американцами». Он восклицал: «Неужели же в целой России никто не откликнется на это» (т. е. на симпатии американцев).¹ Корреспондент высказал в значительной мере справедливый упрек, поскольку он имел в виду аристократическую публику.²

В связи с поворотом «N. Y. Herald» и злорадством по этому поводу западно-европейской прессы «Кронштадтский Вестник», «Морской Сборник», а затем и другие периодические органы выступили решительно против утверждений, что овации русским и парадная встреча их служили в Нью-Йорке искусственным избирательным фарсом, посредством которого надеялись отвлечь внимание избирателей. Случайный и весьма удачный приход двух русских эскадр, одной в Сан-Франциско, другой — в Нью-Йорк, оказал некоторое влияние на политику западных держав как в отношении России, так и США. Русская пресса напомнила о письме Росселя, из которого видно, что «в последнее время политика Англии в отношении обеих воюющих сторон Северной Америки изменилась совершенно», что «англичане не только перестали почти открыто помогать Югу, но даже предпринимают такие меры, которые скорее благоприятны для Севера».³ Англия, наконец, решила сохранять действительный нейтралитет, существовавший прежде только на бумаге. Указывалось и на тот факт, что письмо Росселя столь странно совпадало с присутствием эскадр в США. Из этого и других фактов, которые приводились газетами, «не трудно заключить, что, как бы ни гово-

¹ «Морской сборник», 1864, № 1, стр. 56.

² Любопытно, что в произнесенных на обеде 7/XII в честь Горчакова (на обед съехались все «сливки» столичной аристократии) речах, исключительно посвященных дипломатическим отношениям, ни одного слова не было произнесено относительно пребывания эскадр в США, об отношении к последним вообще, тем более о благодарности американцам за радушный прием. А темой всех речей было то, что «угрозы войны утихли и разнеслись по воздуху» (выражение графа Орлова-Давыдова). См. «Кронштадтский Вестник» от 22/XII 1863г., № 146.

В Москве дворянские круги собирались дать в английском клубе обед посланнику США, но потом отменили его на том основании, что как бы англичане не обиделись (в английском клубе — да против англичан!) (там же, от 8/XII 1863 г., № 139).

³ Там же, от 18/XII, № 144.

рили иностранные газеты о присутствии русских эскадр в Америке, *одна идея о возможности морского союза России с Соединенными Штатами уже сильно не нравится им*, хотя, в сущности, идея эта существует в их расстроенном воображении». ¹

Это утверждение вполне справедливо. Никакого союза между США и Россией не было. Прибытие эскадр в порты США действительно было случайным для последних и никакого отношения не имело к гражданской войне. И некоторые современники догадывались об этом еще во время пребывания эскадр. Изучение архивных материалов о деятельности эскадр в американских водах полностью подтверждает это утверждение. Тем не менее, эти эскадры, как справедливо указывали некоторые русские и американские газеты, сыграли важную роль как в развитии дружественных русско-американских отношений в дальнейшем, так и в изменении позиций западно-европейских держав по отношению к обоим державам.

5. Пребывание русских эскадр в американских водах

Деятельность эскадр в американских водах не имела непосредственного отношения к гражданской войне. Но поскольку эти эскадры были в США в период гражданской войны и не могли прямо или косвенно не столкнуться с ней, необходимо хоть очень кратко описать их пребывание в США.

Первые недели проходили в банкетах, в балах, в приеме депутатов, в посещениях различных предприятий и т. д. Лесовский и другие русские представители избегали в своих речах касаться как вопросов гражданской войны и борьбы Севера с Югом, так и международных противоречий, борьбы с Англией и Францией. Произносились напыщенные речи «о благотельных реформах Александра II», о «традиционной русско-американской дружбе» и т. д. В лучшем случае выражалось желание, «чтобы мир снова водворился в Америке» (выражение Стекля). ²

Во всех торжествах, которые устраивались частными лицами или иногда муниципалитетами, участвовал лишь офицерский состав эскадр. Команды последних (в особенности атлантической эскадры) были заперты на своих судах и даже не отпускались на берег. За один только октябрь бежало с атлантической эскадры 30 человек, поэтому Лесовский «нашел себя вынужденным прекратить увольнение команд на берег», о чем он писал 3 ноября (22 октября) 1863 г. из Нью-Йорка. ³ По всем данным, бежавшие

¹ «Кронштадтский Вестник» от 18/XII 1863 г., № 144.

² Там же, от 17/XI, № 131, «N. Y. Herald», 1863, 20/X.

³ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, Лесовский — Краббе 22/X 1863 г. «До сих пор убылых побегам на эскадре 30 чел., из них выкрестов из евреев — 5, чухон — 7, поляков — 9 и русских 9 чел. С «Александра Нев-

поступали в федеральную армию. По мнению Лесовского (это мнение разделялось Александром II и Краббе), соблазном для бегства и вступления русских матросов в федеральную армию были 300 долларов, которые уплачивались всем вступавшим в армию.¹

Несмотря на строжайшую изоляцию команды от соприкосновения с американцами, на фактическое заточение матросов на корабле, они находили различные пути для побегов и вступления в федеральную армию, боровшуюся с рабством, за свободу и демократию.² За время пребывания эскадр в США с одной только атлантической эскадры таким образом бежало 87 матросов.³ Поиски, за редким исключением, несмотря на все старания Стекла, обращавшегося даже к Сьюарду, и генерального консула в Нью-Йорке Сакена, несмотря на подкуп особых агентов и американских полицейских, оказывались безуспешными.⁴ Именно русские моряки — сыны народов, населявших Российскую империю, вне зависимости от побудивших их к этому мотивов (о которых можно лишь предполагать, а не достоверно утверждать) стали активными борцами за свободу и демократию, действительно помогали, в меру своих сил, бороться против рабства. Но это не имеет никакого отношения ни к позиции официальной царской России, ни к торжественному приему эскадры (в первый месяц) некоторыми американскими кругами. Наоборот, все время подчеркивался строгий нейтралитет России в борьбе Севера с Югом.

В конце 1863 г. корсары Юга «Алабама», «Семтер» угрозами нападения и бомбардировки Сан-Франциско вызывали панику

ского» — 14, с «Витязя» — 7, с «Варяга» — 4 и т. д. (см. также дело № 19 (фонд 122). Александр II и Краббе одобрили мероприятия Лесовского (дело № 109, ч. II, Краббе — Лесовскому 1/XII 1863 г.).

¹ Там же. «Известие о побегах с эскадры крайне огорчило меня; впрочем, при настоящих обстоятельствах... не трудно соблазнить нескольких матросов, и потому государь признал ваши объяснения совершенно достаточными, чтобы не искать никаких других причин побегов... Его величеству угодно было одобрить Ваши распоряжения о приостановлении увольнения людей на берег» (там же, Краббе — Лесовскому 1/XII 1863 г.). Вместе с тем срочно был направлен аудитор, начались тщательные розыски беглых.

² Некоторые матросы калечили себя, чтобы попасть в лазареты города, откуда можно было бежать и поступить в армию; некоторые, посланные в город за провизией, ухитрялись ускользнуть из-под наблюдения офицеров, сопровождавших их. Так, например, матрос I статьи Вл. Магазинов бежал из госпиталя в потомакскую армию, где в феврале 1864 г. его нашли в 16 полку тяжелой артиллерии нью-йоркских волонтеров под именем Ал. Миклосского (за особое вознаграждение известие об этом было передано Стекло федеральной полицией). См. МИА, дело № 21, стр. 21—22.

³ МИА, 1863 г., фонд 93, дело № 777; фонд 122, дела №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17 и 18. Имеется список со сведениями о каждом бежавшем.

⁴ Там же, дело № 21, стр. 22.

в городе. Перед контр-адмиралом Поповым встал вопрос, как поступить в случае нападения корсаров на город. Вопрос осложнялся тем, что в городе ожидали помощи со стороны русской эскадры, пользовавшейся их гостеприимством. Попов в январе 1864 г. выработал проект инструкции командирам кораблей, в котором предлагалось оказать содействие в предупреждении нападения корсаров. Но он сомневался в правильности принятого им решения и запросил по этому поводу Стекля и Краббе. Стекло в своем запоздалом ответе от 13 (1) марта 1864 г. писал, что «сущность его инструкций из Петербурга состояла в том, что для России не существует Севера и Юга...», и он «не считает возможным вмешиваться во внутренние раздоры». Попову предлагалось избегать какого бы то ни было участия в междоусобной войне. «Действия корсаров в открытом море нас не касаются, даже в случае нападения их на форты обязанность вашего превосходительства соблюдать строгий нейтралитет». В крайнем случае он рекомендует во имя человеколюбия, а не политики, при угрозе городу употребить моральную силу. «Должно полагать, что представление ваше, при имеющихся в вашем распоряжении средствах, произведет желаемое действие, не прибегая к употреблению силы и не вовлекая таким образом нас в затруднения, которых правительство наше желает всего более избежать». ¹ Это было в духе ответа Горчакова Краббе 27 (15) января 1864 г., в котором выражалось крайнее недовольство поведением Попова. Горчаков, утверждая, что Север и Юг одинаковы для России, приказал сохранять строгий нейтралитет. «Россия не желает, — писал он, — поддерживать Север против Юга, и морские офицеры должны быть предупреждены об этом». ² Попов вскоре получил отставку, и, вероятно, его проект инструкции сыграл в этом не последнюю роль. ³ Позиция царского правительства в этот период ничем не отличалась от той политики, которая была сформулирована Горчаковым в беседе с Тейлором 29 октября 1862 г. так: правительство желает сохранения США, но оно «не враждебно народу Юга». ⁴

Русские дипломатические представители в США и командование эскадры подчеркивали не только свое безразличие и стро-

¹ МИА, 1861 г., дело № 91, ч. III, лл. 93—103; АВП, МИД, канц., 1864 г., дело № 150, Стекло — Горчакову 10 (22) III, № 14 (там же копия письма Стекла Попову от 1 (13) III в ответ на запрос последнего от 31/II 1864 г.), лл. 74—75.

² Там же.

³ Краббе 23/V 1864 г. сообщил Попову, что он освобожден от начальствования тихоокеанской эскадрой. «Всею есть границы и пределы, — писал Краббе. Я полагал, что и вашему своеобразию есть границы; во всяком же случае могу уверить вас, что есть предел моему терпению и что вы уже довели меня до этого предела».

⁴ House (Exec.) Documents, 1863/64, part II, p. 840.

гий нейтралитет в борьбе Севера и Юга, но и вели себя весьма корректно и предупредительно в отношении представителей Англии и Франции в США, которые были приглашены Лесовским через Стекля. Правда, лорд Лайонс, например, вернул приглашение обратно,¹ но это уже не их вина.

В начале ноября окончились для офицеров атлантической эскадры дни неофициальных визитов, банкетов и т. д. Их встречали не дифирамбами и оvationами, как раньше, а свистками и бранью, чем особенно отличилась газета «N. Y. Herald». На митингах «демократической» партии 4 и 9 ноября, на которых уже провозглашались лозунги о доведении войны с мятежниками до конца, русские офицеры были освистаны, по утверждению русских газет, поляками.² Бывший поверенный в делах США в Петербурге Тейлор на публичной лекции 26 ноября в Нью-Йорке был освистан, а заявление его, что «польское восстание заслуживает не сочувствия и симпатий, а только сожаления, как предмет политической интриги», вызвало протесты и ропот в публике.³

Но русские офицеры, кажется, были рады тому, что «неофициальные овации кончаются или почти кончились». По утверждению специального корреспондента «Кронштадтского Вестника», на атлантической эскадре офицеры этому обстоятельству были непритворно рады, и по многим причинам. «Во время разгара разных манифестаций в честь русских, во время преувеличенных возгласов и несбыточных предположений здешней прессы касательно назначения нашей эскадры, — адмирал, да и все мы очень хорошо понимали: какую роль играли во всем этом собственно дружеские международные отношения и что было только последствием посторонних и случайных обстоятельств. А потому, принимая с признательностью то, что было действительным выражением дружбы, мы избегали по возможности ходить, на которые насильно ставили нас газетные тапёры... Теперь дифирамбы кончились, и, наконец, мы, не теряя нисколько в сочувствии и дружбе северян, выведены, по крайней мере, из ложного положения, ибо для честного человека преувеличенные похвалы столь же обидны, как и не заслуженное внимание».⁴ Это свидетельство, в искренности которого нет оснований сомневаться, прекрасно передает настроения русских офицеров и их положение в Нью-Йорке, так что комментарии к нему излишни.

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, Стекло — Краббе, лл. 72—73.

² См. «Московские Ведомости» от 7/XI 1863 г., «С.-Петербургские Ведомости» от 3/XI и 9/XI 1863 г.

³ «Морской Сборник», 1864, № 1.

⁴ «Кронштадтский Вестник» от 4/XII, № 138.

Еще в конце октября Лесовский сообщал, что он немедленно приступает к подготовке всей эскадры к плаванию, ибо «цель, для которой мы были высланы из Кронштадта по ходу политических обстоятельств, миновалась», и просил Краббе назначить пункты плавания.¹ В связи с тем, что истинная цель эскадры была понята почти всеми, Лесовский в ноябре вновь повторяет мысль о готовности «разбросать эскадру по островам Вест-Индии с беспрестанными передвижениями и периодическими сборами на пустынных местах... Отвечайте, оставаться ли в Америке или итти в Вест-Индию или куда найду удобным, не заботясь о толках». ² Краббе ответил, что, «не предвидя, по ходу дипломатических переговоров, близкой войны», эскадра может оставаться «с совершенным спокойствием» в Новом Свете и советовал употребить время на ознакомление с путями и подступами портов Северной, центральной и Южной Америки, в особенности островов, но «не застаиваться нигде слишком долго». В середине или конце апреля он предлагал «возвратиться в один из североамериканских портов, откуда, если политический горизонт окончательно разъяснится, вы разошлете суда по станциям, согласно программе плавания, а сами на «Ослябя» возвратитесь домой». ³

Лесовский в точности выполнил директиву Краббе, имея в виду также «борьбу с польскими пиратами» в случае возможного прихода их в американские воды ⁴ (Лесовский опасался этого в связи с прокламацией Маньяка о снаряжении судов для нападения на русские торговые корабли). Но это заставило Лесовского по совету Стекля не отходить далеко от портов США. ⁵ Лесовский в январе разослал суда эскадры в плавание для собирания сведений о портах и их значении в военном отношении, а также для возможных действий против польских корсаров. ⁶ В апреле

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. II, Лесовский — Краббе 14 (26) X 1863 г.

² Там же (шифров. телегр.), Лесовский — Краббе 11 (23) XI 1863 г.

³ Там же, Краббе — Лесовскому 11 (23) XII 1863 г.

⁴ Там же, дело № 115, лл. 67—136; № 109, ч. III, л. 4; № 91, ч. III, л. 12.

⁵ Там же, № 109, ч. II, Лесовский — Краббе 18 (30) XII 1863 г. и Краббе — Лесовскому 1 (13) I 1864 г.

⁶ Там же, Лесовский — Краббе 9 (21) XII 1863 г. и 26/I (7/II) 1864 г. Краббе 7 (19) II 1864 г. разрешил посетить порты американского материка и бороться с польскими пиратами (строго сохраняя это в тайне), хотя считал, что последние вряд ли будут в Америке. Краббе был крайне недоволен тем, что «тайны не совсем хранятся на эскадре», ибо до него еще до письма Лесовского дошли слухи, что эскадра отправилась в Вест-Индию сражаться с польскими судами (там же). Он предполагал, что войны с западными державами не будет.

См. подробные инструкции Лесовского командирам судов №№ 37 и 38 от 26/XII и 27/XII (ст. ст.) 1863 г. (МИА, фонд 122, дело № 18 и № 8).

Были собраны сведения о военном значении девяти портов; суда посетили порты Вест-Индии и центральной Америки (МИА, 1863 г., дело № 109, ч. III, Лесовский — Грейгу 10(22) VIII 1864 г.).

все суда вновь собрались в нью-йоркском порту и, ожидая распоряжений, производили ремонт.¹

7 мая (25 апреля) 1864 г. Александр II согласился с Горчаковым о необходимости отозвать эскадру. На следующий день об этом был извещен Краббе, а еще через день были одновременно посланы Лесовскому телеграмма и письмо. Но ввиду ремонта некоторых судов эскадра задержалась.² Тем временем в июне часть эскадры посетила Бостон, где 19 (7) июня 1864 г. был устроен банкет в честь русских офицеров и русско-американской дружбы.³ В июле атлантическая эскадра оставила берега США.⁴

Кроме посещений портов и собирания сведений, русские офицеры знакомились с броненосным судостроением, с артиллерией и т. д.

¹ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. III; фонд 122, дело № 19, лл. 19—20. «N. Y. Herald» радовалась, что русские суда возвратились со значительным повреждением, что, якобы, доказывало их прогнозы о слабости эскадры.

² Там же. За неделю до этого, 19/IV, Краббе писал Лесовскому: «Причины снаряжения эскадры в Атлантическом океане еще не миновались совершенно, что и доказывается продолжительным содержанием ее у берегов Америки...»

³ Complimentary Banquet, Boston, 1864.

⁴ МИА, 1863 г., дело № 109, ч. III, Лесовский — Краббе 4 (16) VII 1864 г.; дело № 106, л. 60.

Г л а в а IX

ОКОНЧАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ЦАРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

I

С середины 1864 г. уже никто не сомневался в том, что Север победит. В Англии в феврале в палате общин, а в апреле в палате лордов друзья сецессионистов и консерваторы еще нападали на правительство за политику нейтралитета и требовали ее изменения в пользу мятежников.¹ Сторонники южан хотели использовать усиление консервативной оппозиции в парламенте и стремление ее сбросить правительство (в связи с датским вопросом) для изменения американской политики. В июне положение правительства было действительно критическим, но оно не пало. В начале июля уже не было надежд ни на признание Конфедерации, чего усиленно добивались мятежники, ни тем более на вооруженную помощь ей. Сторонники южан добивались признания Юга даже ценой постепенного освобождения рабов. Но и это уже было поздно. В июне провалились попытки Линдсея в парламенте добиться признания Юга. Оставались общества и пресса, дружественные Югу, но и они постепенно редели. Многие понимали, что вмешательство Англии было бы на руку Северу, ибо оно подняло бы воинственный энтузиазм народа, что отразилось бы на успехах республиканской партии, усилило бы радикальное течение на президентских выборах и способствовало бы не только сохранению, но и укреплению единства этой партии. Оно сказалось бы также на успехах, которые привели бы к скорейшему подавлению мятежа и восстановлению единства США. Англия (правительство и господствующие классы) преследовала определенную цель: как можно больше ослабить США, как можно дольше поддерживать мятеж и продолжить гражданскую войну. Она признавала Юг воюющей стороной

¹ Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 173, pp. 430—441, 554 и др.; v. 174, pp. 1862—1913 (11, 15 и 23 февраля).

и проводила политику нейтралитета, направленную против Севера.

Под маской нейтралитета нарушалась блокада южных портов и Юг снабжался самым необходимым.

Поддерживал угасающий огонь мятежа и Наполеон III. Не желая выступать один, без Англии, он тем не менее в беседах со Слайделем и в своих публичных заявлениях подчеркивал, что Юг непобедим, что еще возможно его признание.¹ Наполеон III великолепно понимал последствия подавления мятежа и восстановления единства США для его мексиканской затеи. Необходимо было хотя бы продлить мятеж, ослабить США, если нельзя добиться окончательного распада, чтобы укрепить свое положение в Мексике.

Адамс выразил совершенно правильную мысль в письме к Сьюарду, что «по всеобщему выражению — мир и восстановление Союза является синонимом войны с Англией».² Но не только буржуазия Англии опасалась за будущее. Еще больше оснований для этого было у Наполеона III. Мятежники и их друзья в Европе усиленно распространяли слухи, что после окончания гражданской войны, разгрома Конфедерации федеральное правительство использует свою почти миллионную армию для войны с Англией или Францией и даже одновременно с обеими. Приток добровольцев из США в армию Хуареса для борьбы с Францией в Мексике, оживление деятельности общества фениев, превратившегося в грандиозную массовую организацию в США, — таковы были первые реальные симптомы, угрожавшие Англии и Франции. Усилились разговоры и на севере о войне с Францией и Англией с целью изгнать первую из Мексики, а вторую из Канады. Об этом говорили не только северные «демократы», давно стремившиеся к этому, но и буржуазные круги, поддерживавшие умеренное крыло республиканской партии, которое все больше и больше сближалось в своих взглядах с «демократической» партией севера и постепенно превращалось в реакционную силу.

Весьма характерной для выражения взглядов крупной буржуазии является брошюра, вышедшая в Цинцинати весной 1864 г. под названием: «Английский и французский нейтралитет и англо-французский союз в их отношениях к США и России».³ Автор ее, некто Бойнтон, развивал мысль, что Англия и Франция объединились для борьбы с США и Россией. Повлиять на

¹ AHR, v. XXVI, № 2, pp. 275—277; «Московские Ведомости» от 7/XI 1864 г. Даже в ноябре месяце Наполеон III заявил депутации купцов в Лионе: «Я опасаюсь, что эта несчастная война в Америке еще не близка к своему окончанию».

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1865/66, Adams to Seward 23/II 1865, part I, p. 182.

³ Boynton, English and French Neutrality and the Anglo-French Alliance in their Relations to the United States and Russia, Cincinnati, 1864.

политику Англии и Франции можно только радикальным средством — войной. «Мы большая и сильная нация, — писал автор, — а заключение союза с Россией, кроме того, усилит США и приведет к победе на американском континенте». ¹ Такую же мысль в марте 1864 г. развивали некто К. Леланд в «Service Magazine» и Хелприн в «Continental Monthly» в феврале 1864 г. ² В таком же, примерно, духе, но дипломатичнее произносились 19 июня 1864 г. речи на банкете в Бостоне в честь русской эскадры. «Величайшая империя и величайшая республика, могущественный самодержец и влиятельнейшая демократия, — говорил президент муниципалитета Бостона Хейл (Hale), — поддерживают равновесие на политических весах мира, что же удивительного, что они с интересом взирают друг на друга». Россия, «руководимая единой волей», и США — свободой, предназначены «к распространению цивилизации на обширные, открытые перед ними области. Под влиянием этих причин, их стремления, в некоторых отношениях, совпадают странным образом». ³ Мэр города преподнес Лесовскому брошюру, изданную еще в 1855 г. бостонским купцом Смитом («A Defence of Russia by an American») в защиту русской политики на Ближнем Востоке с выражением сочувствия и дружбы к ней.

В это же время Сьюард усиленно подчеркивал, что правительство будет воздерживаться от вмешательства в чужие дела (Канада, Мексика). Если Англия будет справедлива к Соединенным Штатам, то Канада останется неприкосновенной. Перечисляя все дружественные и недружественные державы, Сьюард совершенно обошел молчанием Россию. ⁴ Правда, описывая прием офицеров русской эскадры 17 (5) декабря 1863 г., Сьюард писал Клею, что «доброжелательство, высказанное по отношению к ним в наших главных портах, было инстинктивным актом самого американского народа». ⁵ Он высказывал радость по поводу того, что русское командование благодарило за прием эскадры. Но в дипломатической переписке с конца 1863 до 1865 г. отмечается сухость тона, сдержанность в выражениях, какое-то разочарование в позиции царского правительства, хотя и подчеркивается иногда дружественная политика последнего к США. Однако это было отмечено лишь после того, как Клей послал Сьюарду несколько полученных от военного министра номеров газеты «Русский Инвалид», в которых польское восстание сравнивалось с мя-

¹ Boynton, op. cit., p. 3.

² Callahan, op. cit. p. 11.

³ Complimentary Banquet, Boston, 1864.

⁴ Показательной в этом смысле является речь Сьюарда в Вашингтоне 3/IV 1864 г. См. «С.-Петербургские Ведомости» от 2/IV и 8/IV 1864 г.

⁵ House Documents (Dipl. Correspond.), 1864/65, Seward to Clay 8/XI 1864, part III, pp. 279—280.

тежом южан и выражались симпатии России к США. Сьюард ответил, что «президент чрезвычайно доволен добрыми чувствами, высказанными императором», но только военные победы могут вернуть престиж правительству США.¹

Клей посылал письма, полные восхищения либеральной политикой императора, который будто бы создавал конституционную монархию (повсюду в России, Финляндии, Польше). Клей посылал отчеты об устроенном в его честь банкете в Кронштадте 18 августа и о благодарности, выраженной морским управлением за прием русской эскадры в США. Он отправлял выписки из статей в русских газетах, особенно от 3 августа, благоприятные для США.² Сьюард или оставлял все это без ответа, или отделялся общими фразами, или, наконец, отвечал, что выписки и отчеты получены и ни слова больше.³

В то время как Клей сообщал, что «наши отношения со двором продолжают носить самый сердечный характер»,⁴ Сьюард напоминал ему, что вопрос о постройке межконтинентальной телеграфной линии между Азией и Америкой царским правительством еще не разрешен. Он писал, что президент чрезвычайно удовлетворен доброжелательством России, но указывал, что лишь осуществление телеграфной линии послужит доказательством того, насколько «искренно правительство желает поддерживать близкую дружбу».⁵ Сьюард просил прочесть эту депешу Горчакову, который, разумеется, должен был понять, что, говоря об «искренности», Сьюард имел в виду не столько свое, сколько русское правительство. Однако постройка телеграфной линии так и не была осуществлена.

II

Поход федеральной армии под руководством генерала Шермана с запада на восток к Атланте (к побережью Атлантического океана в штате Джорджия) и затем, пересекая Ю. Каролину, к Ричмонду, назначение генерала Гранта (отличившегося своей решительностью в борьбе с мятежниками на западе) командующим федеральной армией и успехи его осенью 1864 г. — все это говорило о близком окончании гражданской войны, подавлении мятежа и о восстановлении Союза. Но буквально до самого дня президентских выборов положение федерального правительства было тяжелым. «Что касается Америки, — писал Маркс Энгельсу 2 ноября 1864 г., — то, говоря откровенно, я считаю

¹ Ibid., p. 284.

² Ibid., pp. 266, 267, 283, 287—293.

³ Ibid., pp. 279, 280, 296, 297, 298.

⁴ Ibid., p. 287.

⁵ Ibid., p. 297.

настоящий момент весьма критическим. Если это кончится большим поражением Гранта или большой победой Шермана, то это еще хорошо. Опасен непрерывный ряд маленьких неудач, как раз теперь, во время выборов». ¹

Еще 28 августа Лайонс сообщал Росселю, что на севере общественное мнение склоняется к перемирию и высказывается против переизбрания Линкольна и об усилении партии «демократов»-унионистов, программой которой был мир с Югом на основе восстановления Союза. ² Английские дипломаты, как и дипломаты других европейских держав, и газеты ожидали благоприятного для Юга исхода выборов и не хотели теперь тревожить США даже намеком на иностранную интервенцию, чтобы не усилить позиции радикальных республиканцев — демократического течения, требовавшего решительного подавления мятежа и реконструкции южных штатов на новых основах. Радикальные республиканцы выдвинули своего кандидата в президенты, известного республиканца, одного из основателей этой партии и первого кандидата в президенты от республиканской партии в 1856 г. ген. Фремонта. Но в целях сохранения народного блока, единства на выборах Линкольн принял некоторые требования радикалов, а последние также, опасаясь раскола и победы кандидата «демократов»-унионистов — Мак-Клеллана, пошли на уступки. Фремонг отказался от своей кандидатуры и призывал народ голосовать за Линкольна. Последний и был переизбран 212 выборщиками против 21, подавших свой голос за Мак-Клеллана. Единство народа было сохранено, что обеспечило подавление мятежа. Предвидение Маркса и Энгельса полностью оправдалось. ³ Английские и другие европейские дипломаты и газеты в своих прогнозах, скорее желаниях, полностью ошиблись, а в своих расчетах провалились. Выборам Линкольна предшествовало взятие Шерманом Атланты, что было колоссальной победой Севера. Критический момент для Севера благополучно миновал.

I Интернационал послал по этому случаю Линкольну составленный Марксом адрес, в котором поздравлял с пере-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 202.

² Adams, op. cit., v. II, p. 226.

³ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 202. «Я вполне с тобой согласен, — писал Маркс Энгельсу, — что пока переизбрание Линкольна совершенно обеспечено, *все еще 100 против 1*... Линкольн располагает большими средствами для проведения выборов. (Мирное предложение с его стороны является, конечно, простым маневром). Выбор кандидата враждебной партии повел бы, вероятно, к подлинной революции... Это, несомненно, самый критический момент с начала войны... Если Линкольн на этот раз пройдет, — что весьма вероятно, — то на основе гораздо более радикальной платформы и при совершенно изменившихся обстоятельствах. Поэтому, следуя своей манере юриста, старик решит тогда, что более радикальные средства не противоречат его совести». См. также том XXV, стр. 421.

избранием его, «прямодушного сына трудового (labour) класса», избранного с «победным воинственным кличем... — смерть рабству» президентом США.¹ Генеральным советом I Интернационала по инициативе Маркса был проведен, в связи с переизбранием Линкольна, ряд митингов протеста против позиции правительств и господствующих классов Европы, в первую очередь Англии.² Все демократические силы Европы приветствовали переизбрание Линкольна, справедливо усматривая в этом торжество победы над Югом. «Современник» и даже «С.-Петербургские Ведомости» не скрывали своей радости по этому поводу». ³

Наоборот, значительные круги господствующих классов Европы, реакционная пресса, дипломаты не скрывали своей досады. Дипломатические представители США в Европе сообщали о недружелюбной кампании английских и французских газет в связи с переизбранием Линкольна.⁴ Вопили о трудностях похода Шермана, о том, что он, якобы, не способен удержать завоевания, что Юг еще может одержать победу и т. д. Россель официально заявил 25 ноября, что английское правительство одинаково относится к северным и южным штатам, что оно и дальше будет придерживаться политики «нейтралитета». «Боритесь, мол, южане, а там видно будет; не падайте духом, друзья-мятежники», — таков был смысл заявлений Наполеона III, который утверждал, что еще не видно конца войны,⁵ а также Пальмерстона и Росселя, их прессы и в особенности сторонников южан в Европе. В интересах английской и французской буржуазии было подогреть охладевший пыл мятежников. Но последним нужно было перемирие, передышка, чтобы спасти Юг от полного истощения, чтобы ослабить выросшую оппозицию внутри Конфедерации и разрешить вопрос о наборе негров в армию, вызывавший горячую борьбу среди рабовладельцев. «Юг, кажется, — писал Маркс, — очень нуждается в перемирии, чтобы спастись от полного истощения. Он первый дал этот лозунг не только в своих северных органах [Маркс, вероятно, имел в виду N. Y. Herald. — М. М.], но и непосредственно в Ричмондских газетах...» ⁶

Пальмерстон на годовичном обеде 9 ноября в Гильдгалле высказал надежду на скорое окончание гражданской войны «путем полюбовного соглашения» между равными воюющими сто-

¹ H. Schlüter, Lincoln, Labour and Slavery, pp. 190—192.

² Ibid., pp. 188—190.

³ «Современник», 1865 г., № 1; «С.-Петербургские Ведомости» от 9/XI 1864 г. и др.

⁴ House Documents (Dipl. Correspond.), 1864/65, part II, № 567, pp. 197—198.

⁵ См. выше, стр. 307.

⁶ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 202.

ронами. Но, как утверждал Брайт, общественное мнение Англии полностью было в пользу Севера, так как «все партии и классы здесь за сохранение строгого нейтралитета» и новые слухи в США о подготовке вмешательства для спасения Юга неверны.¹ Правительство, тем более перед парламентскими выборами, не могло не считаться с общественным мнением. Кроме того, как уже было указано, иностранное вмешательство было бы во вред лишь Югу, ибо еще более усилило бы воинственные настроения на Севере, что ускорило бы, бесспорно, разгром мятежников.

Новый французский посол в Вашингтоне Трелльяр пытался воздействовать на федеральное правительство. В ноябре 1864 г., после избрания Линкольна и победы Шермана, он имел свидание с Сьюардом. Последнему он заявил, что слышал о сильном желании вашингтонского правительства заключить мир с Югом, а император Наполеон ведь был всегда «пламенным защитником политики мира». Сьюард ответил, что правительство всегда имело мысль о примирении и что удовлетворительный мир был бы принят без всяких колебаний. Трелльяр выразил мнение, что без дипломатических попыток к примирению война угрожает принять бесконечный характер и предложил услуги императора для ведения мирных переговоров с Югом. Он даже добавил в заключение, что Наполеон готов для этого не пожалеть ни времени, ни денег, ни трудов.² (Еще бы! Мексика окупит. — М. М.) В то же время в доках Франции строились суда для южан.³

Во второй половине декабря Сьюард выступил в палате представителей с речью в пользу принятия предложения императора Франции и даже советовал признать мексиканскую империю. Но Сьюард потерпел полное фиаско. Его предложение было отвергнуто 118 голосами против 8. Более того, конгресс по предложению представителя от пограничного штата Мериленд решил, что «правительство не должно входить в какие бы то ни было соглашения с иностранными державами», если конгресс сам занимается обсуждением этого вопроса. Это было серьезным предупреждением всем иностранным державам и выражением воли народа относительно иностранного вмешательства. Хотя

¹ Брайт — Сомнеру 26/I и 17/II 1865 г., цит. Adams, op. cit., v. II, p. 247. Весьма показательной является речь министра торговли Мильнера-Гибсона в Аштоне 24/I, который оправдывал раздражение американцев по отношению к Англии тем, что последняя проявила в этой войне мало патриотического уважения к законам своей страны, снаряжала крейсера и оказывала прочную поддержку Югу. Под бурные аплодисменты оратор закончил свою речь выражением надежды на скорое окончание войны, на уничтожение рабства, на установление дружбы между Англией и Соединенными Штатами Америки (см. «С.-Петербургские Ведомости» от 21/I 1865 г.).

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1864/65, part. II, pp. 203—204; «С.-Петербургские Ведомости» от 26/XI 1864 г.

³ Ibid., p. 204.

мятежники еще питали иллюзии по поводу признания Конфедерации европейскими державами, но это было уже невозможно. Конфедерация находилась на краю гибели.

В январе 1865 г. федеральными войсками был взят Валмингтон в Северной Каролине; 1 февраля Шерман двинулся из Саванны на Ричмонд и 23 марта уже находился всего в 160 милях от него. Все преимущества были на стороне генерала Гранта, а не генерала Ли, который изо дня в день твердил, что он погибает, и требовал вооружения сотен тысяч негров. Мятеж должен был быть вскоре уничтожен, а юг реконструирован.

По директиве Девиса и Беньямина, Месон и Слайдель в Лондоне и Париже обещали освободить рабов за признание Юга. К этому времени уже было получено известие о том, что Колумбию сожгли, а Чарльстон эвакуирован. Пальмерстон отклонил предложение. Наполеон III обещал действовать, если присоединится Англия. И тот и другой заявили, что они ждут благоприятных вестей из Америки. Была надежда на признание, если бы счастье улыбнулось в войне. Только победа могла помочь Югу. Разве это не толкало мятежников на дальнейшую борьбу? Продолжения войны добивались и Пальмерстон и Наполеон III. Они опасались примирения Севера с Югом, прекращения гражданской войны. Газеты распространяли слух о переговорах вашингтонского и ричмондского правительств о мире во имя, якобы, внешней войны. В Лондоне в связи с последним возникла даже паника. Слух о переговорах распространился не только в Европе; о переговорах как о факте говорили и в Вашингтоне.¹ Об этом знали прекрасно и в Петербурге.

Стекль еще 24 января 1865 г. сообщал, что из достоверных источников он узнал о посылке видного униониста-«демократа» из пограничного штата Мериленд к Джефферсону Дэвису с предложением Линкольна прекратить гражданскую войну и послать армии в Канаду и Мексику. Стекль верил, что такая война должна была быть популярна, и лишь сожалел, что Линкольн может изменить свое мнение.²

Линкольн, действительно, уполномочил Сьюарда встретиться в форте Монро с представителем Конфедерации Стефенсом и вести переговоры о мире на основе: 1) полного восстановления Союза, 2) освобождения негров и 3) полного прекращения враждебных действий. 3 февраля Линкольн сам прибыл в Монро. Конфедерация, действительно, стремилась втянуть США во внешнюю войну, аргументируя это тем, что после победоносной внешней войны легче было бы восстановить Союз. Федеральное правительство поставило, однако, справедливое условие южанам:

¹ Adams, op. cit., v. II, pp. 251—252.

² АВГ, МИД, канц., 1865 г., дело № 183, Стекль — Горчакову 12 (24) I, № 5, лл. 52—54.

сложить оружие до начала внешней войны. Но этого последние не хотели. Мирные переговоры были сорваны. Южане преследовали определенную цель (возможно, они действовали с согласия некоторых европейских держав): втянуть США во внешнюю войну с тем, чтобы с помощью иностранного оружия, интервенцией добиться разгрома США и признания самостоятельности Юга. Но провокация не удалась. Кстати, когда Стефенс пытался обосновать свое предложение историческим прецедентом — соглашением между Карлом I и круглоголовыми, Линкольн ответил: «Я не силен в истории. Но я знаю, что Карл I в конце концов потерял свою голову».

III

Пытались играть роль посредников и царские дипломаты, крайне отрицательно относившись к демократии и стремившиеся сохранить Юг как самостоятельную часть США. После избрания Линкольна Стеклъ с негодованием писал о «*власти черни*» и выражал уверенность, что «*война, как результат демократического правления, послужит предостережением для Европы*». ¹ Великий князь Константин, когда Клей сообщил ему в ноябре о переизбрании Линкольна, о неизбежности освобождения рабов и падения Юга, выразил серьезное опасение, что «реконструкция» южных штатов после победы над ними не увеличит мощи США. Он указывал на трудности покорения Юга и намекал на необходимость примирения. Даже Клей осмелился ему тогда же указать, что «мысль о трудностях всецело английского и европейского происхождения». ²

Горчаков направил Стекло 18 (6) февраля 1865 г. копию меморандума К. Катакази (чиновника министерства иностранных дел и давнишнего резидента в США), в котором подробно излагался план предложения Россией посредничества между Югом и Севером. Последний, по мнению автора меморандума, рассматривает Россию как «особого друга», и автор проекта полагал, что *наступило время* для восстановления США. В интересах же России — видеть Союз восстановленным, «как противовес Великобритании». ³

Именно тогда, когда мятеж доживал свои последние мгновения, когда дни мятежников были сочтены, по мнению посред-

¹ АВП, МИД, канц., 1864 г., дело № 150, 29/XI (11/XII), № 68.

² House Documents (Dipl. Correspond.), 1865/66, Clay to Seward 22/XI 1864, part II, p. 364. Сьюард на это сообщение ответил: «Неправильное представление о нашем действительном состоянии заставило меня пожелать, чтобы он смог приехать и провести несколько месяцев в США» (Ibid., p. 366).

³ МИД, канц., 1865 г., дело № 183, Горчаков — Стекло 6 (18) II 1865 г. (копия), лл. 488—491.

ников, наступил момент для примирения, что фактически означало спасение Юга от окончательного разгрома и реконструкции.

Горчаков одобрил меморандум, но послал его на усмотрение Стекля, предоставив последнему право самостоятельно действовать в зависимости от обстоятельств.

Еще в январе 1865 г. Сьюард вновь обратился со своим старым предложением к Англии и Франции об отмене прокламации, признававшей за Югом права воюющей стороны. И вновь предложение было отвергнуто. Когда Стебль явился в начале марта к Сьюарду, последний спросил его: не изложит ли Россия свои предложения Англии и Франции о непризнании прав воюющей стороны за Югом? Стебль в письме к Горчакову высказывался против этого. Но отвергая предложение Сьюарда, нельзя было настаивать на своем плане примирения Севера с Югом,¹ к которому, кажется, и сам Стебль относился не совсем благожелательно.

К тому же гражданская война вскоре закончилась решительной победой федерального оружия, столь быстрой, что это обрадовало и изумило друзей демократии, но столь неожиданной, что этому не хотели верить господствующие классы Европы. 2 апреля бежало правительство Конфедерации из Ричмонда, 9-го была окружена армия генерала Ли, которая вскоре вынуждена была сдаться, а 18-го армия Джонстона была разбита армией Шермана. Это был конец войны, которую отчаявшиеся мятежники увенчали злодейским убийством Линкольна 14 апреля и покушением на жизнь Сьюарда и других.

Но только 2 июня, после захвата Джефферсона Девиса, Англия признала мир на всей территории США.² В это же время признали войну законченной Франция, Россия и другие державы. Некоторую роль в признании окончания войны сыграли пиратские действия южных корсаров, подрывавшие торговлю.³

IV

По окончании гражданской войны закончилась лишь вооруженная борьба Севера с Югом. После нее начались новые испытания, связанные с реконструкцией Юга. Отношение царского правительства к этому представляет большой интерес, но это самостоятельная тема. Здесь нужно лишь отметить, что царское правительство, как это видно из переписки Горчакова и Стекля, было полностью на стороне президента Джонсона — этого грязного орудия рабовладельцев.⁴ Сразу же после убийства Линкольна

¹ Там же, Стебль — Горчакову 1 (13) III 1865 г., № 18, лл. 104—111.

² *Parliam. Papers*, 1865, *Commons*, v. 57, № 9, 10.

³ См. МИА, 1865 г., дело № 49 («О признании английским правительством американской войны законченной»).

⁴ См. Маркс и Энгельс, *Сочинения*, т. XXV, стр. 494.

Горчаков и Стекло приветствовали Джонсона, ставшего президентом.¹ «Джонсон ведет государственные дела очень искусно», — писал Стекло, хотя сомневался в удовлетворительном разрешении вопроса о реконструкции Юга.² Стекло предвидел угрозу политической революции и считал, что США смогут устоять только при условии, если избирательное право будет ограничено, если «демагогам» покажут их место, если «честные и консервативные люди» будут занимать государственные должности.³

Напротив, некоторые русские газеты сочувственно публиковали статьи из иностранных газет, в которых, например, были такие утверждения: «Американская междоусобная война доказала нам, что *демократия способна развивать чрезвычайную силу и совершать великие дела*». ⁴

¹ House Documents (Dipl. Correspond.), 1865/66, part II, pp. 377—382.

² АВП, МИД, канц., дело № 183, 15 (27)X 1865 г., № 61.

³ Там же, 1(13) IX 1865 г., № 60.

⁴ «С.-Петербургские Ведомости» от 1/V 1865 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гражданская война в США в 1861—1865 гг. представляет замечательную страницу в мировой истории. Она является важнейшей исторической вехой не только для США. Гражданская война происходила в период бурного экономического и политического развития капитализма и полного торжества и утверждения мирового господства буржуазии, в период усиления национально-освободительного движения и роста классового сознания пролетариата и его международной солидарности. События в США являлись звеньями этой мировой цепи событий.

Маркс указывал, что эти «события носят мировой характер», несмотря на отрицательные стороны, присущие буржуазной демократии.¹ Это была подлинно-народная, справедливая, прогрессивная война против рабовладельческой олигархии и института рабства. Народные массы северных штатов показали, чего можно добиться единением и созданием народного блока даже тогда, когда его возглавляли буржуазные республиканцы, которые отличались нерешительностью, дряблостью и непоследовательностью. Буржуазные республиканцы, и тогда страдавшие боязнью народных масс, все же понимали, что нужно идти с народом в целях уничтожения рабства, что «свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушения, террора, связанных со всякой войной».²

Ленин подчеркивал «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке».³ В письме к американским рабочим в 1918 г. Ленин писал: «В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, том XXIII, стр. 112.

² Ленин, Сочинения, том XXIII, стр. 184.

³ Там же.

за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX в.»¹

Рабочий класс Европы, вся передовая демократия ясно понимали, что борьба с рабством и с олигархией, защита свободы и демократии в США есть их кровное дело, является частью общей борьбы за свободу и демократию во всем мире. Двум борющимся силам в США в основном соответствовали две силы в Европе: одна — рабочего класса и демократии, сочувствовавших Северу и оказывавших ему помощь, другая — господствующим классам, которые симпатизировали Югу и его борьбе против демократии. Значительные круги господствующих классов Англии и Франции оказывали помощь мятежникам и пытались организовать крестовый поход в пользу последних. «Не мудрость господствующих классов, — писал Маркс в Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих, — но героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантур позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана».²

Никогда — ни до, ни даже после гражданской войны в США, английские рабочие не разворачивали столь энергичной политической кампании, как против попыток Пальмерстона, Наполеона III и сторонников сецессии Юга в Англии и Франции организовать вооруженную интервенцию в США.³ Именно в настоящее время следует особенно вспомнить эту блестящую героическую страницу истории английского пролетариата, который в тот момент понял необходимость сотрудничества рабочих, показав мощь солидарности рабочего класса и его влияние на внешнюю политику. Английский пролетариат в 1862—1864 гг. уже начал понимать свою «...обязанность, — как ее сформулировал Маркс, — овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми находящимися в его распоряжении средствами...»⁴. Об этой революционной традиции английских рабочих не следует забывать рабочим Англии, да и других стран, особенно сейчас, в период уже начавшейся новой империалистической войны и интервенции.

Разумеется, как это показано в настоящей работе, решающую роль в подавлении мятежа рабовладельцев, как и в преду-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXIII, стр. 184.

² Маркс и Энгельс, Избранные сочинения, т. II, стр. 341.

³ Второй раз английские рабочие с такой же, возможно, силой проявили свою революционную энергию и солидарность лишь в 1920 г. в борьбе против интервенции в Советскую Россию.

⁴ Маркс и Энгельс, Избранные сочинения, т. II, стр. 341.

преждении интервенции Англии и Франции, сыграли народный энтузиазм и военная и экономическая мощь Севера. Правительство Линкольна, учитывая международные противоречия, в особенности англо-русские, также использовало их в своих интересах.

В силу этих противоречий, Россия была единственной крупной державой, которая была заинтересована в сохранении целостности США и в основном занимала благоприятную для федерального правительства позицию.

У царской России были противоречия с США, и именно с северными штатами, в связи с конкуренцией и вытеснением русского хлеба с европейского рынка, а также до некоторой степени в связи с колониальной экспансией, но эти противоречия в шестидесятых годах XIX в. не играли существенной роли. Они «снялись» англо-русским и англо-американским противоречиями, что и было решающим фактором международной политики этих держав. Прибытие русских эскадр в США (хотя оно не имело никакого отношения к гражданской войне), прибытие в Россию американской эскадры во главе с Фоксом (помощником морского министра) в 1866 г., продажа Аляски в 1867 г. — все это были звенья в цепи русско-американских отношений, демонстрировавших дружбу двух великих держав. Разговоры о русско-американском союзе после гражданской войны, примерно до 1872 г. (в связи с англо-американской, франко-американской и англо-русской борьбой и в связи со стремлением России ликвидировать парижский договор 1856 г. и т. д.), были значительно реальнее, чем во время гражданской войны. Но ни во время последней, ни даже после нее никакого союза не существовало. Можно и должно говорить о дружественных отношениях между обеими державами, хотя во время гражданской войны, как было показано, царское правительство занимало двойственную, противоречивую позицию. Основной и решающей причиной этого было наличие американской демократии.

Было бы смешно предъявлять счет русскому самодержавию за то, что оно не выступило в защиту Севера. Оно не могло этого сделать. Так или иначе, но Россия не только не приняла участия в крестовом походе против США, но обстоятельства сложились так, что русская дипломатия сыграла в данном случае положительную роль, несмотря на некоторые зигзаги. Если тщетны попытки установить факт союза России с США, то все же республиканско-демократическому правительству США удалось использовать международные противоречия для предупреждения интервенции.

Только европейский пролетариат и русская демократия, от имени которой, через всяческие рогатки царской цензуры, вы-

ражал свои искренние чувства дружбы «Современник», стояли последовательно с самого начала на стороне Севера, т. е. на стороне демократии и свободы.

* * *

Рабочий класс и весь народ СССР, уничтоживший самодержавие и эксплуататорские классы России с их политикой экспансии, воспринял лучшие революционные традиции европейского пролетариата и передовых революционных деятелей русского народа. СССР является оплотом мира, оплотом борьбы с интервенцией фашистских держав. СССР действительно борется за свободу и демократию. Советский народ искренно протягивает руку помощи всем народам, отстаивающим свою свободу и независимость против попыток интервенции.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Классики марксизма

- Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II.
Маркс и Энгельс. Сочинения, тт. XXIII, XXV.
Маркс, К. Капитал, т. I (предисловие к I изданию).
Ленин, В. И. Сочинения, т. XXIII.
Сталин, И. В. Заметки на современные темы, ГИЗ, 1927.

II. Основные справочные издания

- Bemis, S. F., Griffin, G. G. Guide to the diplomatic history of the United States, W., 1935.
Allison, W. H., Fay, S. B. etc. A Guide to historical literature, N. Y., 1931.
Channing, E., Hart, A. B. etc. Guide to the study and reading of American history, Bost. and L., 1912.
Golder, F. A. Guide to materials for American history in Russian archives, W., 1917.
Johnson, etc. Dictionary of American biography, 20 v., N. Y., 1928.
Мезюсов, В. И. Библиографический указатель книг и статей за 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865—1871 гг., СПб.

III. Архивные и опубликованные официальные материалы

- Архив внешней политики (АВП), фонд министерства иностранных дел, канцелярия, папки (переписка с Вашингтоном) за 1850 г. № 138, 1856 г. № 241, 1859 г. № 206, 1860 г. № 195, 1861 г. № 162, 1862 г. № 152, 1863 г. № 160 (и доп. к папке № 160), 1864 г. № 150, 1865 г. № 183; документы из переписки с Лондоном за 1862 г. №№ 71 и 73.
Морской исторический архив (МИА), фонды канцелярии, инспекторского департамента, эскадры Лесовского и др. В работе цитируются дела за 1859 г. №№ 4, 302, 709, 1861 г. №№ 91 (ч. I, II, III), 709, 1863 г. №№ 3, 21, 105 (ч. I, II, III), 106, 107, 109 (ч. I, II, III), 115, 117, 124, 777, фонд 122 дела №№ 1—19 (по отдельным судам эскадры Лесовского) и др.
House (Executive) Documents (Diplomatic correspondence), 1862—1867 (Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the President to Congress), W., 1863—1868.
Senate Documents, v. I., Foreign affairs, 1861/62. W., 1862.
Richardson, J. D. (ed.). A compilation of the messages and papers of the Presidents, v. VI, W., 1902.
Hansard, T. C. (ed.). Parliamentary debates, 3rd ser., 1861—1864, vv. CLXII—CLXXIII, London, 1862—1865.
Parliamentary (sessional) papers (British and Foreign State papers), Commons, 1862, LXII and Lords, 1862, XXV (correspondence relating to the

- Civil War in the United States of North America); Commons, 1863, LXXII, and Lords, 1863, XXIX, (corr. rel. to the Civil. War...); Commons, 1864, LVIII, LXII; 1865 LVII etc., London, 1863—1866.
- The Letters of Queen Victoria (ed. by Benson and Esher), v. III, L., 1907.
- Documents diplomatiques (France, Affaires étrangères). États-Unis, 1861, 1862, 1863, 1865, P., 1862—1866.
- Thouvenel, (E).* Le secret de l'Empereur. Correspondance confidentielle et inédite échangée entre... 1860—1863, v. II., P., 1889.
- Сборник, изданный в память 25-летия управления министерством иностранных дел государственного канцлера А. М. Горчакова, СПб, 1881.
- «Красный Архив», 1930, т. 38, 1939, т. 3 (94).
- «Историк Марксист», 1936, № 3.
- Обзор заграничных плаваний судов русского флота с 1850 по 1868 г., изд. морского министерства.
- «The American Historical Review», 1928, v. XXXIV (Papers relating to beligerent and neutral rights, 1861—1865).
- «The American Historical Review», 1930, v. XXXV (The London expenditures of the Confederate secret service, ed. Jameson, J. F.).

IV. Пресса, публицистика и мемуарная литература

- «New York Herald» (ed. for Europe), 1863, v. XXVII.
- «Journal de S-t Pétersbourg», 1861—1863.
- «С.-Петербургские Ведомости» за 1860—1865 гг.
- «Московские Ведомости» за 1861—1865 гг.
- «Голос» за 1863—1864 гг.
- «Биржевые Ведомости» за 1863 г.
- «Кронштадтский Вестник» за 1863 г.
- «Морской сборник» за 1861—1864 гг.
- «Современник» за 1860—1865 гг.
- «Русское Слово» за 1860—1862 гг.
- «Время» за 1860—1862 гг.
- «Русский Вестник» и «Современная летопись» за 1859—1863 гг.
- «Отечественные записки» за 1860—1863 гг., «Библиотека для чтения» и др.
- «The Literary Digest», 1904, v. XXVIII (New York).
- «Services rendered by Russia to the American People during the American civil war» — P-g, 1904.
- Aucaigne, Félix.* L'Alliance Russo-Américaine, Paris, 1863.
- Boynnton, C. B.* English and French neutrality and the Anglo-French Alliance in their relations to the United States and Russia..., Cincinnati, 1864.
- Complimentary banquet given by the City council of Boston to Rear-admiral Lessoffski... 7 June 1864, Boston, 1864.
- Американцы в России и Русские в Америке, СПб, 1866.
- Loubat, J. F.* Narrative of the mission to Russia, in 1866 by G. V Fox, N. Y 1873.
- Arnaud, C. A. de.* The Union and its ally Russia, Reminiscences of colonel!... W., 1890.
- Букер Т. Вашингтон.* От рабства к славе, СПб, 1903.

V. Специальная и общая литература

- Адамов, Е.* Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия («Красный архив», 1930, т. 38).
- Adams, E. D.* Great Britain and the American civil war, 2 v. L.—N. Y 1925.
- Adams, C. F.* The Trent affair..., B., 1912.
- Барраль-Монферра,* От Монро до Рузвельта, М.—Л., 1925.
- Baxter, J. P.* The British government and neutral rights, 1861—1865 (The American Historical Review, 1928, XXXIV).

- Beard, Ch. and M. The rise of American civilisation, N. Y., 1933.
- Беломор, А. Вторая тихоокеанская эскадра («Морской сборник», 1914, № 8 и 10).
- Bemis, S. F. (ed.). The American secretaries of State and their diplomacy, v. VII (Temple, H. W.—W. H. Seward), N. Y., 1928.
- Богарт, Е. Л. Экономическая история Соединенных Штатов, М., 1927.
- Callahan, J. M. Russo-American relations during the Civil War (West Virginia University Studies in American history, ser. I, № 1), Morg. 1908.
- The Cambridge history of British foreign Policy (ed. Ward and Gooch), v. II (Newton, Anglo-American relations during the Civil War, 1860—1865), L., 1922.
- Cambridge Modern History, vv. VII, XI, XII.
- Гаусман, И. Война в Соединенных Штатах Америки (1861—1865), ч. I—II, СПб., 1877—1878.
- Гончаров, В. Американская экспедиция русского флота в 1863—64 гг. («Морской сборник», 1913, № 8).
- Dennett, Tyler. Americans in Eastern Asia, N. Y., 1922.
- Др. пер, Д. В. История северо-американской междоусобной войны, СПб., 1872.
- Ефимов, А. К истории капитализма в США, М., 1934.
- Ефимов, А. Новая книга о русско-американских отношениях («Историк Марксист», 1936, кн. 3).
- Fish, C. R. American diplomacy, N. Y., 1923.
- Fish, C. R. The American Civil War. An interpretation, L., 1937.
- Foster, J. W. A century of American diplomacy, B.—N. Y., 1906.
- Golder, F. A. The Russian fleet and the American Civil War («The American Historical Review», 1915, v. XX, № 4).
- Golder, F. A. The American Civil War through the Eyes of a Russian diplomat («The American Historical Review», 1921, v. XXVI, № 3).
- Grace, W. F. Russia and the «Times» in 1863 and 1867 (Cambridge Historical Journal, v. I, № 1).
- Harris, F. L. The Trent affair..., Indianapolis, 1896.
- Hildt, J. C. Early diplomatic negotiations of the United States with Russia (Johns Hopkins University, Studies, XXIV), N. Y., 1906.
- Hosmer, J. K. Outcome of the Civil War (The American Nation, v. XXI), Johnson, E. R. etc. History of the domestic and foreign Commerce of the United States, W., 1915.
- Johnson, W. F. America's foreign relations, v. II, N. Y., 1916.
- Jordan, Don. and Pratt, E. J. Europe and the American Civil War, Boston, 1931.
- Ланге, М. Авраам Линкольн и великая борьба между Северными и Южными Американскими штатами (1861—1865), СПб., 1867.
- Latané, J. H. A history of the American foreign Policy, Garden City, 1927.
- Lutz, R. H. Die Beziehungen zwischen Deutschland und den Vereinigten Staaten..., Heidelberg, 1911.
- Rudolf Schleiden and the visit to Richmond... (Annual report of the American historical Association for the year 1915).
- Майерс, Г. История миллиардеров, 2 тт., М.—Л., 1927.
- Малкин, М. К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США («Красный архив», 1939, т. 3 (94)).
- Mc Master, J. B. A history of the people of the United States during Lincoln's Administration, N. Y.—L., 1927.
- М-н, П. Английский нейтралитет во время Американской войны («Морской сборник», 1871, № 1).
- Owsley, F. L. King Cotton diplomacy; foreign relations of the Confederate States of America, Chicago, 1931.
- Perkins, D. The Monroe doctrine, 1826—1867, Balt., 1933.

- Rhodes, J. R.* History of the United States from the compromise of 1850... vv. 2—4, N. Y., 1922.
- Robertson, J. R.* A kentuckian at the court of the Tsars (C. M. Klay), Kentucky, 1935.
- Roux, F. C.* Alexandre II, Gortschakoff et Napoléon III, Paris, 1913.
- Schlesinger, A. M.* Political and Social growth of the United States, N. Y., 1934.
- Schuman, Fr. L.* American policy toward Russia since 1917, N. Y., 1928.
- Sears, L. M.* A Confederate diplomat at the court of Napoleon III («The American Historical Review», 1921, XXVI, № 2).
- Smith, T. C.* Parties and slavery (The American Nation, v. XVIII).
- Smith, Goldwin.* The Civil War in America, L., 1866.
- Татищев, С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование т. II, СПб, 1911.
- The Annals of American Academy of Political and Social Science, 1927, № 7.
- Thomas, B. P.* Russo-American relations, 1815—1867 (Johns Hopkins University, Studies, XLVIII, № 2). N. Y., 1930.
- ✓ *Флетчер, Г. Ч.* История американской войны, СПб, 1867.
- ✓ *Фолькнер [Г. И.].* История народного хозяйства САСШ, М.—Л., 1932.
- Чернышевский, Н. Г.* Полное собрание сочинений, тт. VIII, IX, СПб, 1906.
- Walpole sir Spencer.* Life of lord John Russell, L.—N. Y., 1891.
- West, W. R.* Contemporary French opinion on the American Civil War (Johns Hopkins University, Studies, XLII, № 1), Balt. 1924.
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамс, Чарльз-Френсис — посол США в Лондоне — 20, 48, 49, 52, 53, 55—57, 81, 86, 100, 101, 113, 116, 128, 130, 131, 141, 152, 165, 169, 173, 174, 197, 199—201, 207, 208, 213, 225, 238, 268, 274, 307
- Адамс, Генри — сын предыдущего — 199
- Александр II — император российский — 14, 15, 37, 47, 56, 62, 64, 66, 78, 98, 101, 103, 125, 156, 168, 214, 216, 219, 224, 231, 232, 236, 237, 243, 251, 252, 256, 259, 265, 278, 280, 291, 295—297, 300, 301, 305
- Александр Александрович — великий князь — 229
- Аллан — банкир — 287
- Альвенслебен, Густав фон — прусский генерал — 235
- Альмонте, Хуан — мексиканский генерал, реакционер — 97.
- Андерсон — английский агент в Вашингтоне — 140, 142, 151
- Апплетон, Джон — поверенный США в Петербурге — 24, 29, 31, 39, 46, 55, 61, 62
- Аристотель — 139
- Арно, К. А. де — б. русский офицер — 228, 229
- Бакунин, Михаил — русский анархист — 37
- Баллюзек, Лев — русский дипломат — 221, 245, 247
- Банкс — генерал Федерации — 214
- Банч, Роберт — английский консул в Чарльстоне — 25, 56, 58
- Баргер, Уортон — финансовый агент России в США — 231, 232
- Барней — сборщик податей в Нью-Йорке — 287
- Барош, Пьер-Жюль — французский политический деятель — 108
- Ба урин — русский лейтенант — 24¹
- Белиньи — французский агент в южной конфедерации — 56
- Беломор, А. — 234
- Бентинк, Джордж Вильям — английский тори — 106, 268.
- Беньямин, И. П. — статс-секретарь Конфедерации — 61, 102, 111, 169, 209, 273, 313
- Бернсайд, Амброз-Эверет — генерал Федерации — 175, 214
- Бетлер, Бенжамен-Франклин — политический деятель и генерал Федерации — 117, 118, 132, 189, 196
- Бигелоу, Джон — дипломат США — 198
- Бизли, Эдуард-Спенсер — профессор Лондонского университета — 199
- Билло — французский государственный деятель — 117, 119
- Бирилев — капитан — 244, 245
- Бисмарк, Отто фон, князь — виднейший прусский, а затем германский государственный деятель — 234, 235
- Блэкк, Д. С. — статс-секретарь США — 24, 25, 46
- Блер, Монтгомери — член вашингтонского кабинета — 131
- Блудов, Дмитрий, граф — русский посланник в Афинах — 258
- Бодиско, Александр Андреевич — русский посланник в Вашингтоне — 11
- Бойнтон, Ч. Б. — американец — 307
- Бонапарт, Луи — см. Наполеон III
- Борегар, Пьер-Густав — генерал Конфедерации — 118
- Босварт, Юдж — главный судья верховного суда — 287
- Брайт, Джон — английский либерал, фритредер, — 29, 34, 70, 82,

- 86, 88, 112, 198, 199, 208, 267, 268, 270, 272, 274, 283, 312
- Брегг, Брекстон — генерал Конфедерации — 143, 144
- Бреди, Матеус — нью-йоркский капиталист — 287
- Бруун, Томас — банкир Нью-Йорка — 287
- Брукс, Эрастус — журналист — 287
- Бруннов, Филипп Иванович, барон — русский посол в Лондоне — 21, 22, 107, 134, 135, 169, 212, 219, 230, 240, 252, 258, 259, 295—297
- Будберг, Александр Иванович, барон — русский дипломат — 103
- Бурлингем, Ансон — представитель США в Китае — 221
- Бьюкенен, Джемс — президент США (1857—1861) — 12, 18, 23, 47, 178, 243
- Вашингтон, Букер — негритянский деятель — 194
- Вейдемейер, Иосиф — близкий друг Маркса, участник гражданской войны в США на стороне Севера — 199
- Вестман — начальник канцелярии МИД — 66
- Виктория — королева Англии — 14, 53, 54, 134, 154, 205
- Вильсон — радикальный республиканец — 183
- Вуд, Фернанд — северный «демократ» — 271
- Галлек, Генри — генерал Федерации — 118, 143, 182, 186
- Гаммонд — сенатор от Южной Каролины — 9, 18
- Гаммонд — английский политический деятель — 135, 163
- Гарвин, Самуэль — юрист США — 284
- Гарибальди, Джузеппе — итальянский революционер, демократ — 37, 124
- Гаррис Т. Л. — историк — 75, 228
- Гаррисон, Вильям-Ллойд — аболиционист — 113
- Гаффилд — рабочий ножовщик Шеффилда — 131
- Гелл, Джон — 287
- Гелл, Чарльз — епископ — 287
- Герольт, Фр., барон — прусский посланник в Вашингтоне — 51
- Герцен, Александр Иванович — 220
- Гирс, Николай Карлович — русский дипломат — 232
- Гитчинсон — полковник Федеральной армии — 195
- Гладстон, Вильям-Юарт — лидер английских либералов, министр — 81, 133, 135, 138, 140, 150, 152, 162, 163, 165, 270
- Гловер, Генри — американец — 232
- Гловер, Отис — американец — 232
- Голицын, князь — 245, 251
- Голт, А. Т. — канадский министр — 81
- Гоп, Джон (сэр Генри) — английский адмирал — 245
- Горнсфалл — английский торь — 106
- Горсмен, Эдуард — английский политический деятель — 106
- Горчаков, Александр Михайлович, князь — русский министр иностранных дел — 22, 23, 26, 28—32, 34—39, 47, 55, 56, 61—67, 74—75, 78, 98—100, 103, 107, 111, 123, 125, 127, 128, 134, 135, 154—161, 167—169, 174, 175, 211—223, 225, 226, 229, 230, 232, 237—239, 246, 248, 252, 258—261, 263, 277—280, 285, 295—297, 299—302, 305, 309, 314—316
- Готц, Генри — агент мятежников в Англии — 88
- Гоукинс, Р. К. — генерал США — 232
- Гофман, Джон — юрист США — 287
- Грант, Уллис-Симпсон — виднейший генерал Федерации — 111, 267, 271, 309, 310, 313
- Грегори, сэр Вильям-Генри — английский политический деятель — 48, 49, 106, 108, 117, 120, 206, 217, 272
- Грейг, С. А. — помощник управляющего русским морским министерством — 62, 249, 304
- Гренвилль, Джордж-Левесон-Гоуэр, граф — английский министр — 136
- Гро, Жан-Батист, барон — французский дипломат — 265, 270
- Гукер, Джозеф — генерал Федерации — 143, 147, 189, 267
- Гульд, Джей — американский банкир — 287
- Гунтер, Давид — генерал Федерации, аболиционист — 113, 194
- Гунтер, Р. М. Т. — статс-секретарь Конфедерации — 95

Гэд, Эдмунд — губернатор Канады — 52

Даллас, Джордж-Мифлин — посол США в Лондоне — 25, 29, 48, 56, 57

Даллас, Ф. Р. — историк — 40
Дантю — книжное издательство в Париже — 280

Дашков — русский посланник в Стокгольме — 252

Девис, Генри — северный «демократ» — 287

Девис, Джефферсон — президент южной конфедерации — 25, 47, 51, 56, 57, 79, 100, 102, 138, 176—178, 186, 195, 198, 203, 204, 211, 271, 272, 276, 290, 294, 313, 315

Дейтон, В. Л. — посол США в Париже — 61, 65, 101, 116, 170, 171, 174, 204, 209, 210, 236—238, 266, 267, 272, 274, 280, 281

Дели, Чарльз — нью-йоркский юрист — 287, 288

Деллин, Джон — нью-йоркский адвокат — 287

Деннетт, Тайлер — историк — 40

Дерби, Эдуард-Джордж, граф (лорд Стэнли) — лидер английских тори — 95, 104, 108, 140, 151, 206, 269

Джексон, Т.-Д. («Стонуолл») — генерал Конфедерации — 185

Джилберт, А. — радикальный республиканец — 187

Джонсон, В. — историк — 234

Джонсон, Эндрю — политический деятель США — 315, 316

Джонстон — генерал Конфедерации — 315

Джордан, Дональдсон — историк — 74, 132, 273

Дизразли, Бенджамин — английский государственный деятель, тори — 88, 108, 109, 149, 206, 270

Диккинсон, Джон — 232

Добролюбов, Николай Александрович — русский публицист, демократ — 12

Друэн де Люис — министр иностранных дел Франции — 137, 152, 154, 160, 210, 236, 237, 267, 272, 274, 280, 281

Дрэпер, Джон-Вильям — историк — 9, 10, 18

Дуглас, Стефенс-Арнольд — северный «демократ», сенатор — 35

Екатерина II — русская императрица — 79

Жерон — французский консул в Гальвестоне — 203

Жирарден, Эмиль — французский журналист — 279

Жуанвильский, принц — 175

Зигель, Франц — генерал Федерации — 284

Игнатъев, Николай Павлович — русский дипломат — 224

Идс — крупный судостроитель в США — 287, 289

Каллагэн, Джемс — историк — 227, 232, 233, 283, 284, 288, 308

Камерон, Симон — военный министр, затем посол США в Петербурге — 101, 125—129, 131, 159, 182, 222

Карл I — английский король — 314
Карнарвон, Генри-Говард-Герберт-Молине, граф, — английский тори — 117

Катакази, Константин Гаврилович — русский дипломат (с 1869 г. посол в Вашингтоне) — 314

Катков, Михаил Никифорович — русский публицист, реакционер — 181, 200, 204, 220, 239

Каулей, Генри-Ричард, граф — английский дипломат — 48, 81, 96, 108, 110, 117, 133, 137, 152, 154, 163

Кемпбелл — английский тори — 106, 108, 122, 206, 270

Кеннингем, Вильям — английский либерал — 82

Кернс, Кью-Маккальмонт, граф — английский тори, юрист — 106

Кинглек, Александр-Вильям — английский либерал — 119

Кинэ, Эдгар — французский историк — 60

Киселев, Павел Дмитриевич, граф — русский посол в Париже — 14, 15

Кларендон, Джордж-Вильям-Фредерик-Вильерс, граф — английский дипломат, либерал — 140, 163

Клей, Генри — нью-йоркский банкир — 229, 230, 233

Клей, Кассий-Марцеллий — посол США в Петербурге — 13, 29, 30, 39, 41, 42, 55, 62—67, 75—78, 99—101, 113, 125, 128, 131, 159, 216, 222, 225, 237—239, 269, 277, 280, 284, 308, 309, 314

- Кленрикард, лорд — английский тори — 106, 269
- Кобден, Ричард — лидер английских фритредеров — 29, 82, 83, 86, 87, 106, 121, 164, 268, 269
- Коллет, Чарльз — редактор лондонской газеты «Free Presse» — 210
- Коллинс — американский капиталист — 224, 225
- Константин Николаевич, великий князь — генерал-адмирал — 16, 225, 231, 243—245, 247, 314
- Корнель, Эзра — нью-йоркский капиталист — 287
- Корнель, Эрастус — нью-йоркский капиталист — 287
- Кортис — генерал Федерации — 194
- Краббе, Николай Карлович — управляющий морским министерством России — 223, 225, 240, 244, 247—254, 256—261, 264, 265, 284, 289, 293, 295—297, 300—305
- Кремер, Вильям-Рандол — лидер английских тред-юнионов — 199
- Кроун, Ал. Евг. — капитан русского флота — 262, 263
- Кугельман, Людвиг — близкий друг Маркса — 199
- Кук — американский деятель — 232
- Купер, Джон — полковник США — 232
- Купер, Петер — нью-йоркский капиталист — 287
- Куртин, Эндрю — политический деятель США — 232
- Ла Гравьер, Журьен де — французский адмирал — 73, 96
- Лайонс, Ричард-Биккертон-Пимелл, барон — английский посол в Вашингтоне — 19, 21, 23, 26, 28, 29, 31, 34, 48, 49, 52—56, 58, 59, 61, 71, 81, 86, 87, 89, 90, 95, 97, 109—112, 115, 122, 123, 151, 154, 158, 163, 166—168, 200, 201, 205, 211, 214, 219, 303, 310
- Лайярд, Остин-Генри — английский дипломат, либерал — 102, 269
- Ламар, Л. Ф. — агент Конфедерации — 169, 218
- Лангевич, Мариан — польский революционер — 238
- Лапинский Т., — польский революционер — 252
- Лассаль, Фердинанд — 93, 172
- Латане, И. Г. — историк — 227, 228, 234
- Леланд, К. — американец — 308
- Ленин, Владимир Ильич — 63
- Леонард, Юдж — 287
- Леопольд I — король Бельгии — 154, 205
- Лесовский, Степан Степанович — русский контр-адмирал — 230, 232, 240, 249, 250, 258, 265, 282, 284, 286, 289, 292—293, 295—297, 300, 301, 303—305, 308
- Ли, Роберт-Эдуард — генерал Конфедерации — 119, 129, 130, 133, 135, 143, 186, 213, 214, 267, 269, 271, 313, 315
- Либер, Френсис — профессор — 287
- Либкнехт Вильгельм — немецкий социалист — 94
- Линдсей, Вильям-Шоу — английский судовладелец, член парламента — 106, 110, 118, 121, 139, 266, 267, 271, 274, 306
- Линкольн, Абрагам — президент США (1861—1865) — 12, 18, 20, 26—28, 30, 33—35, 39, 43, 47, 51—53, 55, 59, 79, 81, 85, 89, 99, 102, 112—114, 121, 131, 133, 135, 138, 139, 141, 144—147, 155, 159, 162, 165, 166, 171, 176, 177, 182—186, 188—191, 194—197, 201, 204, 206, 211, 212, 220, 222, 225—227, 232, 271, 275, 281, 284, 289, 291, 294, 310—315
- Лихачев — русский контр-адмирал — 240
- Ллойд — морское страховое общество в Лондоне — 69
- Лотроп — дипломат США — 232
- Льюис, Корнелий (сэр Джордж-Корнуолл) — английский либерал, министр — 81, 136, 140, 152, 162, 163, 165
- Магазинов, Вл. — русский матрос — 301
- Майерс, Густав — историк — 182
- Мак-Доннель — южанин, «изобретатель» новой гильотины — 178
- Мак-Келлан, Джордж-Брентон — генерал Федерации, лидер северных «демократов» — 99, 107, 113, 114, 117, 119, 143, 145, 146, 147, 182, 183, 185, 186, 189, 190, 310
- Максимилиан-Фердинанд-Иосиф — эрцгерцог австрийский, император Мексики — 96
- Мальмсбёри, Джемс-Говард, граф — английский консерватор — 48

- Мантиль — корреспондент «Русского Вестника» — 17
- Маньяк — 304
- Маркс, Карл — 9, 11, 15, 16, 21, 23, 33, 34, 48, 54, 59, 60, 68—71, 77, 79—88, 91—95, 104, 106, 108, 109, 111, 112, 117, 123, 142—150, 165, 166, 172, 176, 182, 184—186, 192, 195, 199, 200, 210, 226, 270, 309—311, 315
- Маури, М. Ф. — агент Конфедерации — 168, 218
- Мейн, сэр Ричард — начальник лондонской полиции — 141
- Мелихов, В. И. — член государственного совета — 250—252, 254
- Менн, Амброзис-Дэдли — агент Конфедерации в Лондоне — 29, 48, 84, 124
- Мерси, Вильям — статс-секретарь США — 47, 56, 66, 79
- Мерсье де Лостенде, барон — французский посол в Вашингтоне — 22, 31, 54, 55, 58, 59, 61, 71, 86, 102, 103, 110, 111, 115—117, 123, 133, 137, 158, 168, 188, 204, 205, 210, 215, 219, 275, 281
- Месон, Джемс-Меррей — агент Конфедерации в Лондоне — 68, 69, 84, 86, 94, 95, 96, 108, 116, 118, 119, 122, 124, 129, 133, 137, 154, 168, 206, 207, 209, 210, 265, 266, 269, 271, 273, 313
- Милль, Джон-Стиарт — английский экономист, философ и публицист — 112
- Мильн — английский адмирал — 56, 58, 282
- Мильнер-Гибсон, Томас — английский министр, либерал — 81, 162, 312
- Мильс — генерал федеральной армии 183
- Мирамон, Мигуэль — мексиканский генерал, лидер реакционной партии — 59, 60
- Монк — губернатор Канады — 118
- Монро, Джемс — президент США — 280
- Монтебелло, герцог — французский посол в Петербурге — 154, 155, 174
- Монтегю, Роберт, лорд — английский консерватор — 97, 119, 150
- Морган, Джон-Пирпонт — американский капиталист — 182
- Морган, Джон-Хейт — генерал Конфедерации — 143, 144
- Морган, Эдвин — банкир и политический деятель США — 287
- Мсрлей, Джон — английский либерал — 152
- Морриль, Джюстин-Смит — политический деятель США — 91
- Мотлей, Д. Л. — посол США в Вене — 131
- Муравьев-Амурский, граф — 241, 244
- Мурри, Джемс — американский священник — 287
- Наполеон III Бонапарт — французский император — 14, 15, 54, 59, 62, 72, 73, 80, 84, 86, 96, 97, 102, 103, 108, 109, 111, 117—119, 124, 132, 133, 137, 148, 151, 154, 156, 162, 164, 165, 167, 170, 171, 202, 210, 219, 220, 229, 232, 235, 237, 251, 265, 267, 270, 272, 277, 290, 294, 307, 312, 313
- Нессельроде, Карл Васильевич, граф — русский дипломат — 11
- Нойес, Куртис — политический деятель США — 287
- Ньюман, Френсис-Вильям — английский ученый, радикал — 151
- Нэпир, лорд — английский посол в Петербурге — 163, 235, 269
- Оджер, Джордж — лидер английских тред-юнионов — 199
- Окейнь, Ф. — французский публицист — 286
- Ольдгэм — представитель Техаса в конгрессе Конфедерации — 176
- Опдайк, Джордж — банкир США — 187
- Опдайк — майор и экономист США — 165, 200
- Орлов-Давыдов, граф — 299
- Орсини, Феличе — итальянский националист — 142
- Осборн, Джон — капиталист США — 287
- Пакингтон, Дж. — английский государственный деятель — 139
- Пальмер, сэр Раундэль, граф Сельбори — английский крист, генерал-прокурор — 106, 107
- Пальмерстон, Генри-Джон-Темпл, виконт — английский государственный деятель, премьер-министр — 52, 54, 56, 58, 59, 61, 80—83, 85—90, 94, 96—98, 102—104, 118, 121, 132—141, 148, 150—

- 153, 162—165, 167, 199, 205, 207—210, 220, 225, 265—267, 269, 270, 273, 277, 311, 313
- Персины, Жан-Виктор, герцог де — французский государственный деятель — 108, 116, 119, 123, 204
- Петр I — русский император — 243
- Пиккенс, — посол в России, лидер сецессионистов — 12, 13, 27
- Пирс, Джордж — американец — 232
- Платон — 139
- Поп, Джон — генерал Федерации — 194
- Попов, Александр — контр-адмирал русского флота — 16, 75, 240—252, 254, 256, 264, 265, 295, 302
- Портер — генерал Федерации — 183
- Посет, К. П. — 253, 255, 263
- Поттер — английский фабрикант — 269
- Пульдинг, Трам — начальник нью-йоркской морской гавани — 287
- Рамедон — руководитель шеффилдских ножевыхиков — 131
- Рамон — агент мятежников — 61
- Рейно — французский адмирал — 284
- Рейнольдс, Джордж-Вильям — английский журналист, издатель рабочей газеты — 93, 94
- Рейтер — английское официальное телеграфное агентство — 117
- Рено — генерал Федерации — 143
- Римский-Корсаков, Воин Андреевич — русский морской офицер, директор морского кадетского корпуса — 253—255
- Робак — английский политический деятель — 106, 265—272, 274
- Робертсон, Джеймс — историк — 12, 13, 59, 67, 120, 152, 153, 157, 165, 234
- Розекранс, Вильям-Старк — генерал Федерации — 143
- Россель, Джон, граф — английский государственный деятель — 14, 19—21, 25, 29, 34, 48—50, 52, 56—59, 71, 81, 82, 86, 89, 90, 95, 96, 107—110, 112, 115—118, 122—124, 130, 132—141, 150—153, 162—165, 167, 200, 205, 206, 208, 211, 214, 219, 245, 269, 270, 272, 274, 310, 311
- Рост, П. А. — агент Конфедерации в Европе — 29, 48, 49
- Сакен, Остин — русский консул в Нью-Йорке — 301
- Сеймур, Горацио — губернатор Нью-Йорка — 188, 293
- Сесиль, Роберт-Тальбо-Гасконь, лорд — английский консерватор — 270, 271
- Слайдель, Джон — эмиссар Конфедерации в Париже — 61, 68, 69, 84, 86, 94—96, 108, 109, 116, 119, 123, 124, 129, 133, 137, 154, 168, 169, 203, 204, 209, 210, 265, 266, 272, 273, 307, 313
- Смит — бостонский купец — 308
- Смит, Голдвин — английский историк и политический деятель — 82, 112, 197
- Смит, Джеррит — аболиционист — 113
- Сомнер, Чарльз — радикальный республиканец США — 20, 29, 34, 53, 69, 81, 82, 85, 88, 112, 113, 132, 183, 187, 188, 195, 202, 208, 274, 283, 284, 312
- Спенс, Джеймс — английский торговец — 269, 271
- Сталин, Иосиф Виссарионович — 151
- Стекль, Эдуард, барон — посланник России в Вашингтоне — 11, 12, 18, 22—32, 34—39, 41, 44—47, 56, 61, 62, 64—67, 78, 98, 103, 110, 111, 123, 134, 135, 154, 155, 158, 160, 161, 163, 167—169, 173, 174, 181, 184, 205, 210—212, 214, 215, 218, 219, 221, 222, 225, 240, 259, 260, 262, 280, 284, 285, 295, 296, 300, 302—304, 313—316
- Стефенс (Stephens), Александр — вице-президент Конфедерации — 51, 121, 313
- Стивенс (Stevens), Тадеус — радикальный республиканец США — 113, 183, 187, 195, 201
- Стюарт, Вильям — секретарь английского посольства в Вашингтоне — 123, 130, 132, 137, 141, 158, 164, 166
- Суттон, Роберт — негр, капрал армии северян — 196
- Сьюард, Вильям-Генри — статс-секретарь США — 13, 20, 24—31, 35, 39—47, 49—56, 59, 61—67, 74—79, 81, 85—87, 89, 97, 99, 101—103, 109—111, 113, 114, 116, 123, 125—133, 141, 145, 152, 156, 159—161, 169—171, 173—175, 182, 185, 187—190, 198, 199, 201, 202, 207—219, 221, 222, 224, 227—230, 236—239, 262, 266, 269, 272, 274, 275, 279—281, 284, 301, 307—309, 312, 313, 315

Сьюард, Фред — сын предыдущего — 230

Таруэль — французский консул в Ричмонде — 203

Татищев — историк — 14, 15

Тейлор, Байард — секретарь по-сольства США в Петербурге — 155—161, 169, 170, 173—175, 212—222, 302, 303

Толстой — русский дипломат — 62

Трелльяр — французский дипломат — 312

Тувенель, Эдуард-Антуан — французский министр иностранных дел — 22, 25, 26, 48, 54, 58, 62, 71, 96, 108—110, 116, 117, 119, 133, 137

Турчанинов — б. русский офицер, командир полка федеральной армии — 222

Уайт — английский либерал — 82

Убри, Павел Петрович — русский поверенный в Париже — 154, 161

Уид, Турлоу — политический деятель США — 53, 75, 228, 230

Уилькс — адмирал США — 68—72, 81, 84, 86, 268, 295

Унковский — русский адмирал — 253, 258

Уокер — лидер сецессионистов — 33

Уолбридж — генерал США — 287, 289, 296

Уэльс — секретарь по морским делам — 59, 262

Фарго, Вильям-Джордж — американский капиталист — 287

Фаррагут — адмирал США — 230, 287

Фаукнер — посол США в Париже — 25

Фергюссон — английский политический деятель — 58, 272

Филд — американец — 232

Филиппс, Вендель — аболиционист — 113

Фильд, Давид — юрист США — 287

Фильд, Джонсон — юрист США — 287

Флао, Огюст-Шарль-Жозеф, граф — французский дипломат — 96

Флит — генерал США — 287

Флойд, Джон-Бьюкенен — генерал Конфедерации — 176

Фокс, Густав-Ваза — помощник морского министра США — 316

Фоллет, Генри — 230

Фолькнер, Ч. Д. — посол США в Париже — 25

Форстер, Вильям-Эдуард — английский либерал — 82, 106, 112, 120, 121, 149, 208, 268, 270

Фремонт, Джон-Чарльз — генерал Федерации, республиканец — 111, 189, 228, 310

Фульд, Ашиль — французский банкир и политический деятель — 108

Хейл — президент муниципалитета Бостона — 308

Хелприн, М. — американец — 308

Хуарес, Карло-Бенито — вождь мексиканских либералов, президент республики — 60, 97, 307

Чебышев — русский морской офицер — 247

Чейз, Соломон — министр финансов США, республиканец — 51, 86, 189, 190, 225, 284

Чепин — банкир США — 287

Чернышевский, Николай Гаврилович — русский писатель, революционер, демократ — 12, 24, 25, 68, 72, 90, 91, 283, 291

Шелгунов — русский публицист — 12

Шерман, Вильям — генерал Федерации — 309, 313, 315

Шестаков, И. А. — русский контр-адмирал — 253, 255

Шлейден, Рудольф — бременский посланник в Вашингтоне — 29, 51—53, 74, 86, 211, 215

Шрёсбери, граф — 88

Шурц, Карл — посол США в Мадриде — 113, 131

Энгельс, Фридрих — 9, 11, 16, 21, 23, 33, 34, 48, 54, 59, 60, 68—70, 79—81, 83—88, 91—95, 104, 106, 109, 111, 112, 117, 123, 142—150, 165, 166, 172, 176, 182, 184—186, 192, 195, 199, 200, 226, 270, 309—311, 315

Эрлангер — немецкий банкир — 209

Янси, Вильям — агент Конфедерации в Лондоне — 29, 48, 49, 84

Отв. редактор М. И. Кантор. Техн. редактор П. С. Смирнов.
Корректор Г. А. Лучинский, Переплет по рисунку худ. А. А. Ушина.

Сдано в набор 15/V 1959 г. Подписано к печати 1/VIII 1959 г. Леноблгормит № 3622. Союзкиз № 1684. Тираж 10 000 экз. Объем 22,15 уч.-изд. л., 20³/₄ п. л., 10³/₈ бум. л. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Тип. зн. в 1 бум. л. 85 720. Бумага Красновишерского бумкомбината.

Цена книги 5 р. П р е п л е т 2 р.

2 типография ОГНЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» имени А. М. Горького, Ленинград. Гатчинская, 26. Заказ № 1059.

